

ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

Николай
Борисов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Николай Борисов

ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2016

(1816)

Николай Борисов

ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

УДК 94(47)(092)“14”
ББК 63.3(2)43-8
Б 82

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04348-0

© Борисов Н. С., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек учится понимать окружающий мир на протяжении всей своей жизни. Сегодня в этом ему помогают разного рода общественные институты — детский сад, школа, колледж, университет. В средневековой Руси главным инструментом социализации человека была семья. Родители объясняли ребенку, как следует вести себя в той или иной ситуации. Кроме общих указаний отец учил сына своему ремеслу, а мать наставляла дочь в ведении домашнего хозяйства. Так жил весь мир. Так жили в избе и в княжеском дворце. Разумеется, общественное положение конкретного человека вносило в эту схему некоторые коррективы. Но суть оставалась та же. Князья учили сыновей тому, что принято сегодня называть политикой. Прочие умения — от верховой езды до обращения с женщиной — преподавали слуги. Юный княжич мог учиться политике и у деда. Но деды в ту тревожную пору редко доживали до внуков. Став самостоятельным правителем, молодой князь подхватывал те бразды власти, которым учил его отец. Все определяла традиция. Правители-новаторы, изобретатели новой политики, встречались в Древней Руси крайне редко.

Исходя из данных аксиом, автор этих строк начинал свою книгу о «государе всея Руси» Иване III с рассказа о драматической судьбе его отца, Василия II Темного*. Отец

* *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000 (серия «ЖЗЛ»). Надо признать, что за прошедшие годы наши представления об отце Ивана III, Василии Темном, и его эпохе мало изменились. А потому мы посчитали возможным использовать в настоящей биографии фрагменты нашей книги «Иван III» (с необходимыми поправками и дополнениями). Кроме того, представляя читателю исторических деятелей и политические центры тогдашней Руси, автор в некоторых случаях использовал тексты из своей книги «Возвышение Москвы» (М.: Русский мир, 2011).

заложил фундамент, на котором сын построил единое Русское государство.

Теперь мы считаем необходимым предпослать биографии Василия Темного краткое жизнеописание его отца Василия I. Этот правитель не понят и недооценен в нашей исторической памяти. Его 35-летнее правление обычно представляется скучной интермедией между героической эпохой Дмитрия Донского и московской усобицей второй четверти XV века. Но это совсем не так...

«О делах нужно судить, принимая во внимание обстоятельства», — говорил Плутарх (61, 149*). Восемнадцатилетний Василий I принял Москву после кончины отца в тяжелых политических обстоятельствах.

Объединение Литвы и Польши под властью польского короля Владислава в 1385 году (Кревская уния) создало на западной границе Московского княжества обширное государство, официальной религией которого стало католичество. Однако новая держава была внутренне хрупкой. Не все потомки Гедимина признали верховную власть короля Владислава (до крещения — великого князя Литовского Ягайло).

Политические противоречия усугублялись религиозными. Большинство населения Великого княжества Литовского составляли восточные славяне — потомки жителей Киевской Руси и предки современных русских, украинцев и белорусов. Со времен Владимира Святого они исповедовали христианство в его православном варианте. Предводителем литовских «сепаратистов» стал великий князь Литовский Витовт, принявший католичество, но терпимо относившийся к православию. Это был правитель широкого размаха. Он мечтал не только вернуть Литве независимость от Польши, но также, используя объединенную мощь Литвы и Польши, подчинить себе западные и северо-западные русские земли. В конечном счете Русь, Литва и Польша должны были слиться в единое государство, способное разгромить Орду. Однако путь к этой цели был долгим и извилистым. Он изобилдовал политическими интригами и временными союзами.

Насколько реальными были претензии литовских князей выступать в роли объединителей русских земель? Да и

* Первая цифра в скобках означает номер издания в списке источников и литературы, помещенном в конце книги. Вторая цифра — номер страницы.

были ли у них такие претензии? Об этом историки судят по-разному (84, 28).

Грандиозные движения происходили и в Степи. На смену Орде Магая пришла Орда Тохтамыша. Она была способна наносить мощные удары не только по Литве и Руси, но и по огромной армии нового Чингисхана — среднеазиатского завоевателя Тимура.

В этой сложной обстановке Василий I должен был проявлять политическую гибкость. В отличие от своего знаменитого отца Дмитрия Донского, Василий избегал рискованных предприятий. На правах зятя великого князя Литовского Витовта (мужа его дочери Софьи) он часто встречался с тестем. Ради стратегических целей Василий умел жертвовать тактическими. Он уступил Витовту Смоленск, но твердо встал за Новгород и Псков. Благодаря гибкой дипломатии, сочетавшей готовность к войне с умением найти путь к миру, Василий не допустил завоевательного продвижения Литвы к верховьям Оки.

Залогом успешной политики был холодный расчет. Василий уклонился от участия в войне Литвы и Польши с немецким Тевтонским Орденом и не дал своих полков Витовту для участия в Грюнвальдской битве (1410 год). Равным образом он не оставил своего следа в борьбе между Литвой и Ордой.

Великая княгиня Софья Витовтовна поддерживала Василия в этой семейной дипломатии. Отправляясь на встречи с отцом, она брала с собой внуков, присутствие которых должно было смягчить сердце старого воителя. Собственных сыновей Витовт не имел.

Эта стратегия позволила Василию не только сохранить полученные по наследству отцовские земли, но также сделать большой шаг в дальнейшем собирании русских земель — наследственной задаче московских князей. Улучив момент, когда Тохтамыш был занят подготовкой к большой войне с Тимуром, Василий купил у него ярлык на Суздальско-Нижегородское княжество, а также Тарусу, Муромское княжество и земли Мещоры. По значению для Московского государства это приобретение можно сравнить с присоединением Новгорода при Иване III.

Источники не сообщают, какую цену уплатил Василий Тохтамышу за ярлык на эти земли. Скорее всего, речь шла о больших деньгах. И можно только удивляться, откуда в разоренной нашествием Тохтамыша Северо-Восточной Руси, незадолго перед тем уплатившей огромный ордынский «выход», нашлись такие средства...

Всякое приобретение имеет свою цену. Взяв Нижний Новгород, Василий I получил много людей и денег. Но он получил также и длительную борьбу с лишившимися своих уделов нижегородскими и суздальскими князьями.

Незаметный в жизни, Василий I не оставил яркого следа и в летописях. Он умер так же тихо, как и жил. Но Москва долго поминала его благотворную тишину. Василий умел ладить с церковью и не допускал открытой распри с братьями. Его сын и внук морили родичей в тюрьмах и травили их ядом. Василий не позволял себе греха братоубийства. В целом это был богобоязненный и добродетельный правитель.

Сын Василия I, Василий II Темный, хотел быть похожим на отца. Но судьба его сложилась совершенно иначе. Обстоятельства изменились, а вместе с ними изменились и люди...

* * *

Среди темных преданий Московской Руси одно выделяется своей жуткой достоверностью. Это история о кровавой распре между внуками Дмитрия Донского. Целых 28 лет сокрушительных ударов меча, яростных криков и похоронного звона. Забыв о заветах Сергия Радонежского, русские люди с ожесточением и даже каким-то наслаждением убивали друг друга. Каждый сражался ради своей «правды». Это была борьба не на жизнь, а на смерть. И только мрачные своды Архангельского собора — фамильной усыпальницы потомков Калиты — примиряли непримиримых в жизни искателей «правды».

В центре этой роковой схватки, едва не погубившей кропотливый труд четырех поколений московских «собирателей Руси», высится мрачная фигура Василия Темного. Достоин ли этот полу-герой — полу-злодей если не почтения, то хотя бы внимания потомков? Вместо ответа напомним читателю суждение Т. Карлейля: «Биографии всех выдающихся людей, нравственны ли они или безнравственны, заслуживают быть написанными» (74, 62).

Память о московской усабице кованым гвоздем вбита в стену российской государственности. Здесь покаяние встречается с предупреждением. Образ государя, глаза которого скрывает черная повязка, стал символом высокой цены, которую платят власть имущие за свою исключительность...

Часть первая

ОТЕЦ

Глава 1

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Дмитрий Донской за свою 38-летнюю жизнь стал отцом восьмерых сыновей и четырех дочерей. Жена Дмитрия, княгиня Евдокия Дмитриевна, происходила из Суздальского княжеского дома. Ее потомство призвано было утвердить союз Москвы и Суздаля, наметившийся еще во времена Ивана Калиты, но так и не сложившийся в тревожные годы «великого мора» и литовских нашествий.

Занятый грандиозными замыслами, Дмитрий Донской, должно быть, не помнил в точности дни рождения и семейные прозвища своих многочисленных детей. Но история, этот великий спектакль на сцене нашей памяти, требует списка действующих лиц. А потому представим читателю весь перечень большого семейства Дмитрия Донского.

Отец Дмитрия московский князь Иван Красный умер в возрасте тридцати трех лет. Он имел двух сыновей (Дмитрия Донского и умершего в малолетстве Ивана) и двух дочерей — Любовь и Анну. Первая вышла замуж за литовского князя Кориада Гедиминовича, вторая стала второй женой знаменитого воеводы князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. В начале правления Василия I воевода не поладил с молодым государем и уехал в Литву. Сын Анны и Дмитрия Боброка стал монахом и поселился в Клопском монастыре под Новгородом.

Дмитрий Иванович сыграл свадьбу с Евдокией Суздальской в январе 1366 года. Местом торжества избрана была Коломна — второй по значению город Московского княжества. Такой странный выбор — вне стольных городов жена и невесты — по-видимому, объяснялся просто: в Москве волна за волной прокатывалась чума. Рисковать жизнью ради условностей никто не хотел.

Этот политический брак пятнадцатилетнего внука Ка-

литы и внуки князя Александра Васильевича Суздальского, судя по всему, был устроен митрополитом Алексеем, покровителем Московского княжеского дома. В результате возник своеобразный дуумвират — союз Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Константиновича Суздальского. Тестю в это время было уже за сорок, а зятю — без малого 16 лет. Брак оказался не очень удачным в политическом отношении. Дмитрий Суздальский был весьма посредственным воином и в решающую минуту оставил зятя один на один с Мамаем. Но в семейном отношении суздальская кровь не подвела. Дети пошли рождаться на свет, словно грибы после дождя. Из этого потомства ранняя смерть взяла свою долю. Но и после кончины трех малолеток осталось детей на целое застолье.

Первый сын Донского был наречен Даниилом в честь родоначальника Московского княжеского дома князя Даниила Александровича. Смерть унесла его еще в детстве. Религиозное сознание, привыкшее во всем видеть проявление Божьего промысла, отметило «черную метку» — несчастливое имя Даниила. Дмитрий уже не называл так своих сыновей.

Второй сын Василий — будущий великий князь Московский — родился 30 декабря 1371 года, то есть через пять лет после свадьбы родителей. Его жизнь мы подробнее опишем ниже, а пока продолжим семейную галерею детей Дмитрия Донского.

Третий его сын Юрий появился на свет 26 ноября 1374 года в Переяславле-Залесском (в то время название города писали именно так — Переяславль, а не Переславль, как сейчас). Там осенью 1374 года проходил княжеский съезд, обсуждавший отношения русских князей с Ордой. Стремясь избежать доносов в Орду, князья собрали свой съезд как семейный праздник по случаю рождения у князя Дмитрия Ивановича третьего сына. Ради этой политической цели беременная на последнем месяце княгиня Евдокия отправилась за 130 верст по раскисшим осенним дорогам из Москвы в Переяславль-Залесский. Туда же, в Переяславль-Залесский, пришел по своему обыкновению пешком игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Духовник самого великого князя Дмитрия Ивановича и беспрекословный авторитет для прочих князей, Сергей уважил просьбу Дмитрия и стал крестным отцом нареченного Юрием младенца. Со временем Юрий стал заметной исторической фигурой. Однако заметность его

носила двусмысленный характер. Не желая подчиниться своему десятилетнему племяннику Василию, а более — его властной матери Софье Витовтовне, Юрий в 1425 году поднимет знамя династической войны, опустошавшей страну в течение двенадцати восьми лет.

Около 1370 года у Дмитрия родилась дочь Софья. Источники не сообщают точной даты ее рождения. Об этом можно только догадываться, исходя из того, что в сентябре 1386 года Софья была выдана замуж за князя Федора Рязанского, сына знаменитого Олега Рязанского.

Сестра Софьи Мария 14 июля 1394 года вышла замуж за литовского князя Семена Ольгердовича, более известного под литовским именем Лугвений. Со временем московско-литовские династические союзы станут обычным делом. Но пока это было только начало. В семье Гедимины, а потом и Ольгерда женихов хватало. Симеоновская летопись так перечисляет эту доблестную компанию:

«Сии Олгерд не един сын у своего отца беаше, но инии мнози прочая братия его беаху сынове Гедимонову: Наримант, Олгерд, Евнутеи, Кестутеи, Кориад, Люборт, Монтивит...

В всей же братии своей Олгерд превзыде властью и сном, поне пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и въздержание приобрете себе, крепку думу от сего и мног промысл притяжав, и таковым коварством многы страны и земли повоева и многы грады и княжения поимал за себе, и удержа себе власть велику; тем и умножися княжения его, якоже ни един же от братия его сътвори, ни отец его, ни дед его тако прослыл. Имеаше же 12 сынов, от первыя жены пять, а от другыя, от тферянки семь; беаху сынове Олгердовы: Андреи, Дмитриеи, Костянтин, Володимер, Федор, Гульян, Кирибут, Скиригаило, Ягаило, Свитригаило, Коригаило, Лугвении. Всем же сим грады и княжения раздалъ есть, умирая приказа старейшинство сыну своему Ягаилу, того бо възлюби паче всех сынов своих и того избра в всей братии его; ему же и княжение великое поручи...» (29, 118).

Двенадцатый по счету сын великого князя Литовского Ольгерда, Семен (Лугвений), не имел особых перспектив на своей родине и искал удачи на московской службе. Пять лет спустя Мария Дмитриевна умерла. Ее тело было привезено в Москву из Литвы и погребено в соборе Рождественского монастыря. А ее беспокойный муж еще долго сотрясал Восточную Европу ударами своего меча...

Четвертый сын Дмитрия Ивановича Семен родился неизвестно когда и умер еще ребенком 11 сентября 1379 года.

Пятым из братьев Дмитриевичей стал Андрей. Он родился в грозном для Москвы 1382 году, в страшные дни, когда полчища Тохтамыша уже приближались к Москве. Княгиня Евдокия разрешилась от бремени 14 августа, а меньше чем через две недели, 26 августа, татары захватили Москву, учинили страшный погром и сожгли столицу дотла. Сам Дмитрий Донской уехал в Кострому, оставив город на своих воевод. Это была ошибка, но не трусость. Средневековые войны носили личный характер. Тохтамыш шел на Москву, желая проучить своего зазнавшегося вассала. Отсутствие Дмитрия в Москве могло рассеять гнев хана. Исходя из этого расчета и было принято роковое решение.

Княгиня Евдокия — поистине «железная женщина» русской истории — вырвалась из охваченной мятежом столицы и помчалась вслед за мужем. В Переяславле-Залесском ее едва не схватили разъезды Тохтамыша, однако она ушла от погони и благополучно присоединилась к Дмитрию.

Появившийся на свет при столь драматических обстоятельствах Андрей, повзрослев, оказался весьма миролюбивым человеком. Возможно, именно эта черта характера позволила ему прожить полсотни лет, что было по тем временам большой удачей.

В первые годы брака Дмитрия Донского с Евдокией Суздальской дети рождались едва ли не каждый год. Летописцы даже не всегда считали нужным отмечать появление на свет девочек — будущих знатных невест и верных жен для союзных Москве князей. В этом ряду будущих невест стоит и Анастасия Дмитриевна. Дата ее рождения неизвестна. Исходя из даты замужества — 23 сентября 1397 года, можно предположить, что Анастасия родилась вскоре после Андрея. Московских княжон обычно выдавали замуж рано — в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Такова была установка эпохи. Замешкавшись с браком, девушка рисковала прослыть некрасивой или вообще остаться вековой.

Шестой сын Дмитрия Донского — Петр. Он родился 29 июля 1385 года в тяжелую для Северо-Восточной Руси пору, когда разоренная Тохтамышем страна собирала огромную дань для умиротворения хана. Желая поддержать князя в эту трудную годину, крестным отцом младенца стал преподобный Сергей Радонежский.

Женский ряд детей Дмитрия Донского продолжила Анна Дмитриевна. По каким-то неясным, но, вероятно, вестским соображениям летописец счел нужным отметить дату ее рождения — 8 января 1388 года. Возможно, летописец принял во внимание как генеалогические, так и политические соображения. Муж Анны, князь Юрий Патрикеевич, был внуком основателя литовской династии Гедимина. Их сын Иван со временем станет виднейшим боярином при дворе государя всея Руси Ивана III.

Седьмой сын Дмитрия Донского Иван — весьма загадочная фигура. Летописцы не отмечают дату его рождения. Известно лишь, что он скончался в июле 1393 года. По завещанию Дмитрия Донского Иван получил символический удел — всего лишь две подмосковные волости. Перед кончиной Иван принял монашеский постриг. По-видимому, он был от рождения больным или, может быть, умственно неполноценным. Примечательно, что похоронили его не в княжеском Архангельском соборе, а в притворе кремлевской церкви Спаса на Бору. Там, возле могилы матери Донского, княгини Александры, хоронили высшую московскую знать.

Восьмой и последний сын Донского — Константин. Он родился за четыре дня до смерти отца — 15 мая 1389 года. Константин отличался своенравным характером и за это позднее был лишен удела своим старшим братом великим князем Василием I. Как и брат Иван, Константин не был допущен (или не захотел) лечь рядом со старшими братьями в некрополе Архангельского собора.

* * *

Судьба всякого человека во многом определяется той наследственной матрицей, которую заложили в его духовные и физические кладовые родители. Отец Василия Темного великий князь Московский и Владимирский Василий Дмитриевич не стал исключением из этого вечного закона. Присмотримся к его биографии, следуя сообщениям летописцев и комментариям историков...

(Полезное напоминание: древнерусский год начинался с 1 сентября и исчислялся от Сотворения мира — за 5508 лет до Рождества Христова. Таким образом, 6879 год летописца — время между 1 сентября 1370-го и 31 августа 1371 года. Рождение Василия I по современному календарю произошло 30 декабря 1371 года. По *сентябрьскому* году это будет

6879 год. Изредка летописцы используют *мартовский* год, когда началом года считали 1 марта. Встречаются в древних летописях и *ультрамартовские* датировки, когда год начинался с 1 марта предшествующего года. В наше повествование мы будем давать хронологические справки по мере необходимости.)

Известие о рождении Василия летописец облек традиционной фразой, помещенной в конце годовой статьи 6879 (1371) года: «Тое же зимы месяца декабря 30 родися великому князю Дмитрию Ивановичю сын Василей» (35, 187). Имя Василий (по-гречески «царственный») было очень распространено среди русских князей той эпохи. Оно ставило носителя в один ряд с Владимиром (Василием) Святым, крестителем Руси, и Владимиром (Василием) Мономахом, героем Киевской Руси. Но кроме исторических аллюзий была и прямая подсказка для имянаречения: согласно церковному календарю-месяцеслову, 1 января вспоминали одного из Отцов Церкви — Василия Великого, создателя общежительного монастырского устава.

О детских впечатлениях князя-дитя, а позднее князя-отрока можно только догадываться. Что видел Василий из окошка своего московского терема? Что слышал из тревожных разговоров родителей и бояр? Вечные происки заклятого врага Москвы князя Михаила Тверского... Большая война с Тверью в 1375 году... Война с Ордой, затеянная великим князем Дмитрием Ивановичем в 1374-м... Рождение и смерть братьев и сестер в московском дворце... Но самое увлекательное, самое волнующее детское воображение — чудеса в природе, черные пятна на солнце, небывалая засуха, когда горели леса и птицы падали замертво в удушливом тумане. А еще всполошный колокольный звон и чудесные исцеления недужных у гроба московского чудотворца митрополита Петра...

Прошел возраст княжеских постригов — три года. Этому древнему обычаю посажения на коня и срезанию пряди волос всё еще следовали в некоторых княжеских семьях. Но Москва, столица русских митрополитов, опасливо сторонилась полуязыческого обряда.

Пришел и другой важный возраст — семь лет. Но тут уже было не до торжеств. Летом 1377 года татары разгромили русских князей на реке Пьяне и сожгли Нижний Новгород. Беда приближалась к Москве.

«Татарове же одолевше христианом, и стаха на костех, полон весь и грабеж оставиша ту, а сами поидоша к Нову-

городу к Нижнему изгоном без вести. Князю же Дмитрею Костянтиновичю не бысть силы стати противу их на бои, но побежа в Суждаль, а люди горожане новгородстии разбежашася в судех по Волзе к Городцу. Татарове же приидоша к Новугороду к Нижнему месяца августа в 5 день <...> останочных людей и горожан избшиша, а град весь и церкви и монастыри пожгоша; изгорело церкви в граде 32. Отъидоша же погании от града в пятницу иноплеменици, волости Новгородстии воюючи, а села жгучи, и множество людей посекоша, а жены и дети и девицы в полон без числа поведоша» (29, 119).

Дуумвират Дмитрия Суздальского и Дмитрия Московского дал трещину. Проснулся давний страх перед Ордой. Но великий князь Дмитрий Иванович, не дождавшись помощи тестя, разбил степняков на реке Воже, между Коломной и Рязанью. Многие увидели здесь Божий промысел: победа пришла незадолго до праздника Успения Божией Матери, 12 августа 1378 года.

«Того же лета ординский князь, поганыи Мамаи събрав воя многы, и посла Бегича ратью на князя великаго Дмитрея Ивановичя и на всю землю Русскую. Се же слышав князь великий Дмитрей Ивановичь, събрав воя многы и поиде противу их в силе тяжце, и переехав за Оку, вниде в землю Рязаньскую. И сretoшася с татары у реки у Вожи» (29, 126—127).

Победа на Воже воодушевляла. Но самое страшное было впереди. Черной тучей поднялась Степь и пошла на Русь жарким летом 1380 года.

«Того же лета безбожнии и злочестивии ордынскыи поганыи Мамаи, събрав рати многы и всю землю Половецкую и Татарскую, и рати понаимовав, фрязы и черкасы и ясы, и с всеми поиде на великаго князя Дмитрия Ивановичя и на всю землю Русскую» (29, 129).

Летописи и сказания не сообщают, где была семья великого князя Дмитрия Ивановича во время Куликовской битвы. Но едва ли он оставил их в Москве. Опасность была слишком близка... А если неудача? Тогда лавина Мамаевой конницы за два дня домчит до Москвы и опустошит всю Московскую землю...

Лучшим убежищем для княжеской семьи была Кострома. Этот город входил в состав великого княжения Владимирского. Там сидели московские наместники. Но главное — из Костромы можно было уйти вверх по реке Костроме на Сухону, в глухие вологодские леса, куда не люби-

ли заходить степные всадники. В Кострому два года спустя Дмитрий Иванович уйдет от Тохтамыша. Сюда же, вероятно, отправил он свою семью и во время войны с Мамаем.

Но бежать на этот раз не пришлось. Куликовская битва громыхнула великой победой. На всю жизнь Василия запомнил оглушительный колокольный звон, которым Москва встречала победоносных ратников Куликова поля. В триумфе Дмитрия несли богатые трофеи из стана Мамаю.

«И възвратися отгуду на Москву в свою отчину с победою великою, одоле ратным, победив врагы своя. И мнози вои его възрадовашася, яко обретающи корысть многу: погна бо с собою многа стада, кони и вельблуды, и волы, имже несть числа, и доспехы, и порты, и товарь» (29, 130).

Прошло два года. Два года свободы, за которые пришлось расплачиваться ужасом нового нашествия — теперь Тохтамыша.

«И се прииде ему весть, что идет некий царь с востока, именем Тактамышь, из Синие орды. Мамаи же, еже уготова на нь рать, с тою ратью готовую поиде противу его, и сретошася на Калкахъ. Мамаевы же князи, сшедше с конев своих, и биша челом царю Тактамышю, и даша ему правду по своей вере, и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамаю оставиша, яко поругана. Мамаи же, то видев, и скоро побежав с своими думцами и с единомысленики. Царь же Токтамышь посла за ним в погоню воя своя и убиша Мамаю, а сам шед взя орду Мамаеву и царици его и казны его, и улус весь поима, и богатство Мамаево взя, раздели дружине своей» (29, 130).

«Князь же великий Дмитрий Ивановичь, то слышав, что сам царь идет на него с всею силою своею, не ста на бои, ни противу его поднял руки, противу царя Тахтамышя, но поеха в свои град на Кострому. Царь же, перешед реку Оку, и преже всех взя град Серпехов и огнем пожже и (его. — *Н. Б.*), и отгуду поиде к Москве» (29, 132).

Летом 1382 года князь Дмитрий спас себя и свою семью, но спасти Москву он не сумел. Разгром был ужасающим. Но вопреки ожиданиям врагов Москвы Тохтамыш не стал тасовать карты и сохранил за Дмитрием не только Москву, но и великое княжение Владимирское. Ценой примирения стала не только огромная дань, которую Русь заплатила Тохтамышу, но и жизнь старших сыновей главных русских

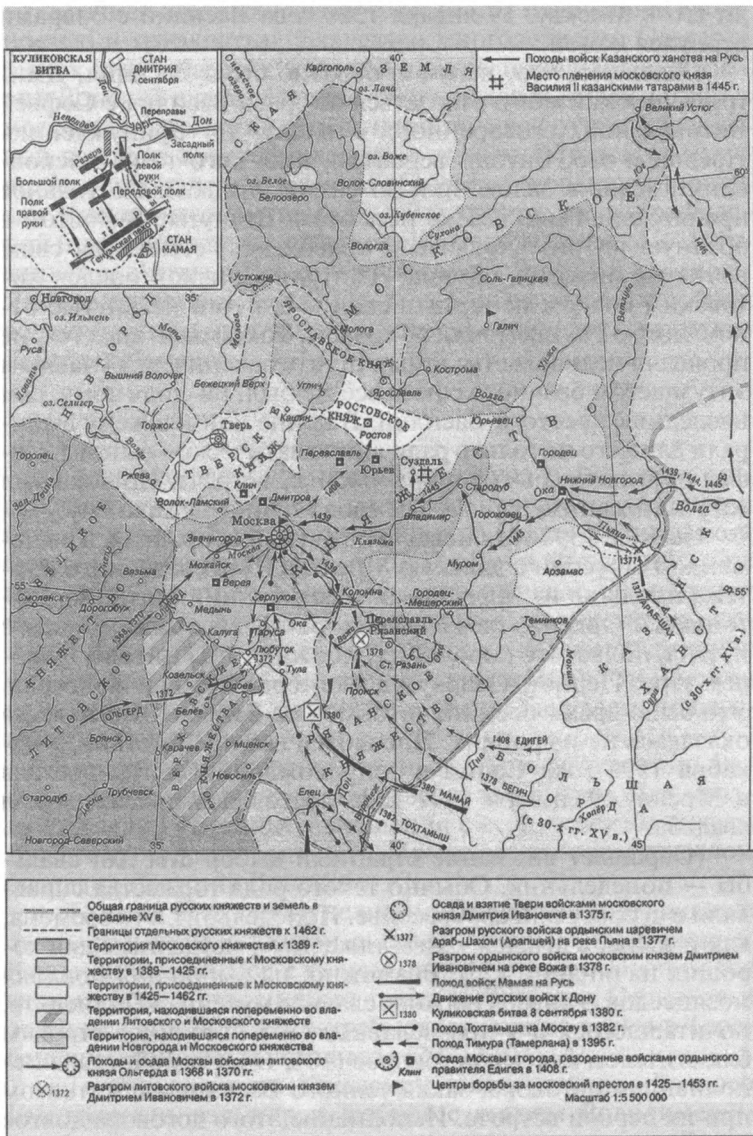
князей. Им велено было явиться в Орду и жить там при ханском дворе до особого распоряжения. В случае неповиновения князей их сыновей ожидала казнь.

Три долгих года провел отрок Василий Московский и его товарищи по несчастью Василий Кирдяпа Суздальский и Федор Рязанский в Орде. За это время Василий не только выучился говорить на языке степняков, но и узнал их быт и нравы, усвоил их военное искусство. Конечно, жизнь в Орде в качестве заложника была полна угроз и унижений. Но привычка и опыт смягчили остроту переживаний. Василий близко познакомился с влиятельными фигурами ханского двора и самим Тохтамышем. Эти знакомства помогли ему бежать из Орды, а позднее, уже в качестве великого князя Московского и Владимирского, — успешно вести дела в Орде.

Прошло три года (1383—1386), и русские княжичи-заложники, рискуя головой, бежали из Орды. В истории этого побега много неясного. (Как тут не вспомнить другой побег: князя Игоря из половецкого плена?!) Была ли между заложниками предварительная договоренность? Как могли отнестись к побегу их отцы — Дмитрий Донской, Олег Рязанский и Дмитрий Суздальский? Принял ли хан какие-то меры для их розыска? Наконец, какие распоряжения в этой связи были даны ханом отцам беглецов? Кто сопровождал беглецов в их предприятии? Вопросов много, но ответ один — неизвестность. Разночтения летописей еще сильнее запутывают дело. Вот самые общие контуры событий.

Наследник московского престола Василий ушел из Орды степями на запад, во владения валашского правителя Петра Мушата. Оттуда беглец и сопровождавший его боярин перебрались в Литву (по другим источникам — «в немецкую землю»), где они попали в руки литовского князя-изгнанника Витовта. Тот увидел пользу для себя в том, чтобы породниться с Москвой путем брака княжича Василия со своей дочерью Софьей. Василий не мог решиться на такое серьезное дело без благословения родителей. Литовские гонцы поспешили в Москву. Опасаясь за жизнь сына, княгиня Евдокия уговорила мужа дать свое согласие. Скорые гонцы привезли в Литву ответ князя Дмитрия — родительское благословение на брак Василия и Софьи.

Дело сладилось. Московские бояре поехали на встречу к Витовту. Там, «в немецкой земле», в рыцарском замке Мальборке, они встретили наследника Василия и проводи-

Возвышение Московского княжества. Середина XIV — середина XV в.

ли его в Москву. 19 января 1388 года Василий с боярами вернулся домой.

Очевидно, что, получив обратно сына Василия, Дмитрий Донской мог и отказаться от брака Василия с Софьей Витовтовной, сговоренного в плену, по принуждению. Предвидя это, Витовт, вероятно, взял кого-то из московских послов в заложники до самой свадьбы. Но главное препятствие было всё же не в этом. Втянутые Витовтом в брачную интригу правители колебались, отыскивая свою выгоду и опасаясь обмана. Дмитрий Донской боялся литовским браком испортить свои и без того натянутые отношения с Тохтамышем. (Впрочем, Тохтамыш, кажется, не проявлял недовольства этими приготовлениями.) Главным энтузиастом брачного союза всё же был, по-видимому, сам наследник престола Василий. В конце концов жену выбрали для него не только ради дипломатической выгоды. Софья приглянулась ему при первой же встрече. Но пока был жив отец жениха, решающее слово принадлежало ему.

Осенью 1390 года невеста со свитой отправилась из немецкой Пруссии в далекую Москву. Путь свадебного кортежа пролегал из Мальборка — резиденции магистра Тевтонского Ордена, где, спасаясь от преследований своего кузена, польского короля Ягайло, жил тогда Витовт, — морем через Пернов и Нарву и далее через Псков и Новгород. Это было время осенних штормов на Балтике. Но невеста оказалась не из робких. Преодолев все препятствия, 1 декабря 1390 года Софья в сопровождении свиты въехала в Москву. 9 января 1391 года состоялась долгожданная свадьба.

(Обращает внимание странный выбор дня для свадьбы — понедельник. Обычно такого рода торжества справляли в субботу или воскресенье. Понедельник в те времена, как и ныне, считался «днем тяжелым», неудачным для хороших начинаний (56). Возможно, на выбор дня повлиял месяцеслов. 9 января церковь славил мученика Полиевкта, почитавшегося и у православных, и у католиков строгим блюстителем клятв и договоров (101, 16). Свадьба стала исполнением договора, заключенного Василием с Витовтом при их первой встрече. Исполнение этого договора долгое время было под угрозой. Но теперь всё исполнилось, и обет мученику Полиевкту был наконец выполнен.)

Источники весьма сбивчиво и противоречиво излагают историю женитьбы Василия. Соответственно, историки по-разному выстраивают ход событий (114, 78).

Брачные проекты правителей всегда отличались сложностью и хрупкостью. Благодаря многодетности Ольгерда рынок титулованных женихов сильно пополнился. Дмитрий Донской еще в середине 1380-х годов пытался наладить московско-литовский династический союз путем брака одной из своих дочерей с великим князем Литовским Ягайло Ольгердовичем. Однако долгие переговоры окончились для Москвы полным провалом. В искусстве матримониальной интриги поляки оказались сильнее «московитов». Объединение Литвы и Польши путем брака Ягайло и королевы Ядвиги представляло для Польши больше выгод, чем брак великого князя Литовского с дочерью «ханского улусника» Дмитрия Донского.

* * *

После кончины Дмитрия Ивановича в 1389 году московская политика делает поворот в сторону сближения с Ордой. В этом было много личного. После Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша Дмитрий Донской уже не мог лично являться в Орду. Там его ожидало по меньшей мере унижение, а скорее — прямая расправа вроде той, которой подверглись когда-то в ставке хана Узбека тверские князья. Василий был свободен от этих страхов. Он никогда не поднимал меч на ордынцев и всегда был верноподданным правящего хана.

Взойдя на московский трон, восемнадцатилетний Василий принял за устройство своего княжества. Для начала он уладил семейные отношения с серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым, обиженным разделом наследия Дмитрия Донского.

«Того же лета князю великому Василию Дмитриевичю бысть розмирие с князем с Володимером Андреевичемъ. Князь же Володимер с сыном своим с князем Иваном и с своими бояры старейшими поеха в свои град Серпохов и оттуду в Торжок, и тамо пребысть неколико время в Тербенском, дондеже умиришася» (29, 139).

«Тое же зимы по Крещении князь великийи Василей Дмитриевичь взя мир и любовь с князем Володимером Андреевичем и удели ему неколико городов, вда ему Волок да Ржеву» (29, 139).

Незадолго до кончины Дмитрий Донской отнял у кузена два города с волостями — Дмитров и Галич Костромской. Причины этой немилости остаются неизвестными. Но Ва-

силий понимал, что он должен как можно скорее урвать рану, нанесенную самолюбивому Владимиру Храброму. Теперь вдобавок к своему прежнему уделу Владимир получил от молодого великого князя два «жирных куска» — Волок и Ржеву. Это был рискованный шаг со стороны Василия: обе крепости находились близ границы с Литвой. Владимир Серпуховской был женат на дочери Ольгерда и имел широкие связи в Литве. В принципе он вполне мог сыграть роль мятежника в Московском правящем доме. Но будущее показало, что единственным мотивом возмущения и резких движений Владимира Серпуховского было задетое самолюбие. Об измене московскому делу речи не шло.

Другой больной вопрос, доставшийся Василию из политического наследия отца — смута на митрополии. Как все харизматические лидеры, герой Куликова поля ощущал личную связь с небесными силами и потому позволял себе произвол в отношении иерархов. Он вмешивался в церковные дела, желая иметь на кафедре митрополита Киевского и всея Руси своего ставленника. Своих людей пытались провести на кафедру и Литва, и Константинополь. Василий решил пойти на уступки в этом вопросе и сделать шаг навстречу своему тестю Витовту. Он принял на московскую кафедру литовского ставленника болгарина по происхождению и византийца по службе Киприана. Так, отступая и наступая, начал он свой путь «великого князя всея Руси» — как гордо именовал себя Василий I в отношениях с Великим Новгородом.

Глава 2

СУЗДАЛЬСКИЕ СПОРЫ

Имя старинного, а ныне туристического городка Суздаля знают все. Многие бывали там на экскурсиях или в одиночных путешествиях. Огромная мощенная булыжником площадь... Торговые ряды... Сувенирные лавки... Царапающие небо колокольни... Всё привычно и знакомо. Но историю Суздаля знают немногие. А между тем этот прятный городок мог стать столицей Руси, мог подчинить себе всю Северо-Восточную Русь. Мог, но не стал, не подчинил... Судьба и какое-то историческое невезение. Впрочем, Суздаль вполне доволен и своим нынешним положением. Тишина, чистый воздух, покой глубокой провинции... И всё же взгляды в прошлое Суздаля. Оно того заслуживает.

Суздальско-Нижегородское княжество на исторической карте напоминает цифру 8. Два кружочка, маленький и большой, связанные узкой перемычкой. Маленький — Суздальское княжество, большой — Нижегородское. Такую причудливую фигуру нарисовала история.

Самым могущественным суздальским князем XIV столетия был дед Василия I по линии матери Дмитрий Константинович. Породнившись с московской династией в результате брака дочери Евдокии с Дмитрием Московским, Дмитрий Константинович получил большие политические возможности. Однако по-настоящему воспользоваться этими возможностями он так и не сумел.

За свою долгую жизнь (1324—1385) Дмитрий Константинович имел возможность в полной мере проявить как свои достоинства, так и свои недостатки. Последних, к сожалению, оказалось больше...

Наиболее заметной чертой его характера было непомерное честолюбие. Он явно переоценивал как свои собственные возможности, так и возможности своего княжества. За ошибки правителя расплачиваться приходилось его подданным...

Честолюбие князя Дмитрия подогрели его рано повзрослевшие сыновья — Василий Кирдяпа, Иван и Семен.

«Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», — говорил Павел Флоренский (116, 26). Уникальное прозвище старшего сына Дмитрия Константиновича — Кирдяпа — до сих пор не имело убедительного истолкования. В древнерусском языке такого слова нет, как нет другого такого имени и в тогдашней ономастике. На наш взгляд, прозвище Кирдяпа, полученное князем при жизни, происходит от тюркского корня «кир» — «грязь». Кирдяпа — русская обработка тюркского корня с помощью суффикса «дя» и окончания «па». Пример словообразования с помощью суффикса «дя»: трудиться — трудяга, бродить — бродяга. Имя Кирдяпа в значении «грязный», «покрытый грязью», «грязнуля» явилось в результате взаимодействия русского и тюркского языков и носит насмешливый, уничижительный характер. Подобное прозвище вполне в духе русского языка. Например — Горбатый, Брюхатый, Ушатый. Прямая аналогия — известный опричник Ивана Грозного Василий Грязной и его родня.

В письменных источниках XIV—XV веков встречается много тюркских имен, так или иначе вросших в русскую историю и русский язык. Так, например, история гибели в

Орде князя Михаила Тверского в 1318 году откроется новой гранью, если учесть, что имя главного злодея и клеветника, виновника гибели святого князя — Кавгадый. Это имя явно происходит от тюркского слова «кавга» — «смутьян», «баламут». Носил ли это имя (прозвище?) ордынский воевода с рождения или оно дано ему в связи с историей Михаила Тверского?

Известно, что язык — своего рода исторический источник. Давний спор о том, что представляло собой в повседневности татаро-монгольское иго, может стать чуть более предметным, если посмотреть на дело с той, ордынской стороны. При всей уязвимости этого источника — сколько веков прошло, сколько языков смешалось! — он всё же может порадовать историка, стесненного узостью источниковой базы.

Но вернемся к князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Небывалая удача его дяди Александра Васильевича, ставшего вдруг великим князем Владимирским в 1329 году, быстрый рост Нижнего Новгорода при князьях Константине Васильевиче и Андрее Константиновиче вскружили ему голову. Подобно тверским князьям, он был слишком самоуверен. Это качество сводило на нет даже те скромные таланты, которыми он обладал. И судьба не замедлила преподать ему жестокие уроки.

Ввязавшись в тяжбу с Москвой за великое княжение Владимирское (1360—1364), он вышел из этого спора безо всякого успеха и с сильно подмоченной репутацией.

Вскоре выяснилось, что даже младший брат Борис не боится Дмитрия и не признаёт за ним права старшинства. После кончины князя Андрея Константиновича в 1365 году Борис стремительным набегом захватил Нижний Новгород. Предполагавший торжественно занять старший стол Дмитрий вместе с матерью, княгиней Анной, суздальским владыкой и большой свитой оказался перед закрытыми городскими воротами. Более глупого и унижительного положения трудно было вообразить.

Не решившись брать штурмом собственную столицу, сорокалетний Дмитрий Константинович вступил на путь переговоров. Вначале он отправил своих сыновей Василия и Семена к Борису для выяснения его намерений. Намерения оказались просты и состояли в удержании захваченной столицы. Тогда Дмитрий Константинович послал старшего сына Василия Кирдяпу с жалобой на действия Бориса в Орду.

Всё это мало продвигало дело. И тогда Дмитрий Константинович обратился за помощью к своему недавнему сопернику в борьбе за великое княжение Владимирское — пятнадцатилетнему московскому князю Дмитрию Ивановичу.

В Москве в то время решающий голос принадлежал митрополиту Алексею. Это был человек широкого политического кругозора. Он понимал, что силовое вмешательство Москвы в суздальскую уособицу на стороне Дмитрия Константиновича тотчас вызовет жалобу Бориса своему тестю Ольгерду. Дальнейший сценарий развития событий был очевиден. Литовский князь давно соперничал с москвичами и пытался установить свой контроль над киево-брянским, смоленским и новгородско-псковским регионами. Ему было бы очень выгодно посадить своего зятя Бориса в Нижнем Новгороде, в тылу у москвичей. Поэтому он не замедлит прийти на помощь Борису, послав свои полки на Москву как раз в тот момент, когда московские полки будут заняты осадой Нижнего.

Опасаясь такого развития событий, митрополит Алексей решил помочь Дмитрию Константиновичу мирными, церковными средствами. Он послал в Нижний Новгород своих представителей: сначала игуменов Герасима и Павла, а затем — игумена Сергия Радонежского. Взывая к христианской совести Бориса, они убеждали его уступить Нижний Новгород старшему брату. Но Борис был тверд в своем решении. Его не испугала даже угроза интердикта — прекращения богослужения во всем городе.

Не знаем, как Борис мотивировал столь явное попрание традиций старшинства. Возможно, он ссылался на то, что главным городом княжества издавна был Суздаль, и советовал Дмитрию отправиться туда. А может быть, Борис козырял ярлыком на Нижний Новгород, полученным от какого-нибудь очередного ордынского хана.

Исчерпав мирные средства и ославив Бориса как врага церкви, Москва решила, наконец, поддержать Дмитрия Константиновича военной силой. На помощь ему было послано войско, с которым он и подошел к Нижнему Новгороду.

Летописи умалчивают о литовском аспекте этого конфликта. Однако было бы странно думать, что Борис оставил без употребления свой самый сильный козырь. Очевидно, Ольгерд был занят тогда более важными делами и не успел прийти на помощь зятю.

Трезво оценив обстановку, Борис решил, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и ушел в Городец, уступив Нижний Новгород Дмитрию Константиновичу. В Суздале Дмитрий оставил своего старшего сына Василия.

Погрязшие в усобицах ордынские ханы в 60-е годы XIV века ослабили контроль над русскими землями. Московские политики строили в это время смелые планы. Заключив прочный династический союз с Дмитрием Константиновичем, они решали важную стратегическую задачу. Нижний Новгород закрывал подходы к Владимиру и Москве с востока. Через него проходил торный путь в районы Верхнего Поволжья и на Клязьму. Этот город занимал ключевое положение во всем регионе. Его значение в полной мере раскрывалось лишь в условиях ослабления Орды, когда русские князья могли не только заключать оборонительные союзы для отражения грабительских набегов, но и разворачивать систематическое наступление на ордынские улусы в Среднем Поволжье.

К сожалению, источники почти не дают сведений о том, что происходило в это время на территории бывшей Волжской Болгарии. Однако повышенное внимание к этому региону как татарских «царевичей», так и соседних русских князей позволяет думать, что настал час раздела «болгарского наследства». И в этой связи значение Нижнего Новгорода как «последней станции» на пути в Казань резко возрастало.

Князь Дмитрий Константинович не обладал стратегическим мышлением и не ставил перед собой исторических задач. Однако кое-что в этой жизни он понимал правильно. Имея за собой двух братьев-соперников, один из которых был женат на дочери Ольгерда, Дмитрий Константинович нуждался в династическом союзе с Москвой. Он охотно пошел на переговоры с московскими сватами. Дело сладилось. 18 января 1366 года в Коломне была сыграна свадьба пятнадцатилетнего Дмитрия Московского и младшей дочери Дмитрия Константиновича Евдокии. Несколько лет спустя и старшая дочь Дмитрия Константиновича Мария была выдана замуж в Москву, за боярина Николая Васильевича Вельяминова.

Водворившись в Нижнем Новгороде с московской помощью, Дмитрий Константинович вскоре понял, что усидеть на Синичьих горах не менее сложно, чем взобраться на

них. Не только в прямом, но и в переносном смысле город стоял на юру и был открыт всем напастям. Волга была самой большой дорогой Руси. По большой дороге, как известно, гуляет как добро, так и зло.

Первой проблемой, с которой пришлось столкнуться Дмитрию Константиновичу, были бесчинствовавшие на Волге речные пираты — ушкуйники. Этот род пиратства зародился в Великом Новгороде. Привыкнув наживаться за счет грабежа лесных народов Севера, новгородские «удальцы» перенесли этот обычай на Волгу и ее притоки. снаряжением экспедиций занимались новгородские бояре. Летом 1366 года целая флотилия (около двухсот лодок-«ушкуев», в каждой — по 20 головорезов) внезапно появилась под стенами Нижнего. Они разграбили весь нижегородский торг и ушли дальше по Волге так же неожиданно, как и появились. Князь Дмитрий Константинович не сумел защитить свою столицу.

Спустя несколько лет Нижний Новгород вновь подвергся атаке «ушкуйников», которые разграбили город и ушли вниз по Волге. Летописец отмечает, что этой пиратской флотилии удалось дойти до самой Астрахани, где их обманом захватил и уничтожил местный правитель.

Летом 1367 года в нижегородских землях явился другой грабитель — ордынский изгой князь Булат-Темир. Опустошив юго-восточные районы княжества, он двинулся прямо на Нижний. На сей раз Дмитрий Константинович успел призвать на помощь братьев, и общими усилиями они отогнали Булат-Темира обратно в Дикое поле.

С юга и с востока владения нижегородского князя граничили с землями мордвы, волжских болгар и марийцев («горной и луговой черемисы»). Возмущенные теснившей их русской колонизацией, они часто оказывали содействие идущим на Нижний Новгород татарским отрядам. Это, в свою очередь, вызывало карательные операции русских войск. В целом отношения с лесными народами были достаточно напряженными.

Крайне сложной была в эту пору обстановка и в Волжской Болгарии. В 1370 году Дмитрий Константинович, по распоряжению Орды, посылал на болгар войско под началом своего брата Бориса. Этот поход завершился сменой правителей в Волжской Болгарии. Однако обстановка на русско-болгарской границе оставалась тревожной. В 1372 году князь Борис поставил в своих владениях на Суре пограничную крепость Курмыш.

Все эти внешние угрозы заставили князя Дмитрия Константиновича начать строительство в Нижнем Новгороде каменного кремля. Прямым примером для него служила Москва, где в 1367/68 году была построена каменная крепость. Вероятно, митрополит Алексей дал Дмитрию Константиновичу не только полезный совет о постройке крепости, но и мастеров, работавших в Москве.

Под 1372 годом летопись сообщает о закладке Нижегородской крепости. К этому времени у нижегородцев уже имелся некоторый опыт каменного строительства. Годом раньше они поставили каменную церковь Николы на Бечеве.

Строительство крепости шло медленно. Князь Дмитрий Константинович не проявил в этом деле необходимой расторопности и настойчивости. В конечном счете именно отсутствие мощных укреплений и позволило татарам без труда захватить Нижний Новгород в августе 1377 года.

Едва успев поставить первую башню своей новой крепости, Дмитрий Константинович почувствовал себя недосягаемым для врагов. Осенью 1374 года он со всем семейством участвовал в княжеском съезде в Переяславле-Залесском. Поводом для съезда было рождение у Дмитрия Московского сына Юрия. Княгиня Евдокия — дочь Дмитрия Константиновича — принимала поздравления и подарки. Однако под звон серебряных чаш шли доверительные разговоры не только о семейных делах. Дмитрий Московский, которому в ту осень исполнилось 24 года, решил, что настало время подвигов. Пора сбросить власть поганой Орды. Дмитрий призывал князей объединиться для войны с Мамаем.

Известно, что с возрастом человек становится осторожнее. Но коренные черты характера всё же не меняются. Дмитрий Суздальский был человеком переменчивым. Он легко воодушевлялся и так же легко впадал в панику. Под впечатлением достигнутых в Переяславле договоренностей он приказал Василию Кирдяпе перебить стоявший в Нижнем Новгороде татарский отряд. Отныне путь назад был заказан. Татары не простили убийства своих послов.

Месть за убийство ордынских послов была делом чести посланного их хана Абдулы и реального правителя Орды темника Мамай. Кроме того, и сам по себе союз двух Дмитриев, зятя и тестя, вызвал недовольство степняков. Мамай, под властью которого собрались улусы правого бере-

га Волги, решил начать разгром русского дуумвирата с его слабейшего звена — Дмитрия Константиновича. Уже летом 1375 года татары из Мамаевой Орды совершили набег на его столицу — Нижний Новгород. Не взяв крепости, они страшно разорили окрестности и с большим пленом ушли в Орду.

Во время этого набега Дмитрий Суздальский находился далеко от родных пенатов. Верный союзу с Дмитрием Московским, он ходил на Тверь в составе объединенных сил летом 1375 года. Однако полного разгрома Твери не произошло. Хорошо укрепленный князем Михаилом Александровичем город выдержал все приступы союзных войск. Осада затягивалась, наступала дождливая осень. Желая поскорее закончить дело, Дмитрий Московский удовольствовался победным мирным договором, выполнять который Михаил Тверской отнюдь не собирался

* * *

Волжские болгары помогли татарам внезапно напасть на Нижний Новгород. Не надеясь на собственные силы и желая хорошенько припугнуть болгар, Дмитрий Константинович в начале 1376 года обратился за помощью к Дмитрию Московскому. Тот прислал рать под началом опытного воеводы, своего шурина Дмитрия Михайловича Боброка Вольнского. Нижегородские и суздальские полки повели сыновья Дмитрия Константиновича Василий Кирдяпа и Иван. 16 марта союзники подошли к Казани и начали осаду города. После некоторого сопротивления болгарские князья согласились заплатить большой выкуп и признать себя данниками великого князя Московского.

На следующий, 1377 год татары решили нанести новый, сокрушительный удар по Нижнему Новгороду. Некий царевич Арапша из Синей Орды (возможно — по договоренности с Мамаем) двинулся в нижегородские пределы. Князь Дмитрий Суздальский поспешил призвать на помощь московские полки. Дмитрий Московский двинулся на помощь тестю. Однако татары умело использовали свою старую военную хитрость — распространение ложных слухов. Этим способом они убедили Дмитрия Московского, что опасность миновала и Арапша ушел куда-то далеко в степи. Князь вернулся в Москву, оставив, впрочем, в Нижнем своих воевод с полками. Но тут была пущена новая

волна слухов, согласно которым Арапша объявился где-то далеко на юге, на Волчьих водах, в районе современной Самары.

Московские полки не могли долго стоять в чужом для них Нижнем Новгороде. Дмитрий Константинович решил отправить их вместе со своими воинами в погоню за Арапшой. Командовать походом он поручил своему сыну Ивану, призванному из Суздаля...

Этот поход вошел в историю как символ традиционной русской беспечности. Переправившись через реку Пьяну (левый приток Суры), воеводы расположились на отдых, полагая, что татары далеко. Между тем мордовские князья скрытно подвели находившихся неподалеку татар к русскому лагерю. 2 августа 1377 года они напали на растерявшихся русских ратников и учинили кровавое побоище. Многие воины, среди которых был и главнокомандующий — сын Дмитрия Константиновича Иван, утонули в реке Пьяне, пытаясь спастись от погони.

Оставив на месте битвы все трофеи и пленных, татары, не теряя времени, погнали коней к Нижнему Новгороду.

Узнав о происшедшем, князь Дмитрий Константинович бросил город на произвол судьбы и уехал в Суздаль. Вслед за ним из города побежала и вся знать. 5 августа 1377 года татары без особого труда захватили Нижний Новгород, разграбили и подожгли город. По сообщению летописи, в начавшемся страшном пожаре сгорели 32 церкви. Покинув пепелище, татары рассыпались по округе в поисках добычи.

Арапша не собирался долго задерживаться в нижегородских пределах. Его главная добыча, пленные, была товаром «скоропортящимся». Их нужно было кормить, поить и сторожить. «Царевич» торопился поскорее избавиться от этой доуки, продав пленных на ближайшем рынке рабов. Кроме того, Арапша слабо представлял себе возможности русских князей и полагал, что они попытаются атаковать его рассыпавшийся отряд с целью отбить полон и отомстить за поражение.

Уходя на восток, Арапша разорил все русские поселения за рекой Сурой, в землях волжских болгар. Самих болгар он не тронул. Более того, своим походом на русских он по сути дела выполнял их «заказ».

Эти события чрезвычайно ослабили Нижегородское княжество, главным источником силы которого был сам

Нижний Новгород с его многолюдным посадом, купеческими лавками, ремесленными мастерскими и корабельными пристанями.

Татары ушли. Теперь правителям надлежало возвращать жизнь в нормальное русло, извлекать уроки и наказывать виновных. Князь Дмитрий Константинович не проявлял в этом деле никакой инициативы. Летописи молчат о нем в эти страшные времена. Кажется, он просто выжидал в каком-то далеком углу своего княжества. Впрочем, год спустя мы находим его в Городце на Волге, в уделе брата Бориса.

На пепелище Нижнего Новгорода первым приехал из Суздаля наследник престола Василий Кирдяпа. Он послал людей, чтобы отыскать и привезти в город тело младшего брата Ивана, утонувшего в реке Пьяне во время бегства русских полков.

Воспользовавшись разгромом Нижегородского княжества, его соседи мордовские князья решили поживиться тем, что осталось после татар. Они совершили набег и увели множество пленных. Очевидно, татары унесли и увели далеко не всё, чем наполнилась Нижегородская земля в годы ее благоденствия.

В ответ на дерзость мордовских князей зимой 1377/78 года состоялись два карательных похода русских войск. Ими командовал брат Дмитрия Константиновича Борис, правивший тогда в Городце. Во втором походе участвовала и присланная из Москвы рать под началом воеводы Федора Свибла. В итоге земли мордвы были страшно опустошены. В назидание недругам в Нижнем Новгороде была устроена публичная казнь пленной мордве. Их волочили голыми по льду реки и травили псами.

Летом 1378 года татары вновь нанесли удар по Нижнему Новгороду. Возможно, их призвали уцелевшие после карательных экспедиций Бориса Городецкого мордовские князья.

Как и прежде, город оказался не готов к обороне. Князь Дмитрий Константинович был в это время в Городце. Не имея предводителя и не надеясь на защиту недостроенных стен, жители Нижнего при известии о приближении татар попросту разбежались. Князь Дмитрий пытался договориться с татарами и предлагал им выкуп при условии, что они не тронут город. Однако татары отвергли выкуп и разгромили город, или, скорее, то, что осталось от него после первого погрома летом 1377 года.

Удача отвернулась от Дмитрия Суздальского. Он упал духом и более не проявлял себя никакими решительными действиями. Война с Мамаем, завершившаяся Куликовской битвой, продолжалась уже без его участия. Запуганный татарами, князь поспешил выразить свою покорность хану Тохтамышу, двинувшему свои полки на Москву летом 1382 года. Он отправил к Тохтамышу своих сыновей Василия Кирдяпу и Семена, которые пришли с татарами под стены Москвы. Здесь они сыграли весьма неблагоприятную роль, поручившись москвичам за то, что хан не станет захватывать город. Положившись на княжеское слово, москвичи открыли ворота и были жестоко наказаны за доверчивость. Тохтамыш разгромил Москву, а сыновей Дмитрия Константиновича увел в Орду в качестве заложников. Впрочем, младший из них, Семен, был вскоре отпущен к отцу. Василий же Кирдяпа остался в Орде.

Нашествие Тохтамыша подало надежды всем недругам Москвы. Они ожидали большого передела власти на Руси. В 1383 году многие князья отправились в Орду. Как мы знаем, взят был Тохтамышем в заложники и сын Дмитрия Московского Василий.

Засвидетельствовать почтение новому хану поехал и Борис Городецкий. Вскоре за ним поспешил его сын Иван. Князь Дмитрий Константинович в Орду не поехал, а вновь отправил туда сына Семена...

Степные дороги давно развеял ветер времен. А когда-то они были местом встречи жизни и смерти. Многие тысячи русских пленников прошли здесь в одну сторону. Степные хищники, спешащие в набег на Русь, — в другую. А еще телеги с подарками хану и тяжеловесной русской данью... Дорога в Орду с ее трудностями и опасностями была испытанием даже для русских князей, хранящих в переметной суме серебряную ханскую пайцзу — защиту от всякого произвола, которым так обильна была Степь. Но для Дмитрия Суздальского всё это теперь не имело значения. Он больше не собирался ехать в Орду. Перед ним открывался иной путь. 5 июля 1383 года Дмитрий Константинович скончался, приняв перед смертью монашеский постриг с именем Феодор. Прах его был погребен в Спасском соборе Нижнего Новгорода рядом с могилой его отца — первого нижегородского князя Константина Васильевича.

И вновь сработала обычная схема семейного раскола: вспыхнул спор за власть между дядей и племянником. Кон-

чина Дмитрия Константиновича послужила сигналом к началу борьбы между его сыновьями Василием Кирдяпой и Семеном с одной стороны и Борисом Городецким — с другой. Борис уже давно примеривался к роли первого лица в княжестве. Однако его останавливала решительная поддержка, которую оказывала Дмитрию Константиновичу Москва.

Москвичей настораживали литовские связи Бориса, женатого на дочери Ольгерда. Постоянно враждовавшая с Литвой Москва видела в лице Бориса литовскую засаду у себя за спиной. В критических обстоятельствах он мог нанести удар с тыла, со стороны Владимира-на-Клязьме. Не случайно зимой 1370 года, во время второго нашествия Ольгерда на Москву, митрополит Алексей находился в Нижегородской земле. Учитывая честолюбие и воинские таланты Бориса, москвичи категорически не хотели допустить его на первую роль в Суздальско-Нижегородском княжестве. Бездарный Дмитрий Константинович, не умевший защитить свою столицу от татар, казался им предпочтительнее.

В результате Борис остался героем без подвига. Почти 18 лет провел он в удельном захолустье. Городец, при всей красоте его расположения на высоком берегу Волги, был всё же скорее селом, чем маленьким городом. А между тем Борис уже устал от однообразия провинциальной жизни, от тщетного желания славы и подвигов.

* * *

Известие о кончине Дмитрия Суздальского достигло Бориса Городецкого в Орде. Вместе с другими русскими князьями он явился туда, чтобы засвидетельствовать почтение новому хану Тохтамышу. Теперь для него настал долгожданный миг удачи. Практически не имея соперников, Борис получил от хана ярлык на Нижний Новгород при сохранении за ним Городца.

Сын Дмитрия Суздальского Василий Кирдяпа находился тогда в Орде на положении заложника. Вероятно, и он тоже заявил о своих наследственных правах и заслугах. Хан, конечно, не забыл «служебника», ценой вероломства купившего ему победу над Москвой. Однако известно, что «оказанная услуга не стоит ни гроша». На двоих с братом Семеном Василий Кирдяпа получил всего лишь увядавший Суздаль...

Суздальские племянники не беспокоили Бориса до 1387 года, когда Василий был отпущен из Орды. Он получил от хана ярлык на Городец.

В этой внезапной милости можно усмотреть «руку Москвы». Оправившись после нашествия Тохтамыша, князь Дмитрий Московский стал понемногу возвращаться к своим политическим целям. Уладив отношения с Новгородом и Рязанью, он занялся Нижним Новгородом. На этом троне Дмитрию нужен был смелый и преданный человек. Но для начала следовало, как это обычно делалось, разделить местных князей и поддержать одну из враждующих «партий». Так оно и получилось...

Вернувшись из ордынского плена, Василий Кирдяпа тотчас соединился с братом Семеном и поднял мятеж против сидевшего в Нижнем Новгороде Бориса. Ханский ярлык, полученный Борисом, уже не был бесспорным аргументом в княжеских спорах. Орда стала давать ярлыки всякому, кто готов был за них заплатить. А дальше — спор решался своими силами на Руси.

Москва отправила на помощь суздальским братьям сильное войско.

(Отметим политический цинизм Дмитрия Донского: он взял под свое крыло тех самых суздальских братьев, которые за пять лет до этого помогли Тохтамышу захватить Москву. Вспоминал ли при этом Дмитрий о том, как хоронил то ли 12, то ли 24 тысячи трупов в сожженной Москве? Бог весть...)

Простояв под городом восемь дней, племянники заставили Бориса сдаться и уехать в Городец. Говорят, что на прощанье раздосадованный Борис оставил племянникам зловещее пророчество: «Милые мои сыновцы, ныне яз от вас плачу, потом же и вы всплачете от врагов своих» (23, 93).

* * *

Кончина Дмитрия Донского 19 мая 1389 года подала надежду всем жертвам московского произвола. Князь Борис Городецкий кинулся в Орду и там после долгих мытарств получил у хана ярлык на Нижний Новгород. Вернувшись на Русь, он занял Нижний и бросил в темницу своего племянника Василия Кирдяпу. Другой его племянник, Семен, оказался более проворным и ускользнул в Орду. Борис Константинович успел захватить лишь его жену и детей.

Великий князь Московский Василий Дмитриевич (1389—1425) в «суздальском споре» продолжил политику своего отца — союзные отношения, а затем медленное поглощение Нижегородского княжества. Благосклонное отношение Орды к этому обеспечивалось подкупом и дарами ханскому двору. Хорошо зная обстановку в Орде, где Тохтамыш был озабочен прежде всего наступлением Тимура и для укрепления своих сил нуждался в деньгах, Василий в 1392 году лично явился к хану и получил от него ярлык на Нижний Новгород. В этом Василию помогли его доброхоты из числа ханских приближенных. Дружба с «нужными людьми», подкрепленная щедрыми дарами, была основой успехов в Орде.

В начале правления Василия I все прочие дела отступали перед отношениями с Ордой. Зрелище сожженной Тохтамышем Москвы всегда стояло перед глазами юного князя. Он знал, что Орда не любила, когда кто-то из князей слишком редко посещал ханскую ставку и забывал поднести подарки.

16 июля 1392 года Василий отправился на поклон к хану Тохтамышу (33, 132). Зная о тяжелом положении хана, Василий надеялся выкупить ярлык на материнский удел — Суздаль и Нижний Новгород. Приводим рассказ Симеоновской летописи:

«Того же лета сложи князь великий Василей Дмитриевич целование крестное князю великому Борису Костянтиновичю Нижняго Новагорода и поиде в орду к царю Тактамышю, и нача просити Новагорода Нижнего себе, княжения князя великаго Борисова, на кровопролитье, на погибель христианскую. Безбожнии же татарове взяша злато и серебро многое и дары великие, и взя Нижнии Новьгород златом и серебром, а не правдою; якоже рече Писание: безумнаго очи конец вселенныя. И поиде на Русь с послом, и бысть на Коломне, сам поиде к Москве, а посла отпустил в Новьгород Нижнии с бояры своими. <...>

И внидоша татарове в град и бояре москвичи, и начаша в колоколы звонити, стекошася людие. <...> По мале же времени прииде князь великий Василей Дмитриевич в Новьгород Нижнии и посади свои заместники, а князя великаго Бориса повеле по градом розвестиса с княгинею и с детми; безбожных же татар, чтив и дарив, отпусти в орду, сам же възратися в свояси на Москву» (29, 142).

6 ноября 1392 года Василий пошел из Москвы в Нижний Новгород, чтобы принять свое новое владение. А к Рождеству он вновь был дома, в Москве.

С точки зрения традиционных норм княжеского права покупка Нижнего Новгорода Василием I была вопиющим беззаконием. Несомненно, князь приводил какие-то доводы в оправдание такого решения. Возможно, он следовал примеру Ивана Калиты и купил долги местных князей, а вместе с ними и право на временное управление княжеством. Учитывая острую борьбу за власть в княжестве, можно полагать, что таких долгов было немало.

Князь и сам понимал условность своего владения Нижним Новгородом и допускал возможность потери этого города. В документах, говоря о Нижнем Новгороде, он часто использовал сослагательное наклонение. Но ханский ярлык был подкреплён реальным военным могуществом Москвы, и воля Тохтамыша оставалась в силе.

Делегация московских бояр в сопровождении ханского посла прибыла в Нижний Новгород для приведения горожан к присяге Василию I. Потрясенный таким поворотом дела, князь Борис Константинович готовился оказать сопротивление. Однако среди нижегородского боярства давно сложилась сильная промосковская партия. Её предводитель, боярин Василий Румянец, убедил князя открыть ворота. Вскоре Борис был арестован и город перешёл под контроль московских бояр. Убедившись, что Нижний Новгород покорился его власти, Василий Дмитриевич сам торжественно въехал в город. Великий князь назначил для управления Нижним своего наместника — боярина Дмитрия Александровича Всеволожского.

Василий I не любил проливать кровь сородичей. Но и держать врагов на свободе он не мог. А потому приказал сослать князя Бориса Константиновича, его семью и приближенных в отдалённые города и держать там под строгим надзором в тяжких оковах. Спустя два года, 12 мая 1394 года, Борис Константинович умер в тюрьме. Там же годом ранее умерла в заточении и его жена, Мария Ольгердовна. Несмотря на то, что её родной брат Ягайло был тогда польским королём, а двоюродный брат Витовт — великим князем Литовским, никаких протестов с их стороны не последовало...

* * *

Устроив таким образом судьбу своего главного врага, князя Бориса Дмитриевича Городецкого, Василий I не забыл и союзников — Василия Кирдяпу и Семена. К этому

времени они уже успели выйти из тюрьмы и вернуться в родной Суздаль. Великий князь решил поручить Суздаль прямому управлению своих наместников, а кузенам предложил в утешение Шую — большое село в сотне верст к северо-востоку от Владимира, давшее имя знаменитой впоследствии династии князей Шуйских.

Выросшие на волжских просторах Дмитриевичи с презрением отказались от таких перспектив и отправились с жалобой в Орду. Великий князь послал за ними погоню. Но братья умело замели следы и ушли от преследования. Однако Орда не спешила идти им на помощь. Московская «партия» при ханском дворе отметала все их прошения. В этой ситуации пути братьев разошлись. Василий Кирдяпа вернулся на Русь, примирился с великим князем Василием Дмитриевичем и, тихо дожив свои годы, умер в Городце в 1403 году.

Младший же из суздальских Дмитриевичей Семен сохранил надежду на помощь Орды и продолжал свои интриги при ханском дворе. Потом он перебрался в Казань и здесь уговорил каких-то местных «царевичей» совершить набег на Нижний Новгород. Сидевшие в Нижнем московские воеводы затворились в крепости. После долгой и бесплодной осады татары предложили заключить мир. В присутствии нижегородских послов и князь Семен со свитой, и казанские татары дали клятву не причинять городу зла.

Осажденные ослабили бдительность, за что и были жестоко наказаны. 25 октября 1395 года татары и воины князя Семена ворвались в город и учинили там страшный погром. Две недели город был в их руках. Затем пришла весть, что из Москвы на них послана сильная рать. Перепуганные налетчики быстро собрались и бежали в сторону Казани.

В 1399 году князь Семен опять готовил налет на Нижний Новгород. Однако московская разведка на сей раз вовремя узнала его планы. Василий I выслал наперехват войско, которое гналось за Семеном почти до самой Казани.

Выведенный из себя бесчинствами кузена, Василий I в 1401 году снарядил новую рать для поиска и поимки князя Семена. Московские воеводы из Нижнего Новгорода вошли в Мордовскую землю, где, по слухам, скрывался беглец. Там в одной лесной деревушке они захватили его семью — княгиню Александру с детьми. С этой добычей воеводы вернулись в Москву.

Известие о пленении семьи подкосило князя Семена...

Старый как мир способ обезвредить врага, сделать его послушным — заложничество. Им пользовались еще Греция и Рим. В Древней Руси выражение «взять в таль» могло означать и захват в плен, и добровольную отдачу кого-либо в заложники. Примером может служить вероломный захват тверским князем Михаилом Ярославичем новгородских купцов в Торжке в 1316 году. Приехав в лагерь Михаила на переговоры и получив гарантии безопасности, новгородцы были схвачены и брошены в темницу. Отвергнув предложенный новгородским архиепископом выкуп, Михаил Ярославич отпустил заложников только год спустя, когда владыка Давид привез за них небывалый выкуп — пять тысяч рублей. Эта сумма была сопоставима с суммой ежегодной дани Северо-Восточной Руси в Орду.

Как и близкий ему по значению обычный плен, заложничество возникало после крупного военного поражения одной из сторон. Заложниками отправились в Орду в 1383 году старшие сыновья главных русских князей — Василий Московский, Василий Кирдяпа Суздальский и Федор Рязанский. Однако в отличие от пленных, которых держали в тягости, желая поскорее продать или получить выкуп, заложники жили в достаточно приличных условиях.

Древнее как мир средство оказалось действенным и на сей раз. Узнав о положении своей семьи, Семен приехал в Москву и упал в ноги великому князю. Василий простил дядю, но, зная его беспокойный нрав, сослал вместе с семьей на Вятку. Там спустя всего пять месяцев по прибытии Семен Дмитриевич и скончался 21 декабря 1402 года (29, 150).

Рассказ Симеоновской летописи о борьбе суздальских князей за свою отобранную московским князем Василием вотчину — Суздальско-Нижегородское княжество — отмечен каким-то особым печально-философским тоном в духе Екклесиаста:

«Тое же осени (1401 года. — *Н. Б.*) князь великии Василии посылат искати княгини княжи Семеновы Дмитриевича Ивана Андреевича Уду да Феодора Глебовича, а с ними рать свою, и идоша на мордву, наехаша же ю в Татарской земли на месте, нарицаемом Цибирца, у святого Николы. Поставил бо бяше церковь ту бесерменин Хазибаба, и ту изымаша княгиню Семенову Александру, и ограбише ю, приведоша на Москву и с детьми, и при-

бысть на дворе Белеутове, дондеже князь Семен сослався покорися» (29, 149).

Покорение князя Семена не заставило себя долго ждать.

«В то же лето (в 1402 году. — *Н. Б.*) слышав князь Семен Дмитриевич Суздальский, что княгиня его и з детьми изымана и казна его взята, сам бо бяше тогда бегая по татарским местом, и посла к великому князю с челобитием и с покорением; Князь же великий опас дасть ему: он же прииде из Орды на Москву и взя мир с великим князем, и иде с Москвы на Вятку с княгинею и с детьми, болен бо бяша уже, и прибысть на Вятке 5 месяц,и в большии недуг впаде преставися декабря 21. Сей же князь в животе своем многы напасти подъят и многы истомы претерпе в Орде и на Руси, добываяся отчины своея. Восемь лет по ряду в Орде служи чetyрем царям: первому — Тахтамышю, второму — Аксак Темирю, третьему — Тимир Кутлюю, Четвертому — Шадибеку, а все то поднимая рать на великого князя Московского, како бо ему найти свою вотчину, Новгородцкое княжение. И того ради мног труд подъя, не обретаа покоя ногама своима, и не успе ничтоже, но аки в суге тружаяся» (29, 150).

Летописец подробно рассказывает о злоключениях князя Семена Дмитриевича. И на то есть особые причины. Летописец не просто сообщает некие факты. На материале истории он дает читателям уроки морали. Имя князя Семена Суздальского, который «восемь лет по ряду в Орде служил чetyрем царям», стало нарицательным. Его печальный конец — «аки в суге тружаяся» — строгое предупреждение тем, кто пытается решать свои проблемы через услужение чужеземцам.

Следующее поколение суздальско-нижегородских князей смирилось со своей новой ролью и, сохранив определенные права и привилегии, именовало себя князьями Шуйскими. В эпоху Ивана Грозного иностранцы называли их «принцами крови» и утверждали, что в случае пресечения правящей ветви династии Рюриковичей Шуйские более других имеют право на престол. Однако получив этот шанс в Смутное время, Шуйские, как известно, не смогли им должным образом воспользоваться...

Драматическая история Суздальско-Нижегородского княжества в XIV столетии наводит на размышления. Почему потомки князей, державших в начале и в середине века великое княжение Владимирское и выступавших как главные соперники Москвы, в конце века опустились до поло-

жения бедных изгнанников? И был ли и в самом деле у лубочного ныне Суздаля исторический шанс стать столицей единого Русского государства?

Единственный ответ на эти вопросы — лукавое слово *возможно...*

Глава 3

ДВЕ ГРОБНИЦЫ

В окружении великого князя Московского Василия I, насколько мы его знаем, наиболее интеллектуальной личностью был митрополит Киевский и всея Руси Киприан. В наше время он заслужил бы степень почетного доктора политологии и теологии одновременно. Он был не только теоретиком, но и практиком монашеской аскезы. Киприан состоял в переписке с «великим старцем» Сергием Радонежским и просил его помощи в борьбе со своими политическими недругами.

Москва не сразу признала Киприана. Но когда признала — прославила.

«В лето 6898 (1390) прииде Кипран митрополит из Царяграда на Русь <...>.

Киприан на Москву прииде от Киева на свою митрополию <...>. Князь же великий Василей Дмитриевич сrete его с своею матерью с княгинею с великою, и с братьею, и з бояры, и с всеми христианы на Котле и приять с великою честью» (29, 139).

Биография Киприана известна лишь в самых общих чертах и с большой долей предположений. Будущий митрополит происходил из знатного болгарского рода Цамблаков. В юности он покинул родину и вместе с выдающимся деятелем древнеболгарской литературы, впоследствии патриархом Евфимием Тырновским перебрался в Византию. Приняв монашество, Киприан долгое время жил на Афоне. Здесь, в скалистых горах над Эгейским морем, ютились десятки больших и малых монастырей. В XIV—XV веках Афон был самым авторитетным центром православного монашества, питомником высшей церковной иерархии, рассадником не только теологических, но и общественно-политических доктрин.

Вероятно, именно на Афоне Киприан познакомился с константинопольским патриархом Филофеем, переживавшим там тяжелые времена изгнания. В 1364 году Филофей

вновь вернулся на Патриарший престол и призвал Киприана для выполнения различного рода ответственных поручений. В ходе одной из своих дипломатических миссий Киприан сумел расположить в свою пользу литовских князей и с их помощью стал митрополитом Киевским в декабре 1375 года.

Митрополит Алексей (1354—1378) и его окружение, по-видимому, не питали к литовскому митрополиту особой вражды. Во время своего приезда в Северо-Восточную Русь в 1374 году Киприан поразил их своими обширными познаниями, увлек головокружительными планами объединения всех сил православного мира для борьбы с натиском мусульман и католиков. Погруженных в «безмолвие» суровых подвижников Киприан сумел заинтересовать рассказами о византийском исихазме — мистическом течении, последователи которого путем строгой аскезы и особого рода психофизических приемов «приближались к Богу». В молитвенном экстазе перед их взором вспыхивало ослепительное сияние — то, которое, согласно Евангелию, окружило Христа в момент его общения с Богом на горе Фавор.

Познакомившись на Афоне с учением основателей исихазма Григория Синаита и Григория Паламы, Киприан стал их последователем.

И всё же московских «ревнителей благочестия» Киприан привлекал не столько как проповедник исихазма. Прежде всего они видели в нем энергичного политика, убежденного сторонника канонических традиций в отношениях между церковью и великокняжеской властью. Такой человек, как Киприан, мог с успехом противостоять посягательствам московского князя на политический суверенитет митрополичьей кафедры. Успешнее, чем кто-либо другой, Киприан мог добиваться сохранения единства Русской митрополии — одного из главных условий ее политической самостоятельности.

Конечно, от Киприана трудно было ожидать того московского патриотизма, который столь ярко окрасил деятельность митрополита Алексея. Однако все понимали, что времена Алексея минули безвозвратно.

9 января 1391 года в Москве сыграли свадьбу молодого Василия I и дочери великого князя Литовского Витовта Софьи. Прежде Москва находилась в постоянном военном

противоборстве с литовскими князьями. Теперь наступило время примирения и сближения. Московский князь Василий I всячески стремился поладить со своим могущественным тестем. В случае необходимости Витовт мог поддержать зятя.

Осторожному курсу Василия I соответствовала и его церковная политика. Желая укрепить наметившийся московско-литовский союз, он принял на митрополию литовского ставленника. В воскресенье 6 марта 1390 года под звон колоколов митрополит Киприан торжественно въехал в Москву.

Так завершилась длившаяся 12 лет (1378—1390) схватка между московской великокняжеской властью и сторонниками сохранения политического суверенитета церкви, первым среди которых был митрополит Киприан.

Благоприятная политическая ситуация в Восточной Европе, а также незаурядные дипломатические способности позволили Киприану до самой смерти «сидеть на двух стульях», сохраняя власть над православными епархиями во владениях русских, польских и литовских властей. Он пережил всех своих друзей и врагов «мятежного времени».

Стремясь сохранить хорошие отношения со всеми восточноевропейскими правителями, Киприан не оказывал московскому князю явного предпочтения. Подобно своим предшественникам митрополитам Петру (1307—1326) и Феогносту (1328—1353), он много ездил по своей обширной митрополии, подолгу жил во владениях Ягайло и Витовта. На первом месте были для него интересы Византии, которая находилась тогда на краю гибели.

Политическая история Восточной Европы в последней четверти XIV века отличалась необычайной драматичностью. Везде назрели глубокие перемены, в ходе которых одним государствам суждено было возвыситься, а другим погибнуть или утратить свое могущество. Объединение Польши и Литвы, объединение Московской Руси и Литвы, объединение Литвы и Орды, нападение Орды на державу Тимура, а Тимура — на захвативших Византию турок-османов... Все эти перспективы казались тогда более или менее реальными. Решалось будущее народов. И никто не задумывался о выборе средств для достижения своих целей.

На этой исторической сцене Киприан был не главным, но и не последним действующим лицом. За его спиной стоял авторитет и экономический потенциал митрополичьего дома. Симпатии Киприана были на стороне литовского

князя Витовта, который увлек его грандиозным замыслом использования в своих целях Орды при помощи «управляемого» Витовтом хана Тохтамыша. Направить Орду на турок, войти в историю спасителем великой христианской Империи — вот мечта, ради которой Киприан был готов на всё...

В 1402 году войска Тимура отчасти осуществили эту мечту, разгромив османского султана Баязита в битве при Анкаре. Это событие (разумеется, никак не связанное с деятельностью Киприана или Витовта) на полвека продлило существование Византии.

Киприан не был отъявленным злодеем, но при необходимости не затруднялся использовать и грязные средства. Темным пятном в его биографии стала гибель в Киеве суздальского митрополита Дионисия, его соперника в борьбе за Московскую митрополию. Киприан захватил его в Киеве в 1385 году. Иерарха отправили в темницу, где он вскоре скончался. Киприан приказал с почестями похоронить Дионисия в Киево-Печерском монастыре.

В январе 1397 года в Киеве после пира на митрополичем дворе неожиданно занемог князь Скиргайло Ольгердович. По некоторым сведениям, он был отравлен по указанию находившегося тогда в Киеве митрополита Киприана (28, 95). Медленно действующий яд свел князя в могилу через семь дней. Эта смерть соответствовала интересам Витовта, союзником которого выступал Киприан. И на сей раз умершему были устроены пышные похороны в Киево-Печерском монастыре...

Отношения между Киприаном и Василием I отмечены холодноватой вежливостью и взаимным недоверием. Митрополит выступал заодно с князем лишь в тех вопросах, где интересы сторон совпадали. Одним из них был новгородский вопрос. Постоянные конфликты великого князя Московского с новгородцами почти зеркально отражались и в сфере церковных отношений. В 1391—1395 годах митрополит Киприан имел острый конфликт с Новгородом. В период смуты на митрополии (1378—1390) новгородцы приняли решение откзаться от древнего порядка, согласно которому митрополит мог выступать в качестве высшего апелляционного суда и отменять решения новгородского архиепископа. Это происходило один раз в четыре года, когда митрополит приезжал в Новгород и в течение месяца

рассматривал апелляции на приговоры владыки. Право «месячного суда» не только давало митрополиту дополнительное средство воздействия на новгородского архиепископа, но и приносило немалые доходы.

В споре о «месячном суде» Киприан не остановился перед крайними мерами воздействия. Осенью 1391 года он уехал из Новгорода, не благословив архиепископа Иоанна и новгородцев, то есть фактически отлучив весь город от церкви. В поисках средств давления на упрямых новгородцев Киприан умело разыграл «псковскую карту». Псков находился под юрисдикцией новгородского архиепископа, но сильно тяготился этой зависимостью. Наладив прямые контакты с псковичами, Киприан дал понять новгородцам, что в случае обострения конфликта может предоставить Пскову церковную самостоятельность.

Со временем и московские князья станут широко использовать новгородско-псковские противоречия для достижения своих целей.

Находясь в Новгороде в 1395 году, Киприан написал поучение духовенству о церковных службах, покаянии татей, кумовстве, расстригах и т. д. Это поучение в ряде моментов перекликается с другим сочинением Киприана — «Ответами игумену Афанасию». Кроме заботы о распространении принятого тогда в Византии богослужебного Иерусалимского устава в «Ответах» Афанасию интересно запрещение давать причастие человеку, которого духовник не благословил за его непослушание.

Митрополит строго запрещает всякое общение с монахами и священниками-расстригами. Из этой социальной группы, так же как и из близкой к ней группы бродячих монахов, выходили наиболее яростные, «квалифицированные» обличители церковных порядков. Требование как можно дальше обходить расстриг особенно актуально звучит в Новгороде, где еще помнили о том, как в 1375 году «побища... стригольников еретиков, диакона Никиту и Карпа простца, и третьего человека с ними» (23, 24).

В посланиях Киприана, написанных в 1390—1406 годах, явно прослеживается несколько основных тенденций. Это борьба за строгое соблюдение церковных порядков, содействие общежительной реформе и унификация церковных книг и обрядов. Послания свидетельствуют о политической гибкости Киприана, умении приспособливаться к быстро меняющимся обстоятельствам.

В блоке известий Симеоновской летописи за 6907 (1399) год находим и такое многозначительное сообщение:

«Тое же зимы был Киприан митрополит в Тфери на сырной недели, и отселе поеха в Литву к Витовту» (29, 143).

Дипломатия Киприана, о целях которой можно только догадываться, вплелась в клубок тогдашних политических отношений Восточной Европы.

22 июня 1404 года Киприан поставил игумена Борисоглебского монастыря Тимофея епископом Сарая (29, 151). Неделю спустя он уже был на дороге в Литву. Церковный мир взволнованно следил за его передвижением. Перемена епископов всегда была насущной заботой митрополита Киевского и всея Руси. Каждая такая смена имела свои причины. И каждый раз поиск достойного кандидата был тяжелой задачей. Сфера внутрицерковной борьбы закрыта глухой стеной молчания летописей. Но так или иначе архипастырь-митрополит должен был иметь достойных пастырей-епископов.

Выехав из Москвы, Киприан направился в Вильно, где провел некоторое время при дворе Витовта. Летопись отмечает почет, которым был окружен православный митрополит при дворе католического великого князя Литовского (23, 191). Историк много дал бы, чтобы услышать доверительные беседы этих двух великих людей Восточной Европы. Но, увы, от полноты жизни историку остается лишь скорлупа событий.

Из Вильно Киприан поехал в Киев. Там ему предстояло разбирать неприятное дело о злоупотреблениях своего киевского наместника, архимандрита Тимофея. Вероятно, это дело не обошлось без жалоб со стороны Витовта, который через своих порученцев внимательно следил за всем, что происходило в Киеве. На место Тимофея, высланного в Москву, поставлен был архимандрит московского (?) Спасского монастыря Феодосий (23, 191).

Другое «персональное дело», разрешенное Киприаном в Литве, — отставка епископа Антония Туровского. Историки церкви полагают, что он был твердым защитником православия, чем вызвал недовольство принявшего католичество Витовта и всей латинской верхушки Литвы. Против Антония были выдвинуты обвинения в сношениях с ордынским ханом Шадибеком, которого иерарх якобы призывал в Киев и на Волынь. Это на первый взгляд дикое

обвинение по сути могло иметь некоторую достоверность. Равнодушные к вероисповедным вопросам ордынцы были не столь опасны для православия, как ревностные католические миссионеры. По некоторым сведениям, отставки Антония требовал Витовт.

Как бы там ни было, Антоний Туровский был публично лишен сана и отправлен Киприаном в Москву, где заточен в Симоновом монастыре. Дело Антония имело, однако, неоднозначный характер. Примечательно, что Киприан приказал Антония «покоить всем и никакоже ни в чем не оскорбляти, точию из монастыря не исходити» (23, 315).

Пробыв в Литве в общей сложности год и пять месяцев (1404—1405), встретившись с польским королем Ягайло, Киприан возвратился в Москву. Отчет митрополита перед Василием I и московской церковной и светской элитой был безрадостным. Церковное единство Москвы и Киева удалось сохранить. Но цена этого успеха была высока. Сам Киприан выглядел постаревшим и больным. Крах его великой мечты становился все более очевидным. Литва уходила на Запад. Русь замыкалась в своем православном одиночестве...

* * *

Рачительный хозяин, Киприан привел в порядок владения митрополичьего дома, расхищенные или утерянные в период смуты на митрополии. Свидетельством его хозяйственных забот стала известная грамота Константино-Еленинскому монастырю. Дотошно перечисляя все, даже самые мелкие повинности зависимых от монастыря крестьян, митрополит требует их неукоснительного выполнения.

Среди русских иерархов той эпохи Киприан выделялся широкой ученостью и склонностью к литературным занятиям. Митрополит знал силу слова и умел придать этой силе достойную форму. Кипящие страстью послания времен борьбы за митрополию сменились учительными рассуждениями. Но самым значительным литературным трудом Киприана стало Житие первого московского святого — митрополита Петра. Прославляя святого, Киприан явно проводит параллель между его биографией и собственными злоключениями в период смуты на митрополии.

Конец жизни Киприана прошел в покое и размышлениях. В своем подмосковном селе Голенищеве он занимался литературными трудами и так преуспел в этом занятии,

что позднейшие историки даже стали приписывать ему составление крупнейшего историко-публицистического труда — Степенной книги.

Ученые занятия маститого старца осеняла своим крестом построенная им церковь в честь Трех Святителей. Звон колоколов этого древнего храма и доныне разносится над широкой долиной речки Раменки.

Предчувствуя скорую кончину, Киприан написал Прощальную грамоту, в которой давал прощение своим недругам и просил простить его всех, кого он вольно или невольно обидел на своем долгом жизненном пути. Эту грамоту Киприан велел прочесть своему любимому ученику, ростовскому архиепископу Григорию. С тех пор, замечает летописец, и все последующие митрополиты завещали читать на своих похоронах Прощальную грамоту.

Умер Киприан 16 сентября 1406 года.

* * *

В разъездах по суздальским делам великого князя Василия настигла печальная весть: 25 сентября 1392 года скончался «великий старец» — преподобный Сергей Радонежский.

«Тое же осени месяца сентября в 25 день, на память святыа преподобныа Ефросинии, преставися преподобный игумен Сергии, святыи старец, чюдныи и добрыи и тихии, кротыи, смиренныи, просто рещи и недоумею его житиа сказати, ни написати. Но токмо вемы и преже его в нашей земле такова не бывало, иже бысть Богу угоден, царьми и князи честен, от патриарх прославлен, и неверныи цари и князи чюдишася житью его и дары к нему слаша: всеми человеки любим бысть честнога ради житиа, иже бысть пастух не токмо своему стаду, но всеи Русскои земли нашей учитель и наставник, слепым вож, хромым хожение, болным врач, алчным и жадны питатель, нагым одеяние, печальным утеха, всъм христианом бысть надежа, егоже молитвами и мы грешнии не отчаемся милости Божиа» (29, 142—143).

«Вера без дел мертва», — учит апостол (Иаков. 2, 20). Два выдающихся деятеля церкви украшают собой последнюю четверть XIV столетия. Один из них, митрополит Киприан, получил известность как церковно-политический деятель; другой, игумен Сергей Радонежский, прославился на ниве нравственного возвышения русского народа. Потомство воздало каждому по делам его. Киприан покоится

в каменной гробнице в Успенском соборе московского Кремля, перед которой редкий посетитель преклонит колена; преподобный Сергей обрел себе невидимую раку в сердцах бесконечного множества русских людей...

В каждой русской церкви сегодня можно найти на видном месте икону преподобного Сергия Радонежского. Это самый почитаемый святой отечественного происхождения. Слава преподобного Сергия объясняется тем, что народ издавна видел в нем своего небесного покровителя, заступника Русской земли перед престолом Всевышнего.

Несмотря на все старания историков, им так и не удалось связать святого Сергия сетью своих комментариев и датировок. Неуловимый для науки, он проходит сквозь ее стены со своей тихой и задумчивой улыбкой. Все даты его жизни не поддаются точному установлению, равно как и сама его жизнь не поддается рациональному объяснению.

Всё, что мы знаем о его биографии, не более чем вешки вдоль занесенной снегом русской дороги... Как и других монахов, причисленных к лику святых, его в церковной традиции принято называть «преподобным». Преподобный — значит «очень подобный», «очень похожий» по образу жизни и добродетелям на самого Иисуса Христа.

Земная жизнь этого человека началась в 1314 году. Его родители, Кирилл и Мария, жили в Ростове Великом — древнем городе, расположенном на расстоянии 200 километров от Москвы по дороге на Ярославль. Это были состоятельные люди, пользовавшиеся уважением сограждан. Кирилл имел усадьбу Варницы близ Ростова, где и прошли детские годы Варфоломея, как звали преподобного Сергия до пострижения в монахи.

Бедствия той эпохи — набеги татар, княжеские усобицы — заставили родителей преподобного переехать из Ростова в небольшой городок Радонеж, расположенный на полпути между Москвой и Переяславлем-Залесским. Это произошло около 1328 года.

Спустя десять лет, около 1337 года, Варфоломей начал уединенную монашескую жизнь в огромном лесу к северу от Радонежа. Он поставил себе избушку-келью и небольшую часовню на холме Маковец, у подножия которого сливались две лесные речки — Кончуря и Вондюга.

Согласно понятиям того времени, отшельник спасал свою душу от грехов. Его молитвы быстрее доходили до престола Господня. В своей одинокой жизни будущий святой терпел много лишений. Он писал книги на бересте, ос-

вещал свою келью лучиной и нередко по несколько дней не имел даже куска хлеба. Такой суровый образ жизни и был настоящим «монашеским подвигом».

Доказав всем, и прежде всего самому себе, готовность преодолеть все лишения одинокой жизни, Варфоломей принял монашеский постриг. Его слава быстро росла. Вскоре под его началом возникла община из двенадцати иноков. Они собирались для общей молитвы в церкви в честь Пресвятой Троицы.

Этой лесной обители уготована была великая судьба. Возглавлявший тогда Русскую церковь митрополит Алексей решил провести реформу монашеской жизни, возвратив ее к древнему и строгому «общему житию». Согласно общежительному уставу Василия Великого (IV век) у монахов не должно было быть никакой собственности. Вся их жизнь строилась на принципах смирения, самоотречения и послушания старшим. По мысли митрополита Алексея, именно Троицкий монастырь преподобного Сергия должен был стать образцом новых порядков. Цель монастырской реформы состояла в том, чтобы поднять упавший в годы разрухи престиж русского монашества, повысить его роль в экономической и политической жизни страны.

Преподобный Сергий с честью выполнил ту миссию, которую возложил на него митрополит Алексей. Его обитель стала школой для приверженцев общежительной реформы. Ученики и собеседники преподобного основали десятки монастырей нового типа по всей Северо-Восточной Руси.

Имя Сергия Радонежского стало известно во всей Северо-Восточной Руси. Свою славу он использовал для добрых дел. Известно, что Сергий неоднократно выступал в роли миротворца, убеждая враждовавших князей прекратить братоубийственную войну. Князь Дмитрий Донской высоко чтит преподобного и приглашал его быть крестным отцом своих сыновей. Перед Куликовской битвой князь Дмитрий ездил в Троицкий монастырь и получил благословение святого старца на войну с Мамаем. В ту пору Русь уже привыкла платить дань и подчиняться ордынским ханам. Вооруженная борьба за независимость, которую начал Дмитрий Донской, многим казалась опасной авантюрой. В этой обстановке благословение Сергия принесло Дмитрию не меньше пользы, чем целый полк могучих воинов.

Василий I безусловно испытал на себе нравственное влияние преподобного Сергия. Конечно, законы мирской

власти и законы христианской морали зачастую несовместимы. И всё же не отсюда ли, из тихих увелливых слов преподобного Сергия, и возникла та мягкость, склонность к перемириям, договоренностям и компромиссам, которые так отчетливо заметны в политике Василия I? Своим личным примером, своими миротворческими походами «великий старец» давал урок милосердия власть имущим. Его ученик и собеседник Кирилл Белозерский ясно выразил суть сергиевской политики своим призывом к князю Василию Дмитриевичу увидеть чужую правду, отойти от слепого эгоизма. Всё это так. Но кто найдет ту грань, за которой доброта превращается в беспомощность, а милость к злодею возвращается новым злодеянием?..

В повседневной жизни преподобный Сергий отличался скромностью и простотой. Он носил старую монашескую рясу, не чурался никакой черной работы, а свои миротворческие походы совершал пешком. Его стиль общения с людьми один тогдашний писатель определил как «простота без пестроты».

Избегая власти и почестей, он отказался от митрополичьего сана, который предложил ему незадолго до кончины святитель Алексей.

В Троицком монастыре до сих пор хранятся некоторые личные вещи святого — келейные иконы Божией Матери и святителя Николая Мирликийского, нательный крест, присланный ему из Константинополя патриархом Филофеем, богослужебные облачения «игумена земли Русской».

Величественным памятником святому Сергию стал основанный им монастырь — Свято-Троицкая Сергиева лавра.

Глава 4

НОВГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА

Всякая смена власти в Северо-Восточной Руси отзывалась волнениями в Новгороде. Так произошло и после кончины Дмитрия Донского. Новгородцы решили, что новый князь Василий молод, неопытен и слишком занят ордынскими и литовскими делами, чтобы следить за положением в колониях Новгорода — на двинском севере. Ватаги новгородских ушкуйников захватили Устюг, а также Белоозеро, Устюжну и Кличен.

Везде, где проходили эти речные разбойники, оставались кровавые следы погромов. Новгородское своеволие

докатилось и до Торжка. Здесь в начале 1393 года был схвачен и убит местными боярами некий Максим, известный как московский доброхот.

Василий понял, что дальше терпеть это своеволие нельзя. Новая власть должна показать силу. В Торжок было послано московское войско. Все причастные к убийству Максима были схвачены и отправлены в Москву. Изменников набралось 70 человек. Все они были в Москве казнены «многими казнями» (35, 220). Это была очевидная акция устрашения. Трудно найти семьдесят виноватых в убийстве одного человека.

Расправа с новоторжцами отрезвляюще подействовала и на новгородскую знать. Организаторы ушкуйного похода были схвачены. Но главное достижение молодого князя Василия Дмитриевича состояло в том, что новгородцы выплатили Москве, а Москва — Орде «черный бор» (особую экстраординарную ордынскую дань) в размере 350 рублей.

В новгородских делах не забыт был и запрос митрополита. Киприан категорически потребовал от новгородцев вернуть право «митрополичьего суда» — апелляционного суда митрополита в Новгороде, собиравшегося раз в три года сроком в один месяц. Как уже говорилось, это была существенная статья доходов митрополичьей кафедры. Великий князь Московский мог через «митрополичий суд» преследовать своих врагов. Князь и владыка действовали в новгородской кампании 1393 года заодно. И «суровые и непокоривые», по выражению летописца, новгородцы были вынуждены отступить (52, 439).

* * *

Борьба с Великим Новгородом была постоянной заботой московских князей начиная с Ивана Калиты. Звон вечегого колокола на Волхове тревожил сон Василия I, а позднее и его сына Василия Темного. И только Иван III своими железными полками заставил великий город встать на колени. Что же представляла собой эта странная система, которую историки обычно называют *Новгородской боярской республикой*?

Этот удивительный город всегда шел своим путем. Многие пытались ему подражать, тогда как он сам не подражал никому. Своим оригинальным укладом жизни, своей былинной широтой и удалью Новгород украшает русское Средневековье.

История Новгорода в XIV—XV веках сильно отличается от истории «низовских» княжеств. Там летописи пестрят сообщениями о княжеских усобицах и набегах татар. Здесь перечень событий наполнен стычками с Ливонским Орде-ном и шведами да тяжбами с великими князьями Влади-мирскими. Шекспировские драмы среднерусской княже-ской истории сменяются городской хроникой и жалобами на плохой урожай.

И всё же в истории Новгорода есть своя драматургия. Страсти кипят не на далеких полях сражений, а в кольце городских стен.

* * *

Стены и башни

«Хочешь мира — готовься к войне», — гласит старинная мудрость. С самого начала своего существования Новгород имел Детинец — укрепления вокруг Софийского собора и резиденции архиепископа. (Только в XIX веке эти укреп-ления получили название Кремля.) Новые стены постро-ил князь Владимир Ярославич в 1044 году. Обветшавший Детинец перестроил и расширил в 1116 году новгородский князь Мстислав, сын Владимира Мономаха. При нем «Де-тинец был увеличен в южную сторону и достиг размеров современного Кремля» (78, 9).

В начале XIV века деревянные укрепления Детинца ста-ли усиливать каменными башнями. Эти работы приобрели особый размах в правление архиепископа Василия Кали-ки (1330—1352). Они продолжались и после его кончины. Подробности этого строительства вызывают споры среди специалистов. Однако общая картина достаточно ясна. «Постепенная замена деревянного Детинца на каменный, происходившая с перерывами более столетия, заверши-лась, очевидно, в 30-е гг. XV в.» (78, 11).

Нынешний Новгородский кремль, так похожий на Мо-сковский, построили зодчие Ивана III в конце XV века.

Средневековые города обычно имели несколько рубе-жей обороны. Новгород не был исключением из этого пра-вила. Помимо стен Детинца, здесь издавна имелось и внеш-нее кольцо укреплений. Письменные источники обычно именуют его Острогом, а историки — Окольным городом.

Окольный город возник еще в XII столетии. Он пред-ставлял собой сочетание трех элементов: вала, рва и дере-вянного острога (врытых в землю заостренных бревен) по

верхней кромке вала. В мирное время эти укрепления быстро приходили в ветхость и при возникновении военной угрозы их начинали спешно ремонтировать.

В период с 1372 по 1392 год новгородцы осуществили перестройку Окольного города. Это была поистине грандиозная работа, выполнявшаяся усилиями всех жителей города. «Общая протяженность Окольного города по обеим сторонам Волхова достигала более 11 километров. Протяженность только земляного вала вокруг города, кроме береговых укреплений, была свыше 6 километров. Большая часть его — 4943 метра — сохранилась до нашего времени» (78, 51).

Своего рода узлами этой оборонительной системы были проездные каменные башни, которые стояли в конце основных улиц.

Итак, Новгород был готов к обороне. Однако, как это ни странно, после осады Новгорода войсками Андрея Боголюбского в 1169 году и до рокового 1478 года никто не пытался взять город штурмом или длительной осадой.

Слишком лакомый кусок

Соседние государства не могли допустить, чтобы один из государей поглотил Новгород и тем самым резко нарушил бы устоявшийся баланс сил в регионе. Претендент на роль завоевателя Новгорода, заранее объявивший о своем намерении, столкнулся бы с целой коалицией противников. Вернее любых укреплений на страже новгородской независимости стояла логика геополитических интересов стран региона.

Что касается чисто военного аспекта проблемы, то он имел второстепенное значение. И Москва, и Орда, и Литва, и Швеция, вероятно, могли бы при большом желании завоевать Новгород. Москва, собственно говоря, это доказала на деле зимой 1477/78 года, когда полтора месяца осады (заметим: без единого штурма!) заставили новгородцев сдать город Ивану III. Но в обычное время геополитические соперники предпочитали скорее пугать Новгород и вытряхивать из него деньги, чем брать город штурмом.

Банк всея Руси

Завоевание Новгорода было весьма сомнительным предприятием, а сотрудничество с ним приносило реальные выгоды. Для великого князя Владимирского это был своего рода «коммерческий банк», где можно было полу-

читать серебро как для собственных нужд, так и для уплаты ордынской дани.

Для торговых городов Ливонии (Ревель, Нарва, Дерпт) Новгород был поставщиком дешевых «природных ресурсов» — ценных мехов, меда и воска. Всё это можно было потом с выгодой перепродать дальше на запад. В обратном направлении шли товары, которые охотно брали новгородцы: железо, соль, цветные металлы, ткани и предметы роскоши.

Великий князь Литовский по соглашению с боярским правительством собирал дань с некоторых новгородских пограничных областей. Его вечно недовольные родственники, младшие князья Ольгердовичи, время от времени получали в управление «пригороды» — города-крепости на границах новгородских земель. Ханы Золотой Орды собирали торговые пошлины и имели богатые дары от новгородских купцов, которые вели дела по всему Поволжью. Таким образом, все имели свою пользу от сохранения Новгорода как «общерусского банка» и «вольного города».

Мирным отношениям Новгорода со всеми соседями способствовало отсутствие экспансионистских тенденций в его внешней политике. Новгород никого не объединял и ни к чему не призывал. Он отличался удивительной самодостаточностью. Помимо задачи собственного благополучия, здесь не ставили никаких задач. Великий город не имел никакой политической идеи, кроме идеи новгородского патриотизма, воплощенного в образе собора Святой Софии.

Процветание Новгорода выросло не из отсутствия серьезных проблем, а из умения находить им правильные решения. В любом человеческом общежитии есть свои экстремисты, любители военных приключений. Придя к власти, они толкают государство к войне. Новгород сумел решить и эту проблему. Наиболее беспокойная и воинственная часть новгородского общества реализовала себя в качестве речных пиратов-ушкуйников или участников промысловых экспедиций в отдаленные районы Русского Севера.

Народное вече

Одно из главных слов русской истории, слово «вече», происходит от глагола «вещать», то есть говорить. Таким образом, вече — это место, где говорят.

Вечевые собрания в домонгольский период известны во многих русских городах. С их помощью городские общины решали вопросы, затрагивавшие интересы всех жителей:

объявление войны и заключение мира, отпор чрезмерным притязаниям княжеской власти.

Древняя Русь не любила писаных законов. Она вообще не любила законов. Здесь жили по нормам обычного права, по совести и по временной договоренности. До наших дней не сохранилось какого-либо устава вечевых собраний, правила их проведения, протокола выступлений и результатов подсчета голосов. Возможно, ничего этого и не существовало.

В каждом городе имелись свои традиции вечевых собраний. Там, где город был старым, большим и богатым, городская община сохраняла больше возможностей для самоуправления. И напротив, в молодых, небольших и бедных городах больше власти имели князья или их наместники.

В условиях татаро-монгольского ига княжеская власть получила признание в Орде. Это дало Рюриковичам сильные козыри в традиционном противостоянии городским общинам. Да и сами эти общины были сильно ослаблены теми погромами, которым подверглись русские города в XIII веке. В результате вечевые собрания быстро отмирают, возрождаясь лишь в исключительных случаях.

В силу многих причин Новгород в XIII—XV веках не только сохранил, но и развил традицию вечевых собраний. Вот что говорит об этом современный исследователь:

«Функции веча в Новгороде не могут быть перечислены с исчерпывающей полнотой, так как они определялись конкретными решениями самого веча и всесторонне охватывали жизнь новгородской земли. Вот наиболее важные и часто встречающиеся в источниках полномочия веча:

- заклучение и расторжение договора с князем;
- избрание и смещение посадников, тысяцких, владык;
- назначение новгородских воевод, посадников и воевод в провинции;

- контроль за деятельностью князя, посадников, тысяцких, владыки и других должностных лиц;

- законодательство, примером которого служит Новгородская судная грамота;

- внешние сношения, решение вопросов войны и мира, торговые соглашения с Западом;

- распоряжение земельной собственностью Новгорода в хозяйственном и юридическом отношении, пожалование земель;

- установление торговых правил и льгот;

- установление повинностей населения, контроль за их отбыванием;

контроль за судебными сроками и исполнением решений; в случаях, волновавших весь город, непосредственное разбирательство дел; предоставление судебных льгот» (89, 175).

Таким образом, вече выполняло функции всех трех ветвей власти — исполнительной, законодательной и судебной. К тому же оно исполняло обязанности избирательной комиссии и контрольных органов.

История новгородского вече полна вопросов, на которые нет ответов. Вече напоминает понятие из области радиотехники — «черный ящик». Мы знаем, что на входе и что на выходе. Но мы не знаем, что происходит внутри. Конечно, специалисты высказывают некоторые предположения на сей счет. Но не более чем предположения.

Как собирали вече?

Обычным сигналом для сбора на вече был звон вечаевого колокола. Того самого, который Иван III в 1478 году вывез в Москву в знак победы над своевольными новгородцами.

Люди Средневековья хорошо понимали забытый ныне язык колоколов. Каждый колокол имел свой «голос». В разных случаях использовались соответствующие по мелодии звоны. Однако многочисленные новгородские колокола могли сбить с толку своим одновременным перезвоном. Да и не каждый имел чуткий к оттенкам слух. Поэтому новгородцев на вече могли собирать и биричи — профессиональные глашатаи, ходившие по улицам средневековых русских городов и выкликавшие разного рода сообщения.

Где происходило вече?

Точного и однозначного ответа на этот вопрос нет. Можно полагать, что местом проведения вече была площадь к югу от Никольского собора на Торговой стороне. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой вече обычно собиралось на Софийской стороне, в Детинце, возле южной стены Софийского собора. Соборы на Торговой стороне бывали, но изредка.

Кто собирал вече?

Обычно вече собирал кто-то из высших чинов городской администрации: посадник, тысяцкий или архиепископ. Случалось, что инициатива сбора исходила от простого горожанина, возмущенного действиями властей.

Кто имел право голоса?

Это один из самых спорных вопросов новгородской истории. Согласно одной точке зрения, правом голоса на вече обладала только новгородская знать, главы больших семей и хозяева городских усадеб. Словом, те, кого источники называют «300 золотых поясов».

Другая точка зрения рассматривает вече как подлинно народное собрание. «Оно строилось по принципу полного должностного, административно-территориального (концы) и социального представительства и равных возможностей для участников отстаивать свои взгляды» (89, 183).

Любое историческое явление следует рассматривать с учетом особенностей менталитета людей той эпохи. Современному человеку, привыкшему к четкости формул и обязательности бюрократических процедур, трудно представить себе стихию «древнерусского парламента». Новгородское вече не имело четких организационных форм. Источники не дают сведений о каких-либо списках лиц, имеющих право голоса. Не существовало и единой процедуры обсуждения вопросов. Не велось каких-либо протоколов, записи речей. Даже подсчет голосов, поданных за то или иное предложение, считался делом излишним. Единственная цель вече состояла в том, чтобы выяснить мнение по обсуждаемому вопросу собравшихся на площади новгородцев.

Принятие решения определялось не подсчитанным большинством голосов, а одобрительным криком собравшейся на вечевой площади толпы. Если крик сторонников и противников данного решения был примерно равным, в дело вступал «Божий суд» — драка на Великом мосту, носившая характер своего рода судебного поединка. Она велась по определенным правилам, нарушение которых вызывало всеобщее осуждение.

Еще одним твердым правилом был запрет женщинам приходить на вече. Одной из причин запрета была перспектива перерастания народного собрания в драку между противостоящими группами вечников.

На вече собирались только свободные жители Новгорода. Однако решения вече были обязательными для всего населения Новгородской земли. В этом проявлялась роль Новгорода как «старшего города», своего рода метрополии, управлявшей своими «колониями».

Сквозь внешнюю стихийность вечевых собраний просматриваются определенные «правила игры». Соблюдение

этих правил придавало вече легитимность, а нарушение, напротив, лишало решения народного собрания силы закона.

Законным считалось только то собрание, на котором присутствовали посадники, тысяцкие, представители всех пяти новгородских «концов» и всех слоев населения Новгорода (89, 182). Постановление веча вступало в силу после утверждения новгородским архиепископом. Сам владыка на вече никогда не присутствовал.

Решение веча оформлялось в виде грамоты, скрепленной печатями посадников, тысяцких, а в некоторых случаях и архиепископа. Вечевые грамоты готовились и хранились в находившейся на площади вечевой избе.

Кто управлял вечевой демократией?

Отсутствие ясных сведений об устройстве новгородского веча породило два взгляда на его значение. Одни историки считали вече образцом средневекового «народоправства», другие представляли его как инструмент, с помощью которого местная знать решала свои проблемы.

Князь без княжества

В XI — начале XII века в Новгороде правил князь-наместник, присланный из Киева. Новгородцы платили дань киевскому князю. Иногда князь-наместник отказывался подчиняться своему киевскому сюзерену и начинал с ним войну. Однако это было исключением из обычного порядка.

Рост экономического и политического значения Новгорода и одновременное ослабление Киева привели к ликвидации старой системы. Начиная с 1136 года новгородцы стали сами избирать себе князя, приглашая на эту роль кого-либо из авторитетных Рюриковичей. Князь служил Новгороду «на постоянной основе», а не «по совместительству». Иначе говоря, это была его основная работа. Он старался выполнять ее добросовестно. В противном случае новгородцы могли «разорвать контракт» и пригласить другого князя.

Служба Новгороду была почетным и доходным делом. Однако усидеть на шатком новгородском столе было чрезвычайно сложно. Подсчитано, что за первые сто лет новгородской вольности произошло около тридцати переворотов (89, 183).

Некоторые князья так срастались с новгородской знатью, с ее делами и заботами, что становились как бы почетными

гражданами города. После кончины их удостаивали высшей почести — погребения в стенах новгородского Софийского собора. Там в 1178 году похоронили любимого новгородцами князя Мстислава Безокого, а в 1180-м — Мстислава Ростиславича Храброго. Там мечтал быть похороненным и знаменитый сын Мстислава Храброго — князь Мстислав Удатный (124, 122).

Частая смена князей после 1136 года происходила на фоне сохранения (или даже усиления) их властных полномочий (89, 85). Издавна новгородский князь был не только военным предводителем. Он судил и примирял конфликты между «золотыми поясами». И в этом смысле он был необходимым элементом новгородской политической системы. Без него бояре разрушили бы город своими распрями.

* * *

Быстрый рост военно-политического могущества Владимиро-Суздальского княжества проявился и в походах князей на Новгород. В 1169 году войско, посланное Андреем Боголюбским, осадило город, и только чудо спасло новгородцев от суздальцев. Гибель Андрея Боголюбского в июне 1174-го не сняла опасности.

Новгородцы решили не ждать новой беды, а играть на опережение. Со времен Всеволода Большое Гнездо (1177—1212) они стали приглашать на княжение, как правило, великих князей Владимирских или их порученцев. Это обеспечивало городу хорошие отношения с сильнейшим из русских князей, а в случае внешней угрозы — военную поддержку владимирских «самовластцев». Однако при этом исчезало само понятие «новгородский князь». Княжение в Новгороде стало одной из прерогатив великого князя Владимирского.

Установление татаро-монгольского ига сильно повысило авторитет великого князя в Новгороде. Отказаться от его услуг и призвать другого князя теперь стало даже теоретически невозможно: за спиной великого князя Владимирского стоял утвердивший его в этом достоинстве хан Золотой Орды.

Владимирские князья быстро поняли свое новое положение. В спорах с Новгородом они нередко стали прибегать к откровенному шантажу, угрожая навести на город татар. Однако дальше угроз дело никогда не доходило...

Пользуясь новой ситуацией, Александр Невский расширил свои полномочия в Новгороде. Однако с его кончи-

ной всё вернулось на прежний путь. «Князь не имел права руками своих слуг собирать государственные доходы с территории Новгородской земли (это делали сами новгородцы, контролировавшие тем самым бюджет государства), не мог владеть на территории Новгородского государства какими-либо земельными участками на основе частной собственности, выносить судебные решения без санкции посадника» (127, 384).

Обремененные множеством забот в своем собственном княжестве, владимирские князья уже не проводили в Новгороде сколько-нибудь длительного времени. В знак своего присутствия они обычно посылали в Новгород одного из сыновей. Ярослав Всеволодович отправил в Новгород старшего сына Александра, когда тому было всего около восьми лет. Сам Александр, став великим князем Владимирским, держал в Новгороде старшего сына Василия.

Сыновья Александра Дмитрий и Андрей были поглощены борьбой за власть и интригами в Орде. Однако оба ездили в Новгород, чтобы принять участие в войне со шведами. Семейная ситуация не позволяла им постоянно держать в Новгороде своего отпрыска: оба имели по одному сыну.

Младший Александрович, Даниил, отец пятерых сыновей, получив в 1296 году великое княжение Владимирское, отправил в Новгород сына Ивана, будущего Калиту.

Князь Юрий Данилович Московский в качестве великого князя Владимирского лично водил новгородцев на войну со шведами. В Новгороде жил, умер и был похоронен в церкви Спаса на Нередице его брат Афанасий.

Княжеская власть в Новгороде медленно, но неуклонно меняла свой характер. Она становилась некоей посторонней для города силой. Услугами этой силы можно было пользоваться, но ее домогательства и посягательства необходимо было отвергать.

Московские великие князья смотрели на Новгород исключительно с точки зрения финансовой, не обременяя себя никакими обязанностями. Действительное (или мнимое) нарушение новгородцами денежных обязательств немедленно приводило к военному давлению на Новгород. Однако, как правило, дело ограничивалось разорением пограничных волостей, после чего начинались переговоры, приводившие к соглашению.

Уход князя из общественной жизни Новгорода имел негативные последствия для внутренней стабильности республики. Схема власти упростилась, но именно поэтому

стала более шаткой. Прежде князь выступал как посредник и третейский судья в серьезных тяжбах. Его независимость и равноудаленность от боярских семей позволяли ему быть объективным. Теперь все конфликты приобрели характер прямой конфронтации между сторонами. Ненависть и рознь угрожали городу новыми потрясениями.

Трагедии прошлого возвращаются в виде фарса. Придет время — и князь вернется в Новгород в роли верховного судьи. Но этот суд будет уже не более чем политическим фарсом, устроенным московским государем Иваном III для расправы с оппозиционной частью новгородской знати...

Доля посадника

Высшим должностным лицом в Новгороде был посадник. Во времена Киевской Руси посадник — это своего рода управляющий, присланный из Киева. Вместе с князем он руководил общественной жизнью города. Однако к концу XI века новгородцы добились права самим избирать посадника, который представлял их интересы перед князем. Так в городе возникло своего рода «двоевластие».

Местная составляющая этого двоевластия окрепла после кончины сильного киевского князя Владимира Мономаха. В 1136 году новгородцы постановили впредь самим решать вопрос о том, кого из Рюриковичей звать к себе на княжение. Тогда же устанавливается и обычай совместного суда князя и посадника.

Вступив на путь расширения своих «вольностей», новгородцы с 1156 года самостоятельно избирают кандидата на пост епископа. Получив поставление в сан от киевского митрополита, он становился главой духовенства Новгорода и Пскова.

После установления боярской республики в 1136 году посадник стал фактическим главой Новгородского государства. Поначалу его избирали на неограниченный срок.

Новгородская политическая мысль во всем старалась построить систему сдержек и противовесов. В то время как должность посадника была своего рода противовесом князю, противовесом самому посаднику (а отчасти и князю) стала установленная в конце 80-х годов XII века выборная должность тысяцкого — представителя купечества и свободных городских ремесленников.

(Примечательно, что новгородцы не изобретали новых названий для новых должностей. Взяв за образец

название сходной должности в княжеской администрации (тысяцкий), они наполнили ее новым содержанием. Средневековые вообще не любили явных новшеств и старались хотя бы внешне сохранять верность традиции, «мудрой старине».)

Монастыри подчинялись архиепископу («владыке») и платили дань в его казну. Могущество владыки, сильно возраставшее по мере развития в Новгородской земле монастырского землевладения, было ограничено установлением должности новгородского архимандрита — главы и полномочного представителя всего черного (монастырского) духовенства.

При первых же признаках чрезмерного сосредоточения какой-либо власти в одних руках новгородцы передавали часть этой власти в другие руки.

Известный исследователь истории Новгорода В. Л. Янин предложил следующую схему развития института посадничества в XIV—XV веках. В конце XIII века новгородцами было принято решение о ежегодном избрании посадника, а также двух других ключевых фигур в государстве — тысяцкого и новгородского архимандрита (127, 385). В результате этой реформы новгородская демократия вступила в пору своего расцвета.

Новая реформа системы управления была осуществлена в 1350-е годы. Отныне вместо одного посадника появилось шесть: два от самого аристократического района города — Неревского конца и по одному от остальных концов. Все шесть посадников получали эту должность пожизненно. Ежегодно из шести посадников избирался один главный — степенной посадник. Он становился главой Новгородского государства. Через год в случае успешной деятельности он мог быть переизбран на следующий срок, а в случае неудачи — заменен кем-то другим из тех же шести посадников.

Около 1417 года круг допущенных к высшим должностям персон вновь был расширен. Вместо шести посадников новгородцы стали два раза в год избирать 18. Помимо этого они избирали пять тысяцких и пять игуменов — представителей монастырей данного конца города.

Около 1424 года число посадников вновь было увеличено, на этот раз до двадцати четырех. А на закате Новгородской республики посадников было уже 36, а тысяцких семь человек. Практически каждая аристократическая семья в Новгороде получила свою частицу власти в виде одной из государственных должностей.

Документы той эпохи крайне скудно освещают историю новгородских государственных институтов. На этой базе можно строить лишь более или менее убедительные гипотезы. Схема В. Л. Янина не является бесспорной. Однако она объясняет многое в судьбе Новгородского государства.

Удовлетворение всех жаждущих власти имело и обратную сторону. Чем больше людей участвуют в принятии решений, тем труднее и медленнее оно принимается. Власть как бы распыляется, теряет необходимую жесткость. Решение утопает в бесконечных согласованиях и прениях сторон. Такое положение становится особенно опасным в тех случаях, когда требуется принятие быстрых и четких решений, от которых зависит само существование государства.

В Новгороде в последние десятилетия его независимости происходит быстрая девальвация самого звания посадника и тысяцкого. Падает авторитет государственной власти, представители которой беззастенчиво пользуются своим положением в корыстных целях. Прикрывшись размножившимися государственными должностями, новгородские бояре становятся практически безнаказанными. Происходит своего рода «приватизация государства».

В критический момент, летом 1471 года, в олигархическом Новгороде не оказалось главнокомандующего всеми вооруженными силами. Судя по летописным рассказам об этой войне, новгородские рати выступали разобщенно, без единого плана. У каждой из них были свой предводитель, свой собственный план действий.

В этой связи принято говорить о том, что рядовые новгородцы окончательно потеряли доверие к своим властям и не желали защищать интересы оторвавшегося от народа узкого и замкнутого правящего слоя. Однако такое заключение носит чисто умозрительный характер. Существует и другое мнение, согласно которому новгородские «черные люди» в большинстве своем до конца сохраняли преданность своей республике (89, 90). При этом многие, не имея собственной точки зрения на происходящее, придерживались взглядов той или иной боярской партии.

Состояние источников не позволяет дать определенный ответ и на этот вопрос. Никто из историков не производил социологический опрос в тогдашнем Новгороде. Косвенные данные можно понимать по-разному. Огромное количество новгородцев, выступивших навстречу московским полкам летом 1471 года, свидетельствует о том, что за оружие взялся буквально «весь город». Разгром опол-

ченцев московскими воеводами объясняется низкой боевой подготовкой ополченцев. Новгород давно не воевал, и многие из горожан вообще впервые взяли в руки оружие. Рассказ московских летописцев о том, что новгородцы во время бегства с поля сражения будто бы избивали друг друга, имеет явное книжное происхождение и восходит к образам Священного Писания. Нельзя забывать и о эмоциональном аспекте, который часто определяет поведение всколыхнувшихся народных масс.

Новгородское простонародье увлекалось зрелищем вечевых дебатов, порой переходивших в сражения на Великом мосту. Частые избирательные кампании обогащали многочисленных демагогов и веселили горожан. Шумное вече заменяло новгородскому плебсу римский Колизей и константинопольский Ипподром. Этот элемент зрелищности, ритуальности отправления власти, присущий новгородским порядкам, был совершенно не знаком княжеской Руси с ее монархической манерой принятия решений «у постели, сам-третей» и долгим сидением бояр в Думе.

Новгородцы любили свою веселую демагогию и в немалой мере кормились за ее счет. И не здесь ли скрывается корень той преданности граждан своему укладу жизни, который два века питал Новгородское государство?

Перед лицом московской тирании независимость Новгорода могла спасти только собственная, доморошенная тирания. Однако вся новгородская политическая система, вся система ценностей новгородских «черных людей» были настроены на исключение этой возможности.

И тогда московская тирания вошла в Новгород тяжелой поступью Ивана III...

Но всё это — будущее. А пока молодой Василий пробовал силу своей власти на бескрайних просторах новгородских колониальных владений. Борьба за новгородский Север была необходимой и почти ритуальной задачей для любой московской власти в XIV—XV веках.

Глава 5

ТЕМИР-АКСАК-ХАН

«В лето 6960 приходил Тимир Аксакша Рахманский на Русскую землю» (29, 143).

Историю делают люди. И чем выше на социальной лестнице стоит тот или иной человек, тем сильнее может

быть его воздействие на ход событий. Конечно, действия человека обусловлены объективными и субъективными факторами. Любой, даже самый грозный деспот должен считаться с интересами правящей элиты и обеспечивать условия для всеобщего выживания. И всё же влияние правителя на ход событий колеблется в весьма значительных пределах. Размах колебаний зависит от политической системы, в которой этот правитель существует. Русские князья XIV—XV веков были своего рода монархами, а их система власти — монархией. В силу многих причин — тяжелых природно-климатических условий, низкой плотности населения, воинственности степных соседей, уникальной религиозной ситуации — именно монархия была оптимальной политической системой для Руси.

Историки привыкли делить отечественную историю по правлениям конкретных правителей: Петровская эпоха, эпоха Ивана Грозного, эпоха Ивана III, эпоха Дмитрия Донского и т. д. Каждая из этих эпох имеет свой неповторимый колорит. Эпоха «собирателя Руси» Ивана Калиты, героическая эпоха Дмитрия Донского, государство-созидательная эпоха Ивана III, кровавая тирания Ивана Грозного... Время Василия I можно определить как *удачное* для Руси. «Его величество случай» раз за разом спасал Москву от беды. Гибельные события словно грозовые тучи громыхали вокруг Москвы. Но всякий раз туча проходила где-то поодаль...

История возвышения Тимура столь же удивительна, как и судьба Чингисхана. Сын мелкого провинциально-го владельца, он сумел возвыситься благодаря личным талантам и удачному стечению обстоятельств. Его владения стремительно расширялись и вскоре охватили всю Среднюю Азию, Иран, Хорасан и даже Индию. В погоне за изменившим ему вассалом и учеником, ханом Тохтамышем, Тимур пришел в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ.

Степняки любили воевать. Война скрашивала однообразное бытие простых кочевников, пополняла трофеями скромное убранство их юрты, давала тему для разговоров у степного костра. Монгольской знати война приносила пьянящее ощущение власти над миром. Хан должен вести их к новым победам. Хан всем ханам, царь всем царям был непобедимый Тимур. Он не успокоится до тех пор, пока не завоюет весь мир...

История этой странной войны между учеником и учителем, Тимуром и Тохтамышем, своим гигантским размахом и своей бессмысленностью ставит в тупик современных историков. Но в том и состоит их работа, чтобы всё объяснять. А потому дадим слово историку. Пусть начертит нам хотя бы контуры этой картины.

«Первые столкновения произошли в 1386 г. на Кавказе: Тохтамышу удалось тогда захватить на время Тавриз, однако в 1387 г. в Дагестане он потерпел поражение от войск Тимура. Затем борьба между ними разворачивалась в Средней Азии, в частности в Хорезме. Однако, несмотря на временные успехи, Тохтамыш вынужден был под напором войск Тимура оставить Мавераннахр и вернуться на территорию Волжской Орды.

Следующим весьма важным этапом затяжного конфликта двух могущественных ордынских правителей было грандиозное сражение, происшедшее 28 апреля 1391 г. на левом берегу Волги в местности Кундузча, сражение, закончившееся поражением войск Тохтамыша. Тем не менее золотоордынский хан не думал складывать оружия: на протяжении последующих четырех лет он продолжал оказывать упорное сопротивление натиску Тимура, мобилизуя для этой цели как ресурсы самой Золотой Орды, так и оппозиционные Тимуру силы, существовавшие тогда на Кавказе, в Мавераннахре, Египте. Определенную роль в противодействии наступательным планам Тимура должны были, по расчетам Тохтамыша, играть и восточноевропейские страны, всё еще находившиеся тогда в сфере золотоордынского влияния. Так, умело маневрируя, Тохтамыш в течение ряда лет тщательно готовил силы для новой схватки со своим могущественным противником. Наконец, в 1395 г. на берегах Терека произошло сражение, кончившееся полным разгромом войск Тохтамыша армией Тимура. Если победа на Тереке открыла Тимуру и его армии путь не только на Волгу, но и на берега Дона, а возможно, и Днепра, то это же событие для Тохтамыша обернулось потерей престола в Сарай-Берке, сначала вынужденным уходом на два-три года в Крым, а потом и бегством в великое княжество Литовское (около 1398 г.).

На протяжении 1396—1398 гг. поставленные Тимуром новые правители Волжской Орды, прежде всего Едигей, а также Тимур-Кутлук, Кайричак, Таштимур, многое сделали для возрождения былого великодержавия Орды. Тем не менее незавершенность борьбы с Тохтамышем, оставав-

шимся еще в Крыму, замедляла темп реализации данной задачи. Правители Волжской Орды сделали дальнейшие важные шаги на этом пути в 1398 г., когда Тохтамыш был вынужден перебраться из Крыма в Литву, и в 1399 г., когда армии Витовта и Тохтамыша были разбиты войсками Едигея на берегах Ворсклы» (65, 208—209).

В Москве внимательно следили за событиями в степных улусах. В Сарае постоянно находилось много русских людей разного чина и звания: купцов, ремесленников, священников, воинов. Через них в Москве могли получать самую свежую информацию о происходящем в степях. Не случайно Тохтамыш в 1382 году начал свой набег на Русь с того, что приказал перебить всех русских, находившихся тогда в Орде. Следя за перипетиями войны Тохтамыша с Тимуром, в Москве не знали, когда радоваться, а когда печалиться. Сокрушая могущество Тохтамыша, Тимур как бы мстил ему за погром Руси в 1382 году. Однако за прошедшие 13 лет русские привыкли к Тохтамышу, наладили с ханом деловые отношения. Тимур был новый, непонятный москвичам правитель. И что от него ожидать — не знал никто. Преследуя остатки войск Тохтамыша, Тимур в августе 1395 года подошел к границам Руси и стал лагерем близ Ельца...

* * *

Спустя лет десять после этих событий, возможно в связи с кончиной Тимура в 1405 году, какой-то московский книжник составил «Повесть о Темир-Аксаке». Исполненная церковной риторики повесть изображает внезапный уход Тимура от границ Руси как следствие Божьей милости к Русской земле. Крупицы исторической истины, содержащиеся в ней, в силу их уникальности заслуживают особого внимания.

Согласно «Повести о Темир-Аксаке», возле русской границы Тимур стоял две недели на одном месте. Известный стремительностью своих действий, Тимур, конечно, не случайно словно застыл на месте. Вероятно, он выяснял обстановку на Руси, а заодно добивался от Литвы выдачи Тохтамыша. Он уже не сомневался в своей полной победе над Тохтамышем. Соответственно, он рассматривал Орду и ее русские улусы как свое владение, опустошать которое не имело смысла. Наконец, выросший под азиатским солнцем Тимур не хотел встретить осень среди русских лесов и

болот. Выяснив, куда пошел Тохтамыш, Тимур отступил от границ Руси и устремился в погоню за ним в Крым.

Московский «самодержец», 24-летний великий князь Василий, узнав о приближении «царя» Тимура, выехал в Коломну. Это был узловой пункт всей московской системы обороны южной границы. Главная установка, которой руководствовался Василий в своих действиях летом 1395 года, заключалась в том, чтобы не повторять ошибок отца 1382 года. Московская победа на Куликовом поле и драма нашествия Тохтамыша стали уроком для Дмитрия Донского и его сыновей. Летом 1382 года Дмитрий Донской оставил столицу и уехал в Кострому. Василий I пошел навстречу врагу в Коломну. Что он предполагал делать, если Тимур двинется на Русь? Скорее всего, он думал встретить и остановить врага на переправах через Оку. Предполагалось, что после тяжелых боев с Тохтамышем войско Тимура сильно поредело и ослабло. И всё же трудно представить победу московского войска над многотысячными полчищами Тимура...

В 1382 году Дмитрий Донской не сумел найти таких распоряжений, которые обеспечили бы порядок и стойкость в Москве. Вспыхнувший в городе мятеж стал главной причиной катастрофы. Ни митрополит Киприан, ни княгиня Евдокия не сумели овладеть положением и бежали из города. Бояре не нашли себе вождя. В 1395 году Василий, возможно по совету митрополита Киприана, нашел сильное решение, позволившее сплотить народ, поднять боевой дух. Этим решением стал перенос из Владимира-на-Клязьме в Москву чудотворной иконы Владимирской Божией Матери. Древний византийский образ, привезенный Андреем Боголюбским из Киева во Владимир, служил палладиумом Северо-Восточной Руси. Пережив Батыево нашествие и княжеские усобицы, почернев от времени и пожаров, икона теперь должна была спасти Москву от страшного «железного хромца» Тимура.

Современным людям трудно представить воздействие на человека Средневековья разного рода публичных церемоний и зрелищ. Казни и крестные ходы, встречи и провозы послов, торжественная интронизация правителей — всё это оживляло однообразный мир повседневности. Народная масса превращалась в толпу, которой легче было управлять. Перенесение Владимирской иконы сплотило москвичей, вселило в них надежду на победу.

В самый праздник Успения Божией Матери 15 августа 1395 года владимирцы с рыданием и стенанием проводили

икону. Через десять дней ее встречали в Москве. Дорога из Москвы во Владимир в те времена шла не так, как сейчас. Ее главной линией был старый путь из Москвы на северо-восток через Троице-Сергиев монастырь, Переяславль-Залесский и Юрьев-Польской. В Переяславле-Залесском путник сворачивал на Юрьев-Польской и далее на Владимир. Этим же путем, в обратном направлении, ездили из Владимира в Москву. Общее расстояние составляло около двухсот верст. Процессия с иконой, вероятно помещенной в особой повозке, двигалась со средней скоростью 20 верст в день. В придорожных селах служили молебны, в жаркий полдень останавливались на отдых в густом лесу или у реки. Для поднятия духа время от времени запевали псалмы или акафисты.

Неизвестный автор «Повести о Темир-Аксаке» рассказывает, что в тот час, когда Владимирскую икону встречали на окраине Москвы, Тимур приказал своему войску сняться с лагеря и уходить обратно в степь. Чудо свершилось. Богородица своим небесным покровительством спасла Москву.

В этой истории правда переплетается с фантазией. Тимур ушел из Руси так же внезапно, как и появился. И едва ли в Москве знали точную дату его ухода. К тому же огромное войско со всем обозом уходило со стоянки в течение нескольких дней.

Памятником этим событиям стала не только «Повесть о Темир-Аксаке». На месте, где москвичи встречали икону, митрополит Киприан и великий князь Василий Дмитриевич решили устроить монастырь, главный храм которого посвящен Сретению. История спасения Москвы от нашествия Тимура стала одной из ярких жемчужин в венце легенд о чудесах, происходивших в разное время от иконы Владимирской Божией Матери.

Московский князь Василий дерзко распорядился национальной святыней, вывезя ее из Владимира в свою столицу. Вероятно, сама идея переноса иконы исходила от митрополита Киприана. Византия была полна разного рода шествий со святынями. Весь Константинополь собирался на шествие с иконой Богородицы Одигитрии. В случае угрозы столице со стороны внешних врагов первым делом устраивали крестный ход по стенам с чудотворной иконой или ризой Богородицы.

Однако со святынями следовало обращаться осторожно. Дерзость князя Александра Васильевича Суздальского,

забравшего из Владимира в Суздаль соборные колокола (1331 год), обернулась для князя позором: владимирские колокола в Суздале не стали звонить по-прежнему. Примечательно, что после ухода Тимура Василий приказал отвезти икону обратно во Владимир. В московском Кремле была написана точная копия ее. Полагают, что иконописцем, исполнившим это ответственное поручение, был Андрей Рублев. Новый перенос чудотворной Владимирской иконы в Москву состоялся ровно через сто лет: летом 1480 года, когда на Русь двинулся хан Большой Орды Ахмат.

Ныне икона Владимирской Божией Матери помещена в церкви, примыкающей к старому зданию Государственной Третьяковской галереи. В определенные часы дня икона доступна для молящихся, а в другие — для всех.

* * *

Урок нашествия Тимура состоял в том, что только совместными усилиями князя могут остановить нового завоевателя. Под 6907 (1399) годом летопись сообщает: «Того же лета князь великий Михаило Александрович Тферский с князем с великим с Московским покрепиша миру, и съденишася Рустии князи вси в един, и бысть радость велика всему миру» (29, 143).

Идея объединения для всеобщего выживания мерцала в политическом сознании той эпохи. Но кто с кем должен объединиться и на каких условиях — каждый понимал по-своему. Эту неопределенную, зыбкую политическую ситуацию рубежа XIV—XV веков исследователь русского Средневековья А. Е. Пресняков характеризовал так:

«Время великого князя Василия Дмитриевича для Великороссии — тяжкая година неустойчивых, изнурительных и напряженных отношений, непрерывных и безысходных конфликтов, на разрешение которых, сколько-нибудь определенное и прочное, у великокняжеской власти не было необходимых сил и средств. Эта власть словно мечется между разными союзами и разрывами; нет у нее внутренней силы для определенной постановки и последовательного разрешения сложных заданий, возникших из международного положения Великороссии. То руководство судьбами Великороссии, которое составляло цель и внутреннее оправдание этой власти — в понимании ее носителей и русского общества, — то и дело ускользает из рук великого князя Василия» (94, 238).

Источники слабо освещают логику поведения тогдашних правителей. Можно только догадываться, почему было принято то или иное решение. Догадки эти строятся исходя из системы ценностей современного человека. По молчаливой договоренности «выносятся за скобки» фактор Бога. Возникшую ситуацию можно сравнить с игрой в шахматы... без короля. А между тем мысль о Божьей воле, о богоугодности или, напротив, богопротивности того или иного действия всегда воздействовала на поведение средневекового человека. Определить характер и степень этого воздействия в каждой реальной ситуации — задача, требующая от историка тонкого «слуха».

Древняя как мир геополитическая борьба — борьба за пространство, за природные ресурсы, за выход к морям и большим рекам... Война как средство укрепления власти правящей элиты... Во всем этом много чисто биологической борьбы за выживание.

Одни государства рождаются, другие находятся в расцвете своих сил, третьи клонятся к закату. В соответствии с этим строятся их политические приоритеты. На первый взгляд историк трудно понять мотивацию действий главных игроков этой «большой игры». Но только начертив контуры событий, можно дерзнуть на их осмысление.

* * *

Великий князь Московский Василий I стремился создать Великорусское государство, свободное от ордынского ига. В его состав должны войти с той или иной степенью самостоятельности Литва и Польша. Только объединив боевые силы Москвы, Вильно и Кракова, создав своего рода *славянскую империю*, можно навсегда освободиться от ордынского ига. Столицей новой империи должна стать Москва.

Главный теоретик «православного содружества наций», митрополит Киприан, подобно Василию I, тоже хотел создания русско-литовско-польского государства, при этом не слишком заботясь о том, кто будет его возглавлять. Современный историк утверждает, что «этот человек прилагал все усилия, чтобы противостоять восточноевропейскому сепаратизму и национализму, завоевать Византию друзей в трудный для нее час и объединить православные славянские народы через вовлечение их в лоно Константинопольской матери-церкви» (90, 527).

Свою линию в Восточной Европе вела Орда. Конечно, не следует преувеличивать хитроумие «кибиточных политиков». Покой степей накладывал отпечаток на дипломатию ханов. Их неофициальной религией был фатализм. Но всё же свои интересы понимали все. Новые правители Орды — Тимур и его ставленники Тимур-Кутлуг, Ширван и Едигей — желали натравить Москву на Литву, но при этом не допустить ее политической самостоятельности.

Великий князь Литовский Витовт хотел окончательно выйти из подчинения своему кузену, польскому королю Ягайло. Ради этого Витовт готов был идти на сотрудничество даже с давним врагом Литвы — немецким Ливонским Орденом.

Витовт знал, что успешная война или энергичная мирная экспансия — лучший способ укрепить трон, и потому постоянно стремился расширять свои владения во все стороны. Наступление на Русь по трем направлениям — Смоленск и Новгород со Псковом — казалось Витовту наиболее перспективным.

Для Ордена, как и для Витовта, Польша была главным врагом. Однако Витовт понимал, что союз Литвы с Польшей (Кревская уния 1385 года) приносит ему не только унижения, но и преимущества.

Ливонский Орден нуждался в активном движении на восток. Рыцари хотели захватить как минимум Псков и Псковскую землю, а как максимум — Новгород.

Миролюбивый по натуре, Василий Московский не желал войны ни с кем. Он хотел дружить с Литвой, где после 1392 года фактически правил его тесть великий князь Литовский Витовт. Однако ценой литовской дружбы были территориальные уступки и участие в литовских походах. Стоявший за Василием I московский правящий класс не мог допустить литовской экспансии на Русь и не хотел посылать свои войска для участия в литовских войнах. С трудом примирившись с потерей в 1404 году Смоленска, московские бояре категорически отказывались отдать Витовту Псков и Новгород.

Нашествие Тимура встряхнуло всех правителей Восточной Европы. Но оно прошло по верхам, не задело собственно русские княжеские отношения. Русские князья в разной степени подчинялись Василию I как главе всей политической системы Северо-Восточной Руси — великому

князю Владимирскому. Московская боярская корпорация условно делилась на «старых» и «молодых». Василий должен был учитывать мнение тех и других. «Старики», вспоминая «великую тишину» Ивана Калиты, призывали к миру с Ордой; «молодые» предпочитали вспоминать Куликово поле...

У московской экспансии («собираения Руси») был, однако, свой предел. В борьбе с Москвой русские князья и боярские республики издавна обращались за помощью к Литве. Раньше Ольгерд, а теперь Витовт охотно поддерживали врагов Москвы. Витовт избегал большой войны и открытой ссоры со своим зятем Василием Московским, но при этом всегда готов был в удобный момент нанести неожиданный удар и отнять у Москвы часть ее владений.

Таков был политический ландшафт конца XIV — начала XV века.

Для детализации этой картины обратимся к уже процитированной выше многозначительной и туманной фразе летописи (6907/1399 год): «Того же лета князь великий Михаил Александрович Тферский с князем с великим с Московским покрепиша миру, и съденишася Русстии князи вси в един, и бысть радость велика всему миру» (29, 143).

Казалось, настал долгожданный всеобщий мир. Но эту приятную картину всеобщего примирения тут же разрушает острое, как кинжал, известие: «Того же лета послаша князи Руссии грамоты разметные к Витовту» (29, 143). Видимо, мир этот был скорее союзом князей против Витовта, нежели знаком всеобщего примирения.

Сквозь хронологическую путаницу, обычную для раннемосковских летописей, угадывается суть дела. Русские князья, опасаясь нашествия Тимура, поспешили заявить свою готовность идти на Витовта, который приютил в своих владениях преследуемого Тимуром Тохтамышша. На исходе 1395 года Тимур ушел по следам своего врага на юг, в Крым. Не догнав быстрого Тохтамышша, Тимур повернул обратно — в свой родной Мавераннахр. Но его порученцы (Койричак, Тимур-Кутлуг, Едигей) вскоре исполнили волю Тимура и окончательно разгромили Тохтамышша и его покровителя Витовта в битве на Ворскле 13 августа 1399 года.

В итоге Василий Дмитриевич успешно прошел между Сциллой и Харибдой: избежал нашествия на Русь Тимура и Витовта и при этом уклонился от участия в войне Тимура и его порученцев с Тохтамышем и Витовтом.

Союз Василия I и Витовта мог изменить карту Восточной Европы. Но сколько таких союзов рухнуло из-за эгоизма их создателей! Идея тесного взаимодействия между двумя или тремя политиками для достижения общих целей стара как мир. Самым известным соглашением такого рода был знаменитый триумvirат Юлия Цезаря, Гнея Помпея и Марка Красса. Поначалу этот союз помог триумвирам достичь промежуточных целей. Однако полного успеха добился один лишь Цезарь. Двое других оказались лишними. Рассорившись с Помпеем, Цезарь разгромил его войска в Фарсальском сражении. Уходя от преследования, Помпей бежал в Египет, где и был убит по приказу местного правителя. Красс погиб на войне с парфянами. И только Цезарь взошел на вершину власти. Но его триумф был не долгим. Последний из триумвиров пал жертвой заговора в Риме в 44 году до нашей эры.

История предостерегает правителей от таких союзов, где каждый держит нож в рукаве. И всё же замороженные мечтой о легком успехе, изобретатели союзов вновь и вновь идут на риск. Так было всегда.

Василий I был расположен к союзу с Витовтом отчасти по политическим, а отчасти по родственным соображениям. Энергичная и властолюбивая Софья склоняла мужа к союзу с отцом. В 1396 году Витовт приехал в захваченный литовцами Смоленск для личной встречи с Василием. Выбор Смоленска объяснялся политическим расчетом: намечался союз беглых смоленских князей с Олегом Рязанским — союз, направленный против Витовта. Вскоре Витовт начал войну с Рязанью, в которой Василий оказал тестю содействие.

Союз Москвы и Вильно открывал перед Витовтом новые перспективы. В 1397 году он вместе с Василием потребовал от Новгорода прекратить связи с Ливонским Орденом. Эти связи усиливали военную мощь как Новгорода, так и Ордена. Новгород ответил отказом, ссылаясь на свою традиционную независимость. Следствием этого стала московско-новгородская война 1397—1398 годов, основные действия которой развернулись на севере, в районе Вологды и Великого Устюга.

Весной 1398 года Витовт начал сближение с Орденом, увенчавшееся заключением Салинского договора (октябрь того же года). Эта тенденция испугала новгородцев, опасавшихся литовско-польской экспансии. Они поспешили закончить войну с Василием Московским и встать под его

защиту. Ситуация требовала серьезных стратегических решений. В Новгород в качестве великокняжеского наместника Василий отправил своего брата Андрея. Во Пскове появился другой московский порученец — князь Иван Всеволодович Тверской (29, 143).

Старая поговорка гласит: «Дружба дружбой, а служба службой». Василий понимал интересы Москвы и упорно не хотел уступать Витовту Новгород и Псков. Унаследованное от отца недоверие к Литве всё сильнее давало о себе знать.

* * *

Вероятно, московский двор отметил пышным застольем своего рода юбилей — десятилетие правления великого князя Василия Дмитриевича. Наблюдательные москвичи могли констатировать: в первые десять лет своего княжения (1389—1399) Василий I проявил хорошие способности к оборонительным действиям и дипломатическим маневрам. Он не потерял ничего из того, что оставил ему отец. И не только не потерял, но и приумножил за счет суздальско-нижегородских земель. Впрочем, приобретение это многим казалось опрометчивым и поспешным. Слишком много обиженных осталось от этого произвола, слишком явной была несправедливость по отношению к собственным братьям...

Десять лет верховной власти показали: Василий был человеком уклончивым, но не слишком большого ума. Вероятно, он и сам это понимал. Отсюда его осторожность и постоянная готовность к неудаче. В своих трех духовных грамотах (завещаниях) он рассуждает о будущем с философской покорностью судьбе: «А даст Бог сыну моему, князю Ивану, княженье великое держати...» (10, 56). Осторожность Василия оказалась оправданной. Первый наследник московского престола князь Иван Васильевич умер при неясных обстоятельствах где-то по дороге из Коломны в Москву (23, 232; 28, 163). Его похоронили в семейной усыпальнице — кремлевском Архангельском соборе...

Последняя духовная грамота Василия I также не блещет оптимизмом. «А оже ми даст Бог Новьгород Нижнии, и яз и Новыьгородом Нижним благословляю сына своего князя Василья» (10, 59). По мнению современных исследователей, именно эта грамота, «скрепленная печатями великого князя, его братьев и его тестя Витовта, стала утвержденным и действующим завещанием Василия Дмитриевича» (64, 33).

Всё сомнительно и шатко. Да и сам факт наследования трона Василием II вызывает у Василия I сомнение. «А даст Бог сыну моему великое княжение, ино и яз сына своего благословяю князя Василья...» (10, 61). Сомнения только усиливаются большим количеством поручителей за исполнение последней воли Василия I. Это и княгиня Софья, и братья Андрей, Петр и Константин, и, наконец, сам великий князь Литовский Витовт...

* * *

Многое продумал и просчитал осторожный Василий I. Но главная задача так и осталась нерешенной. Запутавшейся в мелочных спорах Руси нужен был не лукавый царедворец, а дерзкий, харизматический вождь. Дело Дмитрия Донского сиротело без продолжателя. Но спрос рождает предложение. На исторической сцене явился человек яркой харизмы и подлинного героизма. Обстоятельства сложатся так, что вся его энергия уйдет на борьбу с дворцовыми завистниками. Он похож на Гулливера, опутанного лилипутами. Имя этого героя без подвига — князь Юрий Дмитриевич Звенигородский...

Рассыпавшаяся на крупные и мелкие осколки Орда шла к концу своего исторического пути. В то время как все силы хана Тимур-Кутлуга были брошены на борьбу с Витовтом и Тохтамышем, отдельные ордынские отряды без всякого позволения центральной власти хозяйничали и грабили в Поволжье. Их проводниками нередко выступали лишённые своих уделов русские князья-изгои. Особенно отличались в этом отношении обездоленные Василием I суздальские князья.

Осенью 1399 года Семен Суздальский пришел из Орды с отрядом царевича Янтака численностью около тысячи воинов. Нижегородцы укрылись в крепости и развернули оборону. После трех дней осады был заключен мир. Однако татары, нарушив условия мира, 25 октября 1399 года ворвались в город и принялись грабить жителей. Князь Семен на упреки горожан только разводил руками и говорил, что не имеет власти над татарами. Пробыв в городе две недели и узнав о приближении московской рати, татары ушли во свояси. Между тем всё это произошло во время мира между Василием I и правителем Орды Тимур-Кутлугом.

Татары Семена были самоуправцы из Волжской Болгарии. Они мало зависели от Сарая и слушались только своих

улусных «царевичей». Это позволило Василию I предпринять акцию возмездия. Во главе войска, посланного в Нижний Новгород и дальше в Булгары, был поставлен 26-летний брат великого князя Василия Дмитриевича Юрий Дмитриевич Звенигородский.

Несмотря на то, что связь Булгара с Сараем была в то время весьма слабой, всё же это была провинция Орды. Первому большому походу на Орду в Москве придавали особое значение. Поход был тщательно подготовлен. С войском были посланы лучшие воеводы и старейшие московские бояре. Сам Василий остался дома. Он понимал, что неудача похода повлечет за собой падение его авторитета.

За всем этим угадывалась и некая дворцовая интрига против Юрия Звенигородского. Провал предприятия означал бы его личный провал как полководца. Такому ходу событий в Москве многие были бы рады. Однако в этом походе Юрий Звенигородский показал себя хорошим воеводой. Москвичи захватили ордынские (точнее болгарские) города: Болгары, Жукотин, Казань, Кременчуг. Все земли бывшей Волжской Болгарии были опустошены. «И въезав три месяца, възвратися съ великою победою и съ многую корыстию в землю Рускую» (22, 72). В сущности, это был первый наступательный поход русских войск на один из улусов Орды. Мечта о возмездии степнякам становилась реальностью. Князь Юрий Дмитриевич стал долгожданным героем сопротивления. Привезенная им из похода добыча позволила с размахом сыграть давно сговоренную свадьбу Юрия с дочерью смоленского князя Юрия Святославича Настасьей.

Какие чувства испытывал Василий I, глядя на веселье брата? Ему судьба послала горе. 30 ноября 1399 года, в воскресенье, когда день уже клонился к вечеру, умер его шестилетний сын Дмитрий...

* * *

Разгром Витовта в битве на Ворскле (1399) затормозил процесс распада Орды на отдельные улусы и тем самым косвенно воспрепятствовал процессу освобождения Руси от власти монголов. Но это касалось далеких перспектив. А пока Русь радовалась разгрому Тохтамыша и столь же ненавидимого всеми «латинянина» Витовта.

В Северо-Восточной Руси в эти годы ясно заметна смена поколений правителей крупнейших княжеств. Эпоха

великих бойцов закончилась. Дмитрий Донской сошел со сцены раньше всех — 19 мая 1389 года. Судя по всему, его свалила какая-то тяжелая болезнь. В августе 1399 года настала очередь вечного соперника Дмитрия Донского — князя Михаила Александровича Тверского. Неутомимый боец, он прожил долгую жизнь и умер 26 августа 1399 года в возрасте 66 лет.

Старая Тверь с достоинством покидала историческую сцену. В 90-е годы XIV века вражда Москвы с Тверью заметно поутихла. Тохтамыш ясно дал понять тверскому князю, что Орда окончательно отдает великое княжение Владимирское Москве. Тесное сотрудничество Твери с Литвой закончилось еще с кончиной Ольгерда в 1377 году. Двенадцать сыновей Ольгерда перессорились между собой. Любимец отца Ягайло, получив великокняжеский трон, унаследовал и зависть своих многочисленных братьев.

Подобно Ивану Калите, Михаил Александрович Тверской объединил свой уход из мира с уходом от власти. За несколько дней до кончины он покинул дворец и принял монашеский постриг. Судьба напоследок дала ему достойное утешение — участие в торжественной встрече присланной в Тверь из Константинополя иконы «Страшный суд». Тема иконы была весьма актуальной. Согласно многим древним пророчествам, по истечении седьмой тысячи лет должен был произойти Страшный суд. Этим подарком патриархия отблагодарила благочестивого князя за щедрую милостыню, посланную им в Византию. Какой-то тверской книжник составил пространную повесть о кончине великого князя Михаила Александровича, исполненную церковной риторикой и восхвалений княжеского благочестия.

Что думал Василий Дмитриевич, слушая рассказы о благочестивой кончине старого врага их семьи? Безусловно, Москве выгодны были распри, которые неизбежно должны были начаться в Твери между сыновьями и племянниками умершего. Традиционная политика Москвы состояла в том, чтобы поддерживать князей Кашинских — младшую ветвь Тверского княжеского дома — в их борьбе с правящей в Твери старшей ветвью потомков святого князя Михаила Ярославича Тверского. Так оно и вышло.

Не зная причин, мы берем из летописи одни только голые факты. Иван Тверской, наследник трона, придя к власти, велел своим боярам отказаться от клятвы верности младшим князьям — Василию Кашинскому и Ивану Кашинскому. Обиженные князья обратились с жалобой

на произвол Ивана Тверского к матери — княгине-вдове Авдотье. Она пыталась примирить сыновей, но успеха не имела. Между тем вдова князя Бориса велела своим боярам присягнуть на верность Ивану Михайловичу.

Тверкая усобица пошла своим обычным порядком, то разгораясь, то затихая, словно следуя за движением какого-то неведомого маятника...

* * *

Борьба с лишёнными престолов суздальско-нижегородскими князьями была не только в военном, но и в моральном отношении очень трудной для Василия I. Тохтамыш за немалую мзду дал ему ярлык на Суздаль и Нижний Новгород, но это не меняло сути дела. Главная сложность состояла в том, что мать Василия I княгиня Евдокия была дочерью Дмитрия Константиновича Суздальского. Его сыновья Василий Кирдяпа, Иван и Семен доводились ей родными братьями, а великому князю Василию Дмитриевичу — дядьями. Расправа с близкими родственниками всегда была тяжким грехом и напоминала об участии святых братьев Бориса и Глеба.

Политические притязания в те времена всегда подкреплялись аргументами религиозного характера. Уход Тимура объясняли покровительством Богородицы Московскому княжескому дому. Но свои чудеса были и у соперников Москвы. Летописи сообщают, что весной 1401 года в Суздале были найдены спрятанные в тайнике в стене городского Рождественского собора Страсти Господни. Было объявлено, что эти святыни привез из Константинополя архиепископ Дионисий, занимавший суздальско-нижегородскую кафедру в 1374—1385 годах. Этот энергичный иерарх принимал активное участие в борьбе вокруг митрополичьей кафедры и в связи с этим неоднократно посещал Константинопольскую патриархию. Во время одной из этих поездок он был схвачен в Киеве местным князем Владимиром Ольгердовичем и умер в тюрьме. Полагали, что святотатство князя (заточение епископа) совершено было по настоянию жившего тогда в Киеве митрополита Киприана — соперника Дионисия в борьбе за Киевскую митрополичью кафедру.

Вся эта темная история вызывает много вопросов. Имя Дионисия служило знаменем утраченной независимости Суздальско-Нижегородского княжества. Но зачем было Дионисию прятать святыни? И почему их нашли именно

весной 1401 года? И кто был инициатором этой акции — Москва или Суздаль? И в какой мере обнаружение святыни было случайным, а в какой — нарочитым?

Так или иначе, но по распоряжению Василия I святыни были торжественно перенесены из Суздаля в Москву. Московский князь знал, как важно поднять дух народа религиозным действием. И на этот раз древние святыни призваны были воодушевлять народ для отражения ожидаемого нашествия Орды. Битва на Ворскле 1399 года неизбежно должна была повториться новым нашествием татар на Москву. Так оно и случилось. Несколькими годами позже, в 1408 году, всю Северо-Восточную Русь опустошило нашествие Едигея. Но Москва уцелела. Народ верил, что Страсти Христовы в 1408 году спасли Москву, как спасла ее икона Владимирской Божией Матери от нашествия Тимура в 1395 году.

Вот сообщение Симеоновской летописи об этих событиях:

«В то же лето изобретены быша страсти Господа нашего Исуса Христа, ихже некогда принесе боголюбивый епископ Дионисии Суждалский из Царяграда, премногою ценою искупив я, и многою верою и любовью приобре я, и великим трудом отгуду принесе я. Потом же неколико время в граде Суждали съхранены быша в каменной стене церковной, заздани быша. Сея же весны обретены быша, и несоша их на Москву. Сретоша же их честно с кресты весь чин священнический, и весь градъ» (29, 149).

Так из чудесных происшествий, из воодушевления церковных процессий рождалась вера в особую историческую миссию Москвы — непобедимого православного Третьего Рима.

Глава 6

СМОЛЕНСК

«На первом плане в княжение Василия Дмитриевича стоят, бесспорно, отношения литовские», — утверждал С. М. Соловьев (104, 377). Сложный, противоречивый характер этих отношений ярко проявился в истории борьбы за Смоленск.

Старый Смоленск, подпоясанный крепостной стеной — творение зодчего Федора Коня, — привольно раскинулся на береговых холмах Днепра. Город увенчан словно

парящим в воздухе гигантским Успенским собором. Заросшие вековыми кленами и липами овраги таят в себе кости врагов, покушавшихся на честь города. Поляки, литовцы, французы, немцы... Ну а если разрыть два-три древних кургана, рассеянных по смоленским лесам, откроются такие древности, от которых начинают трястись руки у бывалых археологов.

Смоленское княжество в XI—XII веках поставляло кандидатов на киевский «золотой стол». Положение на пути из Варяг в Греки давало Смоленску особое значение. Это был город-купец и в то же время город-воин. Но, как ни странно, история Смоленска в эти далекие века известна гораздо хуже, чем история какого-нибудь сравнительно небольшого городка Северо-Восточной Руси.

Батыево нашествие пронеслось над Русью как грозовая туча. Был ли Смоленск задет движением монгольских орд? Письменные источники об этом молчат. Здесь есть какая-то тайна. На нее намекает красивая древняя легенда — Повесть о Меркурии Смоленском. Прекрасный юноша, похожий на благородного рыцаря Айвенго из романа Вальтера Скотта, усердно помолившись Богородице, разгоняет толпы язычников-татар и спасает город от беды. Действительность была, конечно, не столь романтической. Однако факт остается фактом. В летописи нет сведений о том, что татары захватили город. Возможно, они обошли Смоленск стороной. Было ли это связано с его военным могуществом или еще с чем-то — неизвестно. Но так или иначе, разорения, постигшего Владимиро-Суздальскую Русь, Смоленск не испытал. Или не захотел рассказать об этом потомкам...

* * *

История Смоленска полна белых пятен. Его присутствие в политической жизни XIII—XIV веков всегда ощущается, но редко бывает очевидным. Захват Смоленска великим князем Литовским Витовтом в 1404 году — результат странной беспечности московского великого князя Василия Дмитриевича. Для правильного понимания этого события необходим экскурс в глубокое прошлое.

Великий строитель Древнерусского государства князь Ярослав Мудрый, обдумывая порядок наследственных уделов своих сыновей, оставил Смоленск Вячеславу. Но уже через два года Вячеслав ушел туда, «где несть ни пе-

чали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная». Старший Ярославич, великий князь Киевский Изяслав, разделил выморочный удел на три доли, одну из которых взял себе, а две другие отдал братьям Святославу и Всеволоду. Так Смоленск перешел в руки Всеволода, а позднее и его сыновей и внуков.

Владимир Мономах, обозначая свое властное присутствие, построил в Смоленске каменный собор в честь Успения Божией Матери. Внук Мономаха Ростислав Мстиславич, сын Мстислава Великого, стал поистине подарком судьбы для Смоленска. При нем город расцвел и стал родовым гнездом многолюдного клана князей Ростиславичей. Пять дерзких сыновей — Роман, Давид, Святослав, Рюрик, Мстислав Храбрый, следуя примеру своего беспокойного отца, рыскали по дорогам Русской земли в поисках славы и добычи. Их можно было видеть в Киеве, Новгороде, Владимире-на-Клязьме и далеком Галиче. Со временем эту удалую семью пополнили племянники и внуки Ростислава.

Ростиславичи умели хранить семейную доблесть и крепко держать меч в руке. Их побаивались и новгородские бояре, и свирепый Андрей Боголюбский, и даже сам Всеволод Большое Гнездо.

Ростиславичи были благочестивы и не забывали родного гнезда. Каждый из них имел в Смоленской земле свой собственный домен и всегда мог укрыться здесь в тяжелую годину. Благодарные Всевышнему за процветание рода, они построили в Смоленске около двадцати пяти каменных церквей. Больше было только в стольном Киеве.

С нашествием татар Смоленск уходит в неизвестность. Что происходит там среди Ростиславичей — неясно. Но очевидно, что Смоленск из торгового центра превращается главным образом в крепость. С запада на него надвигается крепнущая Литва, где в 1240 году Миндовг объединил племена и создал Литовское государство; с востока нацеливается Великое княжество Владимирское. Как любое молодое государство, Великое княжество Литовское стремится к экспансии.

История Смоленска в XIII—XIV веках состоит почти из одних вопросов. В городе и княжестве — удельная война. Младшие братья рвутся к власти, оттесняя старших. Дяди спорят за власть с племянниками. Литва не платит дань Орде. Но татары не хотят большой войны с Литвой, ограничиваясь грабительскими набегами. Таким был, например, поход татар вместе с русскими князьями на Смоленск

в 1340 году. В середине XIV века великий князь Литовский Ольгерд начал наступление на татар на юге, в Нижнем Поднестровье. В битве под Синими Водами (1366) ордынцы потерпели поражение. Литва крепнет и тянется к Северному Причерноморью.

Смоленские князья пытаются взять под свою руку Брянск. Литва выступает против этих намерений. Она захватывает Верховские княжества (по верхней Оке). Однако против Литвы выступает Олег Рязанский, союзник и тесть смоленского князя Юрия Святославича.

Борьба за Смоленск обострилась в 1395 году, когда Витовт решил воспользоваться усобицей среди смоленских князей. Он пригласил всё семейство якобы для примирения и справедливого третейского суда. Первому поддавшемуся на эту уловку князю Глебу Святославичу был оказан почетный прием. Вслед за ним на встречу с Витовтом потянулись и остальные. Собрав всё смоленское княжеское гнездо, Витовт велел схватить их и отправить под стражей в Литву. Воспользовавшись всеобщей растерянностью, литовцы захватили Смоленск. Власть в городе перешла к наместникам Витовта.

Победа Витовта не была окончательной до тех пор, пока на свободе оставался ускользнувший от литовцев старший из смоленского гнезда князь Юрий Святославич. Он обратился за помощью к своему тестю Олегу Рязанскому. Соединив свои силы, князья принялись грабить и опустошать литовские владения.

Московский великий князь Василий Дмитриевич явно не желал помогать Юрию Святославичу вернуться на смоленский стол. Более того, он словно одобрял захватнические планы своего тестя. В 1396 году Василий приезжал в захваченный литовцами Смоленск на встречу с Витовтом. Судя по всему, между тестем и зятем был заключен договор о разделе сфер влияния, согласно которому Витовт признавал за Василием Нижний Новгород, Суздаль и Муром, а Василий обещал Витовту нейтралитет по отношению к Смоленску. Василий удерживал Олега Рязанского от враждебных действий по отношению к Литве, а когда сам Витовт вторгся в рязанские земли, не только не препятствовал ему, но даже устроил тестю торжественную встречу в Коломне — втором по значению городе Московского княжества.

Не зная закулисной стороны московско-литовской игры, трудно оценить ее оправданность. Ясно лишь то,

что Василий Дмитриевич вел сложные политические маневры, цель которых — уход от рискованных военных авантур в духе отца, Дмитрия Донского. Московские политики старой школы справедливо полагали, что дерзкая и безоглядная политика Витовта быстро приведет его к катастрофе.

Между тем в захваченном литовцами Смоленске шла непрерывная борьба между сторонниками и противниками местной династии Ростиславичей. Живший в изгнании в Рязани князь Юрий Святославич получал от своих тайных сторонников призывы вернуться в Смоленск и обещания поднять восстание против управлявших городом литовских наместников. Юрий подталкивал своего тестя Олега Рязанского к новой войне с Литвой за Смоленск. Разгром Витовта в битве на Ворскле 12 августа 1399 года ускорил подготовку к этой войне. Витовт в этот период был слаб как никогда. Летом 1401 года Юрий Святославич вместе с Олегом Рязанским выступили в поход. К ним присоединились боявшиеся Олега и ненавидевшие Литву приокские князья — пронские, муромские и козельские. Подступив к Смоленску, Олег как главнокомандующий всем походом потребовал от жителей полной капитуляции и возвращения на стол Юрия Святославича. Смольняне сдались. Разграбив Смоленскую землю, Олег Рязанский ушел восвояси, оставив Юрия Святославича на смоленском столе.

Однако Витовт был не из тех, кто легко мирится с поражением. Осенью 1401 года он подошел к Смоленску с новыми силами и четыре недели осаждал город. Смольняне знали, какая участь ждет сторонников Юрия Святославича, и сражались с отчаянием. Витовт заключил перемирие и отступил.

На другой год (1402) рязанско-литовская война возобновилась. Сын Олега Рязанского Родослав решил продолжить дело состарившегося и уже близкого к кончине отца. Он задумал напасть на Брянск — форпост Литвы в этом регионе. Однако литовская разведка знала свое дело. Витовт отслеживал поход Родослава. Возле Любутска — мощной пограничной крепости на Оке — Родослава встретили с войсками два литовских воеводы — Симеон-Лугвений Ольгердович и Александр Патрикеевич Стародубский. Литовский аналог Александра Невского, Лугвений лихой атакой разгромил рязанцев, а самого Родослава взял в плен, где ему потом суждено было томиться три года в ожидании выкупа.

Борьба вокруг Смоленска продолжалась и в следующем, 1403 году. Летопись сообщает: «Князь великий Витовт посла князя Лугвеня к Вязме ратью, он же пришед, взя Вязму, а князя Ивана Святославичя изнима и приведе его к Витовту» (29, 150). Вязма была уделом Смоленского княжества, а князь Иван Святославич — родной брат правившего в Смоленске Юрия Святославича. Взятием Вязмы Витовт отрезал Смоленск от возможной помощи с востока — из Москвы.

В 1404 году наступает развязка смоленской эпопеи. Первая попытка Витовта взять Смоленск затянулась на три месяца и окончилась безрезультатно. Однако судьба города висела на волоске. Мощные стены и башни обветшали, а твердость защитников Смоленска ослабла. Не было надежды на помощь Олега Рязанского: старый воин скончался в 1402 году и был погребен в стенах своего любимого Солотчинского монастыря. Последней надеждой Смоленска была Москва. Князь Юрий Святославич Смоленский отправился туда на свидание с московским князем Василием Дмитриевичем. Но Москва не хотела ввязываться в войну с Витовтом за Смоленск. Переговоры затянулись. Князь Юрий предлагал Василию Дмитриевичу взять город в свои владения. Василий медлил с ответом. Между тем Витовт вновь подошел к стенам Смоленска. Воспользовавшись отсутствием князя Юрия, приверженцы Литвы составили заговор и открыли ворота Витовту. В городе начались кровавые расправы со сторонниками старой династии. Но кнут всегда приходит в компании с пряником. Наряду с казнями Витовт дал городу и милости — торговые привилегии, ослабление налогов.

В Москве возмущались захватом Смоленска, но никаких действий не предпринимали. Князь Юрий Святославич вынужден был покинуть Москву и уехать в Новгород. Там его приняли с распростертыми объятиями и дали в кормление несколько городов. Никто не знал, как сложится дальше судьба Смоленска. В этой игре Юрий Святославич был сильной картой. Понимал это и сам князь-изгнанник. Он вскоре вернулся в Москву и получил от великого князя Василия Дмитриевича хорошую должность наместника в Торжке.

Падение Смоленска — дотоле неприступной русской твердыни — потрясло Северо-Восточную Русь. Летописцы подробно представили это событие в своих трудах.

Симеоновская летопись сообщает:

«В лето 6912 (1404) князь великий Витовт с Ольгердовичи с Корибутом, с Лугвенем, с Швидригаилом и с всею силою прииде ратию к Смоленску, и князь Юрьи с Смоленяны в городе затворися. Витовт же, стоя всю весну, колико бився и тружався, не може его выстоять, и пушками бив, бе бо велми крепок Смоленск; и стояв 7 недель отступи прочь, а волостем Смоленским много зла учинил. И князь Юрьи, сослався с великим князем с Васильем с Московским и выеха из города не во мнозе, а княгиню свою з бояры остави в Смоленске, а сам прииде на Москву, и би челом князю великому Василию Дмитриевичу, даючися ему сам со всем княжением своим. Князь же великий Василии не прия его, не хотя изменити Витовту. Князю же Юрью на Москве сушу, а Витовт в то время собрав силу многу и пришед, ста у Смоленска. Граждане же не могуше терпети в граде, в гладе пребывающе, и здаша град Витовту месяца Июня 26. Витовт же взял Смоленск и княгиню Юрьеву изнама и посла в Литву, а князеи Смоленских поима и бояр, и разведе и заточи их, а иных смертью казни, а в граде наместники своя ляхи посажа. Слышав же то князь Юрьи побеже с Москвы в Новгород Великий и с сыном своим Феодором, и Новгородцы же приаша его с миром» (29, 150).

Новая страница в истории Смоленска будет открыта только в конце эпохи Ивана III, когда начнется упорная борьба Москвы за контроль над этим городом. А завершится эта борьба уже при Василии III в 1514 году, когда московские полки поднимут свои хоругви на смоленских башнях. Но и на этом не закончится драматическая борьба Московского государства за Смоленск. Двухлетняя осада Смоленска войсками польского короля Сигизмунда III в Смутное время... Неудачная Смоленская война царя Михаила Федоровича в 1632—1634 годах... Возвращение Смоленска под крыло Российского государства по Андрусовскому миру 1667 года... Тяжелые бои за Смоленск в 1812 году... Героическая оборона Смоленска в 1941-м... Глубоко символично, что на гербе Смоленска изображена старинная пушка. А на этой пушке — символ тревоги и победы света над тьмой — звонкоголосый петух.

История последнего смоленского князя Юрия Святославича столь же драматична, как и история города. В 1404 году Новгород предоставил ему временное убежище. Однако надежда на возвращение на смоленский стол гнала

его ближе к центру событий — к Москве. Как уже было сказано, Юрий получил от Василия Дмитриевича должность наместника в Торжке. Этот город был южным форпостом Новгорода, но при этом сохранял некоторую зависимость от Москвы. Таким образом Юрий надлежало, сидя в Торжке, «ждать у моря погоды». В зависимости от развития событий он мог быть востребован в любое время. Вероятно, сговора Юрия Святославича разделял его зять, Юрий Звенигородский. Хитроумная и осторожная дипломатия старшего брата едва ли была ему по душе.

Утрата родного стола и унижения «московского гостеприимства» сильно пошатнули психическое равновесие смоленского князя. По натуре это был человек яростный и жестокий. Подобно Ивану Грозному, он тешил свой свирепый нрав изобретением новых видов казней. В Торжке Юрий совершил убийство, о котором с возмущением рассказывают летописцы.

«И он тамо убил неповинна служащаго ему князя Семена Мстиславича Вяземскаго и его княгиню Ульяну; уязви бо ся плотским хотением на его подружие и взя ю к себе, хотя с нею жити; она же не хотяше сего сотворити и глаголаше къ нему: “О княже, что сие мыслиши? како аз могу мужа своего, жива суща, оставити и к тебе поити?” Он же възхоте леши с нею, она же съпротивися ему и, възем нож, удари его в мышцу. Он же зело възъярися и вскоре сам уби мужа ея князя Семена Мстиславича Вяземскаго, служащаго ему и за него кровь проливающа и неповинна суща, ниже бо он научи ея сице сътворити; и сице его убил, а ей повеле руки и ноги отсеши и воврещи в воду; они же повеленное сотвориша и в воду ввергоша. И бысть ему в грех и в студ велик, и съ того побеже ко Орде, не терпя горкаго своего безверемяниа и срама и безчестиа» (23, 198).

Дальнейшая судьба последнего смоленского князя неизвестна. Как и многие другие князья-изгои, искавшие «правды» в монгольских кибитках, он затерялся в просторах степей, равнодушно поглощавших и правых, и виноватых...

Глава 7

ПРИСМИРЕВШИЕ ВРАГИ

Борьба вокруг Смоленска была для Василия I важной, но всё же не единственной заботой. Углем, тлеющим под золой, оставались отношения Москвы с присмирившим

врагом — Тверью. К концу своей долгой жизни тверской князь Михаил Александрович (ум. 26 августа 1399) пришел к необходимости твердого мира с Москвой. Равным образом и Дмитрий Донской оставил сыну Василию миролюбивую политику по отношению к Твери. Сил для окончательного разгрома соперника не было ни у того, ни у другого. К тому же война с Тверью была чревата серьезными осложнениями. Соседние княжества и государства, заметив перевес на стороне Москвы или Твери, тотчас бросились бы помогать ослабевшему.

Свидетельством добрососедских отношений Москвы и Твери в 90-е годы XIV века служит «докончание» Василия I с тверским князем Михаилом Александровичем. Василий обещает Михаилу: «А быти нам, брате, на татар, и на литву, и на немци, и на ляхи заодин» (10, 41).

Пользуясь относительным затишьем во внешних делах, наследник тверского престола князь Иван Михайлович (1399—1425) начал подавлять самостоятельность уделов Тверского княжества. Заветы покойного отца о любви и мире между сыновьями были забыты уже через 40 дней после его кончины. Так было всегда. Даже Ярослав Мудрый своими мудрыми наставлениями не смог преодолеть эгоизм сыновей.

Идеалисты и моралисты, среди которых был и летописец, могли сетовать и молиться, напоминая о Страшном суде. Но пока врата небесные еще не отверзлись, жизнь, как и прежде, шла вперед по костям проигравших. И утешением для них оставалось лишь сочувствие летописцев.

Вот что рассказывает о тверской усобице Симеоновская летопись:

«Князь Иван Михайлович после отца своего сел на княжение на великое на Тверское. И мало время пребыша и захотеша свою братью обидети, и повелеша бояром своим целование сложити к своей братии, к князю Василию и к князю Ивану Борисовичу. Князь же Василеи пришед к своей матери, к великой княгини Овдотьи и сказаша ей, что “брата нашего бояре целование к нам сложили, что отец наш привел их к тому, что хотети им нам добра”. И княгини же великая Овдотья посла свои бояре к великому князю, а дети ее князь Василеи, князь Феодор, внук ее, князь Иван, пославша своих бояр: “не по грамоте отца нашего твои бояре к нам сложили целование, а ты бы, господине князь великий, пожаловал, велел бы еси своим боярам целование держати по нашего отца грамотам”. И князь

же великий отвечал: “бояре сложили к вам целование по моему слову”. И оттоле нача великий князь вражду вздымати на свою мать и на свою братию, и на своего братанича, нача на них нелюбие держати. Княгини же Борисова от рода Смоленска, возмя своего сына, и боярин его Воронеж, аки древний Бут, и биша челом великому князю: “мы, господине, не посыловаша своих бояр к тебе”. Оттоле же нача на свою братию нелюбие держати, а их возлюбаша. И приеха князь Василий на годину отца своего в Тверь в свою отчину» (29, 148—149).

В своем стремлении к единовластию Иван Тверской был вполне последователен. Лишив своих бояр права заступаться за обиженных великим князем удельных князей, Василия Михайловича и Ивана Борисовича, Иван Тверской развязал себе руки для дальнейшего наступления на права своих братьев и племянников. Минул год, и Иван перешел к прямому произволу по отношению к сородичам. Отобрав у своего строптивного брата князя Василия Кашинского некоторые волости и передав их своему смиренному племяннику Ивану Борисовичу Кашинскому, великий князь Тверской Иван Михайлович отказался давать объяснения кому-либо по этому вопросу. Летописец определил это сильной метафорой: Иван «нача вражду вздымати на свою мать и на свою братью» (29, 149).

Кто же был прав, а кто виноват в этой княжеской распре? Тверской летописец явно сочувствует удельным князьям. Но диалектика процесса состояла в том, что за удельным сообществом была правда прошлого, а за Иваном — правда будущего. Только собрав в кулак все свои боевые силы, Тверь могла сохранить независимость или хотя бы заставить считаться со своими интересами. Но это «собрание земли и власти» не могло идти иначе как через произвол и насилие.

Так понимал положение и московский князь Василий Дмитриевич, внимательно следивший за событиями в Твери.

Не сумев сломить высокомерие великого князя Тверского Ивана Михайловича семейными увещаниями, обиженные братья обратились за помощью к Церкви. Издавна иерархи мирили князей и урезонивали своенравных. Но князь Иван отверг посредничество тверского епископа Арсения. Тогда обиженные удельные князья решили прибегнуть к помощи игумена Троице-Сергиева монастыря Никона. Однако и Никон уже не мог, подобно Сергию

Радонежскому, лично вразумлять споривших князей. Для этого авторитета Никона было недостаточно. Но свое отрицательное отношение к произволу великого князя Тверского Ивана Михайловича и сочувствие обиде кашинского князя Василия Михайловича он выразил «сериевским» способом: принял приглашение Василия Кашинского приехать в Кашин и окрестить новорожденного сына князя Василия.

Эта история изложена в летописи бегло. Но недомолвки только усиливают любопытство историков.

«В лето 6909 (1401) князь же великий (Тверской. — *Н. Б.*) отняше у своего брата у князя у Василья езеро Лукое и Вход Еросалим и даша братаничу своему князю Ивану. Князь же слаша к нему Василеи отца своего владыку Арсения, прося суда обчего. Князь же великий отвечал: “суда ти о том не дам”. Князь же Василеи поеха в свою отчину в Кашин, и родися сын у его княгини Настасии, за неделю до Покрова, и приеха княгини великаа к своему сыну, к князю Василью, а из Сергиева монастыря приеха честный муж, игумен Никон, и крестиша сына его, и бысть радость велика князю Василию о приезде матери своея и о рожении сына своего, и о Никоне игумене, и крестиша его княгини великая Овдотья (вдова великого князя Михаила Александровича Тверского. — *Н. Б.*) и игумен Никон, и нарекоша имя ему в святом крещении Дмитриий» (29, 149).

Забыв на время княжеские распри, жители Кашина праздновали приход в мир еще одного будущего правителя. Народ ликовал, звонили колокола, под дудку медведчика плясали ученые медведи... И даже монахи радовались случаю, получив от князей обильный «корм» — праздничный стол. Люди в рясах — тоже люди. Безвестный монах летописец, ненароком размечтавшись об утехах мира сего, с горечью написал на полях своей рукописи: «За тыном пьют, а нас не зовут...»

Тверские князья перенесли свои распри на суд Орды. Хан Зелени-Салтан симпатизировал кашинским князьям. Но в 1412 году Зелени-Салтан был убит, и преемник его отпустил тверского князя Ивана Борисовича «с честью и пожалованием».

«Этим оканчиваются известия о тверских делах в княжение Василия Дмитриевича. Дела ордынские и литовские мешали московскому князю пользоваться тверскими усобицами» (104, 360).

Наблюдения над летописями позволили С. М. Соловьеву сделать еще одно наблюдение. «Тверской князь боялся князя московского наравне с ханом татарским; это всего лучше показывает значение Москвы при сыне Донского» (104, 360).

* * *

Сложные и переменчивые отношения связывали Москву с другим и тоже присмирившим врагом — Рязанью. Глубокие сдвиги в расстановке политических сил в Восточной Европе на рубеже XIV—XV веков проявились и в новом положении Рязанского княжества. Князь Олег Рязанский, следуя примеру Твери, прекратил свою вечную вражду с великим князем Дмитрием Ивановичем Московским. В 1385 году он помирился с ним и даже породнился с Москвой, женив сына Федора на дочери Дмитрия Донского Софье. Несколько лет спустя, в 1401-м, дочь Федора Олеговича Рязанского Василиса вышла замуж за сына Владимира Андреевича Храброго Ивана.

Династический союз Московского княжеского дома с Рязанью переплетался с политическим сотрудничеством. Согласно договору 1402 года Рязань признала себя «младшим братом» Москвы. И, к чести своей, потомки Олега до начала XVI века оставались верны этому договору. Даже во время московской усабицы второй четверти XV века Рязань оставалась на стороне того правительства, которое в данный момент находилось в Москве. И всё же у Рязани оставались свои собственные интересы, жертвовать которыми она не собиралась. Первым из них был Смоленск. В то время как Василий I под давлением Витовта и своей жены Софьи Витовтовны готов был отдать Смоленск Литве, Олег Рязанский изо всех сил помогал смоленскому князю Юрию Святославичу, женатому на его дочери. Не допускать захват Смоленска Литвой и дальнейшее продвижение Витовта через Верховские княжества вниз по Оке — стратегия Олега Рязанского.

После кончины Олега (1402) на трон взошел его сын Федор. Летопись сообщает, что младший брат Федора, Родослав, отправился в поход на Брянск. Этот старинный русский город, более известный тогда как Дебрянск (лесные дебри), в первой половине XIV века служил яблоком раздора между Москвой и Литвой. На Брянск смотрели с вождедением и смоленские князья. Географическое по-

ложение Брянска в верховьях реки Десны, на дороге из Киева в Ростов, влекло сюда многих завоевателей. Борьба Москвы за Смоленск переплеталась с борьбой за Брянск.

Как мы знаем, поход Родослава на Брянск оказался неудачным. На границе с Литвой, возле города Любутска на Оке (близ современной Калуги) рязанцев неожиданно встретило сильное литовское войско. Очевидно, литовцев предупредил о намерениях Родослава какой-то доброжелатель. Возможно, это был сам Федор Олегович, желавший избавиться таким образом от брата и соперника. В жестоким бою Литва взяла верх. Родослав был взят в плен, а его войско разбито.

Пленного князя Родослава доставили к Витовту, который распорядился посадить его в темницу и там держать «в нуже великой» до получения выкупа. Федор Рязанский долго не хотел (или не мог) заплатить за брата назначенный Витовтом огромный выкуп — три тысячи рублей. Лишь три года спустя Родослав был отпущен в Рязань, где вскоре и умер. Вероятно, его сгубила тюремная сырость. Так бесславно закончил свой век последний из Рюриковичей, носивший славянское княжеское имя — Родослав. Все остальные князья XIV—XV веков носили уже только христианские календарные имена, полученные ими при крещении.

Московский князь Василий I внимательно следил за рязанской драмой, однако не спешил выручать Родослава, брата мужа своей сестры. Холодные политические расчеты вновь торжествовали над родственными чувствами.

Глава 8

ЖЕСТОКОСТЬ

Во времена Василия I Русь всё еще жила под дамокловым мечом ордынского погрома. Дикая, беспощадная лавина косматых всадников уничтожала всё на своем пути. Своего рода психологическим оружием степняков была жестокость. Летописцы рассказывают, что при виде татар мирные русские жители от ужаса впадали в оцепенение. Конечно, время брало свое. Русь понемногу поднимала голову. И всё же страх таился на дне души.

Сильнейший приступ этого непреодолимого страха летописи отмечают зимой 1408 года, когда на Москву внезапно устремились полчища Едигея:

«Да аще явится где един татарин, то мнози наши не смеяхуть противитися ему, аще ли два или три, то мнози Руси, жены и деты мечуще, на бег обращахуся» (29, 158).

Отношения Василия I с Ордой заслуживают особого рассмотрения. Распад Орды, начавшийся с кончины последнего из великих ханов Джанибека в 1357 году, носил волнообразный характер. Появление сильного родового вождя объединяло улусы, а его гибель вновь возвращала Орду к состоянию полураспада.

Эта переменчивость власти в степях крайне осложняла ордынскую политику русских князей. Предугадать развитие событий вокруг Золотого трона было практически невозможно. Горький урок нашествия Тохтамыша убедил Василия I в том, что Русь еще слаба для свержения власти Орды. Исходя из этого, он решил построить свою восточную политику на максимальной лояльности ханской власти вообще, не делая принципиальных различий между тем или иным временным обладателем трона.

Три года, проведенные при ханском дворе (1383—1386), стали для московского княжича полезной школой. Обычай и нравы, язык и военная тактика степняков — всё это было ему хорошо известно. Он стал, вероятно, самым «отатарившимся» из русских князей XIV—XV веков. Однако ордынцы хорошо понимали, что русский человек и в тубетейке — русский. Он только и ждет случая, чтобы свергнуть их власть.

Наибольшую опасность для Орды представлял союз Москвы и Литвы. Витовт не мог простить татарам своего позора в битве на Ворскле. Он искал дружбы с Москвой для совместной борьбы с Ордой. Но Василий I не спешил повторить подвиг отца, бросившего вызов Мамаевой Орде. Строго говоря, Василий до поры до времени не хотел воевать ни с кем. Его стратегия заключалась в неторопливом «собрании Руси» путем поглощения более слабых княжеств. Этот метод принес ему успех в суздальско-нижегородском споре. Теперь следовало не спеша «переварить» добычу и точно выбрать новую цель.

«Литовская партия» при московском дворе (Софья Витовтовна, митрополит Киприан, «старые бояре», князя Гедиминовичи) отговаривала Василия от большой войны с Витовтом. Князь принял этот совет. Трехлетняя война 1406—1409 годов состояла главным образом из переговоров и демонстрации сил. (Выражаясь современным языком, это была «странная война».) Верховские княжества (мелкие

княжества в верхнем течении Оки) понемногу уходили из-под власти Москвы под власть Литвы. Утратив Смоленск в 1404 году, Василий не рвался его вернуть. В этой зыбкой ситуации правивший в Орде при номинальном правителе хане Булате эмир Едигей («второе издание» временщика Мамай) решил нанести Москве упреждающий удар, помешать ей заключить союз с Литвой.

Со времен Батыея особенностью монгольского способа ведения войны был обман противника, вероломное нарушение всех и всяческих договоров. Обоснованием такого поведения была высокомерная уверенность монголов в том, что их противники — существа низшего порядка. По отношению к ним такие понятия, как честь, совесть, честность, — недействительны. Этой существенной мелочи в этике монголов и не понял Василий I. Вероятно, он решил, что монголы уже считают его за своего. А своих обманывать у них было не принято. (Эту бытовую честность монголов отмечал еще Серапион Владимирский, русский проповедник второй половины XIII века.) Из этой самонадеянности Василия и выросла трагедия Руси зимой 1408/09 года.

Фактически правивший в Орде временщик эмир Едигей задумал разыграть своего рода многоходовую шахматную комбинацию. Он убеждал Василия I в том, что смотрит на него как на своего сына. Едигей посылал вспомогательные отряды своих татар для участия в очередной стычке Василия с Витовтом. Едигей для Василия как отец, а Василий ему как сын — и потому Едигей по-родственному сообщает Василию тайный замысел хана — поход на Литву. Дабы не мешать ордынцам и не вступать с ними в случайный конфликт, Василий должен отвести свои войска с нужного направления, а для почета либо выехать навстречу хану Булату лично, либо выслать своих братьев или бояр с дарами.

Василий поверил Едигею и отправил навстречу татарам своего боярина Юрия с посольством. Прибыв в Орду, Юрий и его люди были тотчас схвачены и взяты под стражу. Едигей поспешно погнал свою орду на Москву. Московская разведка не уследила за развитием событий.

Не ожидавший от Едигея такого коварства Василий от какого-то случайного очевидца узнал, что татары уже подходят к Москве. В городе началась паника. Погром Москвы от Тохтамыша был у многих в памяти. Василий, следуя примеру отца, уехал из Москвы в Кострому, взяв с собой жену и детей. К счастью для москвичей, судьба столицы

оказалась в твердых руках опытного, 55-летнего князя Владимира Андреевича Серпуховского. Он успокоил панику, укрепил город и сел в осаду. Белокаменная московская крепость, построенная Дмитрием Донским в 1367—1368 годах, выдержала первый натиск татар. Осада началась 1 декабря 1408 года. Простояв три недели, татары ушли обратно в Орду, где уже зрел заговор против Едигея. За свой уход Едигей взял с Москвы выкуп — три тысячи рублей. За время осады татары, рассыпавшись по уездам, страшно разграбили всю Северо-Восточную Русь.

Большой отряд литовцев во главе со Свидригайло Ольгердовичем, нанятый Василием незадолго до нашествия для укрепления своих боевых сил, без боя ушел обратно в Литву, разграбив по дороге Серпухов. Причины такого странного поведения Свидригайло летописец не сообщает. Вероятно, потратившиеся на выкуп москвичи просто не смогли заплатить обещанное вознаграждение.

Татары Едигея ушли. Сам темник несколько лет спустя был убит своими соплеменниками. Он остался в истории не только как разоритель Руси, но и как основатель Ногайской Орды — самостоятельного осколка Золотой Орды. Борьба с ногаями, этим беспокойным наследием Едигея, заняла у Руси еще 300 лет. Не знаем, оправдывался ли Василий перед своим народом за трагедию декабря 1408 года или просто свалил всё на гнев Божий и измену литовцев Свидригайло. Во всяком случае, летописи отмечают, что зима 1408/09 года оказалась «черной» для Руси не только из-за Едигеевщины, но также из-за лютых морозов и голода. Беда не приходит одна. «На то же лето дороговь бысть велика всякому житю; множество христиан изомроша от глада, а житопродавцы обогатеша» (29, 159).

* * *

Великий фильм Тарковского «Андрей Рублев» состоит из нескольких новелл. Одна из них — «Набег». Татарский отряд, приведенный русским боярином Карамышевым по поручению русского князя Семена Суздальского, внезапно налетом захватывает Владимир. Город со всеми его жителями и святынями подвергается страшному разгрому. Виновник всему — русский боярин, выполняющий приказ своего князя, — хмуро глядит на дело рук своих...

В свое время многие сомневались в исторической достоверности фильма. Одни упрекали Тарковского в очернении

русского Средневековья, другие говорили, что фильм вообще не про историю Руси, а про вечные ценности и трагедию художника в жестоком мире. Как бы там ни было, новелла «Набег» написана по рассказу летописи о нападении татар царевича Талыча на Владимир в 1410 году. История этой трагедии заслуживает внимания. В ней как в капле воды отразилась страшная своей обыденностью жестокость эпохи Василия I.

Напомним исторические координаты этого события. Вечно враждовавшие за суздальско-нижегородское княжение братья Дмитрий Константинович и Борис Константинович еще в 60-е годы XIV века поняли, что их спор может быть решен только при помощи Москвы. Дмитрий первым поклонился потомкам Калиты. За это он получил Нижний Новгород и Суздаль. Его младший брат Борис отправился размышлять о превратностях судьбы в удельный Городец на Волге.

Оба брата имели потомство. Борьба в княжеском семействе вспыхнула вскоре после кончины князя Дмитрия Константиновича в 1385 году. Сын Дмитрия Константиновича Василий Кирдяпа уже давно сидел в Орде, надеясь первым упасть в ноги хану Тохтамышу в случае кончины отца. Но и брат усопшего Борис Константинович, не теряя времени, интриговал в Орде, куда отправился со своим сыном Иваном.

В конце концов Тохтамыш отдал Нижний Новгород Борису Константиновичу. Сын Дмитрия Семен вернулся в Суздаль ни с чем. Старая вражда суздальских братьев и племянников покрылась пеплом, но не погасла.

Москва следила за суздальско-нижегородской усобицей, до времени не вмешиваясь в борьбу. В 1386 году князь Борис Константинович ездил в Орду и пробыл там от весны до осени. Очевидно, он укреплял свои позиции при дворе Тохтамыша. Тогда же рухнул престиж главного соперника Бориса Константиновича, князя Василия Дмитриевича Кирдяпы. Он жил в Орде в качестве заложника и совершил неудачную попытку бежать. Но вскоре Тохтамыш простил Кирдяпу, отпустил его на Русь и дал в управление Городец на Волге, где прежде правил Борис Константинович.

Убедившись в том, что Тохтамыш не склонен вникать в суздальско-нижегородские споры, Москва снова, как в 1365—1366 годах, взялась энергично поддерживать Суздальскую ветвь (Василий Дмитриевич Кирдяпа, Иван

(умерший в 1377 году) и Семен Дмитриевич). Против Бориса Константиновича Дмитрий Донской собрал большое войско и двинулся вместе с Дмитриевичами на Нижний Новгород. 10 марта 1388 года союзники вышли к Волге. Борис запросил пощады. Дмитрий Донской дал ему в управление его старый удел — Городец. В Нижнем Новгороде вокняжился Василий Кирдяпа. Однако вскоре Борис поехал в Орду и вновь выпросил себе Нижний Новгород.

Молодой московский князь Василий Дмитриевич в 1392 году поехал в Орду и выкупил у Тохтамыша всё Суздальско-Нижегородское княжество, да еще в придачу Мещеру и Тарусу. Это была богатая добыча. Но теперь Василию Московскому предстояло вести борьбу не с одним кланом местных князей, а с обоими. Ненависть кипела в сердцах лишенных уделов и глубоко оскорбленных суздальцев. Не имея сил для открытой борьбы с Москвой, Дмитриевичи и Борисовичи готовы были уничтожить всё, что хоть как-то принадлежало теперь сыновьям Дмитрия Донского. Жертвой этой слепой ненависти побежденных и стала в 1410 году святыня Русской земли — Успенский собор во Владимире.

* * *

Суздальские братья отличались не только жестокостью, но и высокими боевыми способностями. Потомки отважного Андрея Суздальского — младшего брата Александра Невского — все до единого были хорошими воинами. В борьбе с Василием I им случалось даже выходить победителями. Незадолго до набега на Владимир Даниил Борисович и его брат Иван Тугой Лук заключили союз с болгарскими (Булгар на Волге), жукотинскими и мордовскими князьями и вместе двинулись на Нижний Новгород.

Узнав о замыслах братьев, Василий I выслал против них войско во главе со своим братом Петром. Навстречу мятежникам двинулись по приказу Василия I не только московские, но также ростовские, ярославские и суздальские (Василия Кирдяпы) полки. Возле села Лысково (в 80 километрах вниз по Волге от Нижнего Новгорода) произошел жестокий бой. Жертвой сражения стал сын Василия Кирдяпы Даниил. Борисовичи одержали победу, но как справедливо заметил историк А. В. Экземплярский, «не видно, чтобы дело их выиграло от этой победы» (123, 432). Братья так и не смогли взять Нижний Новгород.

Раздосадованные Борисовичи снова отправились в Орду. Правивший там сын Тохтамыша Зелени-Салтан был чем-то недоволен Москвой и отдал ярлык на Нижегородское княжение братьям Даниилу и Ивану. Однако Василий I решил, что настало время использовать и свои связи в Орде. В 1412 году он отправился в степь с огромным караваном подарков для хана и его окружения. Безусловно, Василий лично знал сына Тохтамыша и готов был к торгу. Но судьба решила задачу проще. Коварный Зелени-Салтан был убит своим братом Керим-Бердеем. Этот последний и дал Василию I ярлык на Нижегородское княжение.

Однако и теперь братья Борисовичи не сдались. Подробности их деятельности источники не сообщают. Однако есть сведения, что в 1414 году они снова бесчинствуют в Нижнем Новгороде или его окрестностях. Для борьбы с ними Василий I отправил войско под началом своего брата Юрия Звенигородского. Способный полководец, Юрий отбросил мятежников на юг, за реку Суру (правый приток Волги).

Еще несколько лет братья Борисовичи кружили вокруг Нижнего Новгорода, не прекращая своей партизанской войны. Наконец они выбились из сил и пошли на мировую. В 1417 году Борисовичи приехали в Москву и примирились с великим князем. Владимирский погром 1410 года был забыт. Вероятно, суздальским князьям разрешено было жить в Москве и пользоваться частью своих прежних вотчин и привилегий.

Но какой-то беспокойный дух, назовем его оскорбленным чувством чести, не давал братьям покоя. Зимой следующего года они бежали из столицы неизвестно куда. На этом всякие известия о братьях Борисовичах в источниках исчерпываются. Как окончил свои дни палач Владимира князь Даниил Борисович Городецкий — неизвестно. Как бы там ни было, но Василий I выдал свою дочь Василису замуж за сына Даниила — Александра. Грехи отца в роспись брачного договора не вошли.

История суздальско-нижегородской фронды весьма поучительна. Московский князь Василий I на удивление долго терпел мятежников на своих восточных границах. Был ли это тонкий расчет опытного правителя, умеющего дать созреть любому серьезному вопросу, или слабость, неспособность московских воевод и самого князя одним ударом разгромить ловкого и дерзкого врага? Кто знает...

Летописец с возмущением описывает расправы, которые учинили татары и их русские подручники в захваченном ими Владимире. «Начаша люди сечи и грабити... и всю церковь разграбиша, а попа Патрекия емше начаша мучити... на сковраде пекоша и, и за ногти щепы биша, и ноги прорезав, ужа въдергав, по хвосте у конь волочиша, и тако в той муце и скончася» (29, 160).

В нескольких лаконичных, но словно отлитых из бронзы фразах изображен подвиг ключаря Патрикия. Вот сюжет, достойный размышления. Принято думать, что летописец писал свои хроники, «добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева». Но это бесстрашие — мнение. За внешней краткостью и простотой фразы — натянута как тетива лука эмоциональная напряженность. Этому искусству истории как рассказа следовало бы научиться и младшим братьям летописцев — современным историкам. Холодноватый академизм в изображении людей и дел давно стал для них признаком хорошего тона. Пусть так. Но, может быть, бесстрашные историки «бесстрастны потому, что плохо знают изучаемое ими, недостаточно “вжились” в прошлое, потому что равнодушны к страданиям давно умерших людей, т. е. их с достаточной полнотой не воспринимают... Чем полнее познает историк прошлое, тем более он “живет” в нем, а жить “sine ira et studio” (“без гнева и пристрастия”. — Н. Б.) нельзя» (73, 239).

Породнившись с героями минувших времен, историк должен дорожить любимыми, даже самыми незначительными на первый взгляд сведениями о них. Вот и пример. Ключарь Успенского собора во Владимире грек Патрикий... Несомненно, он был ставленником митрополита Киприана. На такую ответственную должность Киприан мог поставить только человека, которому всецело доверял. И не ошибся в своем доверии. Замученный ордынцами, Патрикий отдал жизнь за порученные ему церковные ценности, за спасение людей, которых он укрыл в соборе. Он исполнил евангельский завет о любви к ближнему. Но если таким был ставленник Киприана, то каким же был сам митрополит?

История ключаря Патрикия бледнеет перед той кровавой бойней, которую устроил в 1386 году смоленский князь Святослав Иванович.

За год до этого, в 1385 году, литовцы отняли у смольнян город Мстиславль и округу. Раздосадованный потерей части своего княжества, Святослав вторгся в утраченные

земли и устроил дикую расправу с теперь уже не его, а литовскими подданными. Конечной целью этого страшного похода было возвращение Мстиславля.

«И много зла, идуще, учиниша земле Литовьской, воюя землю Литовьскую. Иных Литовьских мужей Смоленяне изымавше, мучаху различными муками и убиваху; а иных мужей и жен и младенцов, во избах запирающе, зажигаху. А других, стену развед храмины от высоты и до земли, межь бревен руки вькладываху, ото угла до угла стисняху человеки; а пониже тех других повешев, межи бревен руки вькладше, стисняху такоже от угла до угла; и тако висяху человецы; такоже тем образом и до верху по всем четырем стенам сотворяху; и тако по многим храминам сотвориша и зажигающе огнем во мнозе ярости. А младенци на копие возстыкаху, а других, лысты (ноги. — *Н. Б.*) процепивше, вешаху на жердех, аки полти, стремглав; нечеловечьне без милости мучаху» (23, 91).

На фоне этих рассказов встает тень Ивана Грозного. Но не забудем, что свирепость — это «продукт эпохи». Люди и животные жили рядом. Вид крови не смущал даже детей. Смерть была заурядным событием. Средневековье было жестоким по всей Европе. Единственным утешением была мечта о земном возмездии палачам. Летописец с явным удовлетворением сообщает, что свирепый мучитель князь Святослав Иванович Смоленский был наказан быстро и строго. К осажденному смольнянами Мстиславлю подошла помощь — большое войско литовских князей. В разгоревшейся битве Святослав Смоленский и его двоюродный брат Иван Васильевич были убиты, а сыновья Святослава взяты в плен. Столицу княжества Смоленск вскоре опустошил мор, после которого в городе осталось «точию десять человек» (23, 93).

Можно предположить, что развлекавшийся мучениями пленных смоленский князь Святослав и устроивший расправу с городом Владимиром князь Даниил Суздальский — исключения из правил, выродки рода человеческого. Но увы! Обыденной жестокостью замарана и военная слава великого князя Литовского Витовта. Средневековый польский историк Ян Длугош рассказывает, что, потерпев неудачу при штурме Виленского замка, занятого войсками короля Владислава-Ягайло, Витовт вместе со своими тогдашними союзниками крестоносцами возвращался в Пруссию, «посадив на колья детей и кормящих матерей и совершив разные другие жестокости ради мщения» (9, 25).

ЭХО ГРЮНВАЛЬДА

15 июля 1410 года состоялась Грюнвальдская битва — одно из тех событий, которые на долгое время определили пути развития Восточной Европы. Эхо Грюнвальдской битвы докатилось и до Москвы. Ее главные участники — польский король Владислав (до крещения Ягайло), великий князь Литовский Витовт, магистр Тевтонского Ордена Ульрих фон Юнгинген — были хорошо известны на Руси и считались ее злейшими врагами. Однако реальность заставляла московских дипломатов искать сближения то с одним, то с другим участником большой европейской политики. Московские летописцы помещают большой рассказ об этом событии, заимствованный, по-видимому, из новгородских и псковских летописей. Ниже мы приводим летописный текст (по Симеоновской летописи), снабжая его необходимыми комментариями.

«В лето 6918 бысть побоище королю Ягаилу Олгердовичю, нареченному Володиславу, и князю великому Литовскому Витовту Кестутьевичю с немци, с прусы, в земли их Прусской межи городов Дубравны и Острода, и убиша мастера и маршалка и кундуры побиша и всю силу их немецкую побиша и города их немецкие поимаша, но толко три города не вдашася королю и Витовту. И бысть тое осени ляхом и литве три побоища с немци, а на всех трех немец избиваху. Много же и христиан, и литвы, и ляхов избито бе от немец и стоаше под Марьиным городом (замок Мариенбург, столица Тевтонского Ордена. — *Н. Б.*) 8 недель и взяша около его два охабня (передовых укрепления. — *Н. Б.*), а третьего вышняго не взяша города; ходиша же по Немецкой земли пол други натцати недели» (29, 159—160).

Главным возмутителем спокойствия в Восточной Прибалтике был Немецкий (Тевтонский) Орден и его филиал — Ливонский Орден. История этого своеобразного государства уходит своими корнями в эпоху первых Крестовых походов в Святую землю. Полная лишений и опасностей жизнь рыцарей в Палестине заставила их объединяться в сообщества по типу монашеских орденов. Формирование орденов шло главным образом по национальному признаку. Немецкие рыцари основали Тевтонский (немецкий) Орден, французские — Орден Тамплиеров (храмовников), итальянцы — Орден иоаннитов (Иоанна Крестителя). Вступая в орден, рыцари давали монашеские обеты не-

стяжания, послушания и целомудрия. Помимо этих обетов рыцарь клялся посвятить свою жизнь борьбе с врагами христианства. К ним в первую очередь относились мусульмане, а также язычники. Верховным главой всех рыцарских орденов, их учредителем и попечителем был римский папа. Орденам запрещалось вмешиваться в европейские усобицы и поднимать меч на христиан. Осуждались и войны с православными христианами, хотя в этом вопросе папа часто шел на уступки воинственным настроениям рыцарей.

К концу XII века крестоносцы были почти полностью вытеснены из Святой земли арабами. Орденам оставалось только объявить о самороспуске. Однако рыцари не спешили сдавать оружие. И в Европе они нашли «врагов Христа» — языческие литовские племена юго-восточной Прибалтики. Тевтонский Орден предложил свои услуги по борьбе с язычниками польскому князю Конраду Мазовецкому, владения которого постоянно подвергались набегам пруссов. Князь предложил Тевтонскому Ордену поселиться на окраине его владений и заняться борьбой с пруссами. Предложение было принято. Вскоре рыцари подчинили язычников и заставили их принять крещение. Те, кто не хотел оставить веру отцов, были уничтожены либо ушли в Жемайтию, северную область Литвы, где долго сохранялось язычество.

Рыцари Тевтонского Ордена оказались весьма успешными колонизаторами. Четкая военная структура Ордена была эффективной и в мирное время. Во главе Ордена стоял *великий магистр*. Его опорой служил *капитул* — совет высших братьев из пяти человек: *великий контур*, *великий маршал* (полководец Ордена), *великий интендант*, *великий госпитальер* (начальник госпиталей) и *великий казначей*. Каркас Ордена составляли братья-рыцари и орденские слуги (полубратья). Для получения рыцарского статуса юноша должен был совершить подвиг в сражении с врагами христианства. Прежде рыцарь получал посвящение от короля в Святой земле. Теперь посвящение мог дать магистр Ордена. Такая возможность привлекала в Орден аристократическую молодежь со всей Европы. Война с язычниками-литовцами открывала дорогу к подвигу и желанному посвящению в рыцари. Сам магистр препоясывал соискателя мечом, облачал его в рыцарский плащ, наносил ему символический удар в плечо. Духовенство совершало соответствующий молебен. Всё было красиво и торжественно.

Образование Великого княжества Литовского

Получив посвящение в рыцари или просто совершив подвиг, подтверждавший уже имевшийся статус рыцаря, воин обычно покидал Пруссию и возвращался домой. Однако некоторые оставались и переходили в кадровый состав Тевтонского Ордена.

Орден не только воевал, но и вел большое хозяйство. Рыцарский замок был своего рода усадьбой — центром большого феодального хозяйства. Рыцари занимались торговлей, пользуясь близостью моря и устья больших рек.

Тевтонский Орден находился сравнительно далеко от Руси и не имел с ней общих границ. А вот между Ливонским Орденом и Русью, точнее — Псковской боярской республикой, существовала общая граница, на которой шла непрерывная борьба. Псковичи совершали набеги на ливонские города и замки. Орден отвечал стремительными ударами, разграблением псковских волостей. Псковичи ненавидели «божьих дворян», как называли русские крестоносцев.

Грюнвальдская битва была сокрушительным ударом для Тевтонского Ордена. За этой очевидностью кроется много исторических загадок. Новгородские и псковские летописцы должны были бы радоваться этому событию. Но самое раннее сообщение о победе польско-литовско-русского войска при Грюнвальде — известие Новгородской Первой летописи младшего извода — звучит совершенно отстраненно и в то же время отличается какой-то странной недосказанностью. Нет обычного в летописях замечания летописца — «и помози Бог» тому или иному из соперников. Возможно, это объясняется тем, что оба соперника были католиками, латинянами и стало быть, с точки зрения православного летописца, не достойны Божьей помощи... Пусть так. Но есть и какая-то неожиданная географическая точность в указании места битвы: «межи города Добровны и Острода» (13, 401).

Летописец сообщает, что все немецкие города были взяты, но «только три города не дашася королю и Витовту» (13, 401). Какие же это города? Замок Мариенбург — столица Тевтонского Ордена? Да, конечно. А еще? Неизвестно.

А вот еще загадка: «...и бысть тое осени ляхом и литве три побоища с немцами и трижды немец избиша» (13, 401). Что это за «три побоища»? Летописец молчит. Грюнвальд? Да, конечно. Битва при Короново? Да, вероятно. Согласно польскому хронисту XV столетия Яну Длугошу, второй по значению победой над крестоносцами в этой войне была битва при селении Голуб (9, 149—150). Здесь небольшой от-

ряд поляков внезапной атакой разгромил войско рыцарей Ливонского Ордена, пришедших на помощь братьям-рыцарям Тевтонского Ордена.

Рыцари Ливонского Ордена сильно досаждали новгородцам и псковичам. Ситуация затрагивала и московского великого князя Василия I, традиционно выступавшего в роли защитника Новгорода и Пскова. Разгром Тевтонского Ордена сам по себе не вызывал у русских особых сожалений или, наоборот, восторгов. Но Великий Новгород дорожил союзом с крестоносцами Ливонского Ордена как возможными соратниками в борьбе с натиском Литвы. Великий князь Литовский Витовт, опираясь на мощь польского короля Владислава-Ягайло (союз между ними был заключен в 1392 году), становился еще опаснее для боярских республик.

Рыцари обоих орденов не могли, конечно, завоевать всю Северо-Восточную Русь. Но враги Руси могли объединиться. Литва уже поглотила огромную территорию Западной и Юго-Западной Руси и энергично продолжала наступление на Новгород и Псков. Понятно, что в этой ситуации многие на Руси внимательно наблюдали за ходом польско-литовской войны с Орденом.

Сбивчивый рассказ новгородских и псковских летописей о Грюнвальдской битве, по-видимому, является результатом сокращения какой-то не дошедшей до нас летописной повести о разгроме Ордена в 1410 году.

Особым сюжетом следует выделить участие смоленского полка в Грюнвальдской битве. Ян Длугош рассказывает о том, как в разгаре битвы литовские полки дрогнули и стали отступать. Положение спасли стойкие смольняне. «В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и наконец соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении...» (9, 102).

Существует мнение, что смоленскими полками командовал литовский князь Лугвень (Лугвений) Ольгердович (9, 204). В пользу этого мнения можно вспомнить и большой

опыт Лугвеня в командовании русскими полками, полученный им на новгородской службе, и его вовлеченность в борьбу Витовта за Смоленск в 1395—1404 годах. В описании Яна Длугоша некоторые полковые хоругви носили имена литовских князей. Среди этих князей Длугош называет «Сигизмунда Корибута, Лингвеновича Симеона, Георгия» (9, 91). Этот Георгий, очевидно, Юрий, сын Лугвеня. Легко угадываются три хоругви смоленских войск — хоругвь князя Лугвеня, хоругвь полка смольнян и хоругвь воинов из Вязьмы — смоленского удела.

Грюнвальд ослабил немецкое влияние в регионе, но усилил влияние победителей — Польши и Литвы. Для Руси особую опасность представляла литовская экспансия. Противостоять ей можно было только соединенными усилиями русских земель и княжеств. Политическая ситуация в регионе усложнялась отсутствием единства между двумя боярскими республиками. Давно минуло то время, когда Новгород называл Псков «братом своим младшим». Теперь «старший брат» относился к младшему с холодным цинизмом. Когда на Псков обрушивался очередной набег рыцарей, псковичи умоляли новгородцев о помощи, но помощь не приходила. Псковичам оставалось только надеяться на собственные силы и горько сетовать на эгоизм «старшего брата».

Лишенные поддержки Новгорода, псковичи искали ее в Москве. Великий князь Московский и Владимирский традиционно признавался великим князем и в Новгороде. Обычно он приезжал в Новгород для вступления «в должность», после чего уезжал обратно в Москву, оставляя на Волхове в качестве наместника одного из своих младших братьев. Этот московский порученец налаживал дружеские отношения со Псковом и иногда помогал псковичам в борьбе с Орденом. Так постепенно складывался московско-псковский союз, плодом которого в конечном счете стал поход псковичей на Новгород в ходе Московско-Новгородской войны летом 1471 года.

* * *

Грюнвальдская битва неоднозначностью своих последствий напоминает Куликовскую. Вожди польско-литовско-русского войска — король Владислав-Ягайло и вели-

кий князь Литовский Витовт — не сумели в полной мере воспользоваться плодами своей победы. Со времен польского хрониста Яна Другоша считается, что Грюнвальд не стал концом Тевтонского Ордена из-за ошибки и медлительности короля Владислава. Другое объяснение — неудачная осада Мариенбурга, столицы Ордена. Как бы там ни было, но эта война с Орденом, как и война Дмитрия Донского с Мамаем, принесла союзникам не только военно-политическую, но и нравственную победу. Миф о непобедимости могущественного врага был развеян.

Явленная в Грюнвальде мощь польско-литовского союза воодушевляла польского короля Владислава и великого князя Литовского Витовта на новые победы. Повод для новой военной кампании — на сей раз против Новгорода и Пскова — найти было несложно. Приговором для Новгорода и Пскова стало жестокое слово «измена»... Обе боярские республики, изменив прежним договорам, уклонились от участия в войне с Орденом в 1410—1411 годах. Такую политику при желании можно было объявить предательством и нарушением прежних договоров. С этим обвинением и пошли Ягайло с Витовтом походом на Новгород...

Зимой 1411/12 года, в то время, когда московский великий князь Василий находился в Орде у хана Зелени-Салтана (Джелал-ад-Дина), Ягайло и Витовт отозвали из Новгорода своего «опекуна», литовского князя Лугвения Ольгердовича, и предъявили городу тяжкие обвинения в нарушении договора о дружбе. В воздухе запахло новой войной. Новгородцы поспешно выгнали из города жившего там на положении «политического эмигранта» князя Федора Смоленского — сына лютого врага Витовта последнего смоленского князя Юрия Святославича. (В 1404 году Смоленск после долгой борьбы был захвачен Витовтом и вошел в состав Великого княжества Литовского.) Оправдываясь перед великим князем Василием и польским королем, новгородцы ссылались на свои мирные договоры с Орденом.

Литовско-польские демарши на сей раз, однако, не привели к новой войне западных соседей с Новгородом. Вот что рассказывает летопись о событиях 1412 года:

«О размете (разрыве. — *Н. Б.*) королю Ягайло и Витовту с Новым городом.

А король Ягайло и князь великий Витовт и Лугвень вскинуша на Новгород грамоты взметные января 2 ркуще, что “были естя нялися нам, только к нам сложат немцы и вам было к немцам сложити такоже, а с нами быти за один,

и мы о том к вам посылали панов Немира и Зиновия братошича, встоите ли в том слове, и вы им отвечали: Новгород того не может учинити, как есмя с литовским мирны, так и с немцы, мы князя Лугвеня выяли к себе от вас, а с немцы есмя мир вечный взяли, и с Угры, и с всеми нашими граничными мирны есмя; а свое слово забыли естя, как нам изнемалися, да еще ваши люди нам лаяли, и безчинствовали и погаными нас звали, еще же над тем приняли естя нашего ворога княж Юрьева сына Святославича князя Федора”, а Лугвень сложил целование к Новгороду, рек: “А я с королем и с Витовтом один человек”. Князь же Федор рече к Новгородцам: “О мне с Витовтом розмирия не дрѣжите”, и отѣха в немцы» (29, 161).

Поездка Василия I в Орду была сильным и своевременным дипломатическим ходом. Москва дала знать Литве, что в случае новой войны вся мощь увядавшей, но всё еще сильной Орды будет на стороне Москвы. Для Литвы напоминание о битве на Ворскле (12 августа 1399 года), где Витовт и его союзники были разгромлены Тимур-Кутлугом, сыграло роль ушата холодной воды. На время все успокоились и занялись мирными делами.

Глава 10

НА КУРГАНЕ

Среди традиционных политических установок, которые оставляли своим наследникам первые московские князья, ключевой была дружба с Ордой. Конечно, слово «дружба» здесь несколько условно. *Симбиоз Руси и Орды* — загадочная формула Л. Н. Гумилева. Скорее это было беспрекословное подчинение, слегка приукрашенное обязанностью ордынцев защищать свой «русский улус» от западных соседей — Литвы и Польши. Время от времени в летописях мелькают сообщения о совместных русско-ордынских походах. Но степные покровители и соратники приносили Руси больше вреда, чем пользы. Не вникая в подробности владельческой принадлежности той или иной территории, оказавшейся на их пути, татары грабили и жгли всё подряд. Князья изо всех сил старались провести «союзников» мимо своих земель и поскорее отправить их обратно в степь.

Случалось, что русские князья ходили на войну вместе с татарами (Андрей Городецкий, Федор Черный). Ходили

они на Северный Кавказ, возможно, и по иным дорогам. По сути это были искатели ханской милости и богатой добычи в далеких краях.

Василий I хорошо знал печальный опыт совместных с татарами походов. Он уклонялся от этих «союзников» всеми силами. Но был и другой опыт — дипломатический. Со времен Александра Невского великие князья шантажировали своих строптивых сородичей нашествием татар. Эта угроза заставляла принять требования Москвы даже «суровых и непокоривых» новгородцев. Сложнее было запугать фактически независимое от Орды Великое княжество Литовское. Но и тут ордынская карта имела немалую силу. С этой целью Василий I летом и осенью 1412 года и ездил в Орду.

Летопись сообщает об этой поездке предельно кратко: «В лето 6920 князь великий Василей Дмитриевич ходил в Орду к царю Зеде Салтану, Тохтамышеву сыну. Также и князь Иван Тферский ходил в Орду к тому же царю. Князь же великий Василей тое осени выиде из Орды» (29, 161).

Царь Зеде Салтан — это, по-видимому, хан Сеид-Ахмат. Тут летописец допускает некоторую путаницу. В эти годы на престоле Золотой Орды номинальные правители менялись один за другим, но реальной властью обладал эмир Едигей. После нашествия Едигея на Москву в 1408 году Василий I выждал три года, после чего решил ехать в Орду для примирения с Едигеем и его коронованными ставленниками. Со времен Дмитрия Донского поездки русских князей на поклон хану стали довольно редким явлением. Отсюда и замалчивание летописцем этого события. Впрочем, Василий I не зажился в Орде, вернувшись той же осенью домой.

Одновременно с Василием I в Орду ездил и тверской князь Иван Михайлович. Вероятно, он опасался того, что московский князь повторит успех 1392 года и купит у хана ярлык на тверские земли, как прежде купил ярлык на Нижегородское и Суздальское княжества.

Как проходили эти мучительные для любого русского человека поездки в Орду? Всё приходилось везти с собой из дома. В голой степи негде было взять дров для походного костра, негде приготовить привычную для русских пищу и найти чистую воду, негде помыться в бане и так по мелочам быта до бесконечности.

А еще ледяной степной ветер с песком и камнями зимой, тучи мошкеры в зарослях по берегам Ахтубы летом, множество змей, мелькающих в потрескавшихся стенах глинобитных домов... И над всем этим — постоянное чувство смертельной опасности, глядящей сквозь притворную улыбку ханских придворных.

Василий выдержал всё это дважды — в 1392 и 1412 годах.

Удивительно, но факт: до наших дней не сохранилось ни одного описания путешествия в Орду, написанного русским человеком. А между тем русские ездили в Орду часто и по самым разным надобностям. В жанре путевого дневника выполнено краткое описание поездки в Константинополь через ордынские степи Игнатия Смольнянина, приближенного одного из епископов, сопровождавших митрополита Пимена. По распоряжению Пимена Игнатий записывал всё, что казалось ему достойным внимания во время этого путешествия. Так родилось знаменитое «Хождение Пимена в Царьград» (1389 год).

В Орду из Руси вели две торные дороги: по Волге до Сарая и по Дону до Переволоки и дальше вниз по Волге. Вероятно, московский князь Василий I предпочитал Волжский путь, так как его владения простирались вниз по Волге до устья Суры. Дальше начинались улусы степняков. Первое впечатление от степного мира красочно передал Игнатий Смольнянин в своем «Хождении Пимена в Царьград».

Позади остались провожающие с их сетованиями и пожеланиями. Впереди — безлюдные пространства, некогда цветущие, а ныне заброшенные города и селения. Впереди — полная опасностей Половецкая степь, или, как ее называли арабские путешественники, Дешт-и-Кипчак. Разбросанные по степи курганы древних царей таили несметные сокровища. Но добыть их никто не пытался. Степняки презирали сокровища земледельцев.

Послушаем рассказ наблюдательного смоленского путешественника.

«Пойдохом же от Переславля Рязаньского в неделю Фомину. Провадиша же с нами и три струги, да насад на колесах; в четверток же приидохом к реце Дону и спустихом суды на реку на Дон. И в вторый день приидохом до Чюр Михайловых; сице бо тамо тако нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был бяше, и ту утешение возьмеша и о Господе целование сотворше, и с радостию и со умилением проводиша нас епископи, и архимандрита, и игумени, и

священники, и иноци, и бояре великого князя Олга Ивановичи Рязаньского, целовавшися вси целованием святым, и от того места возвратишася в свояси.

Мы же в Неделю святых мироносиц оттуда с Пименом митрополитом вси поидоша: Михайло епископ Смоленский, и Сергей архимандрит Спаский, и протопопи, и протодьякони, и священники, и иноци, и слуги, влезше в суды, и поплыхом рекою Доном на низ. Бысть же сие путное шествие печално и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быта древле грады красны и нарочиты зело видением места, точью пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точью пустыни велиа, и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы, орлы, гуси, лебеди, жарави, и прочая; и бяше все пустыни великиа. В второй же день речнаго плаваня минухом две реце, Мечю и Сосну... и Перевоз минухом и тамо обретохом первые татар много зело, якоже лист и якоже песок. В среду же пловуще минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус; и тако оттуду начя нас страх обдержати, яко внидохом в землю Татарьскую, их же множество обапол Дона реки, аки песок. В четверток же пловуще минухом Бек-Булатов улус, стада же татарекиа видехом толико множество якоже ум превосходящъ: овцы, козы, волы, верблюды, кони. Таже в пяток минухом Червленя горы; в неделю же шестую, Слепого, пловуще минухом Ак-Бугин улус, и ту многое множество татар, и всяких скот стады без числа много. От татарь же никтоже нас пообиде, точью, восприсиша ны везде, мы же отвещахом, и они слышавше, ничтоже нам пакости творяху, и млеко нам даяху, и сие с миром в тишине плавахом. В понедельник же проидохом Бузук реку. Канун в Вознесеня дни приспехом пловуще до моря, града Азова» (23, 95—96).

Чужая речь, непривычные обычаи и обряды — все это отягощало жизнь русского князя в Орде. Но всё же самым тяжелым испытанием были унижения, которым он должен был подвергаться для того, чтобы встретиться с ханом, получить у него ярлык на свое княжение. Вот что рассказывает об этом итальянский купец Иоасаф Барбаро, который побывал в Орде в первой половине XV столетия и оставил любопытные записки о том, что он там увидел и что привлекло его внимание.

«Мы отправились к ставке царевича, которого нашли под шатром и в окружении бесчисленных людей. Те, кото-

рые стремились получить аудиенцию, стояли на коленях, каждый в отдалении от другого; свое оружие они складывали вдалеке от царевича, на расстоянии брошенного камня. Каждому, к кому царевич обращался со словами, спрашивая, чего он хочет, он неизменно делал знак рукой, чтобы тот поднялся. Тогда проситель вставал с колен и продвигался вперед, однако на расстояние не менее восьми шагов от царевича, и снова падал на колени и просил о том, чего хотел. Так продолжалось все время, пока длился прием» (2, 145).

Однообразная жизнь кочевника время от времени становилась более интересной благодаря своего рода спортивным состязаниям, которые татары любили устраивать на стоянках. Вот что рассказывает об этом Барбаро:

«В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянных столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечевке серебряную чашу. Состязающиеся на приз стрелки имеют стрелы с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют ее, — причем лошадь продолжает нестись в том же направлении, — оборачиваются назад и стреляют в бечевку; тот, кто, срезав ее, сбросит чашу, выигрывает приз» (2, 156).

Но развлечением среди развлечений было пьянство, которому в Орде были привержены все — от хана до последнего поденщика.

Так в пьяном угаре шел день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Степь заколдовала Русь чарами своего безвременья...

Глава 11

МЕЧ И КОЛОКОЛ

В эпоху сомнительных достижений и неопределенных перспектив история всё же находит своих героев. Среди церковных деятелей на смену величественному Киприану приходит мужественный грек Фотий. Полководцем, достойным сравнения с Александром Невским, явился Лугвений — не знавший поражений литовский князь с русской судьбой. В темных лесах вологодского севера созерцали свою «Русскую Фиваиду» ученики и собеседники Сергия

Радонежского. Знаком неугасаемой милости Божией к Русской земле стало явление чудотворной иконы Божией Матери в Московской земле...

Отношения Москвы с Литвой в период правления Василия I похожи на спутанный клубок разноцветных нитей. Одна из этих нитей — отношения церковные.

За души людей боролись христиане-католики и христиане-православные, язычники-огнепоклонники Литвы, мусульмане в торговых городах Золотой Орды, язычники-шаманисты в степях. Такая ситуация создавала предпосылки для разного рода церковно-политических интриг. Правители лавировали между этноконфессиональными общинами, отыскивая политическую выгоду. Великий князь Литовский Ольгерд всю жизнь притворялся христианином, а похоронен был по языческому обряду — с конем и оружием на огромном костре. Великий князь Литовский Витовт четыре раза менял веру, переходя от православия к католичеству и обратно.

Среди прочего политического наследия московский великий князь Василий Дмитриевич получил от отца горький опыт смуты на митрополии. Он воспринял этот опыт и сделал выводы. Не желая терять время и деньги на протектирование разного рода соискателей митрополичьего престола, он сделал ставку на союз с митрополитом Киприаном. Своими миротворческими усилиями Киприан был весьма полезен и Василию Дмитриевичу, и Витовту. Но всё на свете имеет свой конец. 16 сентября 1406 года митрополит Киприан скончался в своей подмосковной резиденции селе Голенищеве.

Не желая обострять отношения с Литвой, Василий Дмитриевич не стал выдвигать и направлять в Константинополь своего кандидата на митрополию, как это делали прежние московские князья. Иначе поступил Витовт, отправивший в Константинополь своего претендента на митрополию — луцкого епископа Феодосия Грека. Об этом патриарху сообщили московские и литовские послы, направившиеся в Константинополь по церковным делам после смерти митрополита Киприана.

Такое развитие событий озадачило и, вероятно, опечалило греков, привыкших устраивать торг для соискателей сана митрополита Киевского и всея Руси. Но время шло, и ни Москва, ни Вильно не меняли своей позиции. Тогда

наконец греки решили послать на Русь своего человека, афонского монаха и патриаршего порученца Фотия. 1 сентября 1408 года (в новый год по византийскому календарю) Фотий был посвящен патриархом Матфеем I (1397—1410) в сан митрополита Киевского и всея Руси.

Личность митрополита Фотия мало известна историкам. По некоторым сведениям, он принадлежал к кругу ученых интеллектуалов и был близок со знаменитым богословом, монахом константинопольского Студийского монастыря Иосифом Вриеннием. К этому можно добавить, что готовность Фотия отправиться в далекую и дику страну, опустошенную княжескими усобицами и татарскими набегами, показывает в нем сильное религиозное чувство. Положение митрополита Киевского и всея Руси требовало не только миссионерской отваги, но и трудолюбия, способности понять другой народ, выучить чужой язык. Всё это представляет Фотия как человека выдающегося, закаленного долгими годами иноческого безмолвия в афонских скитах.

Символика дат, их совпадения были любимым предметом размышлений для средневековых мудрецов. Митрополит Фотий прибыл со свитой в Киев ровно через год после своего посвящения — 1 сентября 1409 года. Приурочивание церковно-политического события (въезд в город нового иерарха, прибытие чудотворной иконы, закладка храма или крепости и т. п.) к календарному празднику было обычным способом возбуждения религиозного энтузиазма народа.

Древний Киев с его соборами и монастырями, святынями и легендами — корень русского православия. Но корень этот был иссохшим. Первая забота, с которой пришлось столкнуться Фотию в Киеве и литовских епархиях своей обширной митрополии, — розыск имущества митрополичьей кафедры, расхищенного в период безвластия между кончиной Киприана и прибытием Фотия (1406—1409). Благодаря своему авторитету и опыту управления предшественник Фотия митрополит Киприан держал хозяйство митрополии под контролем. Но когда рука стареющего Киприана стала разжиматься, митрополичье добро потекло по зарукавьям. С кончиной Киприана грабеж принял тотальный характер. Не только мелкие жулики, но и крупные хищники приняли участие в разграблении наследства митрополичьего дома.

Митрополит Фотий энергично принялся за восстановление хозяйства, но вскоре понял, что здесь замешаны

крупные фигуры вплоть до самого великого князя Витовта. Попытки вернуть похищенное наталкивались на яростное сопротивление новых владельцев. Митрополит быстро нашёл себе врагов среди литовской православной знати.

Между тем Фотия ждали в Москве. Пробыв полгода в Киеве, митрополит начал собираться в дорогу. Отношения между Москвой и Вильно в это время несколько улучшились благодаря мирному договору, заключённому в сентябре 1408 года после московско-литовского противостояния на реке Угре (23, 205).

22 марта 1410 года, накануне Пасхи, Фотий прибыл в Москву. Здесь он нашёл ту же печальную картину, что и в Киеве. «Митрополичий дом» — как называли в то время всё хозяйство митрополичьей кафедры — был разграблен, митрополичьи села обезлюдели. Трудно было найти ответственных за грабеж. Всё сваливали на разгром Северо-Восточной Руси в нашествие Едигея (декабрь 1408 года) и набег на Владимир царевича Талыча (1410). Деятельность Фотия затруднялась падением авторитета константинопольского патриарха. В одном из своих посланий (1393 год) патриарх Антоний упрекал московского князя Василия I в отсутствии должного уважения по отношению к Константинополю. Дошло до того, что имя византийского императора в Москве перестали упоминать на великой ектении. В ответ на эти упреки москвичи только посмеивались и пожимали плечами. Нравы Царьграда и его безвыходное положение были хорошо известны в Москве.

Василий Дмитриевич встретился с Фотием, посочувствовал его горю. Князь оценил достоинства митрополита. Одно из них состояло в том, что Фотий был «учителем», то есть считал своим долгом обращаться к пастве с посланиями по разного рода нравственным и дисциплинарным вопросам. В настоящее время известно 46 произведений, надписанных именем митрополита Фотия (53, 8). Никто из киевских митрополитов до Фотия не имел достаточно способностей и желаний для такого количества сочинений. Послания Фотия носят компилятивный характер и состоят главным образом из фрагментов Священного Писания и творений Отцов Церкви (53, 19). Однако иногда он поднимается до ярких образов. Рассуждая об ответственности христиан перед Богом, Фотий с горечью восклицал: «Блюдитесь убо, възлюбленнии, яко дние лукави суть, и время своих слуг поставлеет. И не чудитесь, възлюбленнии о Господи, аще пастырие образом суще, паче же волцы быша» (53, 116).

Летописец высоко оценил митрополита: «Бе же Фотий митрополит смыслен зело и добродетелен и мужествен» (23, 34).

Митрополит мог бы привести пример того, какие «лукавые» времена на дворе, из своего собственного опыта. Во время подготовленного нижегородским князем Даниилом Борисовичем набега татарского царевича Талыча на Владимира (лето 1410 года) он едва не попал в плен к татарам. Только в последний момент митрополит узнал об опасности и при помощи своих доброхотов укрылся в лесах в окрестностях Сенежских озер близ Владимира.

Посланное из Москвы войско обратило в бегство татар Талыча. Отслужив панихиду по убиенным, Фотий поспешил в Москву...

* * *

Сотрудничество великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Фотия изначально было связано с головокружительным матримониальным проектом: женитьбой старшего сына константинопольского императора Мануила II Палеолога (1391—1425) Иоанна на дочери Дмитрия Донского и сестре Василия I Марии.

Браки между русскими князьями и византийскими принцессами были большой редкостью и до прихода монголов (63, 366, прим. 3). С приходом же «поганых» они прекратились вовсе. Русь рассматривалась всем христианским миром как улус Золотой Орды. Родниться с монгольскими данниками не желал ни один европейский правитель. Единственный «международный» брак, на который могли рассчитывать русские князья, — женитьба на знатной монголке в Орде. Но такой союз для русского князя всегда был отравлен горьким привкусом унижения.

Можно думать, что в Москве Фотий выполнял роль свахи. Отправляя его на Русь, Мануил поручил митрополиту обговорить матримониальное дело с великим князем Московским. Грекам нужны были русские деньги, чтобы поддерживать существование остатков некогда великой Византийской империи. Император лелеял столь же фантастический, сколь и заманчивый для греков план: при помощи русских убедить хана Золотой Орды напасть на турок с востока и тем спасти Империю.

Несмотря на детский возраст княжны Марии (которой было тогда всего десять лет), план стали проводить в жизнь

(28, 55). В 1411 году невесту «отпустили» в Константинополь ко двору императора Мануила. Василий Дмитриевич спешил. Отблеск византийского величия должен был укрепить его положение как главы всего сообщества русских князей.

Однако, как это часто бывало в истории, хитроумные планы правителей разрушила случайность. Прожив в Константинополе три года, русская принцесса скончалась от морового поветрия. Ее жених Иоанн VII Палеолог имел долгое и беспокойное царствование (1425—1448). Не знаем, вспоминал ли он свою малолетнюю русскую невесту. Но русская история сохранила этот несостоявшийся брак как некую историческую мечту. Исполнение московско-византийского брачного проекта в силу неблагоприятных обстоятельств пришлось отложить на полторы сотни лет. В 1472 году византийская принцесса Софья Палеолог станет второй женой московского великого князя Ивана III...

Управившись с «византийским проектом», митрополит Фотий решил, что настало время для поездки в Киев и далее по литовским православным епархиям. Обычно такие митрополичьи объезды сопровождалась рукоположением новых епископов на смену умершим, провинившимся или ушедшим на покой. Под 6919 (1411) годом летопись сообщает: «Того же лета поеха Фотеи митрополит в Литву и тамо на Киеве постави Савостияна владыку ко Смоленску» (28, 55). На Рождество Богородицы 8 сентября 1411 года митрополит в Луцке поставил туровского владыку Евфимия. Далее Фотий отправился в Галицию. На праздник Всемилостивого Спаса 1 августа 1412 года он выехал из Галича в обратный путь, в Москву.

Примечательно, что свои торжественные деяния Фотий приурочивал к значимым церковным праздникам. Митрополит знал, как с помощью красочного ритуала создать в народе религиозное возбуждение.

Путешествие Фотия по литовским епархиям в 1411—1412 годах было своего рода подвигом. Он проехал около полутора тысяч верст в одну сторону и столько же — в обратную. И что это были за версты! Разлившиеся реки, разбитые дороги, местные царьки и просто разбойники... Но в Москве его ждал не заслуженный отдых, а новые козни столичной знати, ненавидевшей Фотия и как чужака-грека, и как честного человека. Спесивые московские бояре опасались влия-

ния митрополита на великого князя, невежественные иерархи не могли простить ему византийской образованности.

За более чем годовое отсутствие Фотия в Москве повторилось то, что было и раньше: расхищение владычных вотчин и статей дохода. Торопясь скрыть следы своего воровства, расхитители принялись настраивать против Фотия великого князя Василия Дмитриевича. Митрополита обвиняли в том, что он отдает предпочтение Киеву и Литве, отправляет туда «узорожье церковное и сосуды» из Москвы (23, 223). Всё это была явная клевета хотя бы потому, что и Москва, и Киев были много раз опустошены татарами и никаких особых драгоценностей не было упомянуто даже в завещаниях московских князей.

Одновременно с московской кампанией против митрополита враги Фотия в Литве выдвинули перед Витовтом те же самые обвинения: он переносит церковные святыни и ценности в Москву. Эта «зеркальная» клевета выглядит наивно. Однако бороться с ней было трудно. Фотию явно недоставало искусства «сидеть на двух стульях», которым в совершенстве обладал его предшественник Киприан.

В 1414 году до Фотия дошла весть о том, что Витовт настоятельно просит патриарха отделить Литовскую православную митрополию и дать ей самостоятельного митрополита. Патриарх Евфимий II (1410—1416) отказал Витовту. Тогда великий князь Литовский решил избрать митрополита на Литву путем созыва собора епископов, то есть по существу отделиться от Константинопольской патриархии. Узнав об этих угрозах, Фотий быстро собрался и отправился в Литву с целью помешать расколу митрополии Киевской и всея Руси.

Оклеветанный недругами Фотий был изгнан из Литвы. Мало того, он был там объявлен лишенным сана. Епископы православных епархий на территории Литвы подписали особую грамоту, в которой обличали митрополита во всех смертных грехах. Историк церкви Е. Е. Голубинский полагал, что причиной этого изгнания и охуления была личная неприязнь Витовта к Фотию (63, 370). Горячий нрав Фотия, его обличительные послания довели враждебные отношения князя и митрополита до крайности.

Изгнав Фотия, Витовт стал искать ему замену. Это была нелегкая задача. Православная церковь в Литве была большой организационной структурой. Она делилась на цер-

ковно-административные округа — епархии. Количество епархий менялось в зависимости от внутрицерковной ситуации (28, 112). Для управления всем этим нужен был незаурядный пастырь.

Во главе двенадцати православных епархий в своих владениях (Чернигово-Брянской, Переяславской, Белгородской, Владимирской (Волинской), Галицкой, Юрьевской, Перемышльской и Луцкой, Холмской, Туровской, Полоцкой, Смоленской, Самборской) Витовт поставил весьма колоритную фигуру — игумена Григория Цамблака, племянника митрополита Киприана. Еще летом 1406 года Григорий Цамблак по благословению патриарха поехал из Константинополя в Москву для встречи с Киприаном, который, видимо, хотел оставить его своим преемником на кафедре митрополии всея Руси. Однако уже в дороге, на территории Литвы, Цамблак узнал о кончине Киприана. Не ожидая в Москве теплого приема, он надолго задержался в Литве, где вскоре вошел в доверие к великому князю Литовскому Витовту. Во второй половине 1414 года Витовт послал Цамблака в Константинополь для поставления на Литовскую православную митрополию.

В разгоревшейся церковной смуте московский князь Василий Дмитриевич действовал заодно с Фотием. Они совместно отправили в Константинополь посольство с обвинением Цамблака как смутьяна и врага Церкви, присвоившего себе полномочия митрополита Фотия. Патриархия приняла сторону Москвы. Цамблак в Константинополе был извергнут из священнического сана, предан отлучению и едва не подвергся казни. Казалось, что Москва одержала полную победу над Вильно в церковно-политической борьбе. Однако Витовт был не такой человек, чтобы смириться с поражением. Он пошел напролом, сметая церковные каноны и традиции. Ссылаясь на Апостольские правила, Витовт заставил епископов самостоятельно возвести Цамблака в митрополичье достоинство. 14 ноября 1415 года в Новгородке-Литовском епископы поставили Григория Цамблака в митрополиты Литовские.

Собор литовских епископов издал грамоту, в которой объяснял самовольное избрание Григория Цамблака тем, что в Константинополе патриарх не имеет власти, а только исполняет волю императора, который смотрит на дела с точки зрения корысти и обмана. В Москве внимательно наблюдали за развитием событий. Многие замечали, что вся эта история с Фотием и Григорием Цамблаком весь-

ма похожа на смуту, сотрясавшую Московскую митрополию в конце правления Дмитрия Донского. Идея избрания митрополита собором епископов без санкции патриархии время от времени всплывала в церковной жизни. Очередную попытку такого рода предпринял духовник Дмитрия Донского коломенский поп Митяй. Однако духовенство всякий раз стремилось сохранить связь с патриархией, находя в ней защиту от притязаний светской власти. Судьба самозванных митрополитов обычно была печальной. Поп Митяй умер при загадочных обстоятельствах на корабле по дороге в Константинополь. Ходили упорные слухи, что кончина его была насильственной (60, 332).

Неопределенная ситуация на Русской митрополии сохранялась в течение четырех лет, до самой кончины Цамблака в конце 1419-го — начале 1420 года. За это время Фотий успел примириться с Витовтом, а Цамблак, напротив, утратил расположение великого князя Литовского. Проводив Цамблака в последний путь, Витовт не стал возражать против воссоединения всех русских епархий, как литовских, так и московских, под омофором митрополита Фотия.

Фигура Григория Цамблака во многом остается загадочной в истории Русской православной церкви. Опираясь на поддержку Витовта, Цамблак шел своим тернистым путем самозванца. Свои рукописи он подписывал как «смирный Григорий Цамблак, митрополит Киевский, Галицкий и Всеа России». Окруженный великими правителями и подогреваемый великими замыслами, Цамблак и сам втянулся в большую политическую игру. По поручению Витовта он ездил на Констанцкий собор Римской католической церкви, который проходил с 5 ноября 1414-го по 22 апреля 1418 года (63, 365). На этом соборе обсуждался и вопрос об унии католической и православной церквей. Насколько известно, Цамблак выступал там как твердый приверженец православия. Но сам факт его участия в переговорах с латинянами дал повод его московским недругам упрекнуть его в связях с Римом.

Все перипетии истории с киевским митрополитом, естественно, горячо обсуждались в Москве. Свидетельством тому стал сбивчивый рассказ летописи об этих событиях под 1425 годом:

«О Цамблаке. Григорий Цамблак, митрополит, поставлены от Витовта, рече к великому князю Витовту: “что

ради ты, княже, в Лятской вере, а не в православной вере христианской?» И отвеща ему Витовтъ: “аще хощеша не токмо единого мене видети въ своей православной вере, но и всех людей неверных моя земля Литовская, то иди в Рим и имей прю с папою и с его мудреци, и аще их приприши, то мы вси христиане будем, аще ли не преприши, то всех христиан вашей веры, иже в моеи земле, имам превратити в свою веру Немецкую”. И посла его в Рим съ папы своими.

О том же. О сем же Григории Цамблаке Фотии, митрополит Русский, писа, яко тои мятежник церковный зоветься митрополитом Киевским, а поставлен есть от неправедного съборища в Новгороде в Литовском, не избранием святых отец, ни испытанием соборным, ни разсужением правильным, ни рукоположением святого патриарха, ни по преданию церковному, но паче мучительскы самозаконно поставление его съдеавша, якоже в сонном привидении играюще проявленне сии спешаша гнуснии и мерзскаго оного поставляют и в освященную одежду непотребнаго несвященне одевают, еже “достойнъ” вгласивше ему, иже многа студа и лукавства достойнаго, но мирскими властью, и по хотению своему желание обрете на пребывающаго мене митрополита по достоинию въ животе, яже о нем и пръвее явленна быша на съборе в Цариграде, елико смущение сътвори на Христову церковь, от святейшаго вселенскаго патриарха Еуфимия и от божественаго и освященнаго събора изъвержен бысть из сану от поповства и проклят бысть» (29, 164).

Летописец бесстрастно констатирует: «В лето 6926 (1418). Митрополит Григории Цамблак прииде из Рима в Литву». Зазвонили киевские колокола, но дни его были уже сочтены: «В лето 6927 (1419). Тое же зимы умре Григории митрополит Цамблак на Киеве» (29, 165).

Так закончил свой путь еще один забытый потомками выдающийся деятель Русской православной церкви...

* * *

В 1412 году случилось событие, достойное упоминания. Оно не изменило ход истории. Но в нем ярко проявилось то, что принято называть «духом времени». Речь идет о явлении иконы Божией Матери на речке Колоче близ Можайска. Вот древнейшая версия летописного рассказа об этом событии:

«В лето 6921 от Можайска в 15 верст в отчине князя Андрея Дмитриевича явися знамение в Колочи. Некий человек, именован Лука, простылюдин сына, и прииде ис Колочи к Можайску с иконою пречистыа Богородица, держаше на руце младенец Господа нашего Исуса Христа, с единою же страну иконы тоя на затворце Никола чудотворец, а с другую Илья пророк, от неяже многа и различна исцеления быша, и якоже приближися к граду, и срете ю весь град от великих даже и до малых, и до ссуших млеко. Оттоле же поиде къ Москве, такоже и по иным градом, и сретахуть ея с кресты митрополити, епископи и весь священнический чин, такоже и князи и княгини з детми и бояре и вси велможи и все православное христианское множество, чудеса ради бываемых от нея: мнози бо слепии, хромии, разслаблении и глусии, и вси недужнии, с верою пришедши и здрави быша, елико не может ум человекъ изрещи такова человеколюбиа Божиа и милости Его на нас грешныхъ» (29, 161).

Явления чудотворных икон, привлекавшие всеобщее внимание, случались редко. Лет за тридцать до Колочской иконы явилась чудотворная Тихвинская икона Божией Матери (23, 83). За сотню лет до этого в Костроме явилась чудотворная икона Федоровской Божией Матери. На эти события можно смотреть с разных точек зрения. В атеистической традиции принято думать, что чудотворные иконы появлялись, так сказать, «по заказу» и были своего рода церковной акцией. Безусловно, «заказные» явления икон и чудеса имели место, как имели место и «самопроизвольные» случаи такого рода. Найти прозаические корни можайской истории достаточно просто. Можайск был западным форпостом Московской Руси. После того как Литва захватила Смоленск (1404) и Вязьму (1402), ее граница вплотную приблизилась к Можайску. В ожидании нападения литовцев на город необходимо было воодушевить его защитников разного рода чудесными историями, суть которых сводилась к идее небесного покровительства Руси вообще и Можайску в частности.

Витовт был католиком. Латинская Литва надвигается на православную Русь. Но Русская земля — под покровом Богородицы. Война с Литвой — не просто война, а война за нашу православную веру. Как Дмитрий Донской готовил своих воинов к жертвенному подвигу Куликова поля, так и Василий I готовил своих бойцов к грядущей битве с Литвой. Ярким символом этой борьбы стал образ Николы

Можайского с храмом в одной руке и мечом в другой. Колочская чудотворная составляла необходимую смысловую пару к образу Николы Можайского...

Обретение иконы сопровождалось чудесами. Но оно имело и свою прозаическую историю. Любая икона со временем чернела, покрывалась трещинами, разъедалась червями. Согласно тогдашнему представлению, состарившуюся икону нельзя было просто выбросить или сжечь. Чаще всего икону поновляли иконописцы. Старый слой левкаса и живописи покрывали новым. Затем икону ставили на место до следующего поновления. Но иногда по каким-то причинам икона приходила в полную негодность. Расстаться с ней следовало уважительно. Икону либо хоронили в землю, либо пускали плыть по реке, либо ставили на дерево в лесу. Прежний владелец иконы заказывал новую и часто забывал о старой. Но ее мог случайно найти кто-то другой. Такая находка становилась событием в том случае, если она совпадала с чудесами — исцелением недужных, самопроизвольным перемещением иконы с одного места на другое и т. п. На дереве нашел чудотворную Феодорскую икону костромской князь Василий Квашня — младший брат Александра Невского. На дереве нашел икону Николая Мирликийского Дмитрий Донской по пути на Куликово поле. Позднее на месте чудесной находки возник Николаевский Угрешский монастырь. В земле, на пожарище, откопали икону Казанской Божией Матери в 1579 году. В честь чудесного события строили часовню или церковь, молвой о новых чудесах привлекали богомольцев.

В истории новообретенной иконы содержится урок религиозной морали. Приведем краткий рассказ об этом событии (изложенный по Никоновской летописи) из «Истории России» С. М. Соловьева:

«Сказание о Луке Колоцком. Лука был простой поселянин, живший в 15 верстах от Можайска на реке Колоче; он нашел на дереве икону Божией Матери, от которой начали твориться чудеса; Лука понес икону в Можайск, в Москву; повсюду появление ее сопровождалось чудесами, и Лука собрал от приносов большое богатство; разбогатевши, он построил себе на Колоче большой и красивый двор, как будто князь какой, набрал отроков, вкусно пил, ел, ездил на охоту с ястребами, соколами и кречетами, держал множество псов и медведей и утешался ими. Мы видели, до какой дерзости дошел Лука относительно своего князя. Когда медведь оставил его чуть живым, то князь Андрей Дмитри-

евич приехал к нему немедленно и стал говорить ему: “За-чем ты полюбил бесовское позорище и пляску и предался пьянству? Бог тебя прославил чудотворным образом Своей Матери, а ты низошел к бесполезному мирскому житию; по делом тебе так и приключилось!” Лука с плачем стал умолять князя распорядиться его богатством на дело богоугодное, и князь построил монастырь Колоцкий, где Лука постригся и умер в покаянии» (104, 661).

В повести о Луке Колоцком явственно ощутима та «прелесть простоты и вымысла», которой восхищался А. С. Пушкин в Киево-Печерском патерике (96, 333). События происходят как бы сами по себе, без реальных причин. Они парят в мистическом пространстве, подобно святым на древних иконах и фресках. Это другой мир, где в объяснениях и доказательствах нет нужды. И вместе с тем это вполне реальные события, которые преобразуются всеобщей жадой чудесного.

Итак, крестьянин Лука нашел икону на дереве. Это вполне возможно: старые иконы оставляли на деревьях. Лука поставил икону на новое место, но тоже на дереве. Это было самое естественное для верующего человека решение. Лука не удержался и сообщил о своей находке односельчанам. Весть дошла до кого-то из представителей местной власти. Тот явился на пашню к Луке и потребовал показать ему икону. Оглядев находку, боярин хотел силой отнять ее. (Заметим: опять-таки вполне естественное поведение для боярина.) Лука откупается от боярина своим единственным богатством — «овсяным хлебом». Боярин соглашается, берет хлеб, отдает икону и уезжает. Невзрачная на вид икона-складень, до сих пор не творившая никаких чудес, не заинтересовала похитителя.

Луке стало ясно, что надо что-то делать с иконой. Он берет ее к себе домой. Далее события ускоряются. Один из родственников Луки, приложившись к иконе, получает облегчение от своих страданий.

Чудеса множатся. Новгородский летописец записывает долетевшие из Москвы поразительные слухи. «Того же лета (1413) от Можайска града за 10 верст, въ отчины князя Андрея Дмитриевича, от иконы Пресвятыя Богородица явилося жалования и прощения людем много: слепым, хромым, раслабленим, глухим и немым, и несть мощно сказати или исчести их, ум человекь не может изрещи, колико человеколюбие божие и какова милость на людех» (13, 404).

Теперь уже ни у кого нет сомнений, что икона Луки — чудотворная. К нему стекаются страждущие односельчане. В новом статусе обладателя чудотворной иконы Лука уже не может оставаться в своей деревне. Икону просто отнимут и унесут. (История знает множество примеров того, как христианские реликвии силой похищали у их владельцев.)

Лука понял, что у него есть только один способ выйти из положения с честью и прибылью — поднести икону князю. Объявив свое намерение, он поспешил с иконой в Можайск. Имя князя спасло его от новых посягательств на икону со стороны местных властей.

Удельный князь Андрей Дмитриевич Можайский был, судя по всему, озадачен появлением чудотворной иконы на дереве в глухих краях его удела. Однако князь не хуже крестьянина знал правила игры. Он с честью принял икону в Можайске. Но затем, не задерживаясь, отправил ее дальше в Москву, в подарок своему старшему брату, великому князю Василию Дмитриевичу. Тот благосклонно принял дар, отслужил подобающий молебен, пронес икону в крестном ходе. Но при всем том Василий Дмитриевич не захотел оставлять икону в Москве. Это было бы слишком большой честью для удельного князя — пополнить своими сомнительными для москвича находками московские древние святыни. Василий тепло поблагодарил брата, но икону вернул и велел отослать обратно в Можайск. На месте ее явления князь велел построить храм во имя Божией Матери, а затем устроить монастырь. Так завершилась эта примечательная история, где православное благочестие смешано с политическим расчетом.

Хитроумный Лука, блестяще сыгравший эту пьесу, получил дары от князей и бояр и построил себе богатый дом. Как всякий разбогатевший крестьянин, он держался с соседями высокомерно и любил продемонстрировать свое богатство всякой барской потехой, и прежде всего псовой и соколиной охотой. За этим занятием его и настигла судьба. Лука попал в лапы к медведю, спасся едва живой и ушел в монастырь. Покаявшись и примирившись с Богом и людьми, он окончил свой земной путь в Колочском монастыре. Там же хранилась и явленная ему Колочская икона Пресвятой Богородицы.

Икона эта представляет собой складень, центральная часть которого несет на себе изображение Божией Матери типа Одигитрии, а две боковые — Ильи-пророка и Нико-

лая-угодника (70, 232). Эти изображения Колочской иконы не случайны. Николай Чудотворец — святой патрон города Можайска. Илья-пророк, память которого церковь празднует 20 июля, символизирует начало сбора урожая хлеба. В повести о Луке Колочском, по-видимому, не случайно Лука откупается от похитителя иконы странной данью — «овсяным хлебом». Очевидно, здесь мелькает живая черта истории иконы — связь этих событий с праздниками аграрного календаря.

* * *

Культ героев античности, свойственный Западу, чужд русской духовной традиции. Чувство чести, сильно притупленное унижительными поездками в Орду и подобострастными поклонами на ханском дворе, проявлялось у русской знати главным образом в спорах за лучшее место за княжеским столом.

Необходимость постоянно держаться в тени предопределила отсутствие ярких отличительных черт у русских князей XIV—XV веков. Об этом иронично писал В. О. Ключевский: «Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий» (81, 47).

Средневековая русская история не знает портретов. Только приобщившись к западноевропейской историографической традиции, историки почувствовали вкус к личностному началу в своих повествованиях. Исторические портреты и речи исторических персон — росчерки пера Василия Татищева. Летописец избегал описаний не только внешности правителя, но и его личных качеств. В этом он следовал запросам своих заказчиков, а те — установкам социальной среды, где всякая оригинальность осуждалась как проявление гордости — главного из «семи смертных грехов».

Констатируя бедность красок для исторического портрета, историк всё же улавливает некоторые намеки. В тех случаях, когда личность произвела сильное впечатление на современников, летописец уделяет ей повышенное внимание, сообщает некоторые подробности. Но в сеть истории попадает лишь крупная рыба...

Великий князь Литовский Витовт был одним из самых ярких правителей своего времени. Его образ действий был по преимуществу наступательным. Далеко не все его замыслы оканчивались удачно. Но уже одной Грюнвальд-

ской битвы, в которой он, если верить Яну Длугошу, играл главную роль, достаточно для почетного места в истории. Современник и соперник Витовта, московский великий князь Василий Дмитриевич, громких побед не имел.

Известно, что характерной чертой выдающегося правителя является умение подбирать способных и преданных людей. Что касается Василия I, то его ближнее окружение (московские бояре и удельные князья) мы знаем только по именам и отчествам. Источники не позволяют выделить подлинные таланты в этом однообразном ряду. Исключение составляет, пожалуй, один только князь Владимир Андреевич Серпуховской, в котором мы не столько узнаём, сколько угадываем выдающегося полководца и благородного человека.

Московская правящая верхушка многими нитями связана была с западнорусской и литовской элитой. Семен Гордый был женат на дочери Гедимины. Владимир Андреевич Серпуховской и Борис Константинович Нижегородский — на дочерях Ольгерда. Василий I женился на дочери Витовта Софье. В Москве хорошо знали весь клан литовских Гедиминовичей и особенно — беспокойное сообщество двенадцати сыновей Ольгерда. Летописцы, а стало быть, и современники явно выделяли из них одного — князя Семёна Ольгердовича, более известного на Руси под языческим именем Лугвений, а в Литве — как Лингвен (9, 91).

Трудно сказать, что означает это имя-прозвище. Возможно, ключ к нему таится в глубинах литовского языка. По-литовски ЛЕНГВАС — легкий. Есть литовское имя ЛЕНГВЕНИС.

Биография русских князей обычно не имеет ни начала ни конца. Год рождения Лугвения неизвестен, как неизвестен и год его кончины. Его отец Ольгерд скончался в 1377 году. Мать Лугвения, вторая жена Ольгерда тверская княжна Ульяна Александровна, была матерью семерых из двенадцати сыновей великого князя Литовского: 1) Андрея Полоцкого; 2) Владимира Бельского; 3) Ивана Острожского; 4) Якова; 5) Лугвения Волынского; 6) Василия Черторижского; 7) Олелько Киевского.

Таким образом, в жилах Лугвения текла славянская кровь. Возможно, и выбор невесты для молодого княжича определило это обстоятельство. Во всяком случае, Лугвений, насколько известно, никогда не воевал против Москвы или Твери. Летопись называет его Волынским (23, 156; 28, 591). Однако уже сын Лугвения Юрий называл себя «русским князем» (93, 84).

В летописях Лугвений впервые упоминается в 1386 году как участник совместного похода литовских князей Скиригайло, Корибута, Лугвения и Витовта на смоленского князя Святослава Ивановича. 29 апреля 1386 года близ города Мстиславля (прежде смоленского, а недавно захваченного литовцами) произошла упорная битва, в которой литовские князья одержали победу. Смоленский великий князь Святослав Иванович и его братанич (сын брата) Иван были убиты в сражении. Победители осадили Смоленск и заставили жителей заплатить выкуп и принять на княжение «из литовской руки» князя Юрия Святославича. Бедствия смольнян усугубил сильный мор. По свидетельству летописца, в городе осталось всего десять человек (23, 93).

Для литовских князей победа имела большое стратегическое значение. Смоленск был главным форпостом Руси в борьбе с литовской экспансией. Здесь Лугвений, должно быть, впервые вкусил сладость триумфа победителей. Ольгердовичи и Витовт «поидоша восвоя си съ победою великою и славою, победивше многое множество смоленскаго воинства...» (23, 92).

Летописец явно сочувствует литовским князьям в их войне с князем Святославом Ивановичем Смоленским. Это странное на первый взгляд сочувствие, по-видимому, объясняется моральным фактором. Перед битвой Святослав устроил поголовное истребление всего населения в окрестностях Мстиславля. Необычайная свирепость расправы, возмущившая даже привычного к таким сценам летописца, была вызвана тем, что жители Мстиславля незадолго перед этим перешли под руку Литвы. Гибель смоленского князя и разгром всего смоленского гнезда Рюриковичей в битве под Мстиславлем стали заслуженным возмездием за уничтожение неповинных людей. Сбылись слова Спасителя: «Мне отмщение, Я воздам» (Рим. 12, 19).

Смоленский поход 1386 года стал для Лугвения первым боевым уроком. Здесь же он близко сошелся с Витовтом, став его надежной опорой в будущем. «А третии полк князь Семион Лугвень и с ним же вкупе князь Витовт Кестутьевич» (19, 343).

Подобно другим литовским князьям, не имевшим постоянного удела или же недовольным этим уделом, Лугвений искал серебра и славы «на стороне». Он охотно при-

Великий князь Василий Васильевич. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

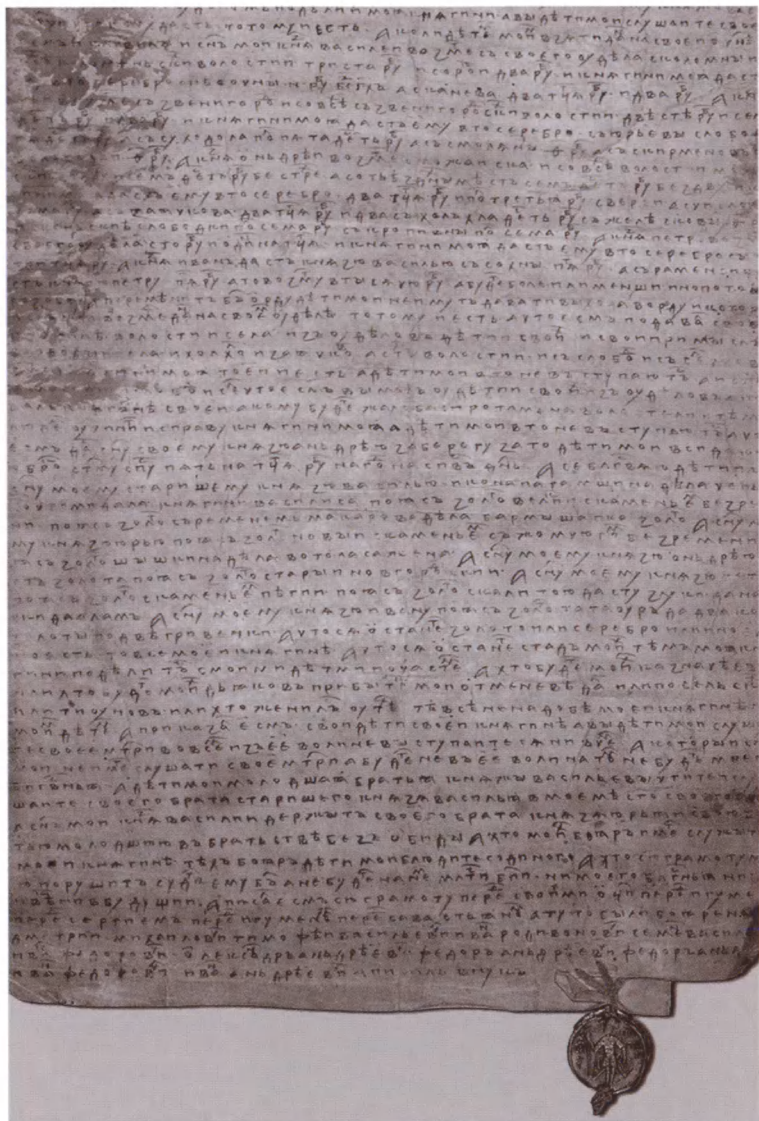
Великий князь Дмитрий Иванович. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

Великий князь Василий Дмитриевич. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

Монеты времен Василия I

Духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского. 1389 г.

Василий
Дмитриевич
и Софья
Витовтовна.
*Шитье на саккосе
митрополита
Фотия. XV в.*

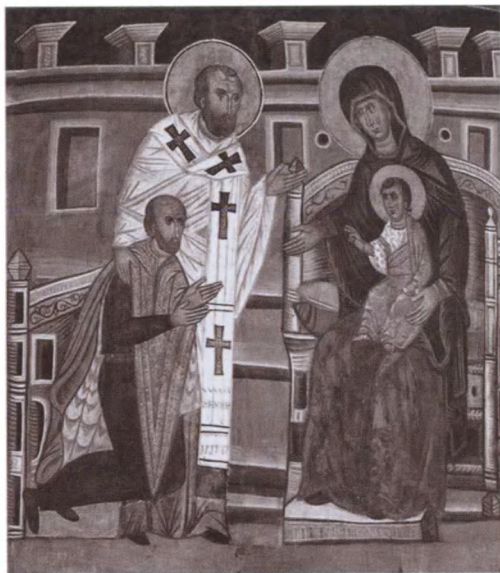
Надгробия великих
князей Василия I
Дмитриевича,
Ивана Ивановича
Молодого и Дмитрия
Ивановича
Донского.
*Архангельский собор
московского Кремля.
Фото К. А. Фишера.
1905 г.*

Ссора на свадебном пиру великого князя Василия Васильевича. Софья Витовтовна узнает пояс Дмитрия Донского на князе Василии Косом и срывает его с князя. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Большая («маестатная») печать Витовта. 1407 г.
Легенда на латыни:
«Печать Александра, иначе Витовда, — Великого князя Литвании, России и пр.»

Король Польский Ягайло (Владислав II) перед Мадонной и Иисусом Христом.
Фрагмент фрески в капелле Святой Троицы в Люблине. 1418 г.

О розмете королю Ягайлу Польскому и Витовту Литовскому
и дню поидити по искомоу венопыи городу
Том же зимы мца генцара в. в. де. по
хисни король и гишло шлгердопичь и
липоуеки и князь деанки и нпблжк
спиуешнх о ниспшь сменъ лоуцпенъ
шлгердопичь. и кнпоуша грамоты

«О розмете королю Ягайлу Польскому и Витовту Литовскому с Новгородом». Миниатюра Лицевого летописного свода

Князь Василий Юрьевич Косой

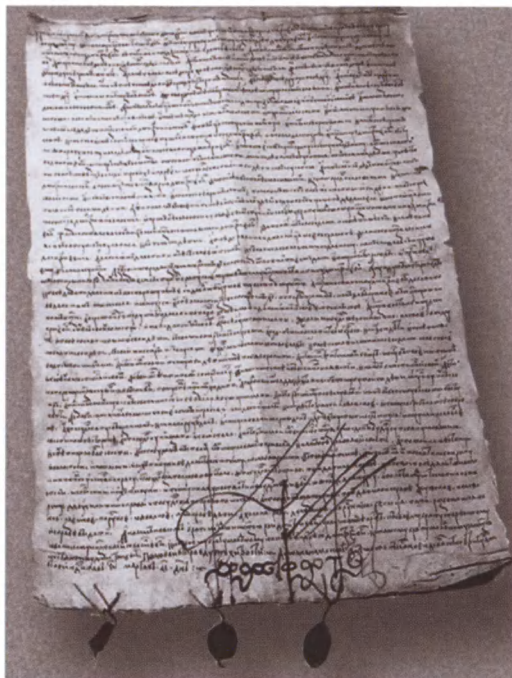

Князь Дмитрий Юрьевич Красный.
*С фресок Архангельского собора
московского Кремля*

Звенигород. Храм Успения на Городке. XIV—XV вв.

Договорная грамота
князей Юрия
Дмитриевича
и Василия
Васильевича. 1433 г.

Вид на Галичское
озеро и Рыбную
слободу
с Шемякиной горы.
Современное фото

Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка. «Древо государей Российских», роспись Парадных Сеней Государственного исторического музея, созданная артелью Фомы Гавриловича Торопова. 1883 г.

Троицкий собор Свято-Троицкой Сергиевой лавры.
Современный вид

Ослепление великого князя Василия Васильевича.
Миниатюра Лицевого летописного свода

*Митрополит Киприан.
Миниатюра XVII в.*

*Митрополит Иона. Покров. Вклад
царицы Анастасии Романовны.
1553 г. Фрагмент*

*Собор Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря.
Современный вид*

нѣго но сна боица ише и гдѣ мена сергіа по
 допкорца . списано бысть и премоужіица
 еписаніа . и предисловіе

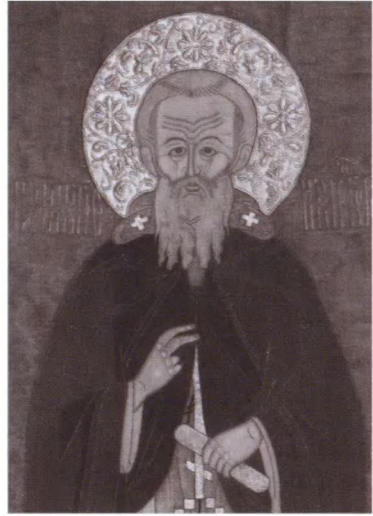
Слаба бѣ до семъ . и вса чѣска рана .
 оннѣ же всегда прослава сѣдъ вели
 кое и тристо ениа . е проно про
 слава ле моестъ . слаба бѣ до бышиа .

Лицевое Житие преподобного Сергия Радонежского. Около 1592 г.

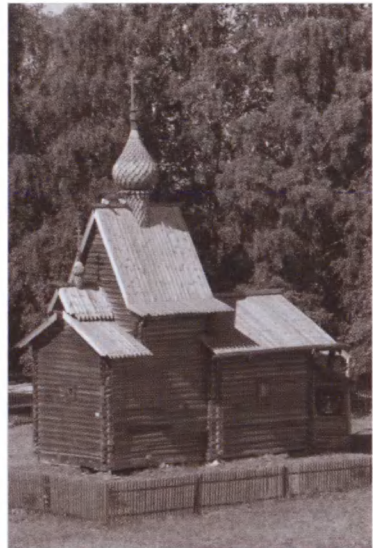
Преподобный Кирилл
Белозерский. *Икона письма
Дионисия Глушицкого. 1424 г. (?)*

Церковь Петра и Павла
в Кожевниках.
Великий Новгород. 1406 г.

Преподобный Пафнутий
Боровский. *Изображение
на покрове. 1632—1633 гг.*

Церковь Ризоположения из села
Бородава. *Кирилло-Белозерский
музей-заповедник. 1485 г.*

Ѹмѡ колѣзнь пѣдѣса и по сѡхотѣ а чернь
 цы по стрѣнѣса, и недѣшлѣмоу аѡ.

И а по колѣзнь прѣстѣпѣса мѣ
 мартѣ, и сѣ. а соу, сѣ. г. чѣноци, по
 оу стрѣнѣднь а нелю и по грекѣи ѡ брѣ
 а оу стрѣнѣтѣ гол рѣ гѣла мнѣ ханла на
 а оу стрѣнѣтѣ моескѣтѣ, и аѣ а сѣ целѣ и по
 оу стрѣнѣтѣ цы и сѣ а нѣ рѣ и нѣ а ко
 аѣ и. а мѡ и и лѣжѣтѣ, и нѣ а мѣ рѣ

Смерть Василя Темного. Миниатюра Лицевого летописного свода

Василий Темный. Гравюра Дж. Чэпмена. 1800 г.

Печать Василя Темного на его духовных грамотах. 1462 г.

нял предложение своего брата, польского короля Ягайло, отправиться в Новгород в качестве князя-«кормленщика». Король надеялся, что Лугвений приживется в Новгороде и превратится в наместника польского короля.

Ягайло, придя к верховной власти, искал великих дел. Таким делом могло быть подчинение Новгорода и Пскова польской короне (114, 136). Не имея достаточно сил для военного решения этого вопроса, Ягайло надеялся установить контроль над Новгородом при помощи своих доверенных лиц — князей-кормленщиков, сидящих в новгородских «пригородах». Одним из таких порученцев и стал Лугвений. Очевидно, что для выполнения столь деликатной миссии он должен был обладать способностями не только полководца, но и тонкого дипломата.

Статус Лугвения как князя-кормленщика, собирающего за военную службу дань с новгородских «пригородов», был достаточно скромным и вполне традиционным. Статус же московского удельного князя Петра как наместника великого князя Владимирского был выше, так как подразумевал определенную зависимость Новгорода от Москвы. Эта сложная ситуация княжеского «двоевластия» в Новгороде усложнялась собственно новгородской властью — народным вече. Вот как описывает политическую ситуацию в Новгороде в 1388—1392 годах историк А. Е. Пресняков.

«Новгород искони не мог обойтись своими силами, и связь с литовскими князьями, в конце концов, могла получить существенное значение только при опоре их — для обороны Новгорода — в войсках великого княжества (Литовского. — *Н. Б.*), взамен тех полков “Низовской земли”, на которые всё меньше приходилось рассчитывать. Договор Великого Новгорода с Гедиминою привел только к неудачным попыткам использовать для новгородских дел князей Наримонта, затем Патрикия. Однако на том дело не кончилось. В 1388 г. прибыли в Новгород послы князя Лугвения-Семена Ольгердовича с притязанием его на те пригороды, на каких сидел Наримонт Гедиминович, и принятый с честью князь Лугвений въехал в Новгородскую землю. Князь Лугвений-Семен стоит во главе новгородских войск в их столкновении с Псковом, в 1390 г. отражает набег шведов на Орешек. Но он не стольный князь новгородский, хотя новгородцы приняли его от руки великого князя Ягайло; в присяжной грамоте 1389 г. на имя короля польского, литовского и русского Владислава-Ягайла Лугвений именуется

себя “опекальником мужем и людям Великого Новгорода” по поставлению от Ягала и обещает ему и королеве Ядвиге стоять при них и при короне польской “с теми людьми с Великого Новгорода” до тех пор, пока он “держит в своем опеканьи”. Это момент, когда Ягайло, признав в принципе слияние своего Литовского великого княжества с Польшей, перевел связь земель, соединенных с его великим княжением подручничеством местных князей, на “корону польскую”. Широкий политический план грозил захватить и Новгород в эту связь зависимости от “короны польской”, если бы “опеканье” Новгорода князем Лугвением могло вытеснить традиционную принадлежность Новгорода к великорусскому великому княжеству. Однако... Лугвению не удалось оторвать Новгорода от великого княжества. Его приезд в Новгород был, по-видимому, связан с разладом отношений между Новгородом и великим князем и произошел, когда в Новгороде не было великокняжеского наместника, однако, когда новгородцы “докончали (в 1390 г.) мир по старине” с великим князем Василием и приняли его наместника, они сохранили у себя на пригородах князем-кормленщиком Лугвения. Это своеобразное двойственное положение... создавало надо полагать некоторую опору новгородской самостоятельности перед великорусской великокняжеской властью. И в 1392 г. едва ли случайно за отъездом Лугвения из Новгородской земли следуют новый подъем великокняжеских требований и “розмирие” из-за них с великим князем, а затем появление в Новгороде князей белозерского Константина и литовского Романа» (94, 230).

Для успешной карьеры в Новгороде Лугвению нужны были победы и триумфы. И не случайно уже самый въезд Лугвения в Новгород был увязан с большим церковным праздником. Новгородская летопись сообщает, что князь Семен (Лугвень) Ольгердович прибыл в Новгород 15 августа 1389 года «и прияша его новгородцы с честью» (13, 383).

Приезд князя на особо чтимый на Руси большой церковный праздник Успения Божией Матери свидетельствует о том, что Лугвений был не только христианином, но и православным. Польский король Ягайло в соответствии с условиями Кревской унии (1385) перешел в католичество. Лугвений же не изменил вере своей матери.

Давней заботой новгородцев была война с немцами. В январе 1390 года Орден заключил договор с литовским князем Витовтом относительно совместных действий против Ягайло. В этой ситуации Ягайло при помощи Лугвеня убеждает новгородцев продолжить войну с Орденем. Однако в Новгороде существовала и сильная «партия мира», требовавшая вернуться к мирной жизни. Весы успеха колебались...

«Того же лета (1390) ездisha новгородци с Немци на съезд и не взяша мира» (13, 383).

В этой борьбе Псков проявил себя как союзник немцев и враг Новгорода. Соответственно, его ожидало наказание от «старшего брата». Большое новгородское войско под предводительством Лугвеня выступило из Новгорода за запад, в сторону Пскова. Там уже знали про боевые таланты Лугвеня. Да и братоубийства никто не хотел. Псков выслал навстречу Лугвеню своих послов. Они встретили новгородское войско на полпути к Пскову, в Сольцах. Здесь псковичи подписали соглашение с Новгородом, по которому обязывались «за должник, и за холоп, и за робу, и кто в путь ходил на Волгу (ушкуйники. — *Н. Б.*), а за тех не стояти псковичам, но выдавати их» (23, 123). Честь этой бескровной победы новгородцы по справедливости могли приписать Лугвеню. Его слава как полководца и дипломата росла.

Продолжавшаяся уже семь лет война Новгорода с немцами всем надоела. Купцы терпели убытки, а городская беднота не имела работы. Осенью 1391 года в Изборске состоялась встреча новгородских бояр с большой делегацией немецких купцов из Любека, Готского берега, Риги, Юрьева, Колывани «и ыз иных изо многих». Был заключен мир. Той же зимой немецкие купцы привезли в Новгород свои товары и заново отстроили пустовавший из-за войны семь лет Ганзейский двор в Новгороде (13, 384).

Вечный враг Ордена польский король Ягайло и его брат Лугвенй были недовольны прекращением новгородско-немецкой войны. Орден отныне мог сосредоточиться на борьбе с Польшей и Литвой. За кулисами большой политики произошли перемены. В 1392 году возник конфликт, сильно напоминающий провокацию с целью возобновить войну.

В 1392 году Лугвенй сидел на «кормлении» в одном из новгородских «пригородов» — городке Орешек (позднее Шлиссельбург). Там и развернулись действия этой скоро-

течной авантюры. Летописец подчеркивает, что напавшие на новгородские земли немцы были не рыцари Ордена, а самоуправные «разбойники немцы» (13, 384).

«Того же лета (1392) пришедши из моря разбоинице немце в Неву, взяша села по обе стороне реке, за 5 верст до городка до Орешка. И князь Семеон (Лугвений. — *Н. Б.*) с городцаны сугнавши, иных изби, а иных разгониша, а язык в Новгород приведоша; и тогда же поехалше в Литву къ своени братьи, а городок покинувши» (13, 385).

Вся эта история вызывает много вопросов. Почему Лугвений покинул свое «кормление» и уехал в Литву сразу после столь удачного действия против немцев? Очевидно, на то были серьезные причины как личного, так и политического характера. В 1392 году в Литве умерла мать Лугвения — вторая жена Ольгерда Ульяна Александровна Тверская. Это печальное событие, вероятно, призвавшее для прощания всех ее детей, совпало с резкой переменой в польско-литовских отношениях. По соглашению, заключенному в начале августа 1392 года в Острове, Литва получала большую самостоятельность в рамках общих условий Кревской унии 1385 года. Формально оставаясь в подчинении у Ягайло, Витовт фактически становился самовластным правителем великого княжества Польского, Литовского и Русского. Такое решение позволяло Ягайло и Витовту прекратить войну между собой и приступить к совместной борьбе против Ордена. Лугвений, только что успешно разгромивший немцев на Неве, безусловно, был настроен продолжать войну с «божьими дворянами» под знаменами Ягайло и Витовта. Наконец, Лугвений не мог остаться равнодушным к тому переделу владений между потомками Кейстута и Ольгерда, который начался после прихода к власти в Литве Витовта (65, 200).

В Москве, где молодой князь Василий Дмитриевич выстраивал собственные политические приоритеты, внимательно следили за событиями в Литве в целом и за передвижениями Лугвения в частности. Этот удалец, подобно Александру Невскому совершавший свои подвиги на реке Неве, мог стать весьма полезным для Москвы человеком. Но его следовало сделать своим, привязать к Москве прочными узами. Таковыми во все времена были узы брачные.

В воскресенье 14 июня 1394 года состоялась свадьба Лугвения и Марии — дочери Дмитрия Донского и сестры московского великого князя Василия Дмитриевича (23,

156). Такие русско-литовские браки были выгодны обеим сторонам, приобретавшим союзников и осведомителей по обе стороны русско-литовской границы.

Жизнь Лугвеня в браке с Марией продолжалась всего пять лет. 15 мая 1399 года Мария умерла. Причина смерти княгини неизвестна. Ее тело привезли в Москву (вероятно, из Литвы) и похоронили в кремлевской церкви Рождества Богородицы (23, 172). Эта каменная церковь была построена вдовой Дмитрия Донского, княгиней Евдокией, в 1393 году и служила памятником Куликовской битве и усыпальницей для знатных особ.

Вскоре Лугвений женился вторично. О его жене сведений нет. Известно лишь, что в 1411 году «родися князю Лыгвену сын Ярослав на Копории и наречен въ крещени Феодор» (28, 55). В западнорусских летописях семейная жизнь Лугвеня представляется более подробно. «Семион Лыгвень; Семионовы сынове Лугвеньевы: Юрья, Ярослав бездетен» (28, 612).

Неожиданно место рождения княжеского сына — Копорье, один из новгородских пригородов, крепость на восточном берегу Финского залива. Охрана таких «пригородов» и была «кормлением» — военной службой, которую Лугвений нес на благо Новгорода. Судя по географии боевых подвигов Лугвеня, он получил «в кормление» тот же надел, что и его предшественник по новгородской службе, князь Патрикий Наримонтович. Под 6891 (1383) годом летопись сообщает: «А в Новъгород прихаша князь Патрикии Наримантович, и приаша его новгородци, и даша ему кормление: Орехов город, Корельскыи город и пол-Копорьи города и Луское село» (13, 379).

Лугвений был признан современниками выдающимся полководцем. Витовт, утвердившись на троне великого князя Литовского в 1392 году, стал охотно пользоваться его услугами. Летопись отмечает победу Лугвеня в сражении с рязанским княжичем Родославом близ Любутска на Оке в 1402 году. Поход сына Олега Рязанского на Брянск, принадлежавший тогда Литве, был эпизодом затянувшейся войны за Смоленск. Олег Рязанский поддерживал своего зятя Святослава Юрьевича Смоленского в борьбе с Витовтом за Смоленск.

В перечне литовских воевод, руководивших этим сражением, летописец первым называет Лугвеня (23, 187).

Очевидно, его способности уже были известны. И на сей раз Лугвений отличился. Он не только разгромил рязанцев, но и взял в плен Родослава Олеговича. Витовт приказал посадить Родослава в темницу и держать до получения огромного выкупа — 3 тысячи рублей. Разоренная татарами Рязань была небогатым княжеством. Родослав получил свободу только три года спустя. Его отец Олег Рязанский умер 5 июля 1402 года. Возможно, его кончину ускорила весть о пленении сына.

Убедившись в полководческих способностях Лугвения, Витовт на следующий, 1403 год дал ему ответственное поручение: захват Вязьмы, одного из уделов Смоленского княжества. Борьба Витовта за Смоленск была главной военной темой этих лет. Лугвений блестяще справился с задачей, взял Вязьму и пленил ее правителя князя Ивана Святославича из Смоленского дома. В Вязьме попал в плен и еще один князь — Александр Михайлович. Происхождение его неизвестно. Лугвений привел обоих пленников к Витовту (23, 188). Литва ликовала. Но Москва с тревогой следила за тем, как ее западная граница неумолимо приближается к столице...

Весной 1404 года Витовт выступил в большой поход на Смоленск. В походе приняли участие Ольгердовичи Корибут, Лугвений и Свидригайло. Осада длилась всю весну, но не принесла успеха. Город был хорошо укреплен, а сидевший в крепости князь Святослав Юрьевич Смоленский решил стоять до последней возможности. Витовт отступил, но вскоре опять вернулся к Смоленску. В то время как смоленский князь уехал в Москву просить помощи у Василия I, смольняне сдали город Витовту...

Полководческое искусство и дипломатическая ловкость Лугвения ясно проявились на новгородско-псковском направлении. В 1407 году новгородцы просили Витовта прислать к ним Лугвения на княжение. Витовт согласился. Для «кормления» Лугвению даны были три города. Очевидно, это были Орешек, Копорье и Корельский городок (28, 53).

Вершиной полководческого успеха Лугвения стала Грюнвальдская битва, в которой он, как полагают, командовал героическим смоленским полком. Именно стойкость смольнян решила колебавшийся исход всего сражения.

Смолкли трубы Грюнвальда. Лугвений вернулся к своим прежним службам в Новгороде. Тут его уже ждали но-

вые подвиги. Москва защищала Новгород от трех врагов: шведов, Литвы и Ливонского Ордена. Наименее опасным из них были шведы. Еще со времен Рюрика и Олега — как полагают, этнических шведов по происхождению — шведы хорошо знали Новгород и новгородские земли. Путь из Варяг в Греки в IX—XI веках был стержнем древнерусской государственности.

Однако эпоха варягов ушла в далекое прошлое. Во времена Василия I шведы уже исчезли из русской жизни. Шведская угроза оставалась реальностью только для Новгорода. Но и туда шведы («свеи») являлись лишь время от времени, в облике судоходного или пешего набега. Шведов отделял от Руси Финский залив Балтийского моря. Долгие сухопутные дороги до Карельского перешейка шли через современную южную Финляндию. Там, под шведской властью, жило финское племя тавастов. Они одинаково ненавидели как угнетателей шведов, так и грабителей русских. Таким образом, нападение на новгородские земли было для шведов довольно сложным делом по объективным причинам. И всё же такая опасность существовала...

Для защиты от набегов русских шведы в конце XIII века поставили на Карельском перешейке мощную крепость Выборг. Все попытки русских взять ее оканчивались неудачей. Новгородцы, в свою очередь, в начале XIV века выстроили у истока Невы из Ладожского озера каменную крепость Орешек. Нева стала естественной границей новгородских владений со шведами. Однако земли от истоков Невы и далее вдоль западного берега Ладожского озера, населенные карелами, новгородцы присвоили себе, обложив карел данью. Новгородцы выстроили там крепость Карельский городок (современный Приозерск). Это вызвало понятное недовольство шведов. Дело шло к войне...

Московские князья Петр и Константин, братья Василия I, прибывавшие в Новгород в качестве наместников, не проявляли особого интереса к идее шведского похода. Это далекое и сомнительное предприятие в землях бедных тавастов не сулило москвичам большой добычи. Иначе повел себя литовский «кормленщик» в Новгороде князь Лугвенный Ольгердович. Он охотно откликнулся на предложение новгородцев отомстить шведам за нападение на новгородский «пригород» Карельский городок. Этот поход на шведов подробно описан в новгородских и более кратко — в московских летописях.

«Того же лета (1411 года. — *Н. Б.*) приходиша свиа (шведы. — *Н. Б.*) войною и взяша Новгородской пригород Корелский. И поидоша за ними новгородцы с князем Семеном (Лугвением. — *Н. Б.*) Олгордовичем и, пришед в землю свийскую, села повоеваша и пожгоша, а sweи поимаша, а иных иссекоша, а у города Выбора охापень (нижний ряд крепостных укреплений. — *Н. Б.*) взяша и пожгоша» (29, 160).

Новгородская летопись добавляет некоторые подробности. Узнав о нападении шведов, новгородцы под началом Лугвения стали собираться в поход. На сборы потребовалось всего три дня — «толко за три дни по sei вести» (13, 402). Безусловно, это была заслуга Лугвения. Его же заслугой были и минимальные потери новгородцев при штурме Выборга: погиб всего один человек, некий Павел с Нутной улицы (13, 403). Очевидно, Лугвений здраво оценил силу главной крепости и не стал гнать своих воинов на бессмысленную гибель.

Штурм Выборга состоялся 26 марта 1411 года, на Собор Архангела Гавриила и на следующий день после Благовещения. Два года спустя новгородцы, участники похода на Выборг, поставили каменную церковь во имя Архангела Гавриила и освятили ее в тот самый день — 26 марта (13, 404).

Общий успех и богатые трофеи шведского похода высоко подняли престиж Лугвения в Новгороде. Новгородцы были довольны им. Время способствовало Ольгердовичу. Великий князь Василий I временно отошел от новгородских дел и погрузился в ордынские проблемы. В 1412 году он «ходил в Орду к царю Седи-Салтану, Токтамышеву сыну» (29, 161). Воспользовавшись временной отстраненностью Москвы, объединившиеся в борьбе с Орденом Витовт и Ягайло усилили натиск на Новгород. Поводом, как мы уже знаем, стал отказ новгородцев от участия в большой войне с Орденом в 1410—1411 годах, венцом которой стала Грюнвальдская битва. Теперь для новгородцев настало время расплачиваться за свою уклончивость. 2 января 1412 года в Новгород прибыли послы. «А король Ягайло и Витовт и Лугвен въскинуша грамоты възметныи к Новугороду» (13, 403). Этим жестом триумвиры фактически объявили Новгороду войну. Примечательно, что имя Лугвения стоит в одном ряду с именами Ягайло и Витовтом.

В ходе начавшихся переговоров Лугвений понял, что дело идет к войне Ягайло и Витовта с Новгородом. Не же-

лая воевать против своих литовских братьев и сородичей, он «сложил целование к Новгороду» (29, 161), объявив, что он со своими старшими братьями королем Ягайло и Витовтом «один человек» (13, 404).

Последовали новые переговоры, в результате которых смоленский князь-изгнанник Федор Юрьевич (укрывавшийся в Новгороде) объявил, что не желает быть виновником нападения Витовта и поэтому покидает город и уезжает к немцам в Ливонию. Это заявление смягчило обстановку. Войны удалось избежать. А год спустя, в 1414 году, Витовт «пожаловал» новгородцев, восстановив с ними мирные отношения. При этом Новгороду удалось сохранить мир и с немецким Орденом. Судя по всему, Лугвений сыграл немалую роль в мирном исходе литовско-новгородской тяжбы.

Вероятно, «странствующий рыцарь» князь Лугвений еще не раз блистал своим умом и воинским талантом. Но годы брали свое. В 1421 году митрополит Фотий, объезжая литовские епархии, посетил Лугвения в Мстиславле (28, 59). Под стенами этого города Лугвений с братьями в 1404 году разгромил войско смольнян. Очевидно, за это он получил в дар (в кормление?) от Витовта второй по значению город Смоленской земли. Важное стратегическое значение Мстиславля — на полпути между Смоленском и Брянском, на границе Литвы с Россией — требовало пребывания здесь сильного воеводы.

Последнее известие о Лугвении лаконично. В июне 1431 года он утверждал договор с крестоносцами. Полагают, что умер он «между июнем и сентябрем 1431 года» (93, 209).

Лугвений избегал участвовать в войне с Москвой. По первой жене он имел там много свойственников. Закономерно, что его потомки перешли на московскую службу и сделали там блестящую карьеру под именем князей Мстиславских. Вот что сообщают об этом родословные книги:

«Князь Семен Ольгердович Лугвень оставил двух сыновей: Ярослава и Юрия Семеновичей. Юрий Семенович имел сына Ивана Юрьевича, одна дочь которого Ульяна Ивановна вступила в брак с князем Михаилом Ивановичем Ижеславским (Изяславским), которому передала право на владение княжеством Мстиславским. От этого брака родились: сын Федор Михайлович Мстиславский, переселившийся в Москву (в июле 1526 г.), и дочь Настасья Михайловна — за князем Степаном Семеновичем Збаражским.

Князь Федор Михайлович Мстиславский, вступив в службу царя Василия, сделался московским боярином и женился на племяннице государя, дочери его сестры — великой княгини Евдокии Ивановны и казанского царевича Куйдагула (в крещении Петра) — княжне Настасье Петровне (29 августа 1529 г.). От этого брака родился один сын — князь Иван Федорович, а мать его, овдовев (30 июня 1537 г.), вступила во второй брак с князем Василием Васильевичем Шуйским (6 июня 1538 г.), умершим в ту же осень. Князь Иван Федорович Мстиславский, почти одноклассник с Грозным, был его товарищем детства и на 20 году жизни из кравчих пожалован в бояре. Женился он на дочери князя Александра Горбатого-Суздальского — княжне Ирине (6 августа 1566 г.), оставившей супругу два сына и две дочери: Ирину Ивановну, постригшуюся в 1587 году вслед за смертью отца в монахах (1586 г.), но дожившую до царствования Михаила Федоровича, и Настасью, бывшую (с 1589 г.) за князем Василием Кардануковичем Черкасским, боярином (умер 5 января 1616 г.) Жена его умерла 7 июня 1607 г. Братья ее были: князь Федор и князь Василий Ивановичи. Князь Федор Иванович — последний конюший, правитель государства, женат был два раза: на княжне Ульяне (умерла 6 апреля 1586 г.) и на княжне Домне Михайловне Темкиной-Ростовской (умерла 7 июня 1630 г.). От первого брака был сын Василий, умерший в младенчестве, а от второго — дочь Ольга, умершая 3 декабря 1609 г. А князь Василий Иванович (боярин 1576 г.) был совсем бездетный, так что со смертью князя Федора Ивановича (умер 19 февраля 1624 г.) род князей Мстиславских совсем прекратился» (92, 330).

Глава 12

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

Среди многочисленных бедствий, предвещавших скорый конец света, наихудшим была эпидемия, или, как тогда говорили, «мор». По некоторым характерным признакам можно узнать, что под словом «мор» обычно скрывается бубонная, или легочная, чума. Только в конце XIX века ученые выявили бактерии чумы и научились бороться с ней. На Русь чума являлась неоднократно, опустошая целые города и уезды. Переносчиками чумы были как сами заболевшие, так и неизменные спутники болезни — серые крысы. За-

раженные бациллой чумы крысы быстро погибали, вызывая у оставшихся крыс инстинктивное паническое бегство. Полчища крыс, словно мутная волна, покрывали землю, преодолевая препятствия и разнося заразу повсюду. Это было жуткое зрелище. (Переселение крыс ярко описано в романе Гайто Газданова «Вечер к Клэр».) На лапках зараженных крыс бациллы попадали в жилища людей, на столы и лавки, на посуду и одежду.

Чума развивалась быстро. Через два-три дня дом живых превращался в дом мертвых. В XIV—XV веках чума волнами опустошала всю Европу. Ее самая сильная вспышка, так называемая «Черная смерть» — на Руси ее назвали «Великий мор», — случилась в 1348—1353 годах. Тогда вымерло около 30 процентов населения всей Западной Европы. Но эта эпидемия была далеко не единственной.

Борьба с чумой была главной заботой средневековых врачей. Они знали, что болезнь передается через общение с больным, причем тогда, когда болезнь еще не проявилась явственно. Первым профилактическим средством стал карантин — запрет на контакты с больным. Впервые этот метод осознанно применили в XIV столетии, когда итальянские корабли, пришедшие из охваченных чумой районов Леванта, не допустили в порт Марселя прежде, чем они простояли три недели на рейде, дожидаясь появления в команде зараженных чумой матросов. Спустя три недели больных не оказалось, и корабль был допущен в порт.

Карантины стали ставить не только в портах. На больших дорогах выставляли заставы, не пропускавшие едущих в зараженные районы или возвращавшихся из них. Считалось, что чума не любит можжевельового дыма. Отсюда окуривание можжевельником как профилактическая мера. Врачи в Европе, отправляясь к больному, надевали на лицо маски с ароматными травами. И всё же лучшим средством оставалась итальянская пословица: «Чтобы спастись от чумы, надо встать пораньше и убежать подальше». Этому совету последовали персонажи «Декамерона» Боккаччо, бежавшие из охваченной чумой Флоренции в свои загородные поместья.

Москва пережила тяжелую эпидемию чумы в 1350—1360-е годы. Тогда умерли мать Дмитрия Донского княгиня Александра и его брат, а также его дядя, московский великий князь Семен. Василий Дмитриевич, конечно, знал от отца об этом бедствии. Вероятно, он молил Бога избавить

Москву от мора. Но молитвы не помогли. В 1417 году чума вновь пришла на Русь. Вот что рассказывает об этом Симеоновская летопись:

«В то же лето бысть мор страшен в людех в Новгороде Великом, и в Ладозе, и в Русе, и в Порхове, и в Пскове, и в Торжку, и в Тфери, и в Дмитрове, и по властем их; и толь велик бысть мор, яко живии не успеваху мертвых погребати, ниже доволни бяху здравии болящим служити, но един здравии десятерым болем служаще, и мнози двори пусти быша, а во ином един человеех остася или два, а инде едино детище. Болезнь же сицева бысть людемь: преже яко рогатиною ударить за лопатку или противу сердца под груди и промежи крил, и разболевся начнет кровию хракати, и огонь ражжет, по сем пот иметь, потом дрожь иметь, и иметь ходити по всем съставом человеким недуг той; железа же не одиначе, иному на шии, другому на стегне, овому под пазухою или под скулою, или за лопаткою и в паху, и на инех местех, и в болезни той полежавше с покаанием и с маслом, мнози же и аггельска образа сподобившися, от житиа отхожаху; сице бо милосердие свое и казнь с милостию людем своим посла» (29, 163—164).

В охваченных чумой городах и селах помимо вопросов медицинского свойства возникали проблемы моральные. Всем было ясно, что, ухаживая за больным и занимаясь его погребением, можно заразиться самому. Одни, рискуя жизнью, выполняли свой долг милосердия. Другие предпочитали держаться подальше от зараженных, даже если это были близкие родственники. Эта моральная проблема существовала с древних времен. Ее отметил еще древнегреческий историк Фукидид (V век до н. э.), рассказывая о чуме в Афинах. Историк Церкви Евсевий Памфил (III век), повествуя о чуме, охватившей Римскую империю в I веке н. э., противопоставляет эгоистичному поведению язычников жертвенную готовность христиан, для которых смерть была лишь переходом в лучший мир:

«Весьма многие из наших братьев (христиан), по избытку милосердия и по братолюбию, не жалея себя, подерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно служили им, ухаживая за ними, ради Христа, радостно умирали вместе. Исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания. Язычники вели себя совсем по-другому: заболевавших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляли трупы без погребения —

боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было нелегко» (11, 262).

Летописец словно обрывает свой рассказ о распространении эпидемии в 1417 году упоминанием города Дмитрова. Отсюда до Москвы оставалось всего около 60 верст — день пути для всадника. От Дмитрова шла большая дорога на север, вдоль рек Дубны и Сестры, к Волге, а далее в Тверь. Эпидемия шла проторенной дорогой, следуя за купеческими обозами и тропами богомольцев. Но, судя по всему, в Дмитрове мор был остановлен. Перепуганная Москва на сей раз осталась жива. Свиные заставы, где бросали в огонь всякого заболевшего или просто пытавшегося тайком обойти заставу, сделали свое дело. Мор отступил, словно усмехнувшись: «Я еще вернусь!»

Чуму прогнали лютые морозы. Но морозы тоже собрали свою страшную дань. Летописец говорит об этом в своей обычной лаконичной и внешне бесстрастной манере: «Тое же зимы мнози людие от мраза изомроша, студена бо была зима велми» (29, 163).

Прошло три года. Ужасы мора стали забываться, но смерть сдержала свое обещание вернуться. В 1420-е годы она широко разгулялась на северо-востоке Руси:

«В лето 6928 (1420) бысть мор силен на Костроме и в Ярославле, в Галиче, на Плесе, в Ростове, почен от Успения Богородици; и тако вымроша, яко и жита бе жати не кому. А снег паде на Никитин день и иде 3 дни и 3 нощи, паде его на 4 пяди, и потом съиде, и потом мало кто что съжа, и бысть глад по мору» (29, 195).

Чем больше был город, тем больше людей толкалось на его торжищах, тем сильнее была опасность чумы. И самым уязвимым в этом отношении был, конечно, Новгород. Страх заставил новгородцев запереть ставни и сидеть по домам. Но где найти спасение от подпольных крыс?

В 1421 году мор вернулся в Новгород под руку с голодом: «Того же лета и глад бысть в Новгороде... Тое же осени септявриа в 8 почя быти болезнь коркотная, и на зиму глад бысть» (29, 166). Связь голода и мора вполне понятна: обессиленные голодом люди были легкой добычей для болезни.

В путанице летописных известий один и тот же по времени мор порой упоминается дважды под соседними годами. Распутать эти хронологические узлы не мог порой и сам летописец, собиравший сведения для своего труда из разных источников. Но, кажется, летопись дает верный интер-

вал: за рассказом о море 1421 года шел более пространный рассказ о море следующего, 1422 года: «В лето 6930 глад бысть велик по всеи земли Русской и по Новгородской, и мнози людии помроша з голоду, а инии из Руси в Литовское выидоша, инии же на путех с глада и з студенаго помроша, бе бо зима студена, инии же и мертвыа скоты ядыху, и кони, и псы, и кошки, и люди людеи ядоша, а в Новгороде мертвых з голоду 3 скуделницы (братские могилы. — *Н. Б.*) наметаша. Купиша же тогда на Москве оков ржи по рублю, а на Костроме по два рубля, а в Нижнем Новгороде по 6 рублевъ» (29, 166).

* * *

Неизбежное приближение Страшного суда заставляло людей больше думать о своих и чужих грехах. Великий князь Василий I, конечно, был не чужд такому взгляду. Среди своих грехов он видел главный — захват Суздальско-Нижегородского княжества в 1392 году. Отняв у своих близких родственников их родовое владение, заставив их скитаться по миру, Василий Дмитриевич совершил тяжкий грех. Расплатой за этот грех он мог считать любое случившееся с ним, его семьей или его подданными несчастье.

О грехах Василия I говорили на площадях и в походных шатрах, в кабаках и общественных банях. Его осуждали молчаливые заволжские старцы, собеседники и ученики Сергия Радонежского. И первым среди старцев вразумлял Василия в своих посланиях знаменитый Кирилл Белозерский. И хотя оправданием для князя было необходимое для общего блага «собрание Руси», совесть и «правда» смущали его душу.

Степняки обычно устраняли избыток претендентов на верховную власть с помощью яда. Русские князья были гораздо более разборчивы в этом вопросе. Образ святых Бориса и Глеба, память Святополка Окаянного заставляли опустить руку с ножом или кубок с ядом. Более того. На Руси известна была великая сила покаяния. В приливах раскаяния Василий I пытался устроить судьбу своих обнищавших кузенов. На некоторое время они успокаивались, но потом вновь принимались за ту кровопролитную партизанскую войну, которая приносила им если не надежду, то по крайней мере некоторое удовлетворение. Усобица внутри Московского княжеского дома, вспыхнувшая во второй четверти XV века, была психологически подготовлена усо-

бицей внутри Суздальского дома. И тут и там один и тот же ритм событий: возмущение — нетерпение — преступление — раскаяние — опять нетерпение.

В этом отношении весьма наглядна судьба младшей ветви суздальских князей. Племянник Василия I, князь Иван Борисович Суздальский по прозвищу Тугой Лук, родился в 1370 году. После захвата Нижнего Новгорода Василием I в 1393 году он вместе с женой и детьми был сослан.

После тщетных хлопот в Орде и стычек с московскими полками Иван в 1416 году «ударил челом» Василию I. Одновременно с Иваном смирился и покаялся его брат Даниил. В Москве им, а также сыну Ивана Борисовича Александру было даровано прощение. Однако унижительное положение прощенных, но не возвращенных на уделы князей не устраивало гордых Борисовичей. Прежде всего, это был вопрос чести.

Зимой 1418 года братья бежали из Москвы неизвестно куда. Где они скитались последующие годы — неизвестно. Источник сообщает, что по кончине Иван Борисович был похоронен с почетом в главном храме Нижнего Новгорода — Спасо-Преображенском соборе. Очевидно, он был опять прощен Василием I. Более того, в 1418 году сын Ивана Тугой Лук женился на дочери великого князя Московского Василисе (123, 432).

Примириться с суздальскими родичами и ввести их в свое окружение в качестве первого ряда бояр — такова была линия Василия I в этом вопросе. Это был не только политический компромисс, но и компромисс со своей христианской совестью. Время показало успешность этой стратегии. Потомки Семена Дмитриевича Суздальского, брата жены Дмитрия Донского Евдокии, остались в Москве и стали родоначальниками могущественного боярского клана князей Шуйских.

Путь половинчатых решений, путь компромиссов и уступок — таков был общий стиль политики Василия I. Это был христианский путь, путь наименьшего кровопролития. Князь заботился о спасении своей души. И, вероятно, в этом многом достиг. Однако обратная сторона политики компромиссов состояла в том, что наследник престола, будущий Василий Темный, получил от отца такое количество нерешенных проблем, раздраженных самолюбий и эгоистических притязаний, преодолеть которое он оказался не в силах.

Дмитрий Донской первым из московских князей начал рубить головы своим крамольникам боярам. Эти рас-

правы дорого стоили его христианской совести. Но только так он сумел усмирить аристократию и оставить сыну Василию московскую знать единой, как сжатый кулак. Сын Донского Василий I был мягче отца. В итоге его наследие, оставленное сыну, напоминало не кулак, а скорее открытую ладонь...

Василию Темному пришлось расплачиваться за доброту отца. И эту дорогую плату вместе с ним суждено было платить всей Русской земле...

* * *

Московский великий князь Василий Дмитриевич был на удивление равнодушен к тому, каким он останется в памяти потомков. Во всяком случае он не заботился о своем летописании. Можно, конечно, объяснить краткость и сбивчивость московских летописей времен Василия I всякого рода неблагоприятными обстоятельствами. Но обстоятельства примерно такого же свойства — войны, пожары, сырость, мыши и т. д. — не помешали тому, что летописание Новгорода первой четверти XV века дошло до нас в цветущем состоянии. Тогда как московское — увы, увы, увы...

Наряду с великим князем заказчиком летописи мог быть епископ или митрополит. Митрополит Киприан поставил себе при жизни памятник в виде митрополичьего летописного свода 1408 года. Митрополит Фотий, в отличие от Киприана, не был завзятым книжником и писал главным образом гневные послания на еретиков или своих соперников по кафедре. Единственный гипотетический свод, приписываемый ему исследователями летописания, — так называемый Владимирский полихрон Фотия 1418—1423 годов, — при ближайшем рассмотрении оказывается химерой (86, 109).

Кто виноват в упадке московского и общерусского летописания во времена Фотия — гибель архивов или равнодушие первоиерарха к летописной работе? Неизвестно. Но, как бы там ни было, печальная ситуация с источниками ставит историков в тяжелое положение. Вот, например, характерное признание такого рода.

«Каковы же были итоги княжения Василия I? Мы очень мало знаем о последних годах его правления: после 1418—1425 гг. ... в общерусском летописании обнаруживается зияющий провал — вплоть до окончания междоусобной войны в Московском княжестве в середине XV в. Однако на ос-

новании имеющихся у нас данных можно утверждать, что главный политический успех Василия Дмитриевича — присоединение им Нижнего Новгорода — был весьма непрочным» (86, 56).

Пробелы московского летописания той эпохи отчасти восполняют цветущие народным красноречием новгородские и псковские летописцы. Чего стоит одно только описание бури и потопа, перепугавших новгородцев 19 мая 1421 года. То, что пережили новгородцы, переживали и в Москве, и повсюду. Могло показаться даже, что Страшный суд уже пришел:

«В лето 6929 в Новегороде в Великом бысть поводь велика в Волхове и снесе 20 городень великаго мосту, и буре велицеи бывши, и разбишася от воды и уличнии мосты, и храми мнози от основания исторжены быша. Мнози же воды ради на верх хором живяху, и монастыреи 19 обьят вода, яко ни пению быти в них. И толице скорби бывши, яко уже людем чяющи потоп нашедши на них, еще же паки и туча великы взыде маия 19 с полудне с громом страшным и с шумом великим, в полунощи молнии же блистающе, якоже и прозрети немощно бе, яко бо чаюше людем ожженом быти от огня оного, понеже бо и туча она пришед над град ста и изменися от дожденосия на огненное видение, людие же всяко чаюше пламеню быти пожигающу грешники и ужасашася, нача вопити: “Господи помилуй” и прочая многая моления, и обеты приношаху Господеви и пречистей Матери Его, и всем святым Его, понеже бо и каменеие из облака являшеся. Архиепископ же Симион с чином священным и все богобоязнии людие, вшедше в церковь Премудрости Божия, ници падше, с многими слезами из глубины сердца с вздыханми моляшеся. Также и по прочим церквам священницы и людие творяху, и тако преиде ночь та страхом онем. Пришедшу же дню и бысть тишина, и туча она бысть невидима, и едва людие в себе преидоша от страха оного» (29, 166).

Такова была пронизанная ожиданием конца света повседневная жизнь средневековой Руси.

Людам не дано знать о сроках второго пришествия. Спаситель мог явиться через много лет, а мог — в эту ночь. Книжники искали сроков Последних времен в древних пророчествах. Но роковые даты проходили — а мир продолжал существовать. И в этой неопределенности оставалось только одно: жить по вечному закону: «довлеет дневи злоба его»... Каждому дню — свои заботы...

Сам Василий I никогда не был в Новгороде. Всякий раз, когда ему следовало там быть, обстоятельства останавливали его. Братья великого князя, Юрий и Константин, наместничали в Новгороде и знали этот город как свои пять пальцев. Конечно, они рассказывали старшему брату о тайнах великого города.

Новгородцы любили строить каменные храмы. Материалом для строительства служила серая известковая плита, выходы которой часто встречались по берегам Волхова. Купцы средней руки и новгородские бояре ставили себе скромный памятник в виде приземистой кургузой церкви, все линии которой словно прочерчены от руки. Верхи новгородского общества могли позволить себе более значительные храмы с высоким подклетом, в котором они хранили свое добро от пожара и воров. Большим любителем строительства был глава новгородской церкви — архиепископ. Обилие каменных храмов было впечатляющим знаком могущества и богатства Новгорода.

Москва при Василии I строила меньше, чем Новгород. Но это была совсем другая по форме и по духу архитектура. Из этих так называемых «раннемосковских храмов» сохранились только четыре, причем два из них — в Звенигороде, в уделе князя Юрия Дмитриевича, брата Василия I. Это собор Успения на Городке (1400 год) и собор Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря (1405 год). Третий храм — собор московского Андроникова монастыря (1427 год), четвертый — Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры (1422—1423 годы). Удивительно, но факт: освящение этих храмов не упомянуто в летописях или иных источниках той поры. Поэтому их датировка носит условный характер. Ее предложили историки архитектуры, основываясь на разного рода косвенных соображениях. Все четыре раннемосковских храма сложены из белого камня. Но этот камень, в отличие от новгородского, подвергнут тщательной обработке. Владимиро-суздальская основа сочетается в московских храмах с обилием владимирских черт в декоре. Но при этом ни один из них не может быть безоговорочно признан принадлежащим к владимиро-суздальской архитектурной школе.

По своему историческому значению первое место среди раннемосковских храмов принадлежит, конечно, Троицкому собору Троице-Сергиевой лавры. В нем находится

главная святыня Русской православной церкви — рака с мощами «Игумена Земли Русской», преподобного Сергия Радонежского. Уже в середине XV века он почитался как святой. Нетленные мощи Сергия были открыты в 1422 году при постройке каменного собора во имя Святой Троицы. Кто дал монахам немалые деньги на постройку храма? Очевидно, в сборе средств участвовали вся семья великого князя, а также его братья. Собор хорошо сохранился до наших дней. В нем день и ночь горят свечи, читается акафист преподобному Сергию. Молчаливая очередь богомольцев выстраивается у гробницы святого, чтобы приложиться к его святым мощам.

Снаружи легко заметить, что собор имеет только одну главу и невелик по размерам. Однако удачно найденные пропорции придают ему монументальные очертания.

Внутри собора и солнечным днем царит сумрак, пронизанный острыми лучами света из узких окон. Пламя множества свечей придает интерьеру собора какое-то особое мерцающее сияние. Здесь бьется сердце русского православия. Здесь билось оно и шесть веков тому назад...

* * *

Семейную жизнь великого князя Московского Василия Дмитриевича трудно назвать счастливой. В браке с Софьей Витовтовной он имел девятерых детей, из которых пятеро — сыновья. Ранняя смерть собрала в этой семье обильную жатву. Старший сын, Юрий, родился в 1395-м и умер в 1400 году. Второй сын, Иван, родился в 1396 году, успел жениться, но вскоре также умер при неясных обстоятельствах на дороге из Коломны в Москву. Случилось это в 1417 году. Третий сын, Даниил, умер младенцем (1401—1402). Четвертый, Семен, не оставил по себе ничего, кроме имени. Таким образом, наследовать московский престол в год смерти Василия I (27 февраля 1425 года) мог только единственный выживший пятый сын Василия I — девятилетний Василий II.

Что касается дочерей, то их судьбы тоже не назовешь счастливыми. Старшая, Василиса, была замужем за одним из суздальских князей, Александром Даниловичем Взметнем. После его кончины она была выдана отцом замуж за другого удельного суздальского князя, Александра Брюхатого. Дочь Мария умерла в младенчестве.

Младшая из дочерей, Анастасия, стала женой киевского князя из династии Гедиминовичей, Александра (Олель-

ко) Владимировича. Он доводился внуком великому князю Литовскому Ольгерду.

Наиболее удачной поначалу казалась судьба дочери Анны. Она еще в детстве была предназначена в жены Иоанну, старшему сыну византийского императора Мануила II Палеолога. В 1411 году Анна обвенчалась с Иоанном, но в 1417 году скончалась от мора и была похоронена в одном из константинопольских монастырей.

Вопрос престолонаследия особенно беспокоил Василия I из-за накатывавшейся волнами эпидемии чумы. Чувство личной ответственности перед Богом за «собрание Руси» было развито у всех потомков Ивана Калиты. Семен Гордый в завещании умолял наследников не ссориться между собой, «чтобы не погасла свеча» — символ богоугодности московского дела.

Всё это было очень важно и очень серьезно. Но смерть не интересовали хлопоты людей. Время Василия I вышло в урочный час. Час этот настал 27 февраля 1425 года — «в третий час ночи», как уточняет летописец (29, 167).

Под тихие напевы панихиды и плач домочадцев в московский Кремль входила новая и страшная пора: время мятежей и смут.

Время отца закончилось. Началось время сына.

Часть вторая

СЫН

Глава 13

ГОРЬКОЕ ДЕТСТВО

Будущий великий князь Василий Темный родился 10 марта 1415 года. Он был поздним и последним ребенком у своей матери. Великой княгине Софье Витовтовне было тогда уже около сорока лет.

Роды оказались трудными. Княгиня едва не умерла. Такие дети — «последыши» — бывают особенно дороги для матери и долго остаются под ее, часто деспотической, опекой.

Московский двор в своих преданиях любил переплестать правду с вымыслом. Рассказывали, будто отец младенца, великий князь Василий Дмитриевич, дабы облегчить страдания супруги, велел обратиться к святому старцу, жившему тогда в монастыре Иоанна Предтечи «под бором за рекою Москвою», с просьбой помолиться о здравии княгини Софьи (23, 225). Старец посоветовал князю совершить усиленную молитву и успокоил его, предсказав, что всё обойдется и нынче же вечером у княгини благополучно родится сын — будущий наследник московского престола.

Предсказание исполнилось. И тут случилось другое чудо. Некий невидимый ангел вызвал из кельи княжеского духовника и велел ему немедля идти во дворец и наречь новорожденному имя Василий — по-гречески «Царский».

Детство Василия было безрадостным. Можно сказать даже, что он вовсе был лишен детства, которое у него отняла большая политика. Наследник престола всегда окружен невидимым кругом отчуждения. Вероятно, Василию не хватало общения со сверстниками. Мать берегла его как зеницу ока. Все знали, что если какой-то несчастный случай или злой умысел оборвет жизнь наследника — к власти придет Юрий Звенигородский. И тогда многие служебные карьеры оборвутся и многие головы полетят с плеч.

В тесном мире княжеского дворца взрослые говорили главным образом о скучном для ребенка: о происках суздальских князей и хитрости новгородцев, о своеволии удельных братьев и замыслах татар. В соседнем митрополичьем дворце с утра до вечера обсуждали проклятых латинян и измену униатов. И во всех разговорах неизбежной темой вставала чума, широко гулявшая в эти годы по Русской земле. «Мор» унес почти весь серпуховской княжеский дом и сильно сократил московский. Вероятно, родители спасали наследника от заразы старым проверенным способом — «встать пораньше и убежать подальше». Тогда разыгралось много житейских драм. Но летописи этих лет (1415—1425) отличаются необычайным лаконизмом и скупостью на подробности реальной жизни. Кажется, летописец и сам потерял интерес к жизни, сосредоточившись на описании смерти. А смерти было в избытке...

Гнев Божий разверз небеса и напомнил страшные видения Апокалипсиса. Засуха сменялась потопом, а потоп — мором. И всё же жизнь брала свое. Можно думать, что в три года княжича посадили на коня и совершили над ним обряд пострига. В пять лет Василию объяснили, что такое литургия и какую силу имеет клятва с целованием креста. В семь лет его стали учить грамоте.

Окружающий мир был страшен. Но страх отступал, когда рядом был сильный и мудрый отец. И вот настал час, когда отец навеки закрыл глаза. И тогда мир открылся перед отроком Василием во всей своей беспощадности...

* * *

Кончина Василия I в ночь с 27 на 28 февраля 1425 года перевела вопрос о престолонаследии из области мнений в область действий. Московские бояре и митрополит Фотий попытались уговорить пятидесятилетнего Юрия Звенигородского явиться в Москву и присягнуть на верность Василию II. Летописи довольно сбивчиво излагают события этих тревожных дней. Юрий поначалу, кажется, готов был согласиться и даже выехал в Москву. Однако какое-то дурное предчувствие (а может быть, и чье-то тайное предостережение) заставило его остановиться. Приглашение в Кремль (хотя бы и заверенное самим митрополитом) вполне могло быть приглашением на тот свет. История ранней Москвы знала немало примеров того, как доверчивых соперников заманивали на переговоры, а затем бросали в темницу.

Вдова Василия I Софья, оставшаяся в роли регентши при несовершеннолетнем сыне, отличалась властным и жестким характером. От нее можно было ожидать всего. На ее стороне был и глава Церкви митрополит Фотий. Но если на Боровицком холме действительно решили избавиться от Юрия, то и маленький подмосковный Звенигород не мог послужить ему надежным убежищем...

Поразмыслив обо всем этом, Юрий свернул с проторенной московской дороги. Проселками да околицами мятежный князь повел свой отряд во вторую удельную столицу — Галич Костромской, или, как его еще называли, «Галич Мерьский» (от названия угро-финского племени меря — древних обитателей окско-волжского междуречья).

«Ледовый поход» князя Юрия Звенигородского стал началом многолетней смуты в Русской земле. Разбуженное чудовище вырвалось на свет из своих темных лабиринтов. Между разными ветвями потомства Дмитрия Донского началась братоубийственная война. То затихая, то вновь разгораясь, она продолжалась до 1453 года*.

Глава 14

МЯТЕЖ

Юрий Звенигородский не поехал в Москву присягать племяннику. Однако и воевать с ним он не был готов. Собственный удел Юрия, состоявший из двух обособленных территорий — подмосковного Звенигорода и отдаленного Галича с округой, был слишком слабой опорой для борьбы с Москвой. К тому же на стороне державного отрока Василия остались его младшие дядья — удельные князья Андрей, Петр и даже прежде опальный Константин Дмитриевичи. Мать Василия II, княгиня-вдова Софья, узнав о мятеже Юрия, послала за помощью к своему отцу — великому князю Литовскому Витовту. Имея перед собой таких противников, Юрий в случае войны был обречен на поражение. Да и легко ли ему было ввергнуть меч между братии, посягнуть на святая святых московского дома — единомыслие?..

* Московская война второй четверти XV века давно привлекала внимание историков. Тщательной проработкой всех ее обстоятельств отличается книга А. А. Зимина «Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в.» (М., 1991). Однако и после нее остается немало противоречий как по фактической стороне дела, так и в объяснении причин, побуждавших героев Смуты к действиям.

В итоге Юрий не спешил браться за меч. Не торопились с войной и москвичи. Дядя и племянник заключили между собой перемирие до Петрова дня — 29 июня. Однако до прочного мира было еще далеко. И в Москве, и в Галиче копили силы. Весной 1425 года московское войско двинулось на Галич. Тем самым москвичи нарушали только что достигнутое перемирие. Но промедление было бы на руку Юрию, который, воспользовавшись перемирием, «розосла по всей своей отчине, по всех людей своих» (27, 183). И потому в Москве решили не придавать значения своим прежним обещаниям. Плацдармом для наступления на заволжские владения Юрия стала Кострома. Отсюда вверх по реке Костроме и ее левому притоку Вексе шел торный путь на Галич.

Узнав о начале войны, Юрий не стал дожидаться, пока его недруги подступят к Галичу. Вместо этого он ушел в Нижний Новгород, где имел немало доброхотов. Вслед ему было послано большое московское войско под началом князя Андрея Дмитриевича. Однако догнать Юрия он не сумел (или не захотел). Дело кончилось тем, что московские полки вернулись в Москву, а Юрий — в Галич.

(Летописи весьма кратко сообщают о событиях этих лет и зачастую противоречат друг другу. К тому же московское летописание второй четверти XV века дошло до нас только в составе летописных сводов второй половины XV века, когда многие события уже представляли в ином свете. Наконец, мы до сих пор весьма умозрительно представляем себе принципы работы летописца, зачастую сводя их к одной «политической тенденциозности» и забывая о чувстве религиозной ответственности, которое он постоянно испытывал (67, 187). Вслед за противоречащими друг другу летописцами по-разному толкуют ход событий и историки. Не будем утомлять читателя пересказом различных мнений. Заметим лишь, что из этой цеховой шкатулки мы извлекаем то, что представляется нам наиболее убедительным.)

Одновременно с военными приготовлениями и движениями разворачивалась миротворческая деятельность главы Русской церкви митрополита Фотия. В 1425 году он дважды лично ездил к Юрию в Галич. Во время визита Фотия в Галич в июле 1425 года мятежный князь пообещал прислать в Москву послов для заключения прочного мира с племянником. Однако Юрий оставил за собой право апеллировать к хану Золотой Орды, который все еще оставался высшей правовой инстанцией для русских князей.

К осени 1425 года московская усобица затихла, словно испугавшись появления на исторической сцене нового действующего лица — черной оспы. Небывалая по масштабам эпидемия этой губительной болезни прошла в 20-е годы XIV века по русским землям, то уходя, то вновь возвращаясь. Летописные записи этих лет звучат уныло и монотонно, как погребальный звон. «Тое же осени бысть мор велик во Пскове, и в Новгороде в Великом, и в Торжку, и во Твери, и на Волоце, и в Дмитрове, и на Москве, и во всех градах Руських и во властех и селех» (21, 143).

Закутанная в окровавленный саван, смерть широко шагала по градам и весям. Несметные стаи ворон и крыс составляли ее зловещую свиту. Она заглядывала и в хижину бедняка, и в княжескую палату.

В Москву сильнейшая волна эпидемии пришла в самом конце весны 1425 года. «А с Троицына дни (27 мая. — *Н. Б.*) почат быти мор на Москве; а пришел от немец в Псков, а оттоле в Новьгород, такоже доиде и до Москвы...» (22, 93). Жертвами «мора» стали почти все потомки героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского. Учитывая то, что эпидемия распространялась с севера на юг, можно предполагать, что в Твери оспа появилась раньше, чем в Москве, то есть еще весной 1425 года.

Историк первой половины XVIII века В. Н. Татищев (1686—1750), имевший в руках некоторые не дошедшие до нас летописи, приводит уникальное рассуждение об эпидемии 1425—1427 годов. «В лето 6935 (1427) мор бысть велик во всех городех русских по всем землям, и мерли прысчем. Кому умереть, ино прысч синь и в третьей день умираше; а кому живу быти, ино прысч черлен да долго лежит, дондеже выгнеет. И после того мору, как после потопа, толико лет не почали жити, но маловечнии, и худии, и счадушнии (тщедушные. — *Н. Б.*) начаша быти» (50, 234).

Известно, что сильные потрясения, испытанные в детстве или отрочестве, навсегда остаются в памяти человека. Они подспудно формируют его характер, причудливо отражаются в поступках, совершенных много лет спустя. «Трудное детство» (нехватка родительской любви и заботы, сценные жестокости, убийств и мятежей, необходимость самому отстаивать свои права) было суровой школой и для многих выдающихся правителей России: Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана Грозного, Петра Великого. Эту школу прошел и Василий II. Самыми яркими воспоминаниями его отрочества были события 1425 года. Ночной переполох во

дворце после кончины отца, перепуганные лица придворных, скачущие во все концы всадники, слухи о крадущемся к Москве войске Юрия Звенигородского. Потом — панический страх зловещего «синего прыща», шиплющий глаза дым горького можжевельника, которым прогоняли заразу. Потом — бестолковый поход на Кострому, томительное ожидание вестей о мятежном дяде, который, казалось, готов был броситься на Василия со своими лесными головорезами из-за каждого поворота дороги. Вдобавок ко всему над поступками князя-отрока довлела деспотическая воля его матери — старой княгини Софьи Витовтовны.

Эта неукротимая женщина оставила глубокий след в истории московской династии. Ее противостояние с другой сильной натурой, вдовой Дмитрия Донского Евдокией, не изображается, но угадывается в московских летописях той поры. В Москве Софью, по-видимому, не любили и считали «литвинкой». На ненависть она отвечала ненавистью. Кажется, не все было в порядке и в отношениях Софьи с мужем. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву в первой трети XVI века и прилежно собиравший сведения об истории правящей династии, среди прочего отмечает: «Этот Василий Димитриевич оставил единственного сына Василия, но не любил его, так как подозревал в прелюбодеянии свою жену Анастасию (Софью. — *Н. Б.*), от которой тот родился...» (4, 65).

Ранние испытания, болезненные столкновения с более сильными характерами могут закалить волю отрока, но могут и сломить или деформировать ее. И не из этих ли испытаний отрочества вынес Василий те малопривлекательные черты, которыми он будет отличаться в зрелом возрасте: нерешительность, притворство, склонность к самоуничтожению? Окруженный монахами и обязанный своим престолом властному греку митрополиту Фотию, Василий рано усвоил все правила внешнего благочестия. Но там, где речь шла о делах и о помыслах, — его отношения с Богом оставались весьма непростыми.

Здравый смысл и, быть может, своего рода благородство заставили Юрия Звенигородского на несколько лет затвориться в своей заволжской столице и не показываться на общерусской сцене. Крестник преподобного Сергия Радонежского и строитель каменного собора над его могилой, храбрый полководец, более всего гордившийся тем, что он был сыном Дмитрия Донского, Юрий Звенигородский был далеко не худшим сыном своего жестокого века. Там, где

была задета его честь или ущемлены его законные права, он становился непреклонен. Однако при этом он умел прощать и забывать обиды. Порой возникает ощущение, что свою борьбу против Василия II Юрий вел без всякого энтузиазма и даже более того — с каким-то отвращением. Неохотно подчиняясь условностям своего времени и домогательствам честолюбивых сыновей, он поднимался и делал энергичный шаг, приводивший в смятение его врагов. Но скоро ему становилось скучно или даже стыдно перед самим собой. И тогда он вновь сидел в задумчивости у окна в своем высоком тереме над Галицким озером...

Вскоре после мирного договора с Юрием, заключенного летом 1425 года, москвичи принялись оскорблять князя, словно желая выманить его из лесного убежища. Очевидно, Софья Витовтовна хотела покончить с Юрием прежде, чем сойдет в могилу ее престарелый отец — могущественный великий князь Литовский Витовт. В год, когда Василий II занял престол, тому исполнилось 75 лет. Зимой 1426/27 года Софья Витовтовна вместе со своим сыном, великим князем Василием II, ездила на свидание к отцу. (Такие встречи вошли в обычай еще при Василии Дмитриевиче, который несколько побаивался грозного тестя и стремился поддерживать с ним хорошие отношения.) Помимо литовско-псковской войны, которая началась летом 1426 года и приближалась к миру благодаря посредничеству Москвы, на этой встрече с отцом Софья, конечно, заручилась его помощью на случай войны с Юрием Звенигородским.

Вскоре новый поворот событий вывел Юрия из равновесия. 23 февраля 1428 года в возрасте сорока двух лет умер бездетный князь Петр Дмитриевич Дмитровский. После его кончины Юрий Звенигородский имел все основания рассчитывать на часть удела своего младшего брата. Традиция московской семьи требовала раздела выморочного удела между всеми оставшимися в живых сородичами. О том же прямо говорил и Дмитрий Донской в своем завещании: «А по грехом, которого сына моего Бог отъимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутъся» (10, 35). Однако вдова Дмитрия Донского княгиня Евдокия Дмитриевна умерла еще в 1407 году. И теперь в роли судьи должен был выступать князь-отрок Василий, а фактически — его мать Софья Витовтовна.

История с дмитровским наследством вновь показала, сколь мало считаются теперь в Москве с волей давно

успошего Дмитрия Донского. Василий II присоединил выморочный удел к своим владениям. Однако не желая восстановить против себя всех трех деверей, Софья пошла на переговоры с ними. Итогом этих встреч стало заключение ряда договоров. Источники упоминают о трех, но сохранился только один из них. Он был заключен 11 марта 1428 года между Василием II, Андреем и Константином Дмитриевичами, с одной стороны, и Юрием Звенигородским — с другой. Анализ этого договора (а также упоминания о двух других в Описи архива Посольского приказа 1626 года) позволяет сделать вывод о том, что Юрий Звенигородский пошел (или вынужден был пойти) на ряд серьезных уступок Василию II и признал его своим «старшим братом», то есть сеньором. Впрочем, Юрий вновь оставил за собой право апеллировать к верховному суду Орды. Однако он не спешил воспользоваться этим правом.

Но и в своем галицком изгнании Юрий Звенигородский сумел показать себя. В конце 1428 года на его лесную столицу совершили набег зимовавшие в Среднем Поволжье татары. Их вел «царевич» Махмут-Хозя. В этом набеге ярко проявилась коварная особенность Галицкой земли: развитая речная сеть края обеспечивала местному населению удобные выходы к Волге; однако эти же реки и речушки служили зимой удобными дорогами для приходивших из района Казани с целью грабежа татарских отрядов. Во время первого набега (1428 года) татары сумели скрытно подойти к Галичу. Однако взять мощную галицкую крепость, располагавшуюся на высоком холме над озером, они так и не сумели. Вероятно, Юрий находился тогда в городе и лично руководил обороной. Простояв около месяца под стенами Галича и разграбив его окрестности, татары ушли к Кострому, а оттуда к Нижнему Новгороду.

Осенью 1430 года московский князь Василий вновь ездил на свидание с Витовтом в Литву. Вскоре после этой встречи с внуком, 27 октября 1430 года, восьмидесятилетний Витовт скончался. В Литве началась длительная усобица между братом Витовта Сигизмундом и племянником — Свидригайло Ольгердовичем.

Перемены в Литве отразились и на ситуации в Северо-Восточной Руси. Для Василия II Витовт был не только делом, но и могущественным покровителем. Теперь его не стало. Другой доброхот юного московского князя, митрополит Фотий, зиму 1430/31 года вынужден был провести в Литве, где ему необходимо было наладить дружественные отноше-

ния с преемником Витовта — князем Свидригайло. Такая благоприятная ситуация и побудила Юрия Звенигородского напомнить о себе и о своих притязаниях. Зимой 1430/31 года он объявил о расторжении мира с Москвой. Подробности этой истории неизвестны. Однако летописи сообщают, что Юрий вновь, как и в 1425 году, «сел» в Нижнем Новгороде. Очевидно, ему помогли здесь не только громкое имя и слава победителя болгар, но и родственные связи по линии матери — княгини Евдокии Дмитриевны, дочери Дмитрия Константиновича Суздальского. Братья Евдокии — Василий Кирдяпа, Семен и Иван — к тому времени уже умерли. Однако живы были их многочисленные потомки — двоюродные братья и племянники Юрия Звенигородского.

Эти безземельные суздальские княжата надеялись при благоприятных обстоятельствах вернуть свои уделы. Юрий мог использовать их настроения для создания антимосковской коалиции.

Юрий полагал, что угроза потери Нижегородской земли и нового мятежа «суздальцев» сделает москвичей более уступчивыми. Однако из Москвы ему ответили войной. На Нижний Новгород была послана большая рать во главе с князем Константином Дмитриевичем. Кажется, это был не лучший выбор: братья явно не хотели воевать друг с другом. Юрий оставил Нижний Новгород и ушел на восток, за реку Суру. Здесь уже кончались собственно русские земли и начинались владения языческих племен «черемисы» (так называли наши летописцы предков современных марийцев) и давно принявших ислам волжских болгар. Юрий впервые познакомился с этим своеобразным миром во время своего победоносного похода на болгар в 1399 году. Местные мусульманские и языческие князьки платили дань Орде, однако во всем остальном были вполне самостоятельны. Они готовы были поддержать любого опального русского князя и отправиться с ним в набег на русские города. Родной дядя Юрия Звенигородского (брат его матери), князь Семен Дмитриевич в 1398 году при поддержке этих лесных воителей захватил Нижний Новгород. По иронии судьбы именно Юрий Звенигородский, руководивший в 1399 году карательным походом на болгар, вынужден был теперь искать их поддержки и выступать в той самой роли, в какой выступал некогда Семен Дмитриевич, изгнанный Василием I из его нижегородских владений.

Константин Дмитриевич, дойдя с войском до Суры, стоял некоторое время на ее левом берегу, в то время как

Юрий с дружиной располагался на правом. Потом Константин повернул назад и через Нижний Новгород ушел обратно в Москву. При дворе он объяснил свою сдержанность невозможностью переправиться через разлившуюся по весне Суру. После ухода московской рати Юрий вернулся в Нижний Новгород.

Желая лишить Юрия поддержки болгар, московское правительство весной 1431 года отправило в их земли карательную экспедицию под началом служилого князя Федора Давыдовича Пестрого. Отмщения требовал и набег «царевича» Махмут-Хози на русские города (Галич, Кострому, Плес и Лух) зимой 1428/29 года, в котором, несомненно, участвовали и болгары. Вообще в этот период собственно болгары для русских летописцев начинают до неразличимости сливаться с оседавшими в Среднем Поволжье и принимавшими ислам татарами.

Летом 1431 года над Северо-Восточной Русью, еще не оправившейся от «великого мора» 1420-х годов, собрались новые беды. «В том же лете бысть знамение на небеси, три столпы огнены; тогда засуха велика была, болота и земля горели, и мгла стояла шесть недель, яко и солнце не видети, и рыбы в воде мерли» (18, 144). Другой источник более подробно рисует ту же апокалипсическую картину: «Того ж лета сухмень была велика и воды добре мало, а земля, и боры, и леса горяху, и дым мног вельми, иногда же друг друга не видети, и с того дыму звери, и птицы, и рыбы в водах мряху, и человеци в нужи бяху велицей и умираху» (50, 235).

Человека Средневековья окружало множество опасностей, перед которыми он был совершенно беспомощен. Ему оставалось только замирать от ужаса и молить Бога о помощи. Страх — важнейший компонент тогдашнего мироощущения. Летописи насквозь пропитаны им. Только учитывая это, можно понять, какое мужество (или какая восхитительная беспечность) требовалось в ту пору для того, чтобы не просто жить, втянув голову в плечи, а еще и действовать, мечтать, любить, надеяться...

Глава 15

СУД ОРДЫ

Итоги нижегородского похода лишили Юрия надежды отстоять свои права «домашними» средствами. Сразу же после кончины митрополита Фотия (2 июля 1431 года) он

заявил о том, что настало время вынести его спор с Василием II на суд Орды. Молодой московский князь, конечно, не хотел ехать в степь. Давно минули те времена, когда Иван Калита являлся к ханскому двору едва ли не каждый второй год. Василий I за 36 лет своего великого княжения был в Орде всего лишь два раза. Сам Василий II не ездил в Орду даже по случаю своего восшествия на московский и владимирский престол. Однако дань Орде по-прежнему выплачивалась, и ссориться с ханом Василий явно не хотел. А между тем в случае отказа прибыть в Орду вместе с Юрием он рисковал навлечь на себя гнев Улу-Мухаммеда. В итоге Юрий мог получить в Орде большое войско для похода на Москву.

Как расценить решение Юрия Звенигородского обратиться к арбитражу Орды? Во всяком случае, это не было сознательным предательством интересов Руси и беспринципным низкопоклонством перед ханом. Юрий искал способ отстоять свою «правду» с наименьшими для страны потерями. И, как обычно, он находил ответ на трудные вопросы в деяниях своего великого отца. Дмитрий Донской неоднократно отстаивал свои права, апеллируя к ханскому правосудию. Так было в 1362 году, когда дед Юрия по матери Дмитрий Константинович Суздальский перехватил великое княжение Владимирское у двенадцатилетнего Дмитрия Донского; так было в 1371 году, когда тверской князь Михаил Александрович получил в Орде ярлык на великое княжение Владимирское. В обоих случаях решения Орды в конечном счете были благоприятны для Москвы. Конечно, было бы лучше, если бы Юрий Звенигородский вообще отказался от претензий на московский трон и спокойно сидел в своем лесном Галиче. Но такое самоотречение было выше его меры...

Приняв решение о поездке в Орду, москвичи постарались первыми явиться к ханскому двору. Опыт прошлого подсказывал: тот, кто приедет раньше, имеет больше шансов на успех. Еще до окончания сорокадневного траура по митрополиту Фотию московский князь и его опекуны начали сборы и приготовления к судьбоносному путешествию.

Свой отъезд Василий II назначил на 15 августа 1431 года. В этот день был престольный праздник главного московского храма — Успение Божией Матери. Молодой князь как бы отдавал себя под покровительство Богородицы — давней заступницы Москвы. Проводы шестнадцатилетнего отрока Василия к лютому ордынскому «царю» преврати-

лись в общенародное рыдание. «На праздник же Пречистыя Успения князь велики, по отпущении литургия, повеле молебен пети Пречистой Богородици и великому чудотворцу Петру, и слезы излиа, и многу милостыню раздати повеле на вся церкви града Москвы и монастыри, и нищим всем, такоже повеле и по всем градом своим створити, и поиде ко Орде того же дне; а обедав на своем лузе противу Симонова под Перевесием, и поиде в путь свой» (22, 95).

Задержимся на этом бесхитростном описании. Оно — как бы случайно приоткрывшееся оконце в давно исчезнувшую и во многом уже непонятную для нас жизнь. Вот что говорит об этом один из великих историков: «Когда мир был на пять веков моложе, все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злосчастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которой и поныне воспринимает горе и радость душа ребенка. Всякое действие, всякий поступок следовал разработанному и выразительному ритуалу, возвышаясь до прочного и неизменного стиля жизни. Важные события: рождение, брак, смерть — благодаря церковным таинствам достигали блеска мистерии. Вещи не столь значительные, такие, как путешествие, работа, деловое или дружеское посещение, также сопровождалось неоднократными благословениями, церемониями, присловьями и обставлялись теми или иными обрядами» (117, 7).

Довольно подробный рассказ о поездке Василия II в Орду в 1431 году, сохранившийся в некоторых летописях, был записан летописцем со слов кого-то из участников путешествия или же принадлежит перу самого участника событий. Общая тенденция рассказа — сочувствие Василию II. При этом автор не чужд патетики, причудливо переплетенной с несколько наивным реализмом. Чего стоит одно только замечание о том, что, поплакав в Кремле перед отъездом, Василий II вскоре славно отобедал «на своем лугу» возле Симонова монастыря...

Недели три спустя отправился в Орду и Юрий Звенигородский. Он также приурочил свой отъезд к одному из главных богородичных праздников — Рождеству Богородицы. 8 сентября 1431 года Юрий, отстояв обедню в соборе Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода, выехал в Орду. Избрав этот день, он не только передал себя под покровительство Богородицы,

но и лишний раз помянул отца: 8 сентября 1380 года Дмитрий Донской одержал победу на Куликовом поле.

Путешествие в Орду в это время года занимало от одного до двух месяцев. Но к этому сроку обычно прибавлялись и долгие месяцы ожидания: хан не любил спешить в такого рода делах. Просителям нужно было дать время раздать все подарки и истратить все припасенные деньги на подкуп влиятельных людей. Василий и Юрий вынуждены были остаться зимовать в степях. У каждого здесь были свои враги и свои доброхоты. Поначалу оба соискателя попали в распоряжение «московского даруги» (чиновника, ведавшего сбором ордынской дани с Московского княжества) по имени Минбулат. Он был явно на стороне Василия и не скрывал этого. «Князю же великому честь бе велика от него, а князю Юрию безсчестие и истома велика» (22, 96).

Оказавшись фактически в плену у своих врагов, Юрий обратился за помощью к некоему Тегине, принадлежавшему к знатному роду Ширинов. Тот силой отбил Юрия у Минбулата и увел его с собой зимовать в Крым. Таковы были нравы в Орде на закате ее истории...

Пока Юрий с Тегиней кочевали по Крыму, московские бояре занимались интригами при ханском дворе. Особенно искусен в этом деле оказался боярин Иван Дмитриевич Всеволожский — перешедший на московскую службу и при этом потерявший княжеский титул внук смоленского князя Александра Глебовича. Обвиняя Тегиню в стремлении подчинить себе всю Орду, а Юрия — в дружбе с Литвой, он сумел настроить против них весь двор и самого Улу-Мухаммеда. Весной, когда Тегиня явился к ханскому двору и узнал о его настроениях, судьба Юрия уже была предрешена. Опасаясь расправы, Тегиня не решился вмешиваться в тяжбу и открыто поддерживать Юрия. Последней надеждой мятежного князя оставалось его собственное красноречие на суде. Ордынские правители позволили каждому из соискателей выступить со своими аргументами. «И многа прѣ бысть межѣ их; князь велики по отчеству и по дедству искаше стола своего, князь же Юрьи летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитриа» (22, 96). Иначе говоря, Василий обосновывал свои права тем, что и отец его и дед получили московское княжение по прямой линии, от своих отцов. Юрий же ссылался на завещание Дмитрия Донского и приводил примеры из летописей, когда великокняжеский престол переходил к старшему в роде.

Спор князей затянулся. Но тут смиренно попросил слова боярин Всеволожский. Речь его (в передаче летописца) содержала аргументы иного порядка. Вместо бесплодных прений о том, в чем же заключается «правда», он убедительно показал, как вся эта тяжба должна выглядеть с точки зрения интересов Орды. «Наш государь великий князь Василей ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком, а се твое жалование пред тобою; а господин наш князь Юрий Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию, волного царя; а ты волен во своем улусе, кого въсхощеш жаловати на твоей воли, а государь наш князь велики Василей Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василию по твоему жалованию волнаго царя; а уже, господине, которой год сидит на столе своем, а на твоём жаловании, тебе, своему государю, волному царю, правяся (подчиняясь. — *Н. Б.*), а самому тебе ведомо» (22, 96).

Полагают, что Всеволожский ссылался на какие-то подлинные документы («девтери и ярлыки»), которыми хан еще при жизни Василия I одобрил передачу престола Василию II. Однако основной смысл его мудрой речи состоял в следующем прагматическом рассуждении: зачем хану менять правителя в Москве, когда и нынешний вполне хорош для Орды? Согласившись с этим убедительным доводом, Улу-Мухаммед вынес окончательное решение. Притязания Юрия признавались необоснованными, а сам он в знак покорности племяннику должен был публично «конь повести под ним» (22, 96).

Выступить в роли стремянного у своего семнадцатилетнего племянника было бы нестерпимым унижением для старого князя. Он наотрез отказался от такой формы покаяния. Дело принимало плохой оборот: за неповиновение ханской воле Юрий мог заплатить головой. Но такой исход тяжбы едва ли был выгоден московским правителям. Избавившись от Юрия руками ханского палача, Василий наверняка получил бы непримиримых врагов в лице его братьев и сыновей. Да и моральная сторона дела, кажется, еще имела некоторое значение для молодого великого князя. В итоге Василий стал просить хана отменить приговор. Другим фактором, заставившим Улу-Мухаммеда сменить гнев на милость, стала изменившаяся ситуация в степи. Против хана восстал один из Чингизидов — Кичи-Ахмед. Теперь Улу-Мухаммед не мог отталкивать от себя таких мо-

гущественных вельмож, как Тегиня. Тот, в свою очередь, приободрился и стал настойчиво требовать снисхождения для Юрия. В итоге хан отменил свое прежнее решение о покаянии Юрия и даже в качестве утешения за присужденное Василию великое княжение прибавил к уделу Юрия город Дмитров со всеми прилежащими к нему волостями.

Глава 16

СКАНДАЛ НА СВАДЬБЕ

Летом 1432 года Василий II вернулся в Москву. Возвращаясь с победой, князья обычно приурочивали свой въезд в город к праздничному дню. Торжественность события умножалась торжественностью праздничного богослужения в городском соборе. Толпы свободных от работы горожан приветствовали своего победоносного правителя. Выехав из Москвы в Орду 15 августа 1431 года, на праздник Успения Богородицы, Василий II возвратился победителем «на Петров день» — 29 июня 1432 года. Этот день — как и первый — был избран не случайно. В московском Успенском соборе существовал придел в честь Спадения вериг с апостола Петра. Именно в этом приделе был погребен московский первосвятитель митрополит Петр. В день отъезда князь Василий обращался к святому митрополиту Петру с просьбой о помощи. Теперь, в праздник Петроверигского придела, Василий совершил здесь благодарственный молебен. Таким образом москвичи могли наглядно убедиться в том, что их князь находится под особым покровительством первого московского святого — митрополита Петра.

В воскресенье 5 октября ордынский посол «царевич» Мансырь Улан совершил обряд возведения московского князя на великое княжение Владимирское.

Юрий, вернувшись из Орды, поехал в Звенигород, а оттуда в свое новое владение — Дмитров. Однако ему не суждено было долго наслаждаться своим приобретением. Ведь на него ополчилось само время, победить которое не смог еще ни один самый искусный полководец. Время — этот вечный двигатель истории — всегда работает на пользу молодым. Оно расширяет им путь, сгоняя в могилы стариков. В эпоху, о которой идет речь, люди начинали трудиться и воевать очень рано. Дорога жизни была обычно недлинной. Тот, кто достигал межи пятидесятилетия, считался уже стариком. И жить ему оставалось считанные годы...

9 июля 1432 года в возрасте пятидесяти лет умер младший брат Юрия Звенигородского князь Андрей Можайский. Другой брат, Петр, скончался еще в 1428 году в возрасте сорока четырех лет. Таким образом, из пяти сыновей Дмитрия Донского, переваливших рубеж XV столетия, в живых оставался кроме Юрия лишь Константин. Точная дата его кончины неизвестна. Но можно думать, что это произошло около 1433 года. Кончина братьев, связанных с ним не только узами крови, но и общими интересами защиты своих удельных прав, сильно ослабляла позиции Юрия. Плохие для Юрия новости пришли осенью 1432 года и из Литвы. Его «побратим» князь Свидригайло был свергнут с престола своим соперником Сигизмундом и бежал в Полоцк. Там он собрал войско и попытался вернуть престол, но потерпел окончательное поражение в декабре 1432 года (69, 45).

Плохие новости для Юрия, напротив, придавали уверенности его врагам. Возникла реальная угроза того, что москвичи, пользуясь перевесом сил, попытаются схватить Юрия в Дмитрове или Звенигороде. Не желая стать легкой добычей для соперника, князь покинул Подмоскovie и вновь забрался в свою галицкую берлогу. Опасения его, кажется, были не напрасными: уже осенью 1432 года Василий II приказал своим воеводам захватить Дмитров и арестовать находившихся там наместников Юрия.

Между тем в Москве для победителей настало время платить по вексялям. Однако они к этому были явно не склонны. Глава московского посольства Иван Дмитриевич Всеволожский, столь удачно отстаивавший права Василия II в Орде, напомнил о том, что ему был обещан в случае успеха роскошный подарок: дочь боярина должна была стать невестой великого князя Василия. Но Софья и Василий ответили холодным отказом. Возможно, для отказа был найден какой-нибудь благовидный повод. Но это не меняло сути дела. Еще недавно бахвалившийся своим будущим родством с великим князем, Всеволожский стал теперь всеобщим посмешищем.

Очевидно, что многоопытный боярин был не из тех, кто верит людям на слово. Софья Витовтовна и ее сын перед отъездом в Орду дали Всеволожскому какие-то гарантии в виде клятв или обещаний при свидетелях. Поверив им, он не жалел сил и средств для достижения заветной цели. И цель была достигнута. Но, как известно, «оказанная услуга не стоит ни гроша». Исключительное возвышение

Всеволожского после смерти Василия I и прежде задевало амбиции старомосковского боярства. Теперь оно могло и вовсе оттолкнуть его от престола. Кроме всего прочего, Софья не желала слишком близко подпускать этого хитрого и честолюбивого человека к своему сыну.

Страдая от унижения и сгорая жаждой мести, боярин бежал из Москвы. Он решил объединить всех потенциальных противников Василия II и подтолкнуть их к мятежу. С этой целью Всеволожский посетил Углич, где сидел на уделе младший сын Донского Константин. Боярин знал, что в 1419 году Константин имел крупную ссору со своим старшим братом, великим князем Василием I, из-за отказа присягнуть на верность четырехлетнему Василию Васильевичу как будущему наследнику московского престола. Московский князь конфисковал тогда удел Константина, а сам он вынужден был некоторое время отсиживаться в Новгороде. Позднее братья помирились. Но старые обиды — как уголья под золой...

Неизвестно, что сказал Константин Дмитриевич разъяренному Всеволожскому. Кажется, князь в это сумеречное время своей жизни уже больше думал о душе, чем о злонаравии московского двора. Однако встреча с ним была важна для боярина и как простой факт, из которого можно было извлечь пользу.

Из Углича кипящий ненавистью Всеволожский через Кашин поскакал в Тверь. Там в эти годы правил энергичный и честолюбивый князь Борис Александрович. Встреча с ним прибавила Всеволожскому уверенности в успехе. Теперь он мог приступить к главной части своего замысла — возмущению Юрия Звенигородского. Кривыми февральскими дорогами мятежный боярин помчался к далекому Галичу. И разбуженные топотом копыт вековые ели лениво стряхивали вослед ему сугробы снега со своих мохнатых лап...

Главный виновник неудачи Юрия в Орде, Всеволожский не мог надеяться на хороший прием в Галиче. Явись он сюда прямо из Москвы, как обычный перебежчик, — не миновать бы ему темницы. Но теперь он прибыл к Юрию как доверенное лицо Константина Углицкого и Бориса Тверского. Вероятно, он привез какие-то грамоты от них. Судя по стремительной реакции галицкого князя, оба его потенциальных союзника сообщали либо о своем нейтралитете, либо о поддержке выступления Юрия. Имея такие козыри на руках, Всеволожскому оставалось лишь покаяться перед Юрием в своем скудоумии и раскрыть всю тайную

изнанку ордынского «правосудия». После этого он мог начать свою новую игру уже за другим столом. Привезенные им вести словно встряхнули Юрия. Галицкий затворник вновь вступил в стремя...

А в далекой Москве думали тогда совсем не о войне. В эти короткие февральские дни там кипели радостные хлопоты. Семнадцатилетний великий князь Василий готовился вступить в брак с княжной Марией Ярославной — внучкой героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Серпуховского. Эта династическая комбинация, автором которой, несомненно, была мать жениха, сулила Василию гораздо больше выгод, чем брак с дочерью Всеволожского. Удачным было уже то, что отец невесты князь Ярослав Владимирович (владевший по завещанию отца малоярославским уделом) умер в 1426 году во время «великого мора». Таким образом, великий князь был избавлен от какого-либо нежелательного воздействия со стороны тестя. Единственный из уцелевших после «великого мора» серпуховских князей, брат невесты, юный Василий Ярославич, обрадованный перспективой стать шурином самого великого князя, осенью 1432 года подписал с ним «докончание», фактически лишившее его какой-либо политической самостоятельности.

По линии матери невеста принадлежала к знатнейшему московскому роду Кошкиных. (Ветви этого рода позднее дали России Романовых и Шереметевых.) Ее прадед — умерший в 1407 году боярин Федор Кошка — был свидетелем при составлении духовной грамоты Дмитрия Донского и любимцем Василия I. Дед невесты — боярин Федор Федорович по прозвищу «Голтяй» — был удостоен чести выступать одним из свидетелей духовной грамоты Василия I. Умер он около 1425 года. Дочь Федора Голтяя Марья в 1406 году вышла замуж за князя Ярослава Владимировича. Дядья невесты по линии матери ко времени свадьбы уже умерли, за исключением Андрея Федоровича Голтяева. Он верой и правдой послужил Василию II и сложил за него голову в злосчастном бою под Суздалем в 1445 году. Таким образом, невеста Василия II не была обременена длинным шлейфом алчной и спесивой родни. Но при этом она вводила в семейный круг великого князя своего брата Василия Серпуховского — важную фигуру в тогдашних политических комбинациях. Доволен был выбором Василия II и весь могущественный «Кошкин род».

В воскресенье 8 февраля 1433 года состоялась свадьба. И вот во время шумного и хмельного застолья произошел

скандал. Один из бояр (по некоторым источникам — Захарий Иванович Кошкин, по другим — Петр Константинович Добрынский) стал вопить, что на князе Василии Косом (старшем сыне Юрия Звенигородского), который вместе с младшим братом Дмитрием Шемякой присутствовал на свадьбе, он опознал тот самый драгоценный пояс, что был некогда похищен из имущества Дмитрия Донского, а затем, пройдя через несколько рук, попал к Ивану Дмитриевичу Всеволожскому. Тот, зная историю пояса, тем не менее включил его в состав приданого, которое дал своей внучке, обрученной с Василием Косым. Последний, ни о чем не подозревая, решил шегольнуть новым богатым поясом на свадьбе Василия II.

Это невинное шегольство обернулось для него всесветным позором. Старая княгиня Софья подозвала к себе Василия Косого и собственноручно сорвала с него драгоценный пояс. Что толкнуло княгиню на этот поступок: простая алчность, хитроумный расчет или вскипевшая вдруг злоба на врагов ее сына — неизвестно. Однако последствия оказались катастрофическими. Глубоко оскорбленные братья Юрьевичи бросились вон из дворца. На другое утро они уже мчались сквозь февральскую метель на север, в Галич. Душившая их ненависть к Москве требовала исхода. В Ярославле они сорвали зло на ни в чем не повинных местных князьях — подручниках Василия II. По приказанию Юрьевичей их казна была разграблена. Такой же участи подверглись и богатейшие люди города.

Примчавшись в Галич, братья застали там уже почти собранное для похода на Москву войско. Юрий и сам хотел было посылать — а по некоторым сведениям, уже и послал (36, 189) — за старшими сыновьями в Москву. Младший, Дмитрий Красный, все это время находился при нем. Теперь все сыновья были в сборе. Однако Юрий медлил с началом похода, ожидая прибытия всех своих сил. Потопрапливаемые Всеволожским, галицкие мятежники всё же явно замешкались. Начавшаяся весенняя распутица также замедляла их продвижение. Лишь к концу апреля они подошли к Москве.

В Москве, однако, не сумели должным образом воспользоваться вынужденной медлительностью Юрия. Московские бояре словно впали в какое-то всеобщее оцепенение. О начале войны узнали в Кремле лишь тогда, когда войско Юрия уже подходило к Переяславлю-Залесскому. Отправленные навстречу мятежникам московские послы

не сумели выиграть время и втянуть Юрия в переговоры. Вместо этого они насмерть переругались между собой. Во всем чувствовалось отсутствие уважаемой и сильной власти, особенно необходимой в пору военной тревоги. Искусная в дворцовых интригах, Софья Витовтовна оказалась беспомощной там, где требовались воинский опыт и героическая воля. Да и по части хитрости она теперь едва ли превосходила Юрия, советником которого был старый лис Всеволожский. Именно он велел Юрию отослать назад московских послов и не терять драгоценное время на переговоры.

Весть о неотвратимом приближении Юрия с его дикими галичанами повергла московскую знать в смятение. Многие стали говорить о том, что следует без сопротивления открыть мятежнику городские ворота и вместо слабого юноши возвести на московский престол доблестного воина. Слышны были и проклятия в адрес Софьи, которой не могли простить чрезмерного властолюбия и литовского происхождения. Единственным, кто оказался на высоте в это отчаянное время, был сам великий князь Василий. Женитьба прибавила ему мужества. Но дело заключалось не только в женитьбе. В темной и загадочной душе этого человека под коростой грехов и пороков скрывалась наследственная доблесть. Временами Василий вдруг вспоминал, что он внук двух великих воителей — Дмитрия Донского и Витовта.

Как бы там ни было, отчаявшись договориться с Юрием и не сумев собрать приличное войско, Василий вооружил кого попало, включая дворцовую челядь, московских купцов и простолюдинов. Во главе этого воинства он выступил навстречу врагу. Непривычные к «смертной игре» горожане для поднятия боевого духа приналегали на хмельное питье...

Не доходя верст двадцати до Москвы, на берегу Клязьмы, 25 апреля 1433 года произошло столкновение галицкого войска с отрядом великого князя. Для Юрия не составило особого труда опрокинуть и обратить в бегство перепившихся москвичей. Сам Василий II, убедившись в поражении и не дожидаясь конца побоища, повернул коня и помчался обратно в Москву. Город имел мощную каменную крепость, взять которую не смогли даже полчища Едигея в 1408 году. Но Василий II, кажется, и не помышлял об «осадном сидении». Вероятно, он не доверял своим собственным боярам и опасался, что они схватят его и выдадут галичанам. К тому же Василию просто не хватило

мужества, необходимого для того, чтобы в такой ситуации остаться в Москве и возглавить оборону. Он был сломлен происшедшим на Клязьме и совершенно упал духом. Пароксизм героизма окончился. На смену ему пришел панический страх. Такую смену настроений нетрудно понять. В сущности, это был первый бой, в котором Василий II увидел смерть вблизи. Отныне непреодолимый страх перед окровавленным железом закрался в его душу и навсегда поселился в ней...

Из охваченной смятением Москвы Василий II, не медля ни минуты, бежал в Тверь. Вместе с ним отправились в изгнание его мать и жена. Учитывая состояние дорог в это время года (конец апреля), можно не сомневаться в том, что обе женщины проделали весь путь до Твери верхом. Не желая отставать от Василия, они мчались так, как только может мчаться всадник, за которым гонятся все силы ада. Таковы были наши «железные леди» XV столетия.

Тверь встретила беглецов холодноватой вежливостью. Давно ушли в прошлое те времена, когда тверичи готовы были начать войну с Москвой по любому поводу. Смирившись с первенством потомков Калиты, тверские князья в XV веке строили свою политику главным образом на благоразумии и умелом лавировании между Москвой, Литвой и Новгородом. Вот и теперь князь Борис Александрович не собирался вмешиваться в московские распри и поддерживать одну из сторон. Об этом он говорил и Всеволодскому во время его приезда в Тверь, об этом поведал теперь и поверженному великому князю Василию. Он дал понять изгнанникам, что само их пребывание здесь нежелательно.

Куда было бежать теперь бедному Василию? В Новгород? Но там он не имел друзей. В Литву? Но этим бегством он окончательно отдал бы Юрию всю Северо-Восточную Русь и стал бы добровольным изгнанником. Да и не было уже в Литве могущественного Витовта, готового вступить за обиженного внука. Поразмыслив, беглецы приняли довольно неожиданное решение: спуститься вниз по Волге и обосноваться в Костроме. В сущности, это был очень неглупый ход. Василий II занимал удобнейшую в стратегическом отношении позицию. Из Костромы он мог пойти по Волге в Нижний Новгород и далее на юг, в Орду. В Кострому могли удобными речными путями собраться верные великому князю силы со всего московского севера. Отсюда он мог создать прямую угрозу владениям Юрия и выманить его из Москвы. Впрочем, все это могло стать реальностью

лишь при условии энергичных и смелых действий Василия II. Однако таких действий не последовало. Упав духом, он сидел в Костроме и покорно ждал своей участи.

Между тем Юрий двинулся на Кострому с войском, выслав вперед своих сыновей. Юрьевичи без особых хлопот захватили Василия II и передали его в руки подросшего отца. Так по воле случая дичь превратилась в охотника, а охотник — в дичь. Но теперь Юрий оказался в новом затруднении: он явно не представлял, что ему следует делать с пленным Василием II и его семейством. По некоторым сведениям, боярин Всеволожский и многие влиятельные люди из окружения Юрия настаивали на решительных мерах, с помощью которых можно было бы навсегда устранить Василия II из политической борьбы. Такими мерами могли быть либо заточение, либо ослепление, либо попросту убийство Василия каким-либо тайным или явным способом. Но заточение могло породить новые смуты и мятежи, а убиение вызвало бы всеобщее осуждение. Таким образом, оставалось ослепление — древняя византийская казнь, с помощью которой человеку оставляли жизнь, но навсегда лишали возможности вернуться к власти. Очевидно, именно к этому и склонял Юрия мстительный Всеволожский.

Однако Юрий со свойственной людям его склада самоуверенностью, по-видимому, уже не считал Василия серьезным соперником. Наряду с этим природное добродушие (а может быть, и твердо усвоенные семейные принципы) не позволяло ему решиться на крайние меры. Близкий к Юрию боярин Семен Федорович Морозов посоветовал отпустить Василия на удел, взяв с него клятву верности. О том, какой именно удел выделить пленнику, долго думать не приходилось. С формально-правовой точки зрения (на которой и стоял Юрий с самого начала своей тяжбы с обоими Василиями) это должен был быть тот самый удел, который Дмитрий Донской завещал Василию I, за исключением, конечно, самой Москвы и великого княжения Владимирского. Таким образом, оставались волости к югу от Москвы, центром которых была Коломна. В силу огромного стратегического значения этой крепости для Московского княжества она при всех семейных разделах Даниловичей неизменно оставалась в руках того, кто занимал московский престол. Однако Юрия такие тонкости ничуть не смущали. Главное для него состояло в том, чтобы дословно исполнить волю своего покойного отца. А тот, как известно, завещал Коломну сыну Василию — отцу Ва-

сия И. Стало быть, теперь она должна перейти к прямому наследнику — Василию II. Порешив дело таким образом (и должно быть, оставшись довольным своей рассудительностью), Юрий в торжественной обстановке (вероятно, в костромском соборе Феодора Стратилата, перед чудотворной Федоровской иконой Божией Матери) принял от Василия присягу на верность, а затем на княжеском дворе дал в его честь знатный пир и одарил ценными подарками. После этого Василий был отпущен из Костромы на свой небывалый коломенский удел. Ему разрешили взять с собой не только семью, но и своих бояр.

Очень скоро новому хозяину Москвы пришлось пожалеть о своем снисхождении к костромскому пленнику. Московская знать не желала служить галицкому князю. Ее раздражали засилье худородных галичан при дворе, произвол всеильного фаворита Семена Морозова. Юрий не сумел привлечь на свою сторону старый двор и примирить его с новыми выдвигенцами. Эта задача требовала хорошего знания людей, дальновидности и, так сказать, «системного мышления» — то есть именно тех качеств, которыми Юрий не обладал. Более того, звенигородский князь был настолько уверен в своей полной победе, что принялся немедленно сводить счеты с теми, кого он считал в Москве своими врагами. «Юрий, пришед в Москву, начат многи грабити и казнити, что ему преж не помогали» (50, 238). Смущенные и напуганные таким поворотом дела, москвичи всё чаще вспоминали старую поговорку: «Променили кукушку на ястреба...»

И вот в Коломну потянулись вереницы добровольных беженцев из Москвы. Василий не только радушно принимал обиженных, но и всячески призывал к себе тех, кто готов был принять его сторону. Рассказывая об этом удивительном явлении, летописец заключает: «И тако вси людие от князя Юрия побегоша к нему служити, от мала и до велика, и Иван Дмитриевич (Всеволожский. — Н. Б.) с детьми» (21, 148). (Что касается Всеволожского, то он, как видно, уповал на то, что богатство и хитроумие при любых обстоятельствах сделают его желанным гостем в том и другом стане. Однако сказано в Писании: «Кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову» (Сирах, 27: 28). Пройдет совсем немного времени — и бедный Всеволожский вспомнит эти горькие слова...)

Долгожданная власть в Москве, для достижения которой было предпринято столько усилий, оказалась для га-

лицкого семейства бесплотным призраком, растаявшим в их неуклюжих объятиях. Люди ручьями и реками перетекали из Москвы в Коломну. Бесталанный Василий II теперь казался москвичам олицетворением порядка.

Старшие сыновья Юрия, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, переживали неудачи отца куда тяжелее, чем он сам. Унаследовав от Юрия неукротимый темперамент и бойцовские качества, они остались обделенными его великодушием. Особой свирепостью отличался старший, Василий Косой. Озлобленный своим физическим недугом, запечатленным в его прозвище, он страдал к тому же и большим честолюбием. После вокняжения Юрия в Москве Василий Косой, как видно, уже примеривался к роли наследника московского престола. Освобождение Василия II и поселение его в Коломне развеяли эти радужные мечты. Василий Косой не смог философски отнестись к новому повороту колеса Фортуны. Виновником своих несчастий он счел отцовского любимца Семена Морозова. Подкараулив боярина в дворцовых сенях, Василий вместе с братом, Дмитрием Шемякой, набросился на него и убил. После этого, спасаясь от отцовского гнева, Юрьевичи бежали из Москвы в Кострому. Так пролилась первая кровь и была преступлена какая-то незримая черта, за которой начинает действовать неумолимый закон — «кровь за кровь»...

Здесь следует заметить, что московская усобица второй четверти XV века, при всей ее многозначности, была еще и вулканическим извержением страстей. Пережившие спокойное, но однообразное правление Василия I, чудом или милостью Божьей уцелевшие во время «великого мора» 1420-х годов, люди того времени были переполнены жадной жизни. Они захлебывались собственными желаниями, с одинаковым упоением предаваясь то разнузданным чувственным наслаждениям, то глубокому отчаянию и мыслям о смерти. Впрочем, обстоятельства в данном случае лишь ярче высвечивали то, что уже заложено было в самой природе человека. Непоследовательность поступков многих героев Древней Руси, зачастую ставящая в тупик историков, объясняется глубокими отличиями самого их психологического типа. «Как правило, — говорит Й. Хейзинга, — нам трудно представить чрезвычайную душевную возбудимость человека Средневековья, его безудержность и необузданность» (117, 19).

Измена москвичей, гибель боярина Морозова и бегство старших сыновей настолько потрясли Юрия, что он вдруг

разом утратил всю свою энергию и волю к победе. Он «посла к великому князю Василью, да идет на свой стол, а сам иде к Звенигороду; и умиришася с великим князем на том, что ему детей своих не приимати, ни помочи им не давати, и иде в свою вотчину в Галич» (24, 19). Договор с Василием II Юрий заключил, находясь в Звенигороде, между 25 апреля и 28 сентября 1433 года (69, 60). Согласно договору, смирившийся мятежник признавал себя «младшим братом» московского князя, обещал помогать ему во всем и не оказывать никакой помощи своим мятежным старшим сыновьям (10, 75).

К тому моменту, когда Василий II заключил этот договор с дядей, уже грянул гром над головой боярина Всеволожского. Уход Юрия из Москвы воодушевил Василия II. Он почувствовал себя победителем и мог теперь свести счеты с виновниками своих злоключений. Приезд в Коломну с повинной не спас могущественного боярина от беды. Не помогли ему и те гарантии безопасности, которыми он, несомненно, заручился, прежде чем ехать в Коломну. Возможно, Василий II узнал о том, что еще недавно Всеволожский советовал Юрию решительно расправиться с племянником. Кроме того, злопамятный и склонный к интригам Всеволожский мог толкнуть Юрия на новый мятеж. В итоге и сам боярин, и его сыновья были брошены в темницу, а их обширные владения конфискованы. Но самое страшное для Всеволожского было впереди. Скупой на слова летописец так сообщает об этой истории: «Князь же великий Василей Московский Ивана Дмитриевича поимал и велел его ослепити...» (26, 490). Так вслед за старшими Юрьевичами омочил руки в крови и Василий II. Придет время — и ему самому придется испытать из той кровавой чаши, которую он поднес теперь Всеволожскому...

Юрий Звенигородский целовал крест на верность племяннику «по любви, в правду, без всякыя хытрости» (10, 80). Однако вынужденная верность никогда не бывает прочной. К тому же Юрий скоро затосковал в своем подмосковном Звенигороде. Его деятельная натура требовала движения и простора. Зажатый в тесном кольце валов, княжеский дворец казался ему захлопнувшейся мышеловкой. Близкая Москва постоянно напоминала о себе болезненными укулами самолюбия. Да и с точки зрения безопасности Звенигород был далеко не лучшим местом.

Вскоре смирившийся мятежник вновь погнал своих коней на север, в Галич. Вместе с Юрием туда отправился и

его младший сын Дмитрий Красный — любимец отца, неизменно остававшийся с ним.

Раскол в беспокойном галицком семействе был выгоден москвичам. На Боровицком холме решили воспользоваться благоприятной ситуацией и бить врагов поодиночке. Едва успев утвердиться на вновь обретенном московском престоле, Василий II собрал войско и отправил его на Кострому, где находились тогда Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Руководство походом было поручено московскому воеводе Юрию Патрикеевичу. Сын литовского князя Патрикя Наримонтовича, выехавшего в Москву в 1408 году, этот воевода был своим человеком во дворце: его жена приходилась родной сестрой Василию II.

Очевидно, Юрий Патрикеевич имел приказ во что бы то ни стало найти и разгромить Юрьевичей. Когда те отступили из Костромы вниз по левому берегу Волги — он последовал за ними. Дойдя до устья Унжи, Юрьевичи повернули и пошли вдоль речки Немды на север, в сторону Галича. Вслед за ними углубился в совершенно незнакомые ему заволжские леса и московский воевода. Ему казалось, что он вот-вот догонит и пленит мятежников. А между тем Юрьевичи получили долгожданную подмогу от вятчан — восточных соседей Галицкого княжества. Кажется, дрогнуло и связанное клятвами отцовское сердце Юрия Звенигородского: ходили слухи, что на помощь сыновьям он выслал отряд своих галичан. Теперь соотношение сил изменилось не в пользу москвичей...

28 сентября 1433 года на берегу лесной речки Кусь (правый приток Немды) мятежники неожиданно напали на московское войско и наголову разгромили его. Сам воевода был взят в плен. Вероятно, битва произошла близ устья Куси, верстах в семидесяти к юго-востоку от Галича. Юрьевичи послали к отцу с предложением объединить усилия и развить успех новым наступлением на Москву. Однако тот отказался. Идти на Москву в одиночку Юрьевичи не решились. С трофеями и пленными они вернулись обратно в Кострому. Дождавшись, когда на Волге станет лед, братья перешли на правый берег и отправились зимовать к каким-то неизвестным «Турдеевым оврагам».

В Москве известие о битве на реке Кусь вызвало взрыв негодования. Виновиком поражения москвичей молва (вероятно, пущенная из дворца) назвала князя Юрия, якобы тайно помогавшего сыновьям. Смыть позор поражения на Куси и восстановить свой престиж в глазах только что

поддержавшей его московской знати Василий II мог лишь немедленной местью мятежникам. Однако гоняться за Юрьевичами по заволжским лесам было делом не только бесплодным, но и весьма рискованным. Иное дело — поход на Галич. Здесь численное и материальное превосходство москвичей могло быть использовано наилучшим образом. Для оправдания разрыва отношений с Юрием весьма кстати оказалась молва о помощи, оказанной им сыновьям. Таким образом, поход на Галич, начавшийся зимой 1433/34 года, получил вид «справедливого возмездия». В нем участвовали и войска союзников Василия II — Василия Ярославича Боровского и Ивана и Михаила Андреевичей, сыновей умершего незадолго перед тем Андрея Дмитриевича Можайского. Вместе с москвичами ходил на Галич и отряд, который прислал рязанский князь Иван Федорович.

Узнав о приближении большого московского войска во главе с самим Василием II, Юрий по лесным дорогам ушел на север, в белозерские земли. Видимо, он хотел отвлечь от Галича часть сил союзников и прежде всего — князя Михаила Андреевича, уделом которого был Белозерский край. В этой кампании Юрий еще раз показал себя мастером стремительных переходов по незнакомой местности в зимнее время.

Для обороны Галича Юрий оставил своих старших сыновей. Им удалось отстоять галицкую крепость на вершине холма. (Летописи противоречат друг другу в этом вопросе. Есть сведения, что Василий II «город Галич взя и сожже» (36, 190).) Вся Галицкая земля была подвергнута страшному опустошению. Очевидно, Василий II не рисковал затягивать осаду крепости, так как Юрий с отрядом уже вернулся из Белозерья и, спустившись вниз по Обноре, расположился в нижнем течении речки Мезы (Межи) — левого притока Костромы. Заняв этот стратегически важный район, Юрий создал угрозу тылам московского войска. Вместе с тем отсюда он мог напасть на Кострому — оплот московского присутствия в регионе. Маневры Юрия заставили Василия II снять осаду и через Переяславль вернуться в Москву.

Въехав в Галич и самолично убедившись в катастрофических последствиях московского нашествия, Юрий воспытал жадной мести. Он принял под свои знамена всех трех сыновей и призвал на помощь своих традиционных союзников — вятчан. Собранные им силы Юрий весной 1434 года двинул на Москву. Тем самым повторялась про-

шлогодня ситуация. Обе стороны извлекли кое-какие уроки из прежней кампании. Юрий выступил пораньше, чтобы не попасть в весеннюю распутицу. Василий II решил встретить врага подальше от собственно московских земель, дабы не допустить их разорения озлобленными зимним погромом галичанами.

20 марта 1434 года войска соперников встретились у села Никола-на-горе в Ростовской земле. Военное счастье, как и прежде, оказалось на стороне многоопытного Юрия Звенигородского. Василий II и его союзник Иван Андреевич Можайский бежали с поля боя. Девятнадцатилетний великий князь вновь, как и год назад, вынужден был искать убежища неведомо где. Почему он не поскакал в Москву, где находились его мать и жена? Несомненно, здесь скрывалась та же причина, что погнала его прочь из Москвы после поражения на Клязьме весной 1433 года. Молодой великий князь не доверял москвичам и ожидал измены с их стороны. Москва легко могла стать для него западней. Последующие события показали, что у Василия были основания для подобных опасений...

Не мог Василий поехать и в Тверь, где его ожидала либо немедленная высылка, либо арест и выдача Юрию. Холодный прием, оказанный ему в Твери год назад, не оставлял сомнений на сей счет. Таким образом, выбор путей сужался до двух: в Новгород или в Орду. Последний путь был наихудшим, и Василий оставлял его на самый крайний случай. А пока он решил попытать счастья в Новгороде. Очевидно, князь отправился туда по старинной наезженной князьями дороге: от Переяславля по Нерли Волжской до Волги, затем — немного вниз по Волге до устья Мологи, далее — вверх по Мологе, в земли Бежецкой пятины Великого Новгорода.

Преодолев за десять дней непрерывной скачки не менее восьмисот верст, Василий в четверг 1 апреля прибыл на Волхов. Обычно великие князья торжественно въезжали в Новгород в воскресенье, при большом стечении народа. Но теперь торжественная встреча была неуместна...

Союзник Василия II и его товарищ по несчастью Иван Можайский не пожелал разделить с великим князем его скитания. «Просчитав» ситуацию, он решил до выяснения обстановки остановиться в Твери, у своего дальнего родича, тверского князя Бориса Александровича. Василий через посла позвал Ивана к себе в Новгород, но тот, рассыпавшись в извинениях и оправданиях, ответил отказом. Спустя

немного времени расчетливый Можайский князь получил приглашение от Юрия и поспешил присоединиться к победителю. Так Василий получил еще один наглядный урок человеческой низости. Из этих горьких уроков измены он постепенно и создавал для себя учебник жизни...

Между тем победители немедля устремились к Москве. По дороге Юрий на день-два задержался у Троицы, чтобы помолиться у гробницы своего крестного отца, преподобного Сергия Радонежского. Звенигородский князь издавна имел доверительные отношения с троицкими иноками. В 1422—1423 годах при его активном участии в монастыре был выстроен первый каменный храм — Троицкий собор. Но не только камни и святыни влекли Юрия на Маковец. Здесь, в этой лесной монашеской академии, еще не забыт был тот великий подвижнический дух, который поднял Русь с колен во времена Дмитрия Донского и преподобного Сергия. Здесь, под монотонный звон монастырского колокола, незримо ткалась живая нить русской истории.

24 марта 1434 года галичане подступили к Москве и начали ее осаду. В Кремле руководил обороной боярин Роман Иванович Хромой. Впрочем, «обороны» как таковой, судя по всему, и не было. Юрий приступил к Москве в среду на Страстной неделе. Им владели навеянные посещением Троицы покаянные настроения. Последние три дня Страстной недели князь, как и подобает благочестивому христианину, провел в посту и молитве. В Великий четверг принято было исповедоваться, в пятницу — стоять на выносе плащаницы, в субботу — идти на пасхальную всенощную. Мог ли Юрий пренебречь этими обычаями? Более того, князь великодушно позволил москвичам беспрепятственно отгулять Пасху и первые два дня Святой недели. Потрясенные таким поведением Юрия, москвичи в среду Святой недели добровольно открыли перед ним городские ворота...

Разумеется, московские летописи, отредактированные книжниками Василия II, умалчивают о том, какими способами Юрий взял Москву. Однако если бы князь достиг этого железом и кровью, летописец не преминул бы обличить его за кровопролитие в такое святое время. Молчание же в данном случае красноречивее всяких слов.

Не желая терпеть в Москве присутствие жены и матери Василия II, Юрий выслал обеих княгинь в Звенигород (36, 190). После этого он торжественно взошел на великое княжение Владимирское.

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Между тем Василий II вынужден был вести жизнь бесприютного изгнанника. В Новгороде его встретили враждебно. Уже на четвертый день к его резиденции на Городище устремилась толпа вооруженных горожан, требовавших немедленного отъезда беглеца. На то были свои причины. Московская смута усилила пролитовские настроения в Новгороде. В 1434 году в городе находился литовский князь Юрий Лугвеньевич. Он не имел оснований сочувствовать Василию II: тогдашний литовский великий князь Свидригайло был близок с Юрием Звенигородским. В итоге московский неудачник уже 26 апреля покинул берега Волхова и перебрался в Тверь. Но и там ему было отказано в убежище. Тогда, отчаявшись найти доброжелателей на Руси, Василий отправился вниз по Волге. Путь его лежал через Кострому и Нижний Новгород — в Орду.

Это решение нелегко далось Василию II. Но жалоба хану и его вмешательство оставались последней надеждой пасынка Фортуны. Впрочем, и эта надежда была очень слабой: в Орду он ехал почти без денег. Что ждало его впереди? Триумфальное возвращение в Москву на плечах косматых всадников, подобных туче саранчи? Но давно уже минули те времена, когда русские князья поднимались на залитый кровью трон по ханскому ковру. Теперь навести на Москву татар значило навсегда потерять свое гордое имя внука Дмитрия Донского. Да и решится ли хан на войну с многоопытным Юрием во имя интересов какого-то Василия? Не все ли ему равно, кто из потомков Калиты будет в урочное время присылать в Орду положенную дань? И тогда уделом несчастного Василия станут насмешки ордынских вельмож, нестерпимые унижения бедности и наконец — тот образ жизни, который вели его нижегородские родичи после захвата их владений Василием I в 1392 году. Кровавые набег на русские земли вместе с каким-нибудь забубенным ордынским «царевичем», затем московский плен и наконец — глухая причина в ссылке, в захолустье...

Так или примерно так рассуждал, должно быть, Василий II, остановившись в Нижнем Новгороде, на самом краю православной земли, откуда уходила пыльная дорога во владения степного «вольного царя». Однако времени на размышления у него оставалось совсем немного. Уже седлали коней в каких-нибудь трех днях гоньбы в стольном

Владимире веселые всадники, которым не терпелось схватить бедного Василия и отправить его в тот дальний путь, из которого еще никто не возвращался...

* * *

Утвердившись на московском княжении, Юрий отправил Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного в погоню за Василием II. Примечательно, что Василий Косой остался в Москве. Очевидно, отец по каким-то причинам хотел в этой ситуации держать его при себе.

Юрьевичи предполагали перехватить Василия II в Нижнем Новгороде. Однако они успели доехать лишь до Владимира-на-Клязьме. Здесь их догнала весть о том, что 5 июня 1434 года их отец умер.

Кончина Юрия была скоропостижной: летописец замечает, что он умер «вскоре» (33, 148). Смерть его была столь желанна для московского семейства, что невольно закрадываются разного рода подозрения. Впрочем, по меркам той эпохи 59-летний Юрий был уже глубоким стариком. Потрясения последних лет, помноженные на возраст, — вполне достаточное объяснение его неожиданной кончины. Возможно, Юрий предчувствовал недоброе и именно поэтому оставил при себе старшего сына... Как бы там ни было, его исчезновение нанесло сокрушительный удар всему галицкому мятежу. Своим импульсивным благородством, широтой натуры и обращением к идеалам времен Дмитрия Донского Юрий придавал банальной усобице некое величие и историческую перспективу. С его кончиной она окончательно приняла характер семейной дрязги, в которую оказалась поневоле втянута вся Русская земля.

За тот недолгий срок, который отпущен был Юрию как великому князю Московскому, он сумел нагнать страху на удельную мелкоту своими властными замашками. Пользуясь положением, он заключил ряд договоров, в которых возвышалось значение московского князя среди прочих правителей. Но наиболее эффектным деянием Юрия стала чеканка московской монеты с изображением его небесного покровителя — Георгия Победоносца, поражающего дракона. «Чудо Георгия о змие» (так называли эту сцену в Древней Руси) было символической парафразой борьбы Руси с Золотой Ордой. С легкой руки мятежного князя Юрия Георгий, побеждающий змия, навсегда стал символом Москвы.

И всё же эти эффектные деяния Юрия не дают основания утверждать, что проживи он дольше — Москву ожидали бы небывалое благоденствие и стремительное возвышение. Правление Юрия было чревато, во-первых, продолжением усобицы с Василием II, причем на сей раз — с участием татар. Во-вторых, преклонный возраст Юрия создавал реальную перспективу скорого прихода к власти его старшего сына Василия Косого — провинциального честолюбца с узким кругозором, черствой душой и непомерными амбициями. По сравнению с ним даже неудачник Василий II был наименьшим из зол.

Отметим и еще одно обстоятельство. Только смерть Василия II, не имевшего ни братьев, ни сыновей, могла позволить галицкому семейству прочно утвердиться на московском троне. Юрий, конечно, понимал это. И тем не менее он не позволил себе расправиться с племянником даже тогда, когда тот оказался в его руках в Костроме весной 1433 года.

Прощаясь с нашим лесным генералом, почтим его память краткой похвалой, как это делали старые летописцы.

Как и его отец Дмитрий Донской, Юрий, несомненно, был харизматической личностью. Его можно назвать прямым потомком тех былинных богатырей, которые одним своим боевым кличем обращали в бегство целые полки и открывали ворота городов. Соратники обожали его, а враги попросту боялись. Вероятно, как все люди этого типа, он был необычен и своей внешностью: ростом, осанкой, взглядом, манерой говорить, огромной физической силой. Впрочем, никаких достоверных портретов мятежника или хотя бы замечаний о его внешности не сохранилось.

Своих сторонников Юрий набирал среди таких же, как и он, глубинных людей: галицких лесовиков-промысловиков, свободолюбивых и диких вятчан. Уверенный в своей тяжелой земной силе, он питал глубокое презрение к врагам и потому постоянно давал им обыгрывать себя в хитро-сплетениях политической игры. Запустив дело до полной безнадежности, он вдруг словно пробуждался и начинал буйствовать. И тут случалось чудо: судьба вновь оказывала милость своему беззаботному любимцу.

Люди, подобные Юрию Звенигородскому, могли существовать лишь в это удивительное время, когда на пути от ордынского улуса к Московскому государству Северо-Восточная Русь на какое-то краткое время (одно-два поколения!) оказалась предоставленной сама себе. Старый поря-

док рушился на глазах, а новый еще не сложился. В этой стихии расплавленной государственности и расцветали люди, подобные звенигородскому воителю. Опоздав на Куликово поле, он взял свое в лихом походе «в татарскую землю» в 1399 году и вбил свой гвоздь в гроб Золотой Орды.

Одни историки считали Юрия принципиальным защитником феодальной раздробленности и потому — исторически негативной личностью. Другие полагали, что у него была какая-то оригинальная «политическая программа» (69, 59). Однако ничего определенного (если не считать умозрительной схемы противостояния свободолюбивого Русского Севера и холопствующего Юга) они сказать о ней не могли. Третьи лишь печально констатировали: «Нет оснований видеть в галицких князьях представителей “удельно-княжеской оппозиции”, но и об их стремлении поднять знамя Дмитрия Донского также нет свидетельств» (86, 93). При всем том историки обычно как-то упускают из виду одно простое обстоятельство. Мятеж Юрия был прежде всего делом оскорбленной чести. Среди тогдашней русской аристократии такие порывы встречали полное понимание и сочувствие.

Как и положено харизматическому лидеру, Юрий ощущал себя избранником небес. Его отношения с Богом выходили за рамки обычного ритуального благочестия. С ранней юности пленившись тихими речами радонежских старцев, князь всю жизнь жертвовал на храмы, чтил святыни, а главное — старался елико возможно избегать греха. Как и его великий отец, Юрий знал, что копьё святого Георгия может удержать не всякая рука...

Эпическая фигура Юрия Звенигородского исполнена шекспировского трагизма. Могучий разрушитель «рабского прошлого», он был обречен на гибель под колесами не менее рабского будущего. Времена благородных витязей, побеждающих дракона, но не способных победить собственную гордость, заканчивались. Приближались времена мирных холопов «государя всея Руси». И своевольный Юрий (а также и все ему подобные) неизбежно должен был быть признан «язвой общества».

Противник Юрия Звенигородского, Василий II был его полной противоположностью. Он был поздний ребенок. Как все последыши, вероятно, тщедушен и слабоват здоровьем. Единственный наследник, он вырос в своих московских теремах под усиленным надзором бабок и мамок, без шишек и синяков, но зато и без азартного духа потешных

дворовых сражений. Сознание своей исключительности в сочетании с острым чувством физической неполноценности рано испортили его характер. В его поведении высокомерие смешивалось со склонностью к самоуничижению. Он трусил — и впадал в ярость от собственной трусости. Поэтому его героизм всегда носил несколько истерический характер.

Мать Василия, княгиня Софья, обучила его всем тонкостям придворных интриг, раскрыла перед ним все тайны восточноевропейских дворов. Ее холодная злоба порой пугала Василия не меньше, чем дикая сила звенигородского дядюшки Юрия. Ненависть к Юрию ему внушили с пеленок. В итоге он стал панически бояться его, хотя и старался скрыть страх под маской высокомерия.

Великий князь Василий Дмитриевич не смог воспитать сына героем. Во-первых, он просто не успел заняться этим, скончавшись в год, когда наследнику исполнилось десять лет. Во-вторых, он и сам был далеко не героем, этот осторожный и довольно бесцветный человек. Как личность Василий I, несомненно, уступал своей властной и честолюбивой супруге.

Однако по иронии судьбы изъяны воспитания и душевного склада Василия II оказались важными достоинствами для правителя, призванного покончить со смутой. Во имя собственного спасения он должен был создать некую Систему, которая только и могла противостоять стихийной силе Юрия и других палатинов хаоса.

* * *

«Король умер... Да здравствует король!» — такова была суть известий, которые доставил младшим Юрьевичам во Владимир запыленный гонец из Москвы. Василий Косой извещал братьев... о своем восшествии на московский престол. Однако оба Юрьевича отказались признать старшего брата своим господином и великим князем. Свой отказ они, по свидетельству летописца, объяснили брату так: «Аще не восхоте Бог да княжить отец наш, а тебе мы сами не хотим...» (21, 149). В решении Юрьевичей можно усмотреть некую принципиальность. Их отец в своей борьбе основывался на принципе престолонаследия от брата к брату, то есть «по старшинству». Теперь, после кончины Юрия Звенигородского, старшим по династическому положению среди потомков Ивана Калиты оказывался Василий

Васильевич. Таким образом, сохраняя верность принципам, которые исповедовал их отец, Юрьевичи должны были уступить Москву своему недавнему сопернику.

Раскол среди Юрьевичей объяснялся, вероятно, не только принципиальными соображениями. На «личный момент» указывает и формулировка ответа младших братьев Василию Косому — «а тебя мы сами не хотим». Высокомерный тон ответа, несомненно, был зеркальным отражением надменного тона послания к братьям нового московского правителя. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный менее всего хотели оказаться в подчинении у своего жестокого и властного брата. К делу примешивалась и острая жажда мести. Сложившаяся в момент кончины Юрия ситуация позволяла им наконец-то посчитаться с Василием Косым за давние обиды. Своего родного брата они ненавидели и боялись куда сильнее, чем двоюродного брата, Василия Васильевича. Этого последнего Юрьевичи попросту презирали. Им казалось, что при необходимости они смогут расправиться с ним так же легко, как это делал их отец. В довершение ко всему Василий Косой, кажется, был настолько упоен своим новым положением, что даже не подумал о возможной измене братьев. Воистину, никогда человек не бывает так слаб, как в минуту своего триумфа...

Решение младших Юрьевичей отложиться от Василия Косого было, по существу, первым самостоятельным выступлением на исторической сцене князя Дмитрия Шемяки. Именно он, а не его простоватый и набожный младший брат, был инициатором этого «мятежа среди мятежников».

Здесь уместны будут несколько штрихов к портрету Дмитрия Шемяки. В момент кончины отца ему было около двадцати шести лет (124, 106). Это был коренастый крепыш (изучение костных останков князя, взятых из его гробницы в Новгороде, позволило определить его рост — около 168 сантиметров (124, 212)), обладавший незаурядной физической силой. Последнее подтверждается его прозвищем. «Шемяка» («Шеемяка») — силач, способный любому «намять шею». Люди такого склада часто бывают от природы добродушны и невозмутимы. Однако если вывести их из равновесия — они действуют с яростью и силой раненого медведя...

Новый головокружительный поворот колеса Фортуны — которыми вообще так богата вся история галицкого мятежа — превратил Василия Васильевича из готового к бегству в Орду изгнанника в торжествующего победителя. Младшие Юрьевичи, еще недавно травившие его как

зайца, теперь почтительно предлагали ему мир и московский престол. Приняв протянутую руку и пообещав братьям существенное увеличение их владений, Василий спустя несколько недель уже подступал к Москве во главе того самого войска, которое Юрьевичи вели на него к Нижнему Новгороду. Не имея под рукой посланного на Василия Васильевича войска и не надеясь на преданность москвичей, Василий Косой бежал из Москвы, прихватив с собой не только великокняжескую, но и городскую казну. В качестве заложницы беглец увез тещу Василия Васильевича — боярыню Марию Федоровну Голтыеву. Вслед за княжившим в Москве лишь один месяц Василием Косым из города бежали и некоторые его сторонники.

В поисках союзников для борьбы с Москвой Василий Косой отправился сначала во Ржев (откуда, вероятно, ссылался с Литвой), затем в Тверь и далее — в Новгород. Выехав из Новгорода осенью 1434 года, мятежник двинулся в Бежецкий Верх, затем в вологодские земли, а оттуда — на Кострому. Легко заметить, что он скитался теми же дорогами, которыми ходил в свое время и копивший силы для войны с Москвой Юрий Звенигородский. Целью этих рейдов были разграбление владений недругов, пополнение рядов своих сторонников, а главное — выбор удобной позиции и подходящего момента для стремительного броска на Москву.

Собравшись с силами, Василий Косой выступил из Костромы в поход на Москву. Он явно следовал по стопам своего отца. Однако прежних результатов уже не было. Ситуация круто изменилась не в пользу галичан. Да и сам Василий Косой не обладал достоинствами Юрия Звенигородского.

6 января 1435 года, в самый праздник Богоявления, московское войско во главе с великим князем Василием Васильевичем разгромило полки Василия Косого в кровопролитной битве на реке Которосль, между Ярославлем и Ростовом. Летопись сообщает точное место сражения: «...у Кузмы и Демьяны на Которосли» (33, 148). (Несомненно, это современный поселок Козьмодемьянск в 15 километрах южнее Ярославля.) Сам Василий Косой успел ускользнуть с поля боя. Минувя Ростов, он устремился в поисках убежища в тверские земли, в Кашин.

Битва на Которосли — первое поражение галицких воителей в сражении с полками великого князя Василия Васильевича. Оно укрепило боевой дух москвичей, подорванный длинной чередой побед лесовиков. Да и сам великий князь

впервые ощутил сладкий вкус победы. Кажется, он умел извлекать уроки из своих неудач. Во всяком случае, его распоряжения выглядят вполне толковыми, хотя и несколько запоздалыми. Узнав о бегстве Василия Косого, «князь великий посла за ним в погоню воевод своих...» (33, 148).

Однако великокняжеские воеводы не успели захватить Василия Косого до того, как он ушел в тверские земли и тем самым стал недосягаем для них. Тверской князь Борис Александрович принял беглеца весьма благосклонно. Продолжение московской войны было столь же выгодно Твери, как и Новгороду. Пока потомки Дмитрия Донского выясняли отношения друг с другом, их «геополитические соперники» могли спать спокойно. И потому тверской князь не только приютил побитого Юрьевича у себя в Кашине, но и помог ему собрать и вооружить сотни три бойцов. Разумеется, это была всего лишь горстка наемников. Однако для такого предприимчивого и дерзкого человека, как Василий Косой, и этого было достаточно, чтобы вновь вступить в игру. К тому же судьба, благосклонная к отчаянным, вновь дала Василию шанс поправить свои дела...

Не имея возможности преследовать врага в тверских землях, посланные для его поимки московские воеводы решили обосноваться в Вологде. Там они стояли с войском, «переимая вести про князя» (33, 148). Расчет москвичей был прост и основателен: рано или поздно Василий Юрьевич вынужден будет покинуть тверские земли и направиться в свой галицкий удел. Путь по Волге через Ярославль был надежно перекрыт московскими полками, во главе которых, вероятно, находился сам великий князь Василий Васильевич. Мятежнику оставалась лишь одна дорога домой: через лесные дебри ярославского Заволжья. На этом пути его и следовало перехватить ударом с севера, из Вологды. Сложность заключалась лишь в том, чтобы своевременно получить весть о движении врага...

Однако Василий Косой не только разгадал замысел москвичей, но и нащупал их слабое место — полную зависимость от данных разведки. Выступив из Кашина, Юрьевич со своим небольшим отрядом, словно волчья стая, скрылся от глаз в заснеженных чащах. У этого лесного невидимки была вполне определенная цель. Преодолев по одному ему ведомым глухим дорогам около трехсот верст, Василий внезапно появился под стенами Вологды и захватил город. Оторопевшим воеводам вместе с их застигнутым врасплох воинством оставалось только сдаться на милость победителя.

Этим блестящим с военной точки зрения рейдом Василий Косой отомстил москвичам за свое поражение на Которосли и укрепил за собой репутацию достойного наследника непобедимого Юрия Звенигородского.

Захватив Вологду и разгромив московских воевод, Василий Косой на какое-то время стал хозяином всего заволжского севера. Против него выступил лишь один из местных правителей — князь Федор Дмитриевич Заозерский, владения которого располагались к востоку от Кубенского озера. Он попытался внезапной атакой пленить Василия и разгромить его отряд. Однако это ему не удалось. В жестоком сражении князь Федор был разбит и сам едва успел спастись. Василий Косой захватил в плен всю его семью.

Одной из главных забот галицкого мятежника было пополнение казны. Деньги нужны были ему прежде всего для продолжения борьбы за Москву. Именно это и послужило главной причиной последовавшего за вологодским «взятием» похода Василия Косого на Великий Устюг. Князь не поленился проделать около четырехсот верст по зимним дорогам от Вологды до Устюга. Богатый торговый город, куда стекалась дань со всей «Пермской земли» и куда охотники свозили добытую в бескрайних северных лесах пушнину, находился под контролем Москвы. В церковном отношении он входил в состав Ростовской епархии.

Торная дорога из Вологды в Устюг зимой проходила по замерзшей реке Сухоне. Пользуясь этим наезженным «зимником», скорый гонец мог добраться от одного города до другого дней за шесть-семь. Очевидно, что к тому времени, когда Василий Косой, повоював в Заозерье, добрался до Устюга, здешние власти уже знали о его нападении на Вологду и о пленении им знатных московских бояр. Московский воевода князь Глеб Иванович Оболенский и находившийся тогда в Устюге представитель ростовского архиепископа («десятинник владычен») Иев Булатов решили сделать то, что не удалось заозерскому князю Федору Дмитриевичу: пользуясь малочисленностью отряда Василия Косого, внезапно напасть на него и убить мятежника. В случае успеха заговорщиков ожидали милости великого князя и щедрая благодарность знатных пленников, которых Василий Косой возил с собой.

Приняв этот план, правители Устюга беспрепятственно впустили Василия Косого в город. Главная трудность состояла теперь в том, чтобы заставить мятежника и его свиту врасплох. С этой целью заговорщикам, по-видимому, при-

шлось решиться на своего рода святотатство. Летописцы, стремящиеся елико возможно обелить действия московской стороны, весьма глухо излагают эту неблагоприятную историю. «...И там на Устюзе хотели его (Василия Косого. — *Н. Б.*) убить, на порании Велика дни, на заутрени, и бысть ему весть; он же един перебеже меж кор (ледяных торосов. — *Н. Б.*) Сухону, на Дымкову сторону, а кто не поспел людей его за ним, и устюжане тех побили, а что были иманцы князя великого бояре, тех всех отполонили у него» (33,148).

Очевидно, расправа с галичанами была назначена на тот момент, когда князь Василий в окружении местной знати будет идти во главе процессии — крестного хода вокруг храма, которым начиналась пасхальная заутреня. Эта ситуация была самой благоприятной для внезапного нападения: князя окружали заговорщики, а его дружинники (вероятно, безоружные) шли где-то позади, растворяясь в толпе горожан. Тут-то и грянул сигнал к расправе. Наверное, им должен был стать звон соборного колокола...

Однако судьба и на сей раз была благосклонна к старшему Юрьевичу. Предупрежденный кем-то в самый последний момент, он успел вырваться из кипящей убийством толпы и, пользуясь темнотой, незамеченным добраться до берега Сухоны. Была уже середина весны (17 апреля), но, по счастью для беглеца, ледоход на реке еще не начался. (Под этим годом летописец отмечает: «а весна была велми студена» (21, 148).) Ночью, карабкаясь по вздыбившимся ледяным глыбам, князь Василий сумел перебраться на другой берег. Поутру он собрал горстку своих уцелевших воинов и не мешкая двинулся на юго-восток, в издавна дружественную галицким князьям Вятскую землю. Ему предстояло преодолеть шесть или семь сотен верст по весеннему бездорожью, бог весть как переправляясь через разлившиеся реки и подтаявшие болота. Несомненно, это был человек стального закала. Ярость и жажда мести умножали его богатырские силы.

Примерно месяц спустя Василий Косой с подоспевшими на помощь вятчанами уже стоял в Костроме, готовясь к новому походу на Москву. Великий князь Василий Васильевич с войском подошел к Костроме и расположился возле Ипатьевского монастыря. От города его отделяло устье разлившейся по весне реки Костромы. Москвичи были настроены миролюбиво, и причиной этому было не одно только половодье. Великий князь, напуганный вологод-

ским конфузом своих лучших воевод, побоялся вновь испытывать судьбу. Он предложил Василию Косому в обмен на мир признать не только его наследственные права согласно завещанию Юрия Звенигородского, но и прибавить к владениям мятежника богатый Дмитров, которого домогался еще его отец. Нуждаясь в передышке, Василий Косой согласился на мировую.

Перемирие между внуками Донского было шатким. Унылые затяжные дожди отзывались осенней скукой. Скука располагала к воспоминаниям, а воспоминания будили злость...

Оба кузена слишком сильно ненавидели друг друга, чтобы спать спокойно. Василию Косому, должно быть, снились в ночных кошмарах «устюжская заутреня», рев опьяненной кровью толпы, предсмертные крики друзей, заглушаемые медным гулом пасхальных колоколов — вестников любви и мира. Гордый Юрьевич не мог забыть, как в темноте, объятый ужасом, метался он среди ледяных торосов, слыша за спиной приближавшийся шум погони. Единственным, что могло избавить его от этих наваждений, была месть. И вот осенью того же года неугомонный галичанин вновь бросает перчатку всему и вся.

В «устюжской заутрене» одним из главных заговорщиков оказался десятинник ростовского архиепископа Иев Булатов. Очевидно, и сам владыка Ефрем (1427—1454) был врагом Василия Косого. И потому свою новую войну с Москвой неугомонный Юрьевич начал с того, что на обратном пути из Дмитрова в Кострому пограбил владения ростовской епископской кафедры. Тем самым галичанин дал понять, что не считает себя связанным условиями «ипатьевского» мирного договора. Послав соответствующие «разметные грамоты» великому князю, он решил для начала вернуть себе Галич, которым согласно завещанию Юрия Звенигородского владел Дмитрий Красный, связанный с великим князем союзническими обязательствами. Василий Косой без труда оттеснил брата и утвердился в Галиче. Благодаря своему географическому положению этот город был удобным плацдармом для наступления на самых различных направлениях. Отсюда поздней осенью 1435 года (по зимнему пути) Василий Косой отправился по замерзшим лесным рекам на север — к ненавистному для него Устюгу. Князя кроме его собственной дружины сопровождали всё те же воинственные вятчане — постоянная опора галицких князей.

В начале января 1436 года войско Василия Косого подошло к Устюгу и осадило город. Устюжане хорошо понимали, какая участь грозит многим из них в случае захвата города разъяренным Юрьевичем. Черпая силы в отчаянии, небольшой и слабо укрепленный Устюг держался до последней возможности. Он был взят галичанами только через девять недель при помощи вероломства. Василий Косой целовал крест на том, что не причинит вреда защитникам крепости в случае капитуляции (41, 86). Однако, вступив в город, учинил там свирепый погром.

Нарушение клятвы, скрепленной целованием креста, считалось в ту пору ужаснейшим из преступлений. Церковь сурово осуждала таких клятвопреступников. «Крест аще кто целует мал, не разумея, а преступить, 5 лет есть епитимия его. А разумеяй преступить, кровию своею токмо да искупится, юже прольеть мученическия за Христа» (46, 483).

Месть, о которой Василий Косой мечтал почти год, была ужасной. Победитель «город взял, а князя великого воеводу Глеба Ивановича убил Оболенского, и десятинника владычня Иева Булатова повесил, и многих устюжан, бояр и гостей, посекал и повешал, поминая им ту злобу, что хотели его самого изымати, а людей у него много побили, а бояр князя великого отполонили» (33, 149).

Новый мятеж Василия Косого и его успешные действия в Заволжье сильно встревожили московских правителей. Казалось, что энергия и удача этого безумца способны сокрушить любые преграды. О его планах можно было лишь догадываться. Во всяком случае, следовало готовиться к отражению еще одного похода галичан на Москву. С этой целью великий князь Василий II собрал под свои знамена всех потомков Дмитрия Донского. В союзе с ним состоял и ярославский князь Александр Федорович Брюхатый. Для войны с Василием Косым москвичи наняли известного своей доблестью литовского князя Ивана Друцкого, который зимой 1435/36 года жил во Пскове.

В Москве сильно опасались того, что в случае новых успехов галичан на сторону Василия Косого может переметнуться его младший брат Дмитрий Шемяка. Кажется, эти опасения были напрасными: второй Юрьевич мирно сидел в своем Угличе и думал не о войне, а о женитьбе. Но, как известно, «пуганая ворона и куста боится». Москвичи решили заранее пресечь возможную измену. Когда Дмитрий зимой 1435/36 года явился в Москву, чтобы пригласить великого князя на свою свадьбу, тот приказал схватить его

и бросить в темницу. Местом заточения была избрана Коломна, куда в 1434 году галицкие князья сослали самого Василия II.

Узнав о вероломном пленении своего господина, весь «двор» Дмитрия Шемяки поехал служить Василию Косому. Желая сгладить неприятное впечатление от захвата Шемяки, великий князь смягчил режим его содержания в Коломне. Освобожденный от оков, Дмитрий мог теперь жить там почти вольной жизнью.

* * *

Между тем приближалось время решающих сражений. Расправившись с устюжанами и тем самым укрепив тылы, Василий Косой до начала весенней распутицы успел привести свое войско в Вологду. Здесь его ожидал приятный сюрприз в виде «двора» Дмитрия Шемяки. Около пятисот всадников во главе с воеводой Акинфом Волынским пополнили войско Василия Косого. Из Вологды мятежник (вероятно, всё той же знакомой дорогой, по рекам Обноре и Костроме) спустился на юг, к Волге. Когда на Волге закончился ледоход, Василий Косой в районе Костромы переправился на правый берег и не мешкая двинулся через Нерехту в сторону Ростова. Однако московские полки, которыми командовал сам Василий II, уже успели выйти почти на те же рубежи, на которых они в январе 1435 года остановили мятежника. Источники по-разному называют место этого решающего сражения. Достоверно известно только одно: битва произошла 14 мая 1436 года где-то в окрестностях Ростова.

Здесь, среди дружественных ему ростовчан и ярославцев, великий князь Василий Васильевич чувствовал себя увереннее. На этой земле он уже испытал радость победы в битве на Которосли в январе 1435 года.

Князь Василий Юрьевич, казалось, не спешил начинать сражение. Вместо этого он прислал к великому князю парламентаря — монаха соседнего Борисоглебского монастыря по имени Русан — с предложением отложить сражение на следующий день. Очевидно, посредничество духовного лица усыпило бдительность московских воевод. Василий II согласился на отсрочку и распустил свои полки по окрестностям «по кормы», то есть для поисков пропитания воинам и лошадям. Вскоре выяснилось, что «отсрочка» была лишь коварной уловкой. На вероломство Василия II

по отношению к Дмитрию Шемяке его брат отплатил той же монетой. Когда москвичи и их союзники (князь Иван Андреевич Можайский, младший брат Василия Юрьевича князь Дмитрий Юрьевич Красный, литовский князь Иван Друцкий) разъехались по своим станам, мятежник попытался неожиданной атакой захватить лагерь Василия II и пленить его самого. Очевидно, это был единственный шанс Василия Юрьевича, не имевшего надежд на успех в решающем сражении из-за малочисленности своей рати. Впрочем, галицкие князья вообще были склонны ко всякого рода дерзким и неожиданным предприятиям, которые им часто удавались...

Однако московские дозоры своевременно заметили приближавшихся врагов и срочно оповестили великого князя. На сей раз он повел себя мужественно и, не помышляя о бегстве, самолично принялся трубить тревогу. На его счастье, московские полки не успели еще разбрестись слишком далеко. Услышав сигнал, воины быстро примчались к ставке великого князя и вступили в бой с мятежниками. В итоге вероломство Василия Юрьевича обернулось против него. В пылу сражения он отделился от своего войска и, по-видимому, решил уйти незамеченным. Но один из московских воевод, Борис Тоболин, опознал беглеца и, позвав на помощь князя Ивана Друцкого, кинулся в погоню. На сей раз удача изменила галичанину. Пленный преследователями, он был приведен в стан великого князя, а оттуда отправлен под стражей в Москву.

Сражение под Ростовом произошло в понедельник 14 мая 1436 года. Накануне церковь праздновала Неделю о слепом и вспоминала евангельскую историю о чудесно исцеленном слепце. Для галицкого князя Василия Юрьевича это совпадение оказалось зловещим предзнаменованием. Через неделю после битвы он был ослеплен в московской тюрьме по приказу Василия II (41, 86). Жестокой расправе подверглись и плененные союзники Василия Юрьевича — вятские воеводы Дятел и Семен Жадовский. Первого повесили в Москве, второго отдали на растерзание разъяренной толпе в Переяславле.

Судьба надолго отвернулась от Василия Юрьевича. Проведя десять лет во мраке слепоты и смраде московской темницы, он все же дожил до тех дней, когда его мучитель Василий II сам попал в руки врагов, был ослеплен и сослан в Вологду. Однако и тут радость галичанина была недолгой. Василий II через год вернул себе Москву и великокняже-

ский престол. Все эти удары судьбы сокрушили некогда могучего и непобедимого старшего Юрьевича. Под 1448 годом летописец сообщает о его кончине, не поясняя, где и при каких обстоятельствах это произошло...

Упрятав мятежника в темницу, Василий II присоединил к своим владениям его бывший удел — города Звенигород и Дмитров с округой. Средний сын Юрия Звенигородского Дмитрий Шемяка был освобожден из-под стражи в Коломне. 13 июня 1436 года он целовал крест на верность Василию II и признал себя его «младшим братом». В тот же день князя скрепили своими печатями текст «докончания». «А где всядеши сам на конь на своего недруга, и мне с тобою поитъти, — клялся Дмитрий Шемяка великому князю. — А где мене пошлешь, и мне поитъти без ослушания. А где пошлешь своих воевод, и мне послати с ними своих воевод» (10, 90). Лишь после этого Дмитрий Шемяка смог вернуться к себе в Углич, где его уже полгода ждала невеста — княжна Софья Дмитриевна Заозерская.

Союзники великого князя в войне с Василием Косым получили награды — прибавления к владениям. Довольные, они разъехались по своим удельным гнездам. Пожар московской усобицы угас на целое десятилетие...

Глава 18

МЕТЕЛЬ

Мятеж галичан нанес тяжелый удар по престижу Москвы как политического центра всей Северо-Восточной Руси. Однако Юрий Звенигородский и его сыновья лишь усугубили те трудности, с которыми столкнулось московское «собрание Руси» в первой трети XV века. Московские земли были опустошены нашествием Едигея в 1408 году, они вновь обезлюдели из-за «великого мора» в последние годы правления Василия I. Близкое соседство могущественной Литвы стало постоянным соблазном для всех недовольных московским первенством. Наконец, существовала проблема харизматического лидера — любимого героя Средневековья. Москве в этот период явно не хватало нового Дмитрия Донского, храброго и удачливого, умевшего где лаской, а где и плахой смирить кичливую знать, способного зажечь толпу своей кипучей энергией и несокрушимой верой. И хотя внутренние распри в Литве и Орде в 1430-е годы на время избавили Москву от угрозы новых на-

шествий, — необходимость «подтянуть вожжи» и укрепить авторитет великого князя Владимирского была очевидна.

Важнейшей сферой политической борьбы издавна являлась борьба вокруг митрополичьей кафедры. Сильнейшие правители Руси стремились провести на высшую ступень церковной иерархии своего человека. На избрание того или иного кандидата часто оказывали влияние Литва и Орда. Константинопольский патриарх принимал окончательное решение лишь после тщательного учета всех «плюсов» и «минусов» каждого из кандидатов.

После кончины митрополита Фотия 2 июля 1431 года москвичи, по некоторым сведениям, безуспешно пытались провести на кафедру своего кандидата — рязанского епископа Иону (47, 89). Главой Православной церкви в Литве стал Герасим — ставленник великого князя Литовского Свидригайло, занимавший прежде смоленскую епископскую кафедру. О его приезде на Русь в 1434 году Псковская летопись сообщает в следующих примечательных словах: «Того же лета Герасим владыка, на осень, приеха из Царя-града от патриарха поставлен митрополитом на Рускую землю, и приеха в Смоленск. А на Москву не поеха, зане князи руския воуются и секутся о княжении великом на Руской земли» (44, 42). Последнее объяснение выглядит малоубедительно: во-первых, литовские князья «воевали и секлись» в те годы ничуть не меньше, чем московские, а во-вторых, Герасим как архипастырь обязан был выступить в роли миротворца, как это обычно делал его предшественник, митрополит Фотий. Единственной веской причиной, по которой Герасим не ехал в Северо-Восточную Русь, могло быть лишь то, что в Москве его считали митрополитом Литовским, то есть раскольником, не имевшим здесь никаких канонических прав.

Карьера литовского митрополита Герасима была недолгой. Великое княжество Литовское страдало тогда от столь же губительной внутренней смуты, что и Северо-Восточная Русь. Против великого князя Свидригайло выступил его двоюродный брат Сигизмунд. Соперничество Гедиминовичей было окрашено средневековой жестокостью. Заподозрив митрополита Герасима в какой-то «измене», Свидригайло в июне 1435 года приказал сжечь его на костре. Такого еще не знала история Русской церкви...

Главой всей Русской церкви в Константинополе был назначен грек Исидор — ревностный сторонник соединения Православной и Католической церквей. Ценой цер-

ковной унии греки надеялись получить военную помощь от католических государей. Обстановка требовала срочных и чрезвычайных мер: турки-османы стояли уже у самых ворот Константинополя.

Митрополит Исидор торжественно въехал в Москву 2 апреля 1437 года — во вторник на Святой неделе. Спустя всего пять месяцев он отправился в сопровождении большой свиты из духовных лиц на церковный собор в Италию. Вернулся Исидор в Москву только 19 марта 1441 года. Но через несколько дней митрополит-униат по приказу великого князя Василия II был взят под стражу. Вскоре ему дали возможность бежать из Москвы, а затем и из русских земель. Таким образом, в период с 1431 по 1448 год (когда собором русских епископов был поставлен первый автокефальный митрополит Иона) русские земли вообще не имели высшей церковной власти — важного фактора политической стабильности. А между тем молодой великий князь Василий II, как никто другой, нуждался в мудрых советах старца-митрополита. Его собственные решения часто отмечены были печатью поспешности и недалёковидности. Одним из таких решений стал закончившийся катастрофой «белевский поход» московского войска...

* * *

Примирившись с галицкими братьями Юрьевичами, Василий II на следующий год решил на деле испытать их лояльность. Поводом для этого стала война против ордынского «царя» Улу-Мухаммеда. Низложенный своим дядей и соперником ханом Сеид-Ахмедом, внук грозного Тохтамыша с небольшим отрядом осенью 1437 года обосновался в верховьях Оки. Местные «верховские» князья находились в двойной вассальной зависимости: от Литвы и от Москвы. Вторжение татар в их владения не представляло особой опасности для Москвы. Однако Василий II все же собрал большое войско и послал его против Улу-Мухаммеда. Между тем именно этот хан в 1432 году решил спор между Василием II и Юрием Звенигородским в пользу Василия. Теперь московский князь предпочитал об этом не вспоминать.

Руководство кампанией было поручено Дмитрию Шемьяке и Дмитрию Красному. Трудно понять, почему великий князь доверил Юрьевичам свою армию, а сам остался дома. Возможно, он решил повторить ситуацию 1399 года,

когда Василий I в ответ на враждебные действия ордынских «царевичей» на восточных границах своих владений послал Юрия Звенигородского во главе московского войска воевать земли волжских болгар. Тогда поход принес москвичам славу и богатую добычу. Но теперь все сложилось по-иному...

Летописи по-разному описывают обстоятельства военной катастрофы, получившей у современников название «Белевщины». Однако в целом московские летописцы в один голос объясняют поражение нерадивостью и самонадеянностью князей Юрьевичей. Еще по дороге к Белеву они позволяли своим воинам грабить те земли, через которые пролегал их путь. Устрашенный многочисленностью подступившей к Белеву московской рати, хан готов был признать себя вассалом Москвы и в знак покорности послать своих сыновей в заложники к Василию II. Однако Юрьевичи отвергли эти заманчивые предложения. В ответ небольшой татарский отряд рано утром 5 декабря 1437 года скрытно приблизился к русскому стану и стремительной атакой наголову разгромил московское войско. Ходил слух, что один из русских военачальников, мценский воевода Григорий Протасьев, тайно сносился с татарами и способствовал их победе (31, 240). (Два года спустя он был пойман и по приказу Василия II ослеплен.)

«Белевщина» срезала цвет московского воинства. Источники пестрят именами знатных воинов, павших в этом побоище. Воодушевленные своей фантастической победой, татары могли теперь нагрянуть и под стены Москвы. В этой ситуации Василий II поспешил заключить договор о взаимопомощи с тверским князем Борисом Александровичем, обязуясь отказаться от каких-либо претензий на его владения.

Согласно некоторым источникам, после победы под Белевом Улу-Мухаммед пошел по Оке к Волге. Там он обосновался несколько выше устья Камы. Некоторые историки считают этот эпизод началом Казанского ханства. Другие полагают, что хан никуда не уходил из полюбившегося ему Белева. Как бы там ни было, летом 1439 года Улу-Мухаммед решил свести счеты с москвичами. Стремительным броском он привел свою орду к стенам московской крепости. 3 июля началась ее осада (41, 87).

Не рискнув вступить в сражение, Василий II оставил столицу на попечение своих воевод, а сам уехал в недоступные для татар заволжские леса. Едва ли кто-то мог прямо

упрекнуть его в трусости. Ведь точно так же поступил в 1382 году сам Дмитрий Донской, бежавший от нашествия Тохтамыша, а в 1408 году — Василий I, уходивший от нашествия Едигея. Однако и воинской славы этот побег Василию II, конечно, не прибавил...

Оборону Москвы великий князь поручил литовскому князю Юрию Патрикеевичу, сыну князя Патрикее Наримонтовича, выехавшего на московскую службу в 1408 году. Прямой потомок великого Гедимины, Юрий удостоился чести породниться с московской династией. Василий I дал ему в жены свою дочь. Василий II, по-видимому, всецело доверял шурина и поручил ему ответственный пост московского наместника.

Храбрый Гедиминович оказался на высоте положения.

Десять дней татары безуспешно пытались взять Москву. Однако, как и в 1408 году, при нашествии Едигея, белокаменная крепость, выстроенная еще Дмитрием Донским, осталась неприступной. Опустошив окрестности города и уведя множество пленных, орда Улу-Мухаммеда отошла на юг, в верховья Оки.

Великий князь после ухода татар вернулся из Заволжья и обосновался в Переяславле-Залесском. Сюда он вызвал на совещание своих кузенов — Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. Оба они, судя по молчанию источников, не принимали участия в обороне Москвы. Желая задобрить Юрьевичей, Василий II поручил младшему из них временно управлять Москвой, «а сам поживе в Переславле и в Ростове до зимы, бе бо посады пождьжены от татар, и люди посечены, и смрад велик от них» (33, 150). Трудно понять, чем продиктована была эта поразительная фраза: простодушным натурализмом бесстрастного свидетеля событий — или скрытым презрением к правителю, не пожелавшему вернуться в разоренную по его же вине столицу из-за смрада разлагавшихся в июльскую жару непогребенных тел?

(Сокровенное значение того или иного замечания летописца часто раскрывается лишь в контексте всего известия. В данном случае следует иметь в виду, что несколькими страницами выше в той же самой Ермолинской летописи содержится описание совершенно иного поведения Дмитрия Донского в сходной ситуации. В 1382 году полчища хана Тохтамыша разорили Москву. После ухода татар Дмитрий с двоюродным братом Владимиром Серпуховским немедленно вернулся на пепелище. «По сем же прииде князь

велики и князь Володимер на Москву и видеша град пожжен, а церкви разорены, а трупи мертвых многа суща вельми, и многы слезы излияша, и повелеша телеса мертвых погребати, и даваша от 80 мертвцов по рублю, и выиде того 300 рублей» (33, 129). Сопоставление напрашивалось само собой. Благородство Дмитрия Донского, оплакивающего общее горе и на свой счет погребавшего погибших, — и брезгливое равнодушие к новой трагедии его жестокосердного внука.)

В рассказ о нашествии Улу-Мухаммеда вставлено еще одно жуткое известие: «Того же лета князь великы Григорья Протасьевича поймав, и очи вымал» (33, 150). Из этих мелочей и обмолвок в Ермолинской летописи незаметно складывается мрачный образ великого князя Василия II — жестокого и коварного правителя, чуждого воинской доблести.

Впрочем, нельзя забывать, что в целом ряде летописей той эпохи (включая и Ермолинскую) отразился взгляд на события врагов Василия II. Их суждения и построения могут быть не менее тенденциозными, чем славословия официальных придворных летописцев.

В сумраке монастырской кельи писалась бесконечная книга Истории. И время от времени чья-то невидимая рука переворачивала уже исписанные страницы, открывая новые, пока еще чистые... Новые люди приходили в мир, требовали себе места под солнцем, вытесняли из жизни поколения отцов и дедов, чтобы со временем разделить их участь.

Осенью 1437 года княгиня Мария Ярославна родила первенца-сына, нареченного в крещении Юрием. Теперь 22-летний Василий II должен был думать не только о том, как сохранить власть над Русью, но и о том, как передать ее собственному сыну. Однако маленький Юрий прожил лишь около трех лет. Смерть унесла его в январе 1440 года. В утешение Бог послал скорбящим родителям другого сына — Ивана...

Вслед за кратким сообщением о рождении у Василия II сына Ивана на странице летописи — словно выцветшее пятно засохшей крови. «Тое же весны Федко Блудов Сука Василья убил да Ивана Григорьевича Протасьева утопил. Того же лета и самого Федка, поймав, повесили на Коломне на осокори» (29, 150). Что стояло за этой чередой убийств — летописец не объясняет. Но надо же было такому мрачному сообщению оказаться рядом с благой вестью о рождении наследника престола...

Вскоре московский двор был потрясен странной и жуткой кончиной младшего из галицких князей — Дмитрия Красного. Мимо этой средневековой истории не мог пройти Н. М. Карамзин, пересказавший летописи в следующих словах:

«Меньший брат, Димитрий, скоро умер в Галиче, достопамятный единственно наружной красотой и странными обстоятельствами своей кончины. Он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Тайн и долго не мог, ибо кровь непрестанно лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Дмитрий успокоился, требовал пищи, вина; заснул — и казался мертвым. Бояре оплакали князя, закрыли одеялом, выпили по несколько стаканов крепкого меду и сами легли спать на лавках в той же горнице. Вдруг мнимый мертвец скинул с себя одеяло и, не открывая глаз, начал петь стихиры. Все оцепенели от ужаса. Разнесся слух о сем чуде: дворец наполнился любопытными. Целые три дня князь пел и говорил о душеспасительных предметах, узнавал людей, но не слышал ничего, наконец действительно умер с именем Святого: ибо — как сказывают летописцы — тело его, через 23 дня открытое для погребения в московском соборе Архангела Михаила, казалось живым, без всяких знаков тления и синеты» (72, 110).

Помимо таинственной кончины Дмитрия Красного, этот год был отмечен для Москвы новыми военными тревогами. 20 марта 1440 года великий князь Литовский Сигизмунд был убит заговорщиками. 29 июня того же года на литовский престол вступил новый правитель — князь Казимир Ягайлович, брат польского короля Владислава. Как обычно, смена власти в Литве сопровождалась заговорами, мятежами и бегством недовольных новым режимом велмож ко двору московского великого князя. В литовских уособицах Москва издавна делала ставку на православную часть местной аристократии, недовольную засильем католиков. С помощью единоверцев московские князья надеялись вернуть под свою верховную власть захваченные Гедиминовичами области Западной и Юго-Западной Руси. Такого рода усилия предпринимал и Василий II в 1440 году. Однако они оказались безуспешными. Мечты о возвращении Смоленска и Северной Украины по-прежнему так и остались мечтами.

Новгород, постоянно искавший дружбы с литовскими князьями для противодействия московскому произволу, поспешил заключить договор с Казимиром. Раздосадованный чередой неудач, Василий II решил напомнить новгородцам о том, что именно он, великий князь Владимирский, является их верховным сюзереном. Только стремительный карательный поход на Новгород мог укрепить авторитет Москвы, сильно пошатнувшийся после «Белевщины» и нашествия Улу-Мухаммеда. Такие походы (порой успешные, а порой и неудачные) предпринимали время от времени почти все великие князья владимирские со времен Андрея Боголюбского. Новгородская кампания зимы 1440/41 года была организована с большим размахом. Предвидя не слишком опасное, но достаточно прибыльное дело, московскому войску прислал помощь тверской князь Борис Александрович. С запада в новгородские владения вторглась псковская рать. Опустошая новгородские волости, сжигая ни в чем не повинные деревни и погосты, Василий II приближался к озеру Ильмень. Новгородцы сначала ответили великому князю разграблением некоторых московских владений по Северной Двине. Однако после того как Василий II захватил городок Демон, игравший важную роль в обороне южных областей Новгородской земли, «золотые пояса» сбавили тон. Новгородский архиепископ Евфимий II от имени всей боярской республики заключил с москвичами мир, по условиям которого Новгород должен был уплатить победителям 15 тысяч рублей контрибуции (33, 150).

Вернувшись из новгородского похода, Василий II отпраздновал рождение еще одного сына — Юрия Младшего. Он появился на свет ровно через год после Ивана — 22 января 1441 года. Крестил младенца тот же игумен Троицкого монастыря Зиновий, который годом раньше окрестил княжича Ивана. В месяцеслове найден был и соответствующий святой, чье имя следовало дать младенцу при крещении. За две недели до дня рождения Юрия Младшего месяцеслов содержал память преподобного Георгия Хозевита — древнего палестинского отшельника. (Имя Юрий возникло от искаженного произношения имени Георгий — «Гюрги».) Родителям явно хотелось дать младенцу имя своего умершего первенца — традиционное для князей московского дома. Их не смущали даже неприятные воспоминания о Юрии Звенигородском.

ДЕЛА ЦЕРКОВНЫЕ

Весной и летом 1441 года Василий II был занят главным образом церковными делами. 19 марта этого года в Москву явился митрополит-униат Исидор. Его попытки убедить великого князя и русских иерархов принять Флорентийскую унию успеха не имели. Через несколько дней после приезда Исидор по приказу Василия II был посажен под стражу в Чудов монастырь.

Вопрос о принятии унии имел не только религиозный, но и политический аспект. Здесь сталкивались самые различные традиции и интересы. Василий II нуждался в поддержке церковных верхов. Дружба с митрополичьей кафедрой была одним из важнейших принципов московской политики со времен Ивана Калиты. При Василии I митрополиты-византийцы Киприан и Фотий не раз помогали Москве улаживать конфликты с Литвой. Они и сами были кровно заинтересованы в сохранении мира в регионе. Только в условиях мира им удавалось «сидеть на двух стульях»: управлять всеми православными епархиями Восточной Европы, включая и те, которые находились в Литве и Польше. И все же процесс политической консолидации в Восточной Европе неизбежно влек за собой обострение конфронтации между Москвой, Вильно и Краковом, а стало быть, и распад некогда единой Киевской митрополии на три самостоятельных образования — московскую, литовскую и польскую православные митрополии. Политическое единение Литвы и Польши в рамках Кривской унии (1385), позднее — Городельской унии (1413) создавало предпосылки для объединения православных епархий этих стран под властью одного иерарха. Но для московской митрополии в этой системе места явно не находилось.

Разрыв с православными епархиями в Юго-Западной и Западной Руси воспринимался в Москве крайне болезненно. Многие считали такой исход трагедией, предательством своих единоверцев, брошенных на произвол «латинян». Любые шаги светской власти, ведущие к расколу, могли вызвать сильное недовольство в московских церковных кругах. С этим столкнулся еще Дмитрий Донской, пытавшийся в 1378 году поставить на митрополичью кафедру своего фаворита попа Митяя, кандидатура которого была заведомо неприемлемой для «зарубежных» епархий. На-

следник Донского Василий I не желал иметь те же проблемы и потому приглашал на московскую кафедру митрополитов-византийцев, которые в силу своей этнической «нейтральности» и политической гибкости более или менее устраивали как Москву, так и Вильно. Вероятно, ту же роль принял бы на себя и присланный из Константинополя митрополит Исидор. Однако патриархия, во-первых, сильно запоздала с назначением Исидора, что заставило москвичей подобрать собственного кандидата на митрополию — рязанского епископа Иону; а во-вторых, — и в этом была суть проблемы — Исидор оказался униатом, «изменником православия». Принять Исидора — значило бы в дополнение к едва утихшей «феодальной войне» получить еще и «религиозную войну».

Арест митрополита-униата был едва ли не самым смелым решением осторожного Василия II. Отдав этот приказ, великий князь вступал на путь окончательного раскола издревле единой Русской митрополии и разрыва с Константинополем. Это был путь великого одиночества, вступив на который Московская Русь отныне должна была во всем полагаться только на свои собственные силы. Страх и сомнения одолевали бедного Василия. Он явно не создан был для таких судьбоносных решений. Ему хотелось убедить себя и всех окружающих в том, что еще не все мосты сожжены, что можно еще как-то уладить дело с Литвой и патриархом. Он приказал дьякам сочинить почтительное письмо патриарху Митрофану II (1440—1443) с жалобой на еретика Исидора и просьбой разрешить москвичам самим избрать церковного главу. В послании великий князь настаивал на том, что выборы митрополита на Руси отнюдь не будут означать ее разрыва с константинопольской патриархией (102, 132).

В вопросе об Исидоре Василий II постоянно прислушивался к мнению русских иерархов и даже созвал с этой целью весной 1441 года своего рода поместный собор. Позиция епископов в этом сложном деле также была довольно противоречивой. С одной стороны, каждый из них понимал неизбежность возникновения национальной, автокефальной московской митрополии. Но была и обратная сторона проблемы. Традиционная связь Русской церкви с Константинополем, высокий статус митрополичьей кафедры помогли русским иерархам сохранять определенную независимость в отношениях со светскими властями. Да и сам великий князь, с одной стороны, желал подчинить себе

митрополичью кафедру, а с другой — боялся ослабления авторитета этого общерусского института, огромные возможности которого московские князья давно научились использовать в своих интересах.

Великому князю следовало тщательно учесть все эти сложные, противоречивые настроения. Любой неосторожный шаг мог дать сильные козыри его врагам. Опаснее всего было навлечь на себя обвинения в «вероотступничестве» — самом тяжком из грехов, который стоил трона многим христианским правителям. Но нельзя было и дать основания для обвинений в нарушении церковных правил. В частности, арест и вообще насилие по отношению к епископу категорически воспрещались канонами. Митрополит Исидор, при всем его униатстве, был все же законным образом рукоположенным иерархом Русской церкви. Содержание его под стражей, а тем более физическая расправа с ним грозили Василию II анафемой со стороны патриарха. Однако и освободить Исидора из-под стражи значило бы косвенно снять с него обвинения в «ереси». Таким образом, сложилась ситуация, напоминая знаменитую двусмысленную резолюцию императора Павла I: «казнить нельзя помиловать».

Поначалу москвичи хотели заставить Исидора отречься от унии, обещая взамен честь и свободу. В случае отказа митрополиту угрожали казнью. Однако это был твердый и храбрый человек, почитавший распространение унии своим нравственным долгом. На все уговоры он отвечал отказом. Дело таким образом зашло в тупик.

В конце концов, просидев под стражей с полгода, низложенный митрополит вместе с двумя учениками, иноком Григорием и Афанасием, бежал из Москвы в Тверь. Похоже, что этот «побег» был подстроен московскими властями. Известно, что Василий II не велел преследовать беглеца. В Твери поначалу, кажется, просто не поняли сути дела. Исидор был вновь арестован по приказу князя Бориса Александровича. Теперь уже ему пришлось ломать голову над тем, как поступить с «еретиком». Проведя еще полгода в тверском заточении, Исидор не мечтал более об обращении Руси в унию. И когда тверской князь, следуя примеру Василия II, предоставил ему возможность уйти — «отпусти в Великий пост на средокрестной недели» (45, 47), — Исидор не раздумывая уехал в Литву. Оттуда он перебрался в Рим, где был обласкан папой. Позднее Исидор дважды совершал рискованные путешествия из Рима в Константино-

поль по вопросу об унии. Умер этот неутомимый борец за соединение церквей в 1463 году. За заслуги перед Римом он был награжден папой саном кардинала и званием легата, а позднее даже удостоен титула «патриарха».

Благополучно избавившись от Исидора и переложив заботу о нем на плечи Бориса Тверского, Василий II поручил общее руководство церковными делами рязанскому епископу Ионе, который не имел еще официального постановления в митрополичий сан ни от патриарха, ни от собора русских епископов. В таком двусмысленном положении он провел семь лет (1441—1448).

Глава 20

КАПКАН ДЛЯ ШЕМЯКИ

Усмирив Новгород и уладив дело с Исидором, Василий II решил, что настало время совершить еще один шаг — покончить с последним из мятежных Юрьевичей, князем Дмитрием Шемякой. Историки высказывают предположения, что его побудили к действию какие-то «крамольные» начинания Шемяки в ходе событий 1439—1441 годов. Однако никаких ясных сведений на сей счет источники не содержат. Известно лишь, что осенью 1441 года Василий II попытался неожиданным ударом овладеть Угличем — удельной столицей Дмитрия Шемяки. В случае успеха этой вероломной акции Дмитрий Юрьевич оказался бы московским пленником и имел все шансы повторить судьбу своего старшего брата Василия Косого.

Однако такие стремительные рейды требовали качеств, которыми обладали старшие Юрьевичи, но не обладал Василий II. Поначалу замыслы великого князя сорвал некий дьяк Кулудар Ирежский, уведоливший Дмитрия Шемяку об опасности. Тот немедля ускакал из Углича на запад, в лесные чащи Бежецкого Верха. Высланная вслед за беглецом погоня вернулась ни с чем. Кто-то выдал Василию II виновника его неудачи. Месть великого князя, как обычно, была изощренно жестокой. Он приказал забить несчастного кнутом, «по станом вода» (27, 150).

Волости Бежецкого Верха некогда принадлежали Дмитрию Юрьевичу Красному. После его кончины Василий II взял их под свою власть. Теперь Шемяка мстил великому князю, разоряя Бежецкий Верх. Оттуда он обратился к новгородцам с предложением стать их князем вместо Васи-

лия II. Однако те не желали портить отношения ни с Москвой, ни с Угличем и потому ответили Шемяке уклончиво: приезжай, если хочешь. Такое сомнительное гостеприимство князя не устроило, и на Волхов он не поехал.

Между тем войско Василия II вынуждено было вскоре покинуть Углицкое княжество из-за наступления весенней распутицы. Дмитрий Шемяка вернулся в свою разоренную столицу. Сюда к нему явился другой удельный князь — Иван Андреевич Можайский. Возмущенный столь явным произволом Москвы, он объявил о своей солидарности («одиначестве») с Шемякой. Впрочем, можайский князь был не так прост. Новая вспышка усобицы позволяла ему еще раз выгодно продать свою поддержку той или другой стороне. Опасаясь создания антимосковской коалиции, Василий II поспешил переманить Ивана Можайского на свою сторону. Платой за верность стал Суздаль, переданный Василием II в управление князю Ивану. Однако при этом пострадал литовский князь Александр Чарторижский, выехавший на московскую службу и пожалованный Суздалем несколькими годами ранее. Лишившись столь сытного «кормления», он в досаде поехал служить к Дмитрию Шемяке. Получив подкрепление, Шемяка недолго думая решил отплатить Василию II той же монетой и совершить стремительный набег на Москву. Лесными дорогами он повел свое войско из Углича к Троицкому монастырю. Отсюда до Москвы можно было добраться дня за два, а при сильном желании — и за день.

Но тут опасная затея Дмитрия Шемяки натолкнулась на сопротивление троицкого игумена Зиновия. Достойный преемник великого миротворца Сергия Радонежского, Зиновий решительно взял на себя роль посредника в княжеском споре. Запретив Шемяке «изгоном» нападать на Москву, он лично поехал с ним в столицу. Вскоре при посредничестве Зиновия между двоюродными братьями был заключен мир, по условиям которого Дмитрий Шемяка сохранял за собой Углич, Галич, Ржев и подмосковную Рузу. Земли, принадлежавшие сидевшему в московской тюрьме Василию Косому (Звенигород, Дмитров и Вятка), признавались владениями Василия II. Самым неприятным для Шемяки было, вероятно, то, что согласно договору ему надлежало вернуть Василию II солидный должок по ордынской дани. «А что, брате, еще в целовании (то есть в мире. — Н. Б.) будучи со мною, не додал ми еси в выходы («выход» — название дани, которую платили русские кня-

зья ордынским ханам. — *Н. Б.*) серебра и в ордынские протори, и что есмь посылал киличеев (послов. — *Н. Б.*) своих ко царем к Кичи-Маметю и к Сиди-Ахметю, а то ти мне, брате, отдати по рочоту, по сему нашему dokonчанью», — настаивал Василий II (10, 107). Утаивание части ордынского «выхода», тайные сношения с татарами за спиной великого князя — все эти грешки Шемяки как-то не вяжутся с образом благородного рыцаря, борца за свободу, каким рисуют буйного Юрьевича некоторые историки.

Как обычно, договор был украшен заверениями во взаимной любви и верности. «Быти ти, брате, со мною, с великим князем, везде заодин, и до своего живота (то есть до конца жизни. — *Н. Б.*). А мне, великому князю, быти с тобою везде заодин, и до своего живота. А кто будет, брате, мне, великому князю, друг, то и тебе друг. А кто будет мне, великому князю, недруг, то и тебе недруг... А добра ти мне, великому князю, хотети во всем, везде. А мне, великому князю, тебе хотети везде, во всем добра» (10, 107).

Князья целовали крест и клялись в верности с таким трудом достигнутому соглашению. Потом, на пиру, они пили за здоровье друг друга и желали друг другу всяческих успехов. Должно быть, каждый из них был в тот момент искренен и чист в помыслах. Но время шло — и мало-помалу накапливались новые обиды, множились долги, закипала злоба. Досада на ближнего незаметно переплавлялась в ненависть. И все эти страсти и страстишки плескались дурманящим зельем в тяжелых серебряных кубках, плясали перед отяжелевшим взором в тусклом свете догоравшей свечи...

А там, за слюдяными оконцами островерхих теремов, за хмурыми забороллами городских стен, лежала печальная снежная пустыня. До самого окоема тянулись немые леса, в которых терялись едва приметные нити дорог. Лишь кое-где чернели убогие деревеньки. Тонули в сугробах тяжелые избы, где теплилась жизнь, топилась печь, мерцала под иконой трепетная лампадка. Там, в избах, в вечном страхе и безысходной нужде копошились те, о ком молчат пожелтевшие страницы манускриптов, о ком не напомнят потомству горделивые надписи на белокаменных саркофагах. Жизнь этих людей, обычно именуемых крестьянами, была до неразличимости слита с жизнью природы. Об их несчастьях и массовой гибели монах-летописец писал с тем же эпическим спокойствием, как и о стихийных бедствиях.

В то время как обитатели дворцов корчились в муках неудовлетворенной алчности или уязвленного честолю-

бия, жители снежных пустынь страдали от нестерпимого голода и холода. Вся первая половина XV века выдалась на редкость тяжелой для них. Бедствия шли волна за волной: татары, мор, усобица, голод, опять татары, опять голод... И каждая уносила в океан вечности тысячи и тысячи жертв. Новая волна нахлынула в 1442—1443 годах.

Под 6950 годом от Сотворения мира (1 сентября 1441 года — 31 августа 1442 года) в Никоновской летописи — унылый перечень бедствий. «Та же зима бысть люта зело, и мрази велии нестерпимыи, и много скотом и человеком зла сотворися. Тоя же весны быша громи велицы и мльнии страшни, и ветри и вихри велицы, и бысть страх на всех человецех. Тоя же весны бысть отзимие (мороз со снегом после продолжительной оттепели. — *Н. Б.*), и паде снег велик и паки соиде, и възсташа ветри, и быша мрази мнози и ветри велицы, и бысть скорбь многа в людех. Того же лета бысть жито дорого» (24, 42).

Под следующим, 6951 годом (1 сентября 1442 года — 31 августа 1443 года) — новые жуткие картины этих словно проклятых Богом лет в Ермолинской летописи: «Та же зима была студена, а сено дорого, а во Тфери меженина (нехватка хлеба. — *Н. Б.*), и пришло в Можаяск голодников много, и князь велел был их кормити, они же хотели и пристава самого съести; и с тех мест почали с голоду мерети, и наклали их 3 скуделницы (общие могилы. — *Н. Б.*), да хлебника мужика сожъгли в Можайске же с женою, а он люди ел, душ пятьдесят и малых и великих потерял» (33, 151).

Можайские нравы даже в эти жестокие времена отличались какой-то особой свирепостью. В 1443 году местный князь Иван Андреевич, известный переменчивостью своих политических пристрастий, за какое-то неизвестное преступление упрятал в темницу своего боярина Ивана Андреевича вместе с детьми, а жену его сжег на костре (33, 151).

В Новгороде горожане страдали от участвовавших пожаров, вспыхивавших то тут, то там с подозрительным постоянством. В суматохе пожара лихие люди растаскивали вынесенное из горящих домов добро. Обезумевшие от горя погорельцы принялись хватать на улице всяких бродяг и бросать их в огонь, как обычно казнили поджигателей. «Тогда же от скорби тое пожарьные (то есть пострадавшие от пожаров. — *Н. Б.*) новгородцы поимаша многих людей

напрасно, глаголюще: “Вы зажигаете, втайне ходяще, корысти ради своя, и таковы беды и напасти сотвористе!” И тако многих христиан на огне сожегоша, а иных в Волхов с мосту сметаша, а иных камением побиша» (33, 42).

Глава 21

НА СТЕПНОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Жестокостью тянуло и из Степи, где одряхлевшая Золотая Орда, словно издыхающий дракон, вдруг испускала языки дыма и пламени. В 6950 году (1 сентября 1441 года — 31 августа 1442 года) «приходиша татарове Болшиа Орды на рязаньския украины (окраины. — *Н. Б.*) и много зла сотвориша и отъидоша с полоном» (24, 42). Пограбивший рязанские земли татарский «царевич» Мустафа, не зная, что делать с большим количеством пленников, решил продать их самим же рязанцам. «Рязанци же выкупиша своих плененных у татар» (24, 61). Однако вскоре Мустафа вновь прислал в Рязань своих людей с неожиданной просьбой: разрешить его отряду перезимовать в Рязани. «Мустафа же паки прииде в Рязань на миру, хотя зимовати в Рязани; бе бо ему супротивно на Поли, а Поле все в осень пожаром погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветри и вихри силни. И того ради миром прииде в Рязань и хоте зимовати в Рязани нужи ради великиа». Рязанцы, поразмыслив, впустили «царевича» в город. Очевидно, они надеялись, что в будущем тот отплатит им добром за добро.

Между тем в Москве узнали о рязанских событиях. Василий II решил воспользоваться бедственным положением татар и покончить с ними. Из Москвы на Рязань выступило войско под началом воевод князя Василия Оболенского и боярина Андрея Федоровича Голтяева. Великий князь придавал походу большое значение и потому отправил против Мустафы весь цвет своего воинства — «двор». Узнав о приближении московского войска, рязанцы велели татарам покинуть город. Отряд Мустафы встретил врага в заснеженном поле, на берегу речки Листани. Вид степного воинства был далеко не лучшим. «Татары же отнюдь охудеша и померзоша, и безконни быша, и от великаго мраза и студени великиа и ветра и вихра луки их и стрелы ни во что же быша; снези бо бяху велици зело» (24, 62). Глубокие сугробы не давали татарам возможности сражаться в конном строю. Да и самих коней у степняков почти не осталось.

Неприхотливые татарские лошадки умели разрывать копытами снег и добывать мерзлую траву. Однако необычайно сильные снежные заносы оставили их без привычной пищи и обрекли на голодную смерть. А между тем сражаться в пешем строю, да еще среди сугробов, татарам никогда не приходилось.

Московские воеводы хладнокровно учли все эти обстоятельства. Поставив своих воинов на лыжи, они вооружили их дубинами, топорами и рогатинами. Вместе с регулярным московским войском в избиении татар приняли участие «мордва на ртах (лыжах. — *Н. Б.*) с сулицами (короткими копьями. — *Н. Б.*) и с рогатинами и с саблями». Подоспели и какие-то «казаки рязанския также на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями» (24, 62). (Сражение на речке Листани зимой 1443/44 года — первое упоминание о казаках в исторических источниках.)

В сложившейся ситуации у татар не оставалось шансов на победу. Но это были стойкие бойцы, мужеством которых невольно восхищается и русский летописец. Как затравленные волки, люди Мустафы решили дорого продать свои жизни. «Татарове же никакко же давахуса в руки, но резашася крепко» (24, 62). После ожесточенного сражения почти весь отряд во главе с самим Мустафой остался лежать на окровавленном снегу. Москвичи потеряли одного из своих воевод — Илью Ивановича Лыкова.

Расправившись с «царевичем», Василий II бросил вызов всему степному сообществу. Вскоре последовали ответные действия. Первыми поплатились те, кто помогал москвичам в сражении на Листани — рязанские пограничники-казаки и мордовские князья. В сентябре 1444 года татары напали на «рязанские украины» — южные районы Рязанской земли. Той же осенью «воеваша татарове Мордву» (24, 62). Ближе к зиме зашевелился и сам отставной «царь» Улу-Мухаммед, перебравшийся к этому времени из верховьев Оки в район Нижнего Новгорода. Хан поднялся вверх по Оке и осадил Муром.

Василий II, собрав большое войско, выступил навстречу татарам. В походе участвовали все князья московского дома: Дмитрий Шемяка, Иван Андреевич Можайский и его брат Михаил Андреевич Верейский, Василий Ярославич Серпуховской. Разумеется, Василий II извлек уроки как из белевской трагедии, так и из победы над Мустафой. Первый из них состоял в том, что нельзя доверять руководство походом кому-то из удельных князей. Второй урок —

стремление обеспечить безусловное численное преимущество над коварным и стремительным в маневрах врагом. Третий — учет тех преимуществ, которые давала русским холодная и снежная зима.

Московское войско пришло во Владимир в начале января 1445 года. Отсюда лесными дорогами, утопая в сугробах, полки двинулись к Мурому. Однако «царь» Улу-Мухаммед не стал испытывать судьбу и спешно (по выражению летописца — «бегом») ушел от Муромы по Оке обратно к Нижнему Новгороду. Передовые отряды московского войска побили татар в окрестностях Муромы. Доходили они и до Гороховца, откуда было уже рукой подать до Нижнего. В ответ на эти удары оставленные «царем» в Нижнем Новгороде татары напали на близлежащую волость Лух.

Не решившись преследовать татар до Нижнего Новгорода, Василий II повернул назад. Вероятно, этого требовали удельные князья-союзники, получившие известие о неожиданном набеге литовцев на их владения. Да и сам великий князь не желал затягивать поход. Уже заканчивался Великий пост и приближалась Пасха. В такое время всякий человек норовил быть поближе к родному дому и приходскому храму. В «великую пятницу», 26 марта 1445 года, Василий II вернулся в Москву.

Муромский поход Василия II при желании можно было представить как удачный. Однако он не принес решающего успеха в борьбе с Улу-Мухаммедом. «Царь» по-прежнему сидел в Нижнем Новгороде, обосновавшись в «старой» крепости. Великокняжеские воеводы Федор Долголов и Юшка Драница всё же сумели отстоять какую-то часть городских укреплений, но оказались там в западне. Не выдержав длительной осады, они ночью подожгли деревянные стены и башни и, воспользовавшись суматохой, бежали из города.

Глава 22

ПЛЕН

Скучая бездельем в своей пропахшей гарью нижегородской ставке, «царь» решил вновь развлечься войной. Весной 1445 года он отправил в набег на московские земли сыновей — Мамутяка и Ягупа. Василий II вновь вынужден был сесть на коня. 23 мая он встретил «Петрово заговение» (канун Петровского поста) в Москве, а уже на другой день

выступил в поход против разбойничавших во владимирских и суздальских землях «царевичей».

Василий II никогда не умел совершать стремительных переходов. Его войско за месяц пути добралось лишь до Юрьева-Польского. Здесь великий князь 29 июня 1445 года встречал праздник апостолов Петра и Павла. Сюда, к Юрьеву, подтянулись со своими отрядами и удельные князья московского дома — братья Иван и Михаил Андреевичи, Василий Ярославич Серпуховской. Однако так и не явился главный воитель — князь Дмитрий Шемяка. Замешкался где-то в пути и служивший Василию II татарский «царевич» Бердедат со своим отрядом (69, 104).

От Юрьева московское воинство двинулось к Суздалю. Во вторник 6 июля полки подошли к городу. Здесь, на просторном лугу у речки Каменки, под стенами Спасо-Евфимиева монастыря, ратники стали лагерем. Желая проверить боеготовность своих сил, князья устроили «всполох» — нечто вроде учебной тревоги и общего построения. Выяснилось, что войско весьма немногочисленно и насчитывает лишь около полутора тысяч бойцов. (По-видимому, печальный опыт зимнего набега литовцев заставил удельных князей оставить больше сил для прикрытия собственных владений на западе и юго-западе Московского княжества.) Теперь Василию II оставалось лишь уповать на прибытие новых сил и поднимать боевой дух своей братии традиционным способом — хмельным застольем. Вечером он устроил пир для князей и воевод, затянувшийся далеко за полночь. Наутро великий князь, собравшись с силами, отстоял заутреню в походной церкви. Но вчерашний хмель всё же брал свое. «И по заутреней възхоте князь великий еще поопочинути» (24, 66).

Однако поспать ему в это утро так и не пришлось. В лагерь примчался гонец с известием о том, что татары уже совсем близко и вброд переправляются через речку Нерль. Вновь, как и в памятной битве с Василием Косым под Ростовом, Василий II стал в суматохе отдавать приказы и натягивать на себя многочисленные доспехи. К счастью, московские воеводы знали свое дело. Стряхнув остатки вчерашнего хмеля, они успели до появления татар выстроить полки и приготовиться к бою. Первый натиск «поганых» был отбит. Но тут татары применили свой любимый прием — притворное отступление. Отсутствие единоначалия и твердой дисциплины в разнородном московском войске привело к тому, что часть ратников кинулась преследовать

бегущих, а другая часть осталась собирать трофеи и торжествовать победу. Между тем татары неожиданно остановились и, развернувшись, ударили на москвичей. Не ожидавшие такого поворота событий, русские воины дрогнули и обратились в бегство.

Преследуя их, «поганые» ворвались в московский лагерь. Итог сражения оказался катастрофическим: московское войско было наголову разбито. Сам Василий II вместе со своим двоюродным братом Михаилом Андреевичем Верейским попал в плен к татарам. Князья Иван Андреевич Можайский и Василий Ярославич Серпуховской, раненные в бою, «в мале дружине утекоша» (27, 188). Такой позор московскому войску никогда прежде испытывать не доводилось...

Московские летописцы (возможно, стараясь хоть как-то скрасить тягостное впечатление от поражения) указывают на подавляющее численное превосходство татар (3,5 тысячи — против 1,5 тысячи русских). Наряду с этим они рисуют картину героического поведения Василия II во время Суздальской битвы. «А на великом князе многи раны быша по главе и по рукам, а тело все бито велми, понеже бо сам мужествене добре бился бяше» (24, 65). Хочется верить в личное мужество первого воина тогдашней Руси. (О его достоинствах как полководца и организатора в этой ситуации говорить, конечно, не приходится.) Но как часто придворные льстецы всех времен переписывали историю во славу своего Хозяина! Впрочем, как бы ни вел себя московский князь в то июльское утро — суть дела от этого не менялась. Суздальское похмелье оказалось тяжким. «Царевичи» безнаказанно разграбили Суздаль и всю Владимирскую землю. Не решившись штурмовать Владимир, они простояли три дня под его стенами, а затем ушли в сторону Мурома. Оттуда «поганые» с огромной добычей и множеством пленных вернулись в Нижний Новгород.

Плененный татарами, Василий II подвергся унижительной процедуре. С него сняли нательные кресты. Некий «татарин Ачисан» отвез их в Москву и передал жене и матери великого князя. Этот зловещий «подарок» привел в ужас весь двор. Весть о случившемся мгновенно распространилась и по городу. Началась паника, порожденная слухами о скором приходе татар. Город наполнился беженцами, надеявшимися пережить нашествие под защитой белокаменных стен. В довершение всего на столицу обрушилась новая беда — страшный пожар, вспыхнувший чуть ли не в

самый день приезда татарина. «Того же месяца июля в 14 день, в среду, загореся град Москва внутри города в ноши и выгоре весь, яко ни единому древеси на граде остатися, но и церкви каменные распадашася и стены градные каменные падоша во многих местех; а людей многое множество изгоре, священноинокков, и священников, и иноков, и инокинь, мужей, и жен и детей, понеже бо отселе огонь, а из заградия татар бояхуся; казны же многи выгореша и безъсчислено товара всякого, от многих бо градов множество людей бяху тогда ту в осаде» (22, 113). Одних только задохнувшихся в дыму насчитали 1500 человек (41, 87).

Поврежденные пожаром московские стены уже не могли служить надежной защитой. Жена Василия II, княгиня Мария Ярославна вместе с детьми, боярами и свекровью, княгиней Софьей Витовтовной бежали из города и отправились в Ростов. Оттуда в случае опасности они могли быстро выйти к Волге и скрыться от татар в дремучих заволжских лесах.

В июле 1445 года в Москве повторилось то, что она уже пережила в августе 1382 года при нашествии Тохтамыша. Не привыкшая к татарским набегам, да к тому же и оставшаяся вдруг без правителя, столица оказалась во власти паники. Страх перед татарами и обезумевшей толпой заставил знать бежать из города. Теперь его защита перешла в руки охваченного яростью отчаяния простонародья. Горожане, которым некуда и не на чем было бежать, стали спешно приводить в порядок поврежденные огнем городские стены. Даже уцелевшие от пожара дома превращались в своего рода укрепления. Люди готовы были до конца защищать свое родное пепелище.

К счастью, страхи москвичей оказались напрасными. «Царевичи» и не думали идти на Москву. Кажется, они и сами порядком перетрусили, ненароком пленив Василия II. Обычный грабительский набег оборачивался чем-то гораздо более серьезным. На выручку великому князю Московскому должна была прийти вся боевая сила Северо-Восточной Руси. Опасаясь погони, Мамутяк и Ягуп со своей невиданной добычей — великим князем Московским — поспешили вернуться в Нижний Новгород к своему отцу Улу-Мухаммеду.

«Вольный царь» также решил, что теперь на него ополчится вся Северо-Восточная Русь. На всякий случай он в конце августа 1445 года перебрался из Нижнего Новгорода в Курмыш. Только там, на юго-восточной окраине нижего-

родских владений, рядом с родной степью, хан почувствовал себя в безопасности. Теперь он мог не спеша обдумать сложившуюся ситуацию.

Не вполне понимая характер отношений между внуками Дмитрия Донского, хан решил для начала выяснить позицию Дмитрия Шемяки. Он отправил к нему в Углич своего посла Бигича. Враждебный Юрьевичам московский летописец так описывает этот эпизод. «Он же (Дмитрий Шемяка. — *Н. Б.*) рад бысть, и многу честь подасть ему (ханскому послу. — *Н. Б.*), желаше бо великого княжения; и отпусти его со всем лихом на великого князя, а с ним послал своего посла Феодора диака Дубенского, чтобы князю великому не выйти на великое княжение» (22, 113).

Неизменно лаконичные летописцы показывают лишь авансцену истории. То, что происходило за кулисами, скрыто мраком неизвестности. И всё же мы едва ли ошибемся, если предположим, что в эту тревожную осень 1445 года, когда в Степи вновь решалась судьба Василия II, московская знать «подставила плечо» своему незадачливому князю. Практически каждый из «сильных людей» в Москве имел свои собственные, сберегаемые на крайний случай «выходы» на ордынских вельмож. Эти связи часто носили семейный, родовой характер и передавались по наследству как ценнейшее достояние. Теперь настало время привести в действие все эти сокровенные механизмы власти. Приход властного и дерзкого Дмитрия Шемяки на московский престол грозил разрушить складывавшийся десятилетиями баланс сил и интересов при московском дворе. Осознав общую опасность, московские бояре на время забыли о своих распрях и объединили усилия с целью вернуть Василия II на трон. Одновременно с этим была приведена в действие вся система московской секретной службы, издавна отслеживавшая ситуацию не только в Орде, Литве или Новгороде, но также при дворах великих и удельных князей.

Только учитывая работу этих могущественных, но невидимых миру сил, можно правильно понять весь дальнейший ход событий.

Разумеется, о посольстве Бигича к Дмитрию Шемяке в Москве вскоре узнали. По замыслу Улу-Мухаммеда, миссия Бигича, кроме переговоров с Шемякой, должна была припугнуть Василия II и московскую знать перспективой возвышения ненавистного им Галичанина, заставить москвичей быть более сговорчивыми.

Ханский посол добрался от Нижнего Новгорода до Углича недели за две-три. Там он провел не менее недели, ожидая, пока Дмитрий Шемяка обдумает ситуацию и снарядит свое собственное посольство к хану во главе с дьяком Федором Дубенским. Наконец, обратный путь из Углича в Курмыш по осенней распутице должен был занять не менее трех недель. Таким образом, хан мог ожидать возвращения своего посольства где-то в середине октября 1445 года. Однако уже 1 октября великий князь Василий II, его двоюродный брат Михаил Андреевич Верецкий и все находившиеся при них спутники были отпущены на Русь. Их сопровождали многочисленные татарские вельможи, посланные ханом для контроля за исполнением взятых москвичами обязательств. Главное из них — выплата огромного выкупа, относительно размеров которого ходили самые противоречивые и фантастические слухи. Помимо денежной суммы князь Василий, по-видимому, обещал отдать некоторые города «в кормление» ханским приближенным.

Главный успех москвичей состоял в том, что хан не только отпустил Василия II из плена, но и признал его великим князем. Кроме того, дело решилось прежде, чем в борьбу за трон успел вступить Дмитрий Шемяка. Несомненно, он также предлагал хану какие-то весьма заманчивые условия. В летописях есть сведения, что решение в пользу Василия II было принято после того, как Улу-Мухаммеду сообщили, что Дмитрий Шемяка якобы убил его посла Бигича. Возможно, такой слух действительно был пущен сторонниками Василия II. Однако приведенный выше подсчет времени показывает: хан вполне мог ждать возвращения своего посла еще две-три недели. И все же он принял московские условия, даже не поинтересовавшись тем, что предлагал ему Шемяка. Очевидно, для Улу-Мухаммеда как в 1432 году (когда он был на престоле Золотой Орды), так и в 1445 году (когда он вел жизнь бесправного изгнанника) предпочтительнее было иметь на московском престоле более легитимного Василия II, на стороне которого были симпатии основной части аристократии. Поддержав галичан, хан мог вызвать новую вспышку московской усобицы. Это сулило ему некоторые временные преимущества: возможность безнаказанно грабить пограничные волости, захватывать целые города. Однако в перспективе хану гораздо выгоднее было получить поддержку и дань со всей системы великого княжения Владимирского. А для этого требовалась устойчивая, легитимная власть, а не сумятица бесконечной усобицы.

Едва успев выехать из Курмыша, Василий II был окружен своими доброхотами. Один из них, нижегородский воевода Юшка Драница, поначалу даже готовил побег великого князя из ханской ставки. Теперь, когда тот оказался на свободе, верный воевода «паде на ногу его, плача от радости» (33, 152). Он предложил князю сесть на заранее припасенные суда и тайком уйти от сопровождавших его татарских «послов». Однако Василий II отказался от этого заманчивого предложения. Обмануть хана — значило начать с ним новую войну. К этому московский князь был вовсе не готов. Более того, поддержка Улу-Мухаммеда нужна была ему для того, чтобы утвердить свой пошатнувшийся авторитет и пресечь козни своих удельных соперников и в первую очередь — Дмитрия Шемяки.

Приняв решение поддержать Василия II, хан утратил всякий интерес к переговорам с Шемякой. А между тем посольство Бигича и Федора Дубенского уже пустилось в обратный путь из Углича в Курмыш. Судьба вела этих несчастных прямо в руки их московских врагов...

Через два дня после отъезда из ханской ставки Василий II отправил в Москву гонца с вестью о своем возвращении. Летопись сохранила имя посланца — Андрей Плещеев. Он помчался в Москву торной дорогой: вдоль Волги до Нижнего Новгорода, а оттуда вверх по Оке — до Мурома. От Мурома дорога шла лесами до Владимира, а дальше, через Юрьев-Польской, на Переяславль-Залесский, Троицкий монастырь, Радонеж — к Москве. (Именно этим путем возвращался домой сам Василий II спустя несколько недель.) Впрочем, Плещеев мог избрать и иной путь: от Мурома вверх по Оке до Рязани и Коломны, а оттуда — в Москву. Но так или иначе, путь его лежал через Муром, перешедший под власть Москвы еще в конце XIV столетия.

Город стоял на высоком, изрезанном оврагами левом берегу Оки, угрюмо поглядывая бойницами своих черных стен в хмурую заречную даль. Внизу катила свои темные воды вспухшая от осенних дождей река. Захлебывались в грязи расползавшиеся по косогорам дороги. Сеяло дождем низкое тусклое небо. Одиноко клинькала монастырская колокольня, созывая на молитву озябших иноков...

Шемякино посольство вместе с ханским послом Бигичем отправилось из Мурома вниз по Оке на судах. Коней погнали табуном вдоль берега. Где-то на полпути между Муромом и Нижним Новгородом великокняжеский гонец

Андрей Плещеев столкнулся с этим отрядом и разговорился с главным табунщиком — неким Плишкой Образцовым. Гонец поведал угличанам о том, что Василий II отпущен на Русь и скоро займет свой законный престол. Те кинулись к берегу и передали весть всему каравану. Дьяк Федор Дубенский — возможно, не без тайного умысла — убедил татарина Бигича вернуться в Муром и там дожидаться прибытия Василия II. Между тем в Муроме уже узнали от того же Андрея Плещеева о возвращении великого князя. Местный воевода Василий Иванович Оболенский распорядился схватить вернувшегося в город Бигича и бросить в темницу. На этом обрывает свой рассказ официальная московская летопись времен Ивана III. Однако на деле все было несколько иначе и куда драматичнее...

Василий II был поистине странным человеком. В его характере угадывалось нечто женское, тревожное и непредсказуемое. Холодноватая кровь флегматичного Василия I причудливо смешалась в его жилах с неистовым темпераментом Софьи Витовтовны. Кажется, что этот человек вечно сражался с самим собой, противопоставляя своей бездарности и неудачливости то безумную отвагу, то изощренное коварство, то почти детскую беспечность. Вот и теперь, возвращаясь из татарского плена, он совершил поступок, который в равной мере свидетельствует как о его беспечной храбрости, так и о холодном коварстве.

Хорошо осведомленная в подробностях событий Ермолинская летопись рисует более детальную и во многом иную, нежели другие летописи, картину расправы Василия II с ханским послом. Когда великому князю донесли об идущем навстречу отряду Бигича, он решил любыми средствами перехватить его. Вероятно, Василий опасался переменчивости ханских симпатий. При помощи Бигича Дмитрий Шемяка мог склонить хана на свою сторону какими-то заманчивыми обещаниями. Да и сам факт прямых контактов удельного князя с Ордой был явным нарушением тех обязательств, которые Галичанин брал на себя в недавнем договоре с Василием II.

Однако прямое сражение с отрядом Бигича и Шемякиными послами было слишком рискованным: хан мог разгневаться, узнав о нападении на его посла. Да и татары, сопровождавшие Василия II, могли броситься на помощь своим соплеменникам. Наконец, и самих боевых сил для сражения с Шемякиным посольством у возвращавшегося из плена Василия II было маловато.

В этой ситуации великий князь решил прибегнуть к хитрости и избавиться от опасных послов без лишнего шума...

Вскоре московские разведчики сообщили о том, что плывущие на судах послы решили сойти на берег для ночлега. Великий князь со своей русской свитой оторвался от татарской части каравана и вплотную приблизился к спящему лагерю. В эту ночь сон татар был непробудно крепким: услужливые муромские наместники на прощанье выслали Бигичу «меду много». Упившийся хмельным «медом», ханский посол стал легкой добычей для воинов Василия II. Они вывезли его из спящего лагеря и доставили в Муром. Из летописного рассказа можно понять, что таинственное исчезновение Бигича его спутники обнаружили только наутро. Вероятно, дьяк Федор Дубенский был подкуплен москвичами и стал соучастником похитителей.

Выведав у Бигича всё, что смогли, муромские воеводы, исполняя приказ Василия II, утопили татарина в Оке. Все было сделано тайно, без огласки. Великий князь, вероятно, заявил о своей полной непричастности к исчезновению ханского посла. (Возможно, он даже возложил ответственность за происшедшее на Дмитрия Шемяку.) Доказать его вину было трудно. Известно, что убийство посла татары считали самым тяжким преступлением. И если бы проделка Василия II стала известна хану — князь навсегда потерял бы всякий кредит в Орде. Но, как бы там ни было, цель москвичей была достигнута: прямые контакты Дмитрия Шемяки с Улу-Мухаммедом оборвались в самом начале.

Весть о возвращении Василия II и неудаче миссии Бигича застала Дмитрия Шемяку на пути в Курмыш. По-видимому, он выехал туда вслед за своими послами и надеялся лично получить от хана ярлык на великое княжение. Князь хотел добиться ханского суда над Василием II и с этой целью посылал Улу-Мухаммеду какие-то документы. Теперь все оказалось напрасным. Колесо Фортуны сделало новый неожиданный поворот. Обманутому в своих надеждах князю Дмитрию приходилось думать не столько о торжественном вступлении на московский престол, сколько о спасении от мести Василия II. Прежде всего следовало укрыться за какими-то надежными стенами. Именно так он и поступил. «А князь Дмитрей, слышав то, бежа к Угличю» (24, 66).

Столь стремительное крушение всех надежд могло сломить кого угодно, но только не Дмитрия Шемяку. Удары

судьбы легко отскакивали от этой крепкой, прикрытой железным шлемом головы. Свое отступление он умел превращать в неожиданное для врага контрнаступление. Однако для открытого мятежа время еще не настало. Вся Москва радовалась возвращению великого князя. На стороне Василия II было и ханское благоволение. Никто еще толком не знал об унижительных условиях, на которых хан отпустил своего пленника. И князь Дмитрий, едва успев затворить за собой ворота Углича, принялся через своих людей разъяснять простодушно радовавшемуся народу, в какую долговую яму посадил всю Русскую землю его незадачливый кузен, целовавший крест на верность «поганой» Орде.

«И тако не улочи мысли своей злодей Шемяка (то есть не получив великого княжения. — *Н. Б.*), но почя крамолу воздвизати и всеми людьми мясти (возмущать. — *Н. Б.*), глаголюще, яко “князь велики всю землю свою царю процеловал и нас, свою братью”» (24, 152). Другие летописи подробнее раскрывают содержание будораживших народ и князей слухов, которые распускал «злодей Шемяка». «Царь на том отпустил великого князя, а он царю целовал (крест. — *Н. Б.*), что царю сидети на Москве и на всех градах Русьских и на наших отчинах, а сам хочет сести на Твери» (24, 67).

Между тем Василий II со своей русско-татарской свитой медленно приближался к Москве. Простояв несколько дней в Муроме, он поехал оттуда во Владимир. Вероятно, здесь состоялось его торжественное возведение на великокняжеский стол по древнему церемониалу — с участием ханских послов. «На Дмитриев день» (26 октября, в день памяти святого Димитрия Солунского) князь Василий прибыл в Переяславль-Залесский. Там его уже ждали княгиня-мать Софья Витовтовна, княгиня Мария Ярославна с сыновьями Иваном и Юрием, московские бояре «и множество двора его от всех градов» (24, 66). Великие княгини и весь московский двор временно перебрались в Переяславль после страшного пожара Москвы 14 июля 1445 года. Теперь настало время возвращаться. Конечно, набожный Василий II не преминул остановиться для благодарственного молебна у гроба преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре. Здесь он «заговел Филипово заговение», то есть встретил 14 ноября — канун сорокадневного Рождественского («Филиппова») поста (24, 66).

В среду, 17 ноября 1445 года, после пятимесячного отсутствия, великий князь Василий Васильевич со всем своим семейством вернулся в Москву. Последствия страшного

пожара всё еще давали о себе знать. Для великого князя даже не нашлось достойного пристанища в Кремле. Он вынужден был остановиться «на дворе матери своея за городом, на Ваганкове; а потом оттоле съиде в град, на двор княже Юрьев Патрикеевича» (24, 66). Село Ваганьково располагалось в полуверсте к западу от Кремля.

Тяжелые обстоятельства, в которых оказалась Москва, не позволяли Василию II сразу по возвращении начать войну против затаившегося в Угличе Дмитрия Шемяки. Однако время работало на великого князя. При первом же удобном случае он не преминул бы отомстить кузену за двойное предательство: уклонение от участия в походе на «царевичей» летом 1445 года и попытку получить московский стол в бытность Василия II в татарском плену. Понимая, что москвичи собираются с силами для удара, князь Дмитрий решил «действовать на опережение». Он принялся изо всех сил раздувать пламя мятежа. Распространяемые им панические слухи напугали многих князей, опасавшихся лишиться своих «столов». Забеспокоился даже обычно рассудительный князь Борис Тверской. Однако кроме полуфантастических слухов, исходивших из Углича, была и невыносимая очевидность: произвол приехавших с великим князем татарских вельмож, небывало тяжкие поборы с населения, предназначавшиеся для уплаты выкупа за освобождение Василия II. Особенно возмущались происходящим самолюбивые москвичи, многие из которых лишились всего во время июльского пожара. Эта катастрофа воспринималась ими как следствие поражения Василия II в битве под Суздалем. Бегство великокняжеской семьи из охваченного паникой города также врезалось в память москвичей. Наконец, многим казалась весьма привлекательной идея, которую отстаивал Дмитрий Шемяка: свергнув Василия II с престола, можно освободиться от необходимости выплачивать всем миром огромный выкуп, который он пообещал хану за свое освобождение из плена.

Василий II, конечно, знал о происках кузена. Но воевать с ним великий князь не имел ни сил, ни желаний. В условиях московского оскудения и всеобщего ропота он попросту боялся начинать новую войну. Ему нужен был мир, и только мир. Именно поэтому Василий и решил еще раз обратиться за поддержкой к Троицкому монастырю, настоятели которого, следуя заветам преподобного Сергия, считали миротворчество своей важнейшей религиозной обязанностью. Впрочем, другим заветом Преподобного был

патриотизм. Некогда он благословил Дмитрия Донского на войну с Ордой. Теперь казалось, что незадачливый внук великого полководца вновь возложил на Русь ярмо ордынского ига. И потому среди троицких старцев крепли настроения в пользу смены великого князя. Одолжавшегося перед татарами Василия II следовало заменить на воинственно гремевшего доспехами Дмитрия Шемяку. И хотя воинская слава удалого Юрьевича несколько померкла после поражения от татар под Белевом, многие по-прежнему считали его самым достойным из внуков Дмитрия Донского. К тому же существовали и давние личные связи между галицким семейством и Троицким монастырем.

Холодная и на редкость снежная зима 1445/46 года была отнюдь не лучшим временем для богомолья к Троице. Однако великий князь не мог допустить, чтобы знаменитый Маковец стал оплотом его врагов. Возможно, его влекло к Троице и чисто личное чувство — желание помолиться о здравии и благополучии княгини Марии, которая незадолго перед тем забеременела. (13 августа 1446 года княгиня родит сына Андрея.)

Для правильного понимания истинных причин тех или иных поступков людей Средневековья необходимо рассматривать их в контексте церковного календаря. Сверять свои действия с месяцесловом — старинный обычай православного народа. Этому обычаю следовали и в крестьянских избах, и в княжеских теремах. Примечательны в этой связи и даты роковой поездки Василия II в Троицу. В воскресенье 6 февраля (Неделя о мытаре и фарисее) начинался круг чтений Постной Триоди — службы, связанные с приближением Великого поста. Во вторник 8 февраля великий князь отпраздновал очередную, 13-ю годовщину своей свадьбы. А в четверг 10 февраля он отбыл из Москвы в Троицу (34, 183). В этот день праздновалась память мученика Харлампия. Этому святому молились о сохранении от внезапной, без покаяния смерти...

Глава 23

ПРЕРВАННОЕ БОГОМОЛЬЕ

Выехав из Москвы в четверг, Василий II рассчитывал прибыть в Троицу в субботу, чтобы встретить здесь Неделю о блудном сыне — второе воскресенье, посвященное подготовке к Великому посту.

Отъезд великого князя из Москвы оказался той самой оплошностью, которой дожидались заговорщики. С этого момента история московской смуты понеслась вскачь, словно прищипанная лихим наездником лошадь. Вот как рассказывает об этом Н. М. Карамзин:

«Еще мера зол, предназначенных судьбою сему великому князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого. Опасаясь Василия, Димитрий Шемяка бежал в Углич, но с намерением погубить неосторожного врага своего, который, еще не ведая тогда всей его злобы и поверив ложному смирению, новой договорною грамотою утвердил с ним мир. Димитрий вступил в тайную связь с Иоанном Можайским, князем слабым, жестокосердным, легкомысленным, и без труда уверил его, что Василий будто бы клятвенно обещал все государство Московское царю Махмету, а сам намерен властвовать в Твери. Скоро пристал к ним и Борис Тверской, обманутый сим вымыслом и страшась лишиться княжения. Главными их наушниками и подстрекателями были мятежные бояре умершего Константина Димитриевича, завистники бояр великокняжеских; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимого: в числе их находились боярин Иван Старков, несколько купцов, дворян, даже иноков. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладеть столицею и схватить великого князя; наблюдали все его движения и ждали удобного случая.

[1446 года] Василий, следуя обычаю отца и деда, поехал молиться в Троицкую обитель, славную добродетелями и мощами Св. Сергия, взяв с собою двух сыновей с малым числом придворных. Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и князю можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали; бодрствовали только изменники и без шума отворили им ворота. Князья вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных бояр, опустошив их дома; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой лавре» (72, 126—127).

Летописцы научили Карамзина мудрому смирению. И вслед за ними наш первый историк и последний летописец поверил в то, что всякий порядок — добро, а всякий

мятеж — зло. «Самодержавие есть палладиум России», — любил повторять он (72, 105). Прекрасно зная все пороки российской власти, Карамзин знал и то, что крушение оной не устраняет тиранию, но лишь как бы размельчает и размножает ее...

Стремясь сохранить в своем повествовании цельность взгляда на мир и трогательную простоту древнего летописца, Карамзин, конечно, вынужден был жертвовать анализом событий, уклоняться от разбора противоречий источников. А между тем подлинная история — как и подлинная жизнь — вырисовывается лишь как равнодействующая множества разнообразных желаний. Пока есть день и пока не настала ночь, всякий человек волнуется, хлопочет, отстаивая свои интересы, свою правду. Но никто не знает, что сулит ему день грядущий и как распорядится его желаниями сокрытое в ночи Провидение...

Летописи, повествующие о московской смуте, в основном относятся ко времени Ивана III. Естественно, Дмитрий Шемяка представлен в них как узурпатор и клятвопреступник. Однако официальные обличения злодея Шемяки не в состоянии скрыть той симпатии, которую невольно вызывал у многих современников этот могучий боец, умевший привлекать к себе людей. Не могут скрыть московские придворные книжники и по-детски беспомощного, потрясающе легкомысленного поведения Василия II в эти роковые дни. Даже получив предупреждение от перебежчика об опасности, тридцатилетний великий князь не сумел спастись от своих врагов.

В воскресенье 13 февраля, во второй половине дня, отряд Ивана Можайского внезапно нагрянул в Троицкий монастырь. Захваченный врасплох и насмерть перепуганный, Василий II стал легкой добычей своих ловцов. В простых крестьянских санях, под надзором одного из иноков, его повезли обратно в столицу. Поздно вечером в понедельник 14 февраля Василий был доставлен в Москву и помещен под стражей на дворе Дмитрия Шемяки. Вновь он оказался в позорной роли беспомощного пленника. Спустя всего полгода повторилась ситуация Суздальской битвы, когда беззаботная самонадеянность московского князя отдала его в руки врагов.

Первым делом Шемяка потребовал у Василия II подлинник секретного договора с татарами, где перечислялись все условия его освобождения. По этому поводу ходили самые фантастические слухи. Так, новгородский летопи-

сец сообщает, что Василий обещал хану за свою свободу 200 тысяч рублей, «а иное Бог весть и они» (27, 189). Пленник отказывался отдать документ, который мог стать главным пунктом обвинения в предательстве интересов Руси. Тогда Шемяка приказал произвести в княжеских покоях тщательный обыск. «И начата искати грамот, какову запись даде хану Улу-Магметю, и обретоша написану: дати за себе 5000 рублей, да дани даяти на всяк год со вся земля Руския со 100 голов 2 рубля» (50, 263).

(Уникальное свидетельство Татищева о найденной грамоте заслуживает доверия. Историк ведет свой рассказ об этих событиях очень близко к тексту Никоновской летописи. Встречающиеся время от времени новые сведения, очевидно, заимствованы им из оригинального списка этой летописи. Список не сохранился до наших дней. Однако его использование заметно и в исторических сочинениях императрицы Екатерины II, в рассказе об истории ранней Москвы.)

Узнав из грамоты подлинную цену освобождения Василия II, князья и бояре пришли в ярость. Действительно, сумма, обещанная хану, была велика. В 1408 году осадивший Москву хан Едигей получил со всего города выкуп в размере 3 тысяч рублей. Ежегодная дань, выплачиваемая Орде великим князем Владимирским, в первой половине XV века колебалась в пределах 5—7 тысяч рублей (10, 49, 74). Как минимум столько же (5—7 тысяч рублей) Северо-Восточная Русь должна была, согласно договору, ежегодно выплачивать Улу-Мухаммеду за своего оплошавшего правителя. В сущности, речь шла о восстановлении обычных регулярных платежей в прежних размерах, но с выплатой своего рода «штрафа» (в размере годовой дани) за освобождение Василия II. Вся соль заключалась в том, что в эти годы ордынская дань, судя по всему, уже перестала выплачиваться. Из одного междукняжеского договора в другой тщательно переносился пункт о том, что в случае прекращения выплаты великим князем Владимирским общерусского «выхода» удельные князья имеют право присвоить свою долю платежей. Такой поворот событий был для всех заветной мечтой. Теперь с этой мечтой приходилось расстаться. Платить предстояло всем и помногу.

Именно финансовые споры и были главной причиной постоянных столкновений с ханом Улу-Мухаммедом в 1443—1445 годах. Ссылаясь на неурожай и голод, князья, по-видимому, отказывались платить обычный «вы-

ход». В роли главного «отказника» и патриота выступил, конечно же, Дмитрий Шемяка. Не желая отставать от своего соперника по части популярных во всех слоях общества антитатарских настроений, Василий II против воли втянулся в войну с ханом, которому он обязан был престолом. Хан не желал идти на уступки и отвечал набегами на пограничные области, нападениями на Муром, Нижний Новгород, Владимир и Суздаль. Великий князь вынужден был отвечать на удар. Что же касается бравого Юрьевича, то он — проигравший Белевский бой и не явившийся на Суздальский — был, кажется, более силен в словесных битвах и обличениях московского князя, нежели в сражениях с татарами в чистом поле.

Тот факт, что Василий II пообещал татарам возобновить выплату дани и дать особый выкуп за собственное освобождение, был очевиден для всех. Не могли же в самом деле привыкшие торговать русским «полоном» татары отпустить столь знатного пленника просто так! Невозможно было великому князю и умолчать о том, что интересовало всех — о сумме «выкупных платежей». Секрет заключался в другом. Сумма, названная Василием II после возвращения из татарского плена, кажется, не соответствовала действительности. Удельные князья, и в первую очередь Дмитрий Шемяка, сразу же заподозрили Василия II в обмане. Названную им сумму платежей они посчитали нарочито завышенной. В действительности хан мог потребовать гораздо меньших денег: в этом случае разницей между собранным и уплаченным великий князь мог бы существенно пополнить свою казну. Впрочем, возможен был и другой вариант обмана. Опасаясь всеобщего возмущения, Василий II мог назвать заниженную сумму; на деле же платить предстояло больше и дольше. Так или иначе, князья чуяли обман и требовали предъявить им подлинный текст договорной грамоты. Василий II до своего пленения отказывался это сделать, ссылаясь на то, что договор был устным. Бояре и духовные лица из числа тех, кто был с Василием II в плену, клятвенно подтверждали заверения своего патрона.

Приведенный В. Н. Татищевым уникальный эпизод с отысканием договорной грамоты — ключевой для правильного понимания всей ситуации. Без него описанные летописями драматические события февраля 1446 года как бы рассыпаются и теряют логическую связь. Летописцы времен Ивана III не посмели прямо сказать о том, что поводом для ослепления Василия II было обвинение его в обмане

народа и своей «младшей братии», князей, относительно политических и финансовых условий освобождения. Эту идею взял на вооружение Дмитрий Шемяка. Еще до захвата Москвы в феврале 1446 года он распускал слухи о том, что согласно тайному соглашению Василия II с ханом татары получают в управление все русские города, а сам великий князь Владимирский перенесет свой престол из Москвы в Тверь. Эти слухи, падавшие на почву всеобщего недоверия к Василию II и страха перед татарами, обеспокоили даже такого хорошо информированного человека, как тверской князь Борис Александрович. Есть сведения, что он присоединился к заговору против Василия (36, 200).

Однако справедливо ли было предъявленное Василию II обвинение? Источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Ясно лишь, что в этой истории одна ложь накладывалась на другую. Василий II лгал относительно условий своего освобождения «в лучшую сторону». Шемяка противопоставлял этому свои домыслы. Позднейшие летописцы, очерняя поверженного Шемяку, выставляли его злостным клеветником.

Но вернемся к рассказу Татищева. В нем есть еще немало любопытных подробностей. Итак, искомая грамота (или фальшивка, изготовленная по приказанию Дмитрия Шемяки и подброшенная в покои великого князя) была найдена. Ее содержание обличало Василия II в обмане. То, что говорил Василий о своих обязательствах перед Ордой, существенно отличалось от того, что содержалось в его договоре с Улу-Мухаммедом. Когда текст грамоты был оглашен, раздался вопль всеобщего негодования. «И князь Иван (Андреевич Можайский. — *Н. Б.*), видя сие, рече: “Почто верихом бояром его и чернцем не любящим?” Но тии, клянущесе, рекоша, яко словом тако обеща, и советоваху убити его. Но князь Иван и друзии мнози реша Димитрию: “Аще сие учиниши, то веждь, яко вси князи рустии востанут на тя; и аще Василий недобре живет и люди своя всея Руския земли не бережет и обидит, то возьми великое княжение, а ему дамы (дадим. — *Н. Б.*) удел твой, и того вси будем стрещи, дане востанет паки на тя и не мстит”. Но князь Димитрий с бояры московскими и чернцы уложиша ослепити его...» (50, 263).

Итак, разъяренный Дмитрий Шемяка обратил свой гнев на бояр и клириков Василия II. Те просят снисхождения, оправдываясь тем, что великий князь принудил их ко лжи. Одновременно они требуют его казни. Однако

эта идея встречает сильные возражения со стороны князя Ивана Можайского. Он пугает Шемяку возмущением всех русских князей небывалой мерой наказания. В действительности убийства своих сородичей были не таким уж редким явлением среди Рюриковичей. В XIII—XIV веках такое случалось среди рязанских и смоленских князей. Порой грешили этим и московские князья. Юрий Данилович в 1306 году убил в Москве своего пленника рязанского князя Константина Романовича, а позднее сам был убит в Орде своим троюродным братом Дмитрием Михайловичем Тверским. Однако милосердие весьма жестокого в других случаях Ивана Можайского имело свою подоплеку: лично для него ситуация постоянного соперничества между Василием II и Дмитрием Шемякой была оптимальной. В этих условиях он мог с выгодой продавать свою поддержку то одной, то другой стороне.

Возможно, простоватый и впечатлительный Шемяка поддался красноречию Ивана Можайского и вправду убоился прослыть братоубийцей, новым Святополком Окаянным. Впрочем, Шемяке и не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы просчитать развитие событий в случае убийства Василия II. Все враги галицкого семейства немедленно объединятся вокруг сыновей Василия, которые в тот момент скрывались неизвестно где. Помимо двух старших сыновей, Ивана и Юрия, беременная княгиня Мария могла вскоре произвести на свет еще одного сына — наследника и мстителя за отца. Таким образом, решением проблемы могло стать только полное уничтожение всего семейства Василия II. А для этого следовало хотя бы для начала собрать его под одной крышей. Именно этим Шемяка и должен был заняться в последующие недели.

Два дня победитель размышлял, как ему лучше распорядиться судьбой Василия II, сохранив ему жизнь. Действительно, задача была не из легких. Опыт прежних событий показывал, что нельзя отпускать Василия II на удел, взяв с него клятву верности победителю. В этом случае московская знать быстро вернула бы его на престол. Но и просто держать Василия в темнице было крайне опасно не только из-за переменчивости настроений московской толпы, но также и в силу неясной позиции хана Улу-Мухаммеда, который мог внезапно явиться на выручку своему протезе.

Таким образом, необходимо было убрать Василия II из Москвы и навсегда лишить его возможности претендовать на великокняжеский престол, но при этом сохранить ему

жизнь. Единственный способ решения этой политической головоломки был подсказан Шемяке самим Василием. В бытность великим князем он стал использовать для расправы со своими врагами жестокую византийскую казнь — ослепление. Жертвами этой казни стали бояре Иван Дмитриевич Всеволожский и Григорий Протасьевич, а также старший из Юрьевичей, князь Василий Косой. Вероятно, для вынесения столь страшного приговора Шемяка устроил нечто вроде суда с участием представителей всех слоев населения Москвы. Ненависть к низложенному правителю была в этот момент столь сильна, что провести подобное действие не стоило большого труда. Летописи сохранили даже нечто похожее на текст «обвинительного заключения». Князья-заговорщики упрекают схваченного Василия II: «Почто еси тотар привел на Рускую землю, и города дал еси им и волости в кормленье? А тотар любишь и речь их любишь паче меры, а хрестьян томишь без милости, а злато и сребро тотарам даешь, и именье великое; и за то и гнев (князей. — *Н. Б.*), что ослепил Василья Юрьевича» (27, 189).

Итак, настало время для бедного Василия II убедиться в верности слов Того, кто предупреждал: «Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам» (Мк. 4: 24). Какой же наивностью или самонадеянностью нужно было обладать, чтобы в столь переменчивое время пренебречь этим грозным предупреждением!

В ночь с 16 на 17 февраля 1446 года Василий II был ослеплен в московском доме Дмитрия Шемяки.

Некоторые летописи сообщают страшные подробности этой казни. Дмитрий Шемяка велел своим людям приступить к делу. Они отправились в комнату, где находился князь Василий, набросились на него, повалили на пол и придавили доской. Конюх по прозвищу Берестень ножом ослепил князя, при этом сильно поранив ему лицо. Сделав свое дело, палачи ушли, оставив потерявшего сознание Василия «яко мертва» лежать на залитом кровью ковре (31, 260).

Пережитая трагедия удивительным образом возвышает человека. Из кровавой купели Василий II вышел уже не тем жалким неудачником, каким он был прежде. На его изуродованное ножом конюха лицо лег отсвет загадочной славы древних страстотерпцев Бориса и Глеба. В его трагической слепоте, в темной повязке, навсегда скрывшей верхнюю часть его лица, современники узрели нечто большее. На сцене русской истории появился неповторимый и по-своему величественный персонаж — Василий Темный.

Глава 24
ССЫЛКА

Князь Иван Можайский, захвативший Василия II и его бояр в Троицком монастыре, был настолько поглощен выполнением своей главной задачи, что как-то позабыл о малолетних детях великого князя. Оба княжича — шестилетний Иван и пятилетний Юрий — находились в монастыре вместе с отцом. В начавшейся суматохе верные слуги спрятали детей в каком-то укромном месте. На их счастье, Иван Можайский не стал задерживаться в обители. Со своей драгоценной добычей он поспешил назад, в Москву, где его с нетерпением ожидал Дмитрий Шемяка. Единственное, что успели сделать можайцы, — это дочиста ограбить людей из свиты Василия II. Недавних спесивых придворных, по свидетельству летописца, «нагих попушаша» (24, 69). Едва ли это всего лишь метафора: в ту скудную пору даже одежда была немалой ценностью...

Черные всадники исчезли в снежной мути так же стремительно, как и появились. Но и после отъезда можайцев детям Василия пришлось еще несколько часов просидеть в своем убежище. Их доброхоты смогли объявиться только с наступлением темноты. На то были свои причины. Троицкие иноки, судя по всему, сильно недолюбливали Василия II и сочувствовали восстанию Шемяки. Обнаружив княжеских детей, они могли отправить их в Москву вслед за отцом.

Под покровом темноты верные слуги вывели обоих княжичей из монастыря. Пробиваясь сквозь снежные заносы, маленький отряд двинулся на восток, в сторону Юрьева-Польского. Там, в селе Боярове, находился центр обширной вотчины братьев Ряполовских. Потомки младшего сына Всеволода Большое Гнездо, князя Ивана Стародубского, они дотоле были скромными статистами русской истории. Теперь настал их «звездный час». Старший из братьев, князь Иван, был, по свидетельству летописи, «дядькою» (воспитателем) княжичей Ивана и Юрия (31, 260). Вместе с братьями Семеном и Дмитрием он решил спасти сыновей Василия II от опасности. Что двигало этими людьми: благородный порыв или дальновидный расчет? Любовь к Василию II или ненависть к Дмитрию Шемяке? Не знаем. Ибо нет у истории большей тайны, чем тайна причин, по которым совершает человек то или иное свое деяние...

Взявшись спасать княжеских детей, Иван Ряполовский должен был подыскать для них более надежное убежище,

нежели свой боярский двор. Поразмыслив, он собрал своих людей и вместе с княжичами двинулся на юг, в Муром. Они обошли стороной Владимир и благополучно достигли цели. Выбор Рязполовского вполне понятен: муромские воеводы еще совсем недавно захватили Шемякиных послов и потому не могли рассчитывать на его милость. Кроме того, из Мурома было рукой подать до кочевий хана Улу-Мухаммеда, который мог со своей ордой прийти на помощь Василию II или же, по меньшей мере, предоставить убежище его сыновьям. А пока муромская крепость была приведена в боевую готовность на случай нападения сил Дмитрия Шемяки.

Князья Рязполовские оказались далеко не единственными представителями знати, отказавшимися признать победу галицкого семейства. Внук героя Куликовской битвы Владимира Серпуховского и шурин Василия II, князь Василий Ярославич Серпуховской, не желая поклониться Галичанину и предчувствуя скорую опалу от него, бежал в Литву. К нему присоединился известный воевода, князь Семен Иванович Оболенский. Обоих с почетом принял польский король Казимир IV (1446—1492), предоставивший беглецам в управление Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Туда же устремился и другой непреклонный сторонник Василия II — воевода Федор Басенок.

Между тем Дмитрий Шемяка, ослепив Василия II, распорядился отправить его в заточение «на Углич», где еще недавно сам мятежник жил в качестве удельного князя (33, 152). Одновременно он торжественно взошел на московский великокняжеский престол. Львовская летопись сообщает, что и то и другое произошло 3 февраля 1446 года (31, 260). Дата явно ошибочная: Василий был ослеплен лишь две недели спустя, 16 февраля. Однако эта ошибка, допущенная переписчиком, составлявшим новую летопись на основе старой, обветшавшей, может вывести на подлинную дату события. В древнерусских рукописях принято было буквенное обозначение цифр. Цифра 3 обозначалась буквой «Г». В стершемся от времени тексте ее можно было спутать с буквой К, обозначавшей цифру 20. Все прочие цифры от 16 до 28 (возможный диапазон дат в феврале 1446 года) обозначались двумя буквами, и здесь ошибка была гораздо менее вероятна. Итак, высылка Слепого и интронизация Дмитрия Шемяки, скорее всего, состоялись 20 февраля. В 1446 году это было воскресенье — обычный день для всякого рода торжественных церемоний, сопровождавшихся большим стечением народа.

Найденная дата хорошо вписывается в исторический контекст. Действительно, Галичанин спешил возложить себе на голову заветный венец. Только тогда он мог с полным основанием распоряжаться судьбой низложенного Василия II и его семейства, карать своих врагов и награждать друзей. С 21 по 27 февраля 1446 года тянулась веселая Масленица — лучшее время для нового правителя показать народу и знати свою щедрость, смыть хмельным медом оскомину от совершенного злодеяния. А 28 февраля начинался неумолимый, как возмездие, Великий пост...

В Угличе, под надзором Шемякиной дворни, Василий оказался в полной изоляции. Единственным утешением для него оставалась княгиня Мария Ярославна, которую отправили в Углич вместе с мужем. Мать Василия, княгиня Софья, поначалу была сослана в подмосковную Рузу. Однако вскоре ее перевезли в более надежное место — сначала далекий Галич, а потом еще более далекую Чухлому.

Разобравшись с главными врагами, Дмитрий Шемяка занялся и малолетними сыновьями своего соперника. Старший из них, Иван, имел всего шесть лет от роду. Однако он мог стать своего рода знаменем для всех врагов галицкого семейства. Ведь и сам Дмитрий Донской начал борьбу за великое княжение, когда ему едва исполнилось девять лет.

Новому московскому правителю не хотелось затевать поход на Муром для поимки двух сбежавших от него мальчиков. Такое предприятие выглядело бы просто смешно. Кроме того, на помощь Мурому могли нагряться татары Улу-Мухаммеда. Поразмыслив, Шемяка решил обратиться за помощью к рязанскому епископу Ионе. Вероятно, Иона участвовал в интронизации Галичанина. Теперь ему было предложено отправиться в Муром, который входил в состав Рязанской епархии, и забрать оттуда сыновей Василия II. Шемяка клялся отправить детей к родителям, а самого низложенного великого князя отпустить на удел. За успешное выполнение этого деликатного поручения он посулил владыке скорое восхождение на митрополичью кафедру.

На дворе уже была весна. Иона отправился в Муром водным путем, по Москве-реке и Оке. Прибыв в город, он вступил в переговоры с окружавшими княжичей боярами, убеждая их согласиться на предложение Шемяки. Очевидно, многие из съехавшихся в Муром и сами склонялись к какому-то примирению. Первый благородный порыв угас,

а унылая реальность состояла в том, что вскоре на них могло двинуться все московское войско во главе с новым великим князем. Татары погрязли в собственных смутах и интересовались русскими делами лишь в смысле новых грабительских набегов. Москва присягнула на верность Галичанину, а все его сильные противники бежали в Литву. Мог ли Муром в одиночку выстоять против всей Северо-Восточной Руси?

В итоге хитроумные бояре предложили Ионе своеобразный компромисс. Он должен был торжественно, в городском соборе принять княжеских детей «под свою епитрахиль», то есть гарантировать им безопасность и свое покровительство. После этого они все вместе отправятся в Переяславль-Залесский, где находился тогда Дмитрий Шемяка.

Приняв все условия, Иона повез княжичей Ивана и Юрия ко двору Шемяки. В пятницу 6 мая 1446 года они прибыли в Переяславль. Два дня Галичанин праздновал успех и угощал прибывших из Мурома духовных лиц и бояр. Ему было от чего веселиться. Теперь вся семья Василия II находилась в его руках. Сторонники Василия — кто добровольно, кто под страхом темницы — присягнули на верность новому великому князю.

На третий день он велел отправить детей в сопровождении владыки к отцу в Углич. Ни о каком самостоятельном уделе для Василия Темного или его сыновей речи уже не велось. Разговоры за плотно прикрытыми дверями шли совсем о другом. По сообщению Львовской летописи, князь Дмитрий склонялся все же к мысли о расправе не только с Василием, но и с его сыновьями. Из Переяславля в Углич княжичей собирались отправить водным путем: через Плещеево озеро — в Нерль Волжскую и далее Волгой до самого Углича. Там, в разлившейся по весне Волге, и должны были они закончить свой короткий земной путь. Шемяка предлагал детей своего соперника «топити... в реце в Волзе, в мехи ошивши» (31, 260). Однако этот замысел натолкнулся на резкое сопротивление епископа Ионы и потому не был осуществлен...

Спустя несколько дней Иона вернулся из Углича, доставив детей к родителям. На сей раз Галичанин сдержал слово. Архиерею велено было отправиться в Москву и взять на себя управление всей Русской митрополией. Посох святителя Петра после пятнадцатилетнего перерыва обрел, наконец, нового владельца. О том, что испытали дети,

впервые увидев своего ослепшего отца, и что испытали родители, которым позволили взять к себе в темницу детей, источники не сообщают...

«Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию и, в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякине, доныне употребительной», — писал Н. М. Карамзин (72, 129). Понятно, что историк не мог говорить спокойно, коль скоро речь заходила о мятежнике. Но так ли уж злонравен был победивший Галичанин?

О деятельности Дмитрия Шемяки в качестве московского князя в 1446—1447 годах известно очень мало. Сообщается, что он отправил своих «поклонщиков» на Волхов и вскоре был признан новгородцами великим князем Владимирским (33, 189). Однако помимо Новгорода у победителя существовало множество других проблем. Подобно многим лидерам, пришедшим к власти на волне всеобщего недовольства прежним режимом, Шемяка плохо представлял себе будущее. Его кипучая энергия была пригодна главным образом для разрушения. Скучная повседневная работа, многочасовое сидение с боярами, сложные интриги в Орде, наконец, вкус и готовность к спокойной жизни — все это было ему совершенно чуждо.

(Впрочем, он успел провести денежную реформу и стал чеканить в Москве монеты облегченного веса по образцу галицких. На этих монетах Шемяка велел поместить изображение всадника с копьем, надписи «Дмитрий-осподарь» и даже «Осподарь всея земли Русской» (69, 113). Неурядицы с денежной системой, падение покупательной способности монет начались еще при Василии II. Шемяка только ухудшил положение своими новшествами.)

Любитель героических экспромтов, князь Дмитрий при других обстоятельствах, возможно, стал бы известным полководцем. Однако, втянувшись в жестокую борьбу с московским семейством, он быстро растерял свои собственные достоинства, но при этом не сумел приобрести достоинств своих соперников. В итоге он делал одну ошибку за другой, быстро увеличивая ряды своих врагов.

«Видно, что с вокняжением Шемяки нарушилась привычная система политических взаимоотношений на Руси», — констатировал известный исследователь той

эпохи Л. В. Черепнин (120, 796). Нервно ощущая слабость своих позиций в Москве, князь Дмитрий принял настоячиво искать дружбы с Новгородом, но этим сильно обеспокоил тверского князя Бориса Александровича. И уж совсем непонятным для московского боярства было неожиданное благоволение нового великого князя к суздальским князьям, которым он решил вернуть их упраздненный еще Василием I независимый престол. Но главная ошибка Шемяки состояла все же в другом. Он не сумел найти общий язык с московскими боярскими кланами, не сумел сохранить ту сложную систему прав и обязанностей, почестей и привилегий, мест за столом и в княжеском совете, которая складывалась десятилетиями и обеспечивала правителю лояльность всего московского правящего класса.

Сложнейшей задачей было примирение старой московской знати с теми людьми, которые издавна служили Шемяке. Именно здесь, в этом крайне деликатном вопросе, требовались качества, которыми Галичанин явно не обладал: предусмотрительность и осторожность, хитрость и расчетливость. Выросший в провинции, он плохо знал отношения московского двора и не имел учителя, который мог бы исправить этот недостаток. К тому же он был слишком горд, чтобы учиться вещам, которые всю жизнь старался презирать.

А между тем среди московских вельмож неуклонно крепили настроения в пользу Василия Темного. Бояре то целыми партиями бежали в Литву к изгнаннику Василию Ярославичу Серпуховскому, то начинали сплетать заговоры с целью похитить великокняжеское семейство из Углича. А в самом Кремле Шемяку открыто попрекал обманом нареченный митрополит Иона, настойчиво требовавший отпустить Слепого на удел. О том же просили и другие иерархи, созданные для совета в Москву летом 1446 года.

Устав от этой доуки, Галичанин решил уступить. В сентябре 1446 года он отправился в Углич и там в присутствии всего двора и архиереев торжественно примирился с кузеном. Церемония была приурочена к одному из двенадцати важнейших церковных праздников — Воздвижению Креста Господня (14 сентября). Диалог победителя и побежденного получился довольно странный. Князь Василий публично покаялся в «беззакониях многих», поблагодарил Шемяку за доброту: «...достоин есмь был главныа казни (отсечения головы. — *Н. Б.*), но ты, государь мой, показал

еси на мне милосердие, не погубил еси мене с безаконии моими, но да покаюся зол моих» (24, 71).

Трудно сказать, поверил ли Шемяка покаянию своего пленника, да и насколько искренним было это покаяние. Возможно, оно являлось лишь средством убедить московскую знать в том, что в случае своего возвращения на престол Василий II не станет мстить всем тем, кто был причастен к его низложению. Ведь само это низложение он теперь признавал справедливым и законным...

Впрочем, люди Средневековья легко впадали в экзальтацию и были куда более несдержанными в своих эмоциях, чем наши современники. Покаяние и самобичевание издавна рассматривались Церковью как высшая добродетель. Проливаемые при этом обильные слезы служили верным знаком искренности чувств и Божьего прощения. И Василий, и Дмитрий, стоя в храме за праздничной службой, перед Крестом Господним, могли совершенно искренне чувствовать и выражать раскаяние — а через день могли столь же искренне точить нож друг на друга.

Итог угличского примирения состоял в том, что Василий II получил наконец свободу. В качестве удела Дмитрий Шемяка дал ему далекую Вологду — древнее новгородское владение, перешедшее в конце XIV века под власть московских князей. (Как свидетельствует московско-новгородский Яжелбицкий договор 1456 года, владения Новгорода в Вологодской земле сохранялись и в середине XV века (5, 40).) Уже один этот выбор убеждает в том, что Шемяка очень мало доверял покаянным слезам своего двоюродного брата и, несмотря на слепоту, считал его потенциально опасным.

Вологда никогда прежде не была центром удела. В силу своей отдаленности, малонаселенности и оторванности от политических отношений среднерусского Центра Вологда едва ли могла стать опорой Василия II, если бы он решился начать мятеж против верховной власти Шемяки. Кроме того, вологодские земли соседствовали с костромскими, что давало Галичанину важные стратегические преимущества в случае новой войны.

Предоставив своему пленнику чисто символический удел, князь Дмитрий одновременно потребовал от Василия самых крепких клятв в верности, подтвержденных публичным целованием креста. Все прибывшие в Углич епископы во главе с нареченным митрополитом Ионой выступили поручителями за нерушимость клятв Василия II.

Наконец все церемонии и сборы подошли к концу. 15 сентября караван изгнанника тронулся в далекий путь. Вместе с ним ехали уже не два, а три сына. Во время угличского плена (13 августа 1446 года, в день памяти святого Андрея Стратилата) княгиня Мария Ярославна родила сына, нареченного Андреем (31, 260).

Отпустив Василия Темного из-под стражи и предоставив ему свободу передвижения, Дмитрий Шемяка, что называется, «пустил шуку в реку». В истории Византии ослепление низложенного правителя навсегда лишало его перспектив вернуться на престол. Считалось, что высшая власть несовместима с каким-либо серьезным физическим недостатком. Однако оказалось, что на Руси и слепой правитель имеет будущее. Все, кто по той или иной причине не хотел служить Галичанину, потянулись ко двору вологодского изгнанника. Повторялась ситуация 1433 года, когда отпущенный Юрием Звенигородским в Коломну Василий быстро собрал вокруг себя множество людей, недовольных правлением нового великого князя. Сам Василий Темный с первых же дней на свободе начал устанавливать связи со своими доброхотами и собирать силы для дальнейшей борьбы. Трудно сказать, что толкало его на этот путь: властолюбие или жажда мести? страх перед новыми гонениями или стремление сохранить престол за своим сыном Иваном? Вероятно, все эти чувства в той или иной мере сплетались в его темной душе.

Дождливой осенью 1446 года затерянная в северных лесах тихая Вологда вдруг ожила и закипела множеством невиданных гостей. Низложенный великий князь Василий с семейством, московский двор, челядь, многочисленные доброхоты изгнанника — вся эта пестрая публика теснилась на подворьях, шумела в кабаках, звенела оружием в уличных стычках. Повсюду слышны были проклятия по адресу злодея Шемяки, отправившего великого князя в столь непригожее для его звания место.

Московские летописи дружно рисуют картину всеобщего возмущения вологодской ссылкой Василия. «...И подоша к нему множество людей со всех стран, князи и бояляре, и дети боярьские («дети боярские» — низший слой знати, предшественники дворян. — *Н. Б.*) и молодые люди, кто ему служивал, и паки кто не служивал, вси, иже зряще на нь, плакахуся тако велика государя, честна и славна по многим землям, видяще в толице беде суща» (33, 153). «Несть бо лзе такому государю в таковой далней пустыни заточену быти: слышав же то, бояря князя великого и дети

боярские и люди многие побегоша от князя Дмитрия и от князя Ивана к великому князю» (24, 71).

Еще недавно бранившая Василия за бездарность, жестокость, унижение перед татарами, небрежение о Руси, московская знать вдруг горячо возлюбила его. Такое превращение выглядит довольно подозрительно с точки зрения здравого смысла. Впрочем, здравый смысл далеко не всегда определяет поведение человека вообще и человека Средневековья в особенности. К тому же мы многого не знаем о подоплеке всей этой истории. Так, например, источники не сообщают, продолжал ли Шемяка собирать дань, обещанную Василием II татарам.

Из далекого Галича сумела переслать наказ Василию его ссыльная мать (50, 265). Она требовала продолжить борьбу. Многоопытная Софья Витовтовна хорошо понимала, что для ее сына тихая, как кладбище, Вологда может быть лишь краткой остановкой на распутье двух дорог, одна из которых ведет на Москву, а другая — на тот свет. И чем хуже шли дела у Шемяки в Москве, тем скорее он мог отдать приказ убить Слепого. Сторонникам Василия нужно было действовать быстро, но осторожно, не испортив дела торпливой опрометчивостью.

Прежде всего князь Василий постарался как можно быстрее выбраться из той клетки, в которую его посадил Шемяка. Он сообщил своему тюремщику о намерении съездить на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, расположенный в полутора сотнях верст к северу от Вологды. Эта знаменитая обитель была основана в конце XIV столетия учеником и собеседником преподобного Сергия Радонежского игуменом Кириллом Белозерским. По своему духовному авторитету она занимала второе место после Троицкого монастыря. Желая усыпить подозрительность Шемяки, князь Василий ссылался на то, что, находясь в заточении, он дал обет в случае избавления совершить паломничество в Кириллов монастырь. Для князя Дмитрия, отец которого имел особое почтение к преподобному Кириллу, состоял с ним в переписке и искал личной встречи, такое желание должно было звучать вполне убедительно. Кажется, он и не выразил каких-либо возражений против поездки Василия. Однако московские сторонники Слепого скоро поняли тайный смысл этого богомолья и толпами устремились на север, в дальнюю обитель. Пробраться туда (от Волги вверх по реке Шексне) было гораздо легче, чем в окруженную дозорами Шемяки Вологду.

ПОБЕГ

Кирилловское богомолье было лишь частью широкого замысла, который должен был вернуть Василию московский престол. Одновременно тайные гонцы были отправлены к тверскому князю Борису Александровичу и к серпуховскому князю Василию Ярославичу, находившемуся тогда в Литве. Вероятно, послан был надежный человек и в Кириллов монастырь для предварительных переговоров с игуменом Трифоном. Василий сообщал со своим намерением вновь вступить в борьбу и просил о помощи.

Все эти тайные пересылки были, конечно, смертельно опасным делом. Василий Темный знал о том, что среди окружавших его людей были и осведомители Дмитрия Шемяки. Одного доноса или перехваченного письма было бы достаточно для катастрофы. Горький опыт недавнего прошлого требовал крайней осторожности. Поэтому князь Василий, по свидетельству В. Н. Татищева, «вся сия тако тайне содевая, яко ни княгине его о том ведусчи, токмо сам и тии посланнии» (50, 265).

И вот уже среди лесов открылась даль. Черными копьями поднимались над серой равниной озера храмы обители преподобного Кирилла. Столбом вставал дым над трубой знаменитой кирилловской поварни: там готовили скромное монастырское угощение для именитого гостя и его многочисленной свиты. Но всего этого благодатного покоя князь Василий видеть уже не мог...

В монастыре Василий Темный пробыл недолго. Здесь он получил ответ от тверского князя Бориса Александровича. Тот звал его к себе в Тверь, обещал предоставить убежище и всяческую поддержку. (Кажется, Борис Тверской был недоволен тем, как повел дела Дмитрий Шемяка, став великим князем. И потому он решил «переменить фронт».) Кирилловский игумен Трифон своей духовной властью освободил Слепого от клятвы, данной им Дмитрию Шемяке. «А игумен Трифон и ин старец свят, именем Симан Карлсмазов, и со всею братьею, благословиша князя великаго пойти на великое княжение на Москву, а ркуше: “Буди твой грех на нас, еже еси целовал (крест. — Н. Б.) неволю”» (33, 153).

В Львовской летописи речь игумена Трифона к Василию II изложена, по-видимому, наиболее точно. «Игумен же Трифон и со всею братьею благослови великаго князя

и с его детьми на великое княжение, а ркучи так: “тот грех на мне и на моей братии головах, что еси целовал (крест. — *Н. Б.*) и крепость давал князь Дмитрею; и поиди, государь, с Богом и с своею правдою на великое княжение, на свою отчину на Москву, а мы Господа Бога молим и благословляем”» (31, 260). Здесь выражена самая суть многолетней вражды потомков Дмитрия Донского: каждый отстаивал свою правду. У каждого были основания считать себя правым. Но кто мог сказать, чья правда была тяжелее на весах Всевышнего? Эту ключевую нравственную проблему той эпохи — проблему отсутствия приемлемой для всех «правды» — пытался разрешить еще преподобный Кирилл Белозерский, писавший великому князю Василию I о необходимости уважать чужую «правду». Но в жизни достичь этого было невозможно. Одна «правда» наталкивалась на другую, подминала ее под себя или разбивалась об нее, подобно тому как бились друг о друга льдины на весенней Волге под Угличем. И все они — и те, что раскололись, и те, что уцелели, — медленно уплывали куда-то в сумеречную даль...

Из монастыря князь Василий с семейством в конце октября — начале ноября 1446 года отправился не назад, в Вологду, а вперед — в Тверь. Здесь ему был оказан теплый прием. Князь Борис Александрович Тверской отличался осторожностью и дальновидностью. Свой союз с изгнанником он обусловил династическим браком: старший сын Василия Иван должен быть обручен с дочерью Бориса Марией. Тверская летопись утверждает, что инициатива помолвки исходила от родителей жениха: «...а сами ее сватили» (25, 493). Другие летописи представляют дело иначе: помолвка Ивана с Марией была непременным условием тверской помощи Василию (31, 260; 41, 44).

Жениху в момент обручения было около семи лет. Этот будущий брак должен был символизировать примирение вечных соперников — Москвы и Твери. Когда-то такую же идею пытался осуществить московский князь Семен Гордый, женившийся третьим браком на тверской княжне Марье Александровне. Однако тогда дело окончилось неудачей: эпидемия чумы унесла и самого Семена, и его «тверское» потомство. Теперь предстояла вторая попытка...

Понимая, что Василий II, как никогда, нуждается в поддержке Твери, князь Борис Александрович потребовал передать ему Ржева — сильной крепости на северо-западной окраине Московского княжества, рядом с тверскими землями. Это ему было обещано. Передача Ржева, входив-

шего тогда в состав удельных владений Дмитрия Шемяки, князю Борису Тверскому делала последнего вечным врагом Галичанина.

Между тем в Москве скоро узнали о действиях Василия Темного. Дмитрий Шемяка опасался неожиданного наступления на Москву объединенных сил Василия и его тверского покровителя. Он понимал, что время работает на его врагов. Надеясь устроить тверского князя, а в случае войны — как можно раньше сразиться с ним, Галичанин покинул Москву и вместе со своим союзником Иваном Можайским занял стратегически выгодную позицию возле Волоколамска, неподалеку от тверского рубежа. Отсюда через Микулино Городище шла торная дорога из Москвы на Тверь. Здесь, по свидетельству летописи, войска Шемяки простояли весь Рождественский пост («Филиппово говение») — с 15 ноября по 25 декабря 1446 года (33, 154).

Сторонники Василия II, бежавшие от Шемяки в Литву, также узнали о происходящем. Сплотившись вокруг князя Василия Ярославича Серпуховского, они двинулись к Твери. Туда же шли и служившие Василию татары под началом двух сыновей хана Улу-Мухаммеда — Кайсыма (Касыма) и Ягупа. На сторону Слепого переезжали и многие московские ратники из войска Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского. «И побегоша от них вси людие во Тверь к великому князю, развие остались их людие, галичане и можаичи» (33, 154).

Тверское «сидение» князя Василия было отмечено одной блестящей военной операцией. Изгнанник решил повторить дерзкий рейд Шемяки в феврале 1446 года, завершившийся захватом Москвы. Он отправил на Москву небольшой отряд (около сотни всадников) под началом боярина Михаила Борисовича Плещеева и тверского боярина Льва (17, 320). Благодаря своей малочисленности, а также тщательной разведке вражеских позиций отряд Плещеева незаметно прошел мимо дозоров Шемяки. В ночь на Рождество Христово (25 декабря 1446 года) посланцы Слепого, воспользовавшись оплошностью стражи, беспрепятственно проникли в Москву. Вся городская верхушка находилась на всеношной в Успенском соборе. Наместник князя Дмитрия, некий Федор Галицкий, едва успел бежать из города. Видные сторонники Шемяки и Ивана Можайского были схвачены, а их имущество разграблено. (Свою жену Софью Дмитриевну Шемяка предусмотрительно отослал в Галич в самом начале этой войны.) Горожане присягнули

на верность своему прежнему правителю — Василию Васильевичу.

Между тем князь Дмитрий продолжал стоять на Волоке, разоряя южные окраины тверских земель. Кажется, он находился в полной растерянности и не знал, что предпринять. Люди и власть вытекали из его рук, словно песок сквозь пальцы. Некоторые историки считают Шемяку выдающимся полководцем. Если это и так, то бессмысленное шестинедельное стояние на Волоке было самой гусклой страницей в его послужном списке.

Глава 26

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К январю 1447 года положение Шемяки стало крайне опасным. Из Твери от князя Бориса прибыл посол Александр Садык. Борис требовал в течение недели прекратить войну и подчиниться Василию II. Взбешенный Шемяка велел схватить тверского посла (17, 320). Однако ярость не могла заменить силу. Со всех сторон к стану на Волоке Ламском стягивались вражеские силы. С севера, из Твери, двинулся с тверской подмогой Василий Темный. С ним шел и сам тверской князь Борис. С запада, из Литвы, приближалось ополчение Василия Ярославича Серпуховского, соединившееся с татарами Кайсыма. С юга, от перешедшей на сторону Слепого Москвы, также можно было ожидать внезапного удара.

Опасаясь попасть в западню, князь Дмитрий увел свою поредевшую рать от Волока к Угличу. Стремительные зимние марши с небольшим, подвижным отрядом — это была его стихия.

Василий II решил лишить врага всех его точек опоры. Московско-тверское войско направилось вдоль Волги к Угличу. Памятуя о горьком опыте недавнего прошлого, князь Василий отправил свою княгиню Марию Ярославну в Москву. Ее присутствие в городе должно было стать гарантией возвращения на московский престол самого Василия.

Целью Василия Темного были полный разгром галицко-можайской коалиции и пленение ее вождей. Их дальнейшая судьба рисовалась весьма печально. В лучшем случае обоих князей ожидало пожизненное тюремное заключение. Ожесточение борьбы достигло наивысшего предела.

Князь Дмитрий не рискнул защищать Углич. Оставив там своих воевод, он вновь ускользнул из железных объятий Слепого. Путь его лежал в родной Галич. Там, на самой кромке бескрайнего Севера, он был практически неуловим для преследователей.

Между тем войска Василия II совместно с тверскими воеводами Борисом Захарьичем и Семеном подступили к Угличу. Одна из главных баз Шемяки должна была быть уничтожена. Вероятно, у Слепого были и свои личные счеты с городом, в котором он провел полгода в качестве узника.

Понимая, что пощады им не будет, угличане целую неделю защищались с отчаянием обреченных. Летопись сообщает, что при штурме Углича сложил голову один из самых преданных сторонников Василия Темного — бывший нижегородский воевода Юшко Драница. Однако превосходство осаждавших было подавляющим. У Слепого имелись даже пушки, которые прислал ему для штурма Углича вернувшийся в Тверь князь Борис Александрович (25, 493). Этим «нарядом» командовал знаменитый тверской мастер Микула Кречетников. «Таков беяше той мастер, но яко и среди немец не обрести такова» (17, 320). Во время осады к войску Василия II присоединился наконец и отряд Василия Ярославича Серпуховского, пришедший из Литвы. Не выдержав сокрушительного обстрела деревянного города из орудий, Углич пал. Это случилось, вероятно, незадолго до праздника святителей Афанасия и Кирилла Александрийских (18 января).

После взятия Углича тверские пушкари распрошались с Василием Темным. Их ожидал новый поход — на Ржев. После тяжелой трехнедельной осады и этот оплот Дмитрия Шемяки был сокрушен. Князь Борис Александрович, лично руководивший ржевским походом, вступил в покоренный город «о великом заговении», то есть около 19 февраля 1447 года. 17 февраля Церковь праздновала память великомученика Феодора Тирона. Вероятно, в ознаменование взятия Ржева князь Борис той же весной «церковь поставил святаго Феодора» (25, 493). Одновременно он предпринял большие работы по усилению тверской крепости. Расположенный под ее стенами, на островке в устье речки Тьмаки, Федоровский монастырь был перенесен на новое место, а сам островок превращен в своего рода княжеский замок, окруженный со всех сторон водой. Вероятно, этот замок должен был стать надежным прибежищем князя в случае пожара или внезапного захвата Твери каким-нибудь супо-

статом. Московские события 1446 года заставляли князя Бориса учитывать и такую возможность. Он понимал, что отныне имеет лихого Галичанина своим злейшим врагом и может в любое время подвергнуться его внезапному набегу. (Такой набег, но не на Тверь, а на Кашин, Дмитрий Шемяка действительно совершит в сентябре 1452 года.)

Уход тверской артиллерии существенно ослабил силы Василия Темного. Однако война продолжалась. С Василием остались тверские воеводы Борис Захарыч и Семен. Они вернулись в Тверь только «на Федоровой неделе» — с 20 по 26 февраля 1447 года (17, 326). От Углича князь Василий двинулся к Ярославлю. Город открыл ему свои ворота. В Ярославле к Слепому явились и припозднившиеся где-то татарские «царевичи» Кайсым и Ягуп.

Дмитрий Шемяка не стал долго задерживаться в Галиче. По-видимому, он ожидал, что Василий II вот-вот явится сюда со своим многочисленным войском. Из Галича Шемяка поехал на север, в Чухлому, где находилась в ссылке мать Василия, Софья Витовтовна. Прихватив с собой старую княгиню (которой было уже не менее семидесяти лет!), Шемяка из Чухломы «побеже на Каргополе» (24, 73). Оттуда, из Каргополя, уже было рукой подать до заонежских владений Великого Новгорода. На Волхове Галичанин мог переждать тяжелые времена, а в случае ухудшения ситуации — уйти во Псков или же в Литву. Там неизменно с охотой принимали всех врагов правившего в Москве великого князя.

Но если для Шемяки главная задача состояла в том, чтобы пробраться окольными путями в Новгород, то москвичи, напротив, должны были приложить все силы, чтобы не упустить беглеца. Понимая это, Галичанин ожидал, что воеводы Василия II попытаются перехватить его где-нибудь в районе Вологды. Такой вариант его вполне устраивал: в лучшем случае он надеялся внезапным ударом разгромить московскую заставу (как это сделал в 1435 году его старший брат Василий Косой), а в худшем — откупиться от преследователей, выдав им в обмен на свободный проезд княгиню Софью.

Однако Василий II не стал расплывать свои силы в рискованной погоне за Дмитрием Шемякой, который хорошо ориентировался в бескрайних северных лесах и был способен на внезапные контратаки. Вместо погони князь Василий отправил из Ярославля к Галичанину своего боярина Василия Федоровича Кутузова с посланием. Тот нашел

Шемяку уже в Каргополе. Содержание великокняжеского послания сводилось к просьбе освободить из плена княгиню Софью. Летописец сохранил исполненные ядовитой насмешки слова послания: «Брате князь Дмитрий Юрьевич! Коя тебе честь или хвала, что держишь у себе мать мою в полону, а свою тетку? Чем сим хочешь мне мститися? А яз уже на своем столе, на великом княжении...» (24, 73).

Отправив гонца к Шемяке, Василий II недолго пробыл в Ярославле. Ему хотелось поскорее вернуться домой, в Москву. В пятницу, 17 февраля 1447 года, он вновь вступил под гулкие своды Успенского собора московского Кремля. Ровно год назад, в ночь с 16 на 17 февраля 1446 года, князь Василий был ослеплен на московском дворе Шемяки. Прошел год — и вот он вновь воссел на свой поруганный трон. В этом совпадении дат современники должны были увидеть волю Провидения. Сам Всевышний правил Василию путь к престолу...

Заканчивалась Сырная неделя — Масленица. Приближалось «великое заговенье». Покаянные обряды Прощеного воскресенья давали Василию отличную возможность публично примириться с московской знатью, простить боярам их измены и самому повиниться в грехах недавнего прошлого. Традиционные масленичные пиры стали достойным завершением всей успешной военной кампании против Галичанина. С началом Великого поста войско было распущено, и жизнь в Москве стала входить в обычную колею.

Некоторое время спустя на Боровицкий холм пришла радостная весть. Дмитрий Шемяка, поразмыслив, решил отпустить княгиню Софью. Вероятно, он искал путей к примирению с Василием II. Отпустив княгиню в Москву, Шемяка дал ей в провожатые отряд под началом своего боярина Михаила Сабурова.

Великий князь поехал навстречу своей престарелой матери. Они пребывали в разлуке уже более года. Встреча произошла в Троицком монастыре.

Вероятно, именно тогда в обители на смену игумену Досифею, который был, по-видимому, связан с Галичанином, пришел Мартиниан Белозерский. Из Жития Мартиниана известно также, что Василий Темный назначил его своим исповедником — «духовным отцом». Настоятель маленького Ферапонтова монастыря, затерянного в лесах Белозерья, Мартиниан стал известен великому князю во время его кирилловского богомолья. Вместе с кирилловским

игуменом Трифоном он помог Василию снять невидимые оковы «крестоцелования» и благословил его на борьбу с Шемякой.

Из Троицы княгиня Софья направилась не в Москву, а в Переяславль. Очевидно, она любила этот город, где не раз переживала трудные времена. Доставивший Софью боярин Михаил Сабуров не поехал назад к Шемяке, а остался слушать Василию II.

После тревожных событий 1446 года и начала 1447 года наступило затишье. Однако Василий Темный не терял времени даром. В 1447—1448 годах он вел сложную дипломатическую игру, целью которой была политическая изоляция Дмитрия Шемяки. Щедрыми пожалованиями новых владений и льгот была достигнута лояльность удельных князей. В понедельник 19 июня 1447 года Василий II подписал договор со своим кузеном князем Михаилом Андреевичем Верейско-Белозерским. Тот клялся: «И быти ми, господине, с тобою с великим князем везде заодин» (10, 127). Такое же обещание содержится и в договоре Василия II с князем Василием Ярославичем Серпуховским (10, 132), заключенном одновременно с первым. На Ильин день, 20 июля 1447 года, был заключен московско-рязанский договор. Князь Иван Федорович Рязанский также клялся быть верным «младшим братом» Василия Темного (10, 143).

Отношения Василия II с Дмитрием Шемякой были определены в договоре, заключенном летом 1447 года. Текст его не сохранился, однако суть ясна из других источников. Шемяка признавал кузена «старшим братом» и клялся не затевать против него какого-либо зла. Тем же летом, 11 июня, была составлена «перемирная грамота» между Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским, с одной стороны, и Василием Серпуховским и Михаилом Верейским — с другой. Князья заявляли о прекращении войны. Условия мира затрагивали интересы не только этих четверых, но и пятого — великого князя Василия II. Василий Серпуховской и Михаил Верейский выступали как представители его интересов. Галичанин и Иван Можайский обещали вернуть Василию II похищенные ими из великокняжеской казны ценности и документы. Дмитрий Шемяка признавал утрату Углича и Ржева. Оба мятежника оговаривали невозможность своего приезда в Москву, «доколе будет у нас в земле отец наш, митрополит» (10, 141). Только под гарантии безопасности, данные митрополитом, они готовы были явиться в Москву для личной встречи с Ва-

силием II. Однако рязанский епископ Иона, считавшийся наиболее достойным кандидатом, все еще не был возведен на митрополичью кафедру. Эта ситуация требовала какого-то решения. Но серьезность вопроса заставляла Василия II действовать очень осторожно и взвешивать каждый шаг. На престоле святителя Петра ему нужен был верный человек...

Осенью 1447 года сын и наследник Улу-Мухаммеда «царь казанский Мамутек» отправил своих татар в набег на Владимир, Муром и другие русские города. Ходили слухи, что татар призвал на русские земли Дмитрий Шемяка. Для отпора грабителям из Москвы была послана рать. Кажется, эта скоротечная война с татарами завершилась без особых потерь. Однако она переполнила чашу терпения высшего духовенства, которое на сей раз решительно встало на сторону Василия Темного.

29 декабря 1447 года пять епископов (Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Иона Рязанский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский) обратились к Шемяке с грозным посланием, требовавшим полного подчинения великому князю. Они упрекали Галичанина в том, что, вопреки договору с Василием, он до сих пор не возвратил вывезенную им из Москвы великокняжескую казну и архив. Но главное — он по-прежнему интригует против Василия, ссылаясь с Великим Новгородом, удельными князьями и казанскими татарами. Уподобившись царю Ироду, он готовит новое кровопролитие. «И та христианская кровь вся на тебе же будет», — заключали иерархи (47, 115). В случае отказа немедленно подчиниться Василию и исполнить условия договора они грозили Шемяке отлучением от церкви.

Дата обнародования столь важного документа была избрана не случайно. В этот день Церковь вспоминала «святых младенцев, от царя Ирода избивенных»...

Неизвестно, какое впечатление произвело на Шемяку обращение епископов. Однако для Василия Темного это был хороший козырь. Теперь он имел моральное право взяться за оружие. Прогнав татар и оставив во Владимире для дозора своего юного сына Ивана с боярами, Василий II использовал собранное войско против Дмитрия Шемяки (35, 269). Зимой 1447/48 года московская рать во главе с самим великим князем двинулась на Галич. Остановившись в Костроме, Слепой начал переговоры с Шемякой.

(Именно к этому моменту московской усабицы относится примечательное своей непосредственностью замечание новгородского летописца: «И стояху (Василий и

Шемяка. — *Н. Б.*) против себе о реце о Волге, а новгородци не вступишася ни по одному; а земли Русьской останок истратиша межю собою бранячися...» (27, 190.)

Жизнь научила Василия не торопиться и побеждать врагов постепенно, шаг за шагом вытесняя их из круга. Вот и теперь он удовлетворялся тем, что Галичанин под самыми страшными клятвами обязался «не хотети... ни коего лиха князю великому, и его детем, и всему великому княжению его и отчине его» (22, 121). Едва ли великий князь поверил в искренность и твердость обещаний Шемяки. Однако важная промежуточная цель была достигнута: отныне их роли поменялись, и в случае нового столкновения роль презренного клятвопреступника явно выпадала Галичанину.

Раннюю Пасху 1448 года (24 марта) Василий Темный встречал в Ростове. Кажется, он любил этот город с его древними святынями и малиновым перезвоном колоколов, гостеприимным владычным двором и бескрайним, как море, сонным озером. Владыка Ефрем дал великому князю сразу два пира подряд: один в воскресенье, на Пасху, а другой — на следующий день, в честь праздника Благовещения. После этого князь Василий с войском двинулся назад, в Москву. Через пять дней, «в неделю Фомину» (22, 121), он уже въезжал в Белокаменную.

Лето и осень 1448 года прошли мирно. Впрочем, для войны время было малопригодное: на Северо-Восточную Русь накатила волна эпидемии и эпизоотии. «А на лето бысть мор на кони и на всяку животину, и на люди был, да не мног» (22, 121). Осень принесла новые тревоги: 1 сентября «пал снег» (25, 494).

Вероятно, именно летний «мор» и стал причиной (или поводом?) смерти Василия Косого, томившегося в московской тюрьме с 1436 года. После захвата Москвы Дмитрием Шемякой в феврале 1446 года Василий Косой, конечно, был освобожден, но скорее всего оставлен в Москве под присмотром. Внезапный захват Москвы силами Василия Темного 25 декабря 1446 года вновь превратил князя Василия в узника. Летописи предельно кратко сообщают о его кончине: «Того же лета преставися князь Василей Юрьевич слепой и положен бысть в церкви Архангела Михаила на площади» (31, 261).

Смерть уравнивала победителей и побежденных. И сколько бы ни враждовали потомки Дмитрия Донского при жизни, после кончины они мирно ложились бок о бок в семей-

ной усыпальнице — построенном еще Иваном Калитой белокаменном Архангельском соборе...

Печальная судьба старшего брата могла бы послужить предупреждением для Дмитрия Шемяки. Однако он был не из тех, кто умеет учиться на чужих неудачах. И не о таких ли, как он, искателях приключений сказано было мудрым царем Соломоном: «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?» (Притч. 6: 27—28).

Глава 27

АВТОКЕФАЛИЯ

В конце 1448 года Василий II созвал наконец съезд епископов, главной темой которого было соборное поставление нареченного митрополита Ионы на кафедру. Оригинальность этого замысла состояла в том, что со времен Крещения Руси глава Церкви утверждался константинопольским патриархом. Только после этого он становился полноправным первоиерархом. Избрание митрополита собором русских епископов не противоречило церковным канонам, однако нарушало древнюю традицию и, в сущности, означало разрыв с патриархатом. Флорентийская уния 1439 года и история с митрополитом Исидором сильно уронили авторитет Константинополя в глазах московских «ревнителей православия». Однако иерархи понимали и другое. Утратив связь с константинопольским патриархом, они не только отступали от «заветов мудрой старины», но и оставались один на один с московской великокняжеской властью, тяжелую руку которой дал почувствовать еще Дмитрий Донской. Все это заставляло иерархов весьма осторожно относиться к идее автокефалии (то есть «самоглавия», организационной самостоятельности) Русской церкви.

В декабре 1448 года в Москве собрались владыки, возглавлявшие крупнейшие епархии, — Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский. Ровно год назад они выступили с обличением Дмитрия Шемяки. Теперь им предстояло новое ответственное дело: избрать на митрополию наместенного великим князем на эту роль рязанского владыку Иону. Новгородский архиепископ Евфимий и тверской владыка Илья лично не явились, но прислали грамоты с согласием

на избрание Ионы. В воскресенье 15 декабря 1448 года состоялась официальная церемония избрания Ионы первым русским автокефальным митрополитом.

(Святитель Иона до конца своих дней вынужден был доказывать сомневающимся законность своего возвышения. В завещании он говорит об автокефалии: «И сие убо створи сын наш великий князь не кычением (кичливостью. — *Н. Б.*), ни дрзостию, но и поучение (попечение. — *Н. Б.*) имеа о православной же христианьстей вере и своего спасения ища» (49, 651). Однако многие — и в их числе высоко чтимый московской знатью игумен Пафнутий Боровский — отказывались признать законность принятия Ионой митрополичьего сана. Иона вынужден был искать управы на Пафнутия у самого великого князя Василия II (43, 191).)

Первое, что сделал Иона в новом качестве, — возвел ростовского архиепископа Ефрема в сан архиепископа. Летописец объясняет это тем, что некогда ростовский владыка Феодор, племянник преподобного Сергия, получил сан архиепископа от константинопольского патриарха. Теперь митрополит Иона дал тот же сан владыке Ефрему. Такое скоропалительное повышение слишком похоже на заранее условленную награду. Не этот ли Ефрем был руководителем «избирательной кампании» Ионы? Недаром же Василий II провел с ним два памятных дня в марте 1448 года на ростовском владычном дворе...

Возведя Иону на митрополичий престол, Василий II вправе был ожидать от него полной лояльности. Новый митрополит не замедлил ее выразить. «По поставлении своем на митрополию Иона разослал окружную грамоту, обращенную к князьям, боярам, воеводам и всему “христоименитому людству” об изменах князя Дмитрия и отлучении, наложенном на него всем освященным собором, если он возобновит свои покушения на великого князя, “на христианское нестроение и кровь”» (94, 403).

Весна 1449 года была на редкость ранней. Весеннее тепло волновало кровь. Дмитрий Шемяка, не выносивший долгого безделья, решил отбить у Василия II свою давнюю опорную базу — Кострому. Отсюда в случае успеха он мог начать очередное наступление на Москву. Конечно, начиная эту войну, Шемяка нарушал обещания и клятвы, которые он дал Василию II при заключении мира в Костроме зимой 1447/48 года. Но, может быть, и его, как недавно Ва-

сила, освободил от страшных клятв какой-нибудь верно-подданный игумен?

За два года перед тем, в начале 1447 года, Василий II одолел Шемяку при помощи тверского князя Бориса Александровича. На сей раз Слепой едва ли мог рассчитывать на поддержку тверичей. 25 марта 1449 года, в самый праздник Благовещения, Тверь стала жертвой ужасающего пожара. Тверская летопись так говорит о его последствиях: «...погоре град Тверь, и стена вся, и князя великого двор, и церкви и двори вси; а зажгли его Ростопчины дети, Иванко да Степура. А зажгли его у Вользких ворот пониже, на низ по Вълзе; а загорелся на раней зоре...» (25,494). Называя имена поджигателей, летописец не сообщает, в чьих интересах они действовали. Однако вполне вероятно, что к пожару Твери приложил руку Дмитрий Шемяка. Сведение счетов с помощью «красного петуха» было обычным явлением в ту эпоху. Сожжением Твери Шемяка отомстил князю Борису за измену — переход на сторону Василия и захват Ржева. Но еще важнее было то, что тверской пожар, а также тяжба Бориса Тверского с королем Казимиром IV, отнявшим у него Ржев, лишали великого князя главного союзника в той новой войне, которую готовился начать весной Галичанин.

На Пасху (13 апреля) князь Дмитрий подступил к Костроме, «преступив крестное целование и проклятые на себя грамоты» (24, 74). Однако взять город оказалось не просто: Василий II оставил там сильный гарнизон под началом своих испытанных приверженцев — князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского и Федора Басенка. С ними были «многие дети боярские, двор великого князя» (24, 74).

Выражение «двор великого князя» некоторые историки предлагают понимать так, что Василий Темный усиленно распространял среди своих сторонников служилое землевладение и формировал свой «двор» главным образом из «детей боярских» — дворян, владевших поместьями. Если это так, то следует признать, что уже первые дворяне сражались за своего государя весьма усердно. Им удалось продержаться в Костроме до подхода основных сил великого князя. Василий II не только сам появился под Костромой во главе большого войска, но и привел с собой митрополита Иону и епископов. Иерархи должны были публично уличить Шемяку в нарушении крестного целования.

Не желая сражаться под стенами Костромы, где сидел московский гарнизон, Дмитрий Шемяка двинулся навстречу Слепому. У села Рудина, под Ярославлем, два войска

встретились на широком поле. Казалось, вот-вот начнется кровопролитная битва. Однако дерзкому напору и воинскому счастью Шемяки Василий II и на этот раз противопоставил не только мощь своих объединенных сил, но также искусство тонкой интриги. Зная, что важной частью сил Галичанина является дружина Ивана Можайского (часто менявшего фронт и незадолго перед тем вновь взявшего сторону Шемяки), Василий привел под Кострому его младшего брата — князя Михаила Андреевича Верейского. Тот вступил в переговоры с братом и склонил его оставить Галичанина. Взамен великий князь обещал увеличить владения князя Ивана, прибавив к ним Бежецкий Верх. Узнав об измене своего союзника, Шемяка счел за лучшее заключить перемирие и вернуться в Галич.

Летом 1449 года Василий Темный вновь отправился из Москвы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Вероятно, поездка была приурочена к 5 июля — дню обретения мощей преподобного Сергия. В отсутствие супруга (26 июля) княгиня Мария Ярославна родила ему шестого сына, нареченного Борисом (31, 261). (Пятый сын, Симеон, родившийся в 1447 году, умер в младенчестве.) Имя младенцу, как обычно, подсказал месяцеслов. 24 июля церковь вспоминала первых русских святых — князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. В этот день, 24 июля 1015 года, князь Борис пал жертвой наемных убийц, подосланных его братом Святополком Окаянным. Выбор имени для княжеского сына подчеркивал и те родственно-союзнические отношения, которые сложились у Василия Темного с князем Борисом Александровичем Тверским.

Между тем на юго-восточные области Московской Руси вновь нагрянули татары. (Некоторые летописи относят этот набег к осени 1450 года.) Внезапность нападения позволила им дойти до речки Пахры в ближнем Подмоскowie. Спасло положение только вмешательство служивших Василию II татар под предводительством Кайсыма. Покинув свой лагерь под Звенигородом, они так же внезапно ударили на растерявшихся от такой неожиданности грабителей. «И с коими стретился (Кайсым. — *Н. Б.*), тех бил и полон отымал; они же, видев то, бежаша назад» (24, 75).

Несмотря на атаку Кайсыма, татарам удалось увести множество пленных, среди которых оказалось даже несколько боярынь, проводивших лето в своих подмосковных вотчинах, в том числе княгиня Марья, жена князя Василия Ивановича Оболенского — любимого воеводы Василия II.

Хрупкий мир между Василием Темным и Дмитрием Шемякой продержался всего лишь до осени 1449 года. По началу Василий решил взять Галич стремительной атакой сравнительно небольшого отряда под началом князя Василия Ярославича Серпуховского. Однако доброхоты Шемяки успели заранее известить его об этом предприятии. Галичанин спешно вывез жену и сына Ивана в Новгород, а сам вернулся назад. Раздосадованный неудачей, Василий II с началом зимы предпринял большой поход на Галич. Когда московские войска подходили к Костроме, пришла весть о том, что Шемяка бежал из Галича к Вологде. Слепой приказал изменить направление и вместо Галича идти по реке Костроме, а затем вверх по Обноре на север, в сторону Вологды. Однако Галичанин словно издевался над москвичами. С полпути он повернул назад и возвратился в Галич. Тогда и князь Василий повернул войско назад, к Галичу. Обосновавшись в Ивановском монастыре у села Железный Борок на реке Костроме, великий князь велел своим воеводам идти вперед и взять Галич штурмом. Общее руководство осадой он поручил князю Василию Ивановичу Оболенскому.

Глава 28

ВЗЯТИЕ ГАЛИЧА

Взятие Галича было весьма трудной задачей. Крепость находилась над городом, на вершине холма, крутой склон которого спускался к Галичскому озеру. Два других склона обрывались глубокими оврагами. Последний, отлогий склон, обращенный к равнине, был укреплен валом и рвом. Здесь находился главный въезд в крепость. Мощная дерево-земляная твердыня была выстроена в Галиче еще во времена Юрия Звенигородского. Теперь в ней находился сильный гарнизон, командовал которым сам Дмитрий Шемяка.

Войско князя Оболенского появилось под стенами Галича 27 января 1450 года. С большим трудом московские воины вскарабкались по обледенелым скатам холма вверх, к главным воротам крепости. Там их уже ждал Дмитрий Шемяка со своими полками. Галичанин понимал, что затяжная оборона переполненной людьми крепости не сулит ему ничего хорошего. На этом пути его подстерегали многие опасности: голод, болезни, измена собственных приближенных. Шемяку могла спасти только немедленная

победа над уставшими с дороги и еще не освоившимися на местности москвичами. К этому же подталкивал князя и его неистовый бойцовский темперамент.

На другой день на поле перед крепостью произошло решающее сражение. Галичане как могли поддерживали своих воинов со стен. «И начаша пръвое с города пушки пушати, и тюфяки, и пищали и самострелы, но ни во что же се бысть им» (22, 122). Князь Оболенский предусмотрительно поставил московские полки достаточно далеко от стен крепости, чтобы они не пострадали от галичской артиллерии. Все решалось на поле, в кровавой сумятице рукопашного боя, под серым январским небом...

«И бысть сеча зла и поможе Бог великому князю: многих избиша, а лучших всех изымаша руками, а сам князь (Дмитрий Шемяка. — *Н. Б.*) едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился» (24, 75). Судьбу сражения решило не только численное превосходство московской рати, но также ее более высокая боевая выучка и лучшее вооружение. В то время как у «сермяжников»-галичан (над бедностью которых посмеивался еще митрополит Фотий, приезжавший в Галич на переговоры с князем Юрием Дмитриевичем в 1425 году) основной силой было кое-как вооруженное пешее ополчение, — москвичи действовали преимущественно в конном строю. В состав московской рати входили и служилые татары царевича Кайсыма, пугавшие непривычных к сражению с «погаными» галичан своими дикими воплями и невероятной ловкостью в седле.

Согласно свидетельству В. Н. Татищева, исход боя решила смелая атака московского воеводы князя Дмитрия Рязполовского. Во главе «двора» великого князя он в разгар битвы бросился в центр галицкого войска. Напор «дворян» был столь сильным, что армия Шемяки оказалась расщепленной на две части. Тогда князь Василий Иванович Оболенский во главе пешего полка надавил на левый фланг неприятеля, а татарская конница «царевича» Кайсыма — на правый. Галичане дрогнули. Их смятение усилилось, когда они поняли, что сам Дмитрий Шемяка бежал с поля боя. Москвичам оставалось только закончить дело беспощадным истреблением обратившихся в бегство воинов Шемяки (50, 268—269).

Остатки разбитого галицкого войска укрылись в крепости. Дмитрий Шемяка с небольшим отрядом, как призрак, растаял на лесных просторах Заволжья. Лишь два месяца спустя он вдруг объявился в Новгороде...

(Новгородская летопись сообщает, что Шемяка прибыл в Новгород «месяца априля в 2 день, в среду на Вербной недели» (27, 192). Однако этот день пасхального цикла указывает не на 1450-й, а на 1449 год. В 1450 году среда Вербной недели приходилась на 25 марта — праздник Благовещения. Очевидно, летописец вычислил дату 2 апреля позднее, при очередной переработке текста, исходя из того, что данное известие с указанием только дня пасхального цикла содержалось в статье 6957 года. Таким образом, Шемяка торжественно въехал в Новгород, где его всё еще многие считали законным великим князем, на праздник Благовещения — 25 марта 1450 года. Понимая, чем может обернуться для Новгорода дружба с мятежником, архиепископ Евфимий в том же году начал «покрипивати» (укреплять. — *Н. Б.*) новгородскую крепость — Детинец (27, 192).)

Василий Темный получил весть о битве под Галичем, вероятно, уже на другой день. Он велел отслужить благодарственный молебен в монастырском храме во имя Иоанна Предтечи. После этого Слепой приказал отвезти его в Галич. Засевшие в крепости горожане, узнав о прибытии великого князя, сдались. «Он же, град омирив, и наместники своя посажав по всей отчине той, и поиде к Москве» (24, 75).

К Масленице (7 марта) победитель был уже в Москве и до начала Великого поста успел отпраздновать с боярами успешное завершение галичского похода. Несомненно, взятие Галича было решающим успехом Василия II в его последней тяжбе с Дмитрием Шемякой. Теперь окончательная победа Слепого уже мало у кого вызывала сомнения. И эта определенность, разумеется, умножала ряды его сторонников.

Между тем Москва понемногу поднималась после многих тяжких испытаний последних лет. Оживает каменное строительство — верное свидетельство экономического благополучия. Летом 1450 года богатый купец Владимир Ховрин поставил на своем дворе каменную церковь Воздвижения Честного Креста. Прежняя, также каменная церковь, стоявшая на этом месте, распалась во время страшного пожара в июле 1445 года, «по Суздальщине» (24, 75). Теперь, пять лет спустя, купец сумел наконец отстроить храм заново. Это был хороший признак: Москва возродилась после нескольких лет упадка.

Как это обычно бывало в ту эпоху, каменный храм должен был служить памятником какому-то выдающемуся событию. На это событие указывало уже само посвящение

храма празднику Воздвижения, который по церковному календарю приходился на 14 сентября. Именно в этот день, 14 сентября 1446 года, Василий II был освобожден из заточения в Угличе.

Летом 1450 года развернулись строительные работы и на митрополичьем дворе. Святитель Иона заложил здесь каменную палату, дополненную год спустя церковью Положения ризы Божией Матери. Это редкое посвящение связано было с соответствующим византийским церковным праздником. Император Лев Великий в 469 году поместил во Влахернском монастыре (в пригороде Константинополя) принесенную из Иерусалима ризу и пояс Богородицы. С тех пор эти святыни пользовались величайшим уважением у греков, веривших в то, что они способны уберечь город от врагов.

Из Византии праздник Ризоположения (2 июля) перешел и в древнерусские месяцесловы. Он стал органической частью того истового почитания Божией Матери, которым со времен Андрея Боголюбского отличалась Северо-Восточная Русь. Во Владимире и Новгороде Ризоположенские церкви были устроены как надвратные. Они венчали главные городские ворота. Теперь церковь Ризоположения появилась и в Москве...

Лето 1450 года было богато и грозными знаменами. Люди по-прежнему жили в страхе перед неведомыми бедствиями, перед новыми проявлениями гнева Божьего. 5 августа «бысть туча велика на Москве и гром страшен, и порази церковь камению соборную Архангела Михаила» (24, 75). А через неделю сильная буря сломала крест на том же Архангельском соборе. В этих небывалых ударах стихии по усыпальнице московских князей москвичам чудился какой-то грозный небесный знак...

Глава 29

ЦАРЕВИЧ МАЗОВША

По-прежнему много тревог приносила Руси степная угроза. Отношения Москвы со Степью превратились в запутанный клубок противоречий и обид. Золотая Орда на глазах распалась на несколько самостоятельных государств: Казанское ханство, Крымское ханство, Большая Орда в Нижнем Поволжье. Каждое из них считало именно себя законным наследником Золотой Орды и требовало от

Москвы уплаты прежней дани. Великому князю приходилось либо снижать размер дани, делить ее поровну между «наследниками», либо иметь дело с кем-то одним, относясь к прочим как к самозванцам. И в том и в другом случае обиженные степные «цари» и «царевичи» гневались на Москву, мстили ей внезапными набегами. (Вероятно, их подталкивали к этому и внутренние враги Василия II, желавшие ему поражений, позора и плена.) Московские войска вынуждены были всё лето стоять на южной границе в ожидании очередной стремительной атаки. На фоне этого тревожного «безнарядья» тихие для Москвы времена всемогущего хана Узбека и смиренномудрого Ивана Калиты могли показаться воистину «золотым веком».

Летом 1450 года Василий Темный был в Коломне. Здесь его и застала весть о приближении татар. На сей раз на Русь шел какой-то «Малымбердей улан и иные с ним князи со многими татараы» (22, 123). Ниже Коломны по Оке находились земли, которые Василий II дал своему служилому «царевичу» Кайсыму, сыну Улу-Мухаммеда. Вероятно, именно оттуда и подоспели «свои поганые». По приказу Василия II они соединились с коломенским ополчением и двинулись навстречу степнякам. «На Бетюкове реце в поле» хищники были настигнуты и разбиты. Использование одних татар против других, широко практиковавшееся Василием II, оказалось весьма удачным изобретением.

На следующий год история повторилась. Однако на сей раз развязка оказалась далеко не столь счастливой. В конце июня в Москву пришла весть о том, что татары вновь замыслили набег на русские земли. Летопись называет происхождение этих «скорых татар»: «Того же лета прииде весть к великому князю, что идет на нь изгоном из Седи Ахметевы орды царевич Мазовша» (22, 123). Василий II, как это часто случалось с ним перед лицом опасности, стал действовать с какой-то нервной торопливостью. Он кинулся с небольшим отрядом на юг, к Коломне, «не успев собраться». По дороге он получил новую весть: татары уже подошли к Оке и скоро могут начать переправу. Это известие перепугало Василия, слишком хорошо знавшего, что такое татарский плен. Он остановился и с полдороги повернул назад, в Москву. Все находившиеся с ним силы он отдал под начало коломенского наместника князя Ивана Звенигородского, которому приказано было идти к Оке и попытаться задержать татар на переправе. Однако воевода ослушался приказа и, поддавшись панике, также повернул назад, к Москве.

29 июня, в день памяти апостолов Петра и Павла, Василий Темный находился в Кремле. На другой день он покинул Москву и вместе со старшим сыном, одиннадцатилетним Иваном, поехал на север, в сторону Волги. Повторялась ситуация 1439 года, когда князь Василий, после краткой вспышки пылкой отваги, бежал из Москвы от нашествия хана Улу-Мухаммеда. Тогда все кончилось пожаром, испепелившим московский Кремль...

Свою жену, княгиню Марью Ярославну, «с меньшими детьми» великий князь летом 1451 года отправил в Углич. Оттуда в случае опасности они могли быстро уйти за Волгу. Примечательно то, как Василий Темный стремился «рассредоточить» свою семью в опасной ситуации. Очевидно, он опасался не только татар, но и нового мятежа своих недругов внутри страны.

В Москве полным ходом шли приготовления к осаде. В городе помимо бояр Василий II оставил свою мать Софью Витовтовну, второго сына — Юрия и митрополита Иону. Сидел в осаде и ростовский владыка Ефрем, прибывший в город по каким-то церковным делам.

Между тем татары, подойдя к броду через Оку, некоторое время не могли поверить, что переправа никем не охраняется. Они опасались засады и тщательно осматривали окрестности. С изумлением убедившись в том, что переправа действительно свободна, Мазовша повел свою орду вглубь московских земель. В пятницу 2 июля 1451 года татары обступили Москву. Горожане истово молились Божией Матери: наступил праздник Ризоположения, и многие верили, что именно заступничество Богородицы снова спасет Москву от татар.

В суматохе москвичи не успели вовремя сжечь все деревянные постройки вокруг Кремля. Обычно это делалось для того, чтобы нападавшие не имели подручных средств для штурма крепости. Бревна, доски, жерди — все это использовалось осаждавшими как для прикрытия от стрел осажденных, так и для устройства «примета» — длинных лестниц и приспособлений, по которым можно было вскарабкаться на высоту крепостных стен. Очевидно, москвичи спохватились и подожгли городской посад лишь в последний момент, когда татары подошли к городу. Впрочем, это могли сделать и татары, грабившие брошенные дома. Уже много дней стояла жара, и деревянные дома вспыхнули как свечки. Окрестности Кремля превратились в адское пекло. От летящих искр загорались и постройки внутри крепости.

«Царевич» приказал своим воинам начать штурм. Но успеха татары не добились. Когда пожар затих, москвичи начали делать внезапные вылазки из крепости и теснить «поганых». Спустившиеся сумерки положили конец столкновениям.

Воспользовавшись затишьем, москвичи «начаша пристрой градной готовити... противу безбожных, пушки, и пищали, самострелы, и оружия, и щиты, луки и стрелы, еже подобает к брани на противныя» (22, 124). Однако на следующее утро оказалось, что татар уже нет. Ночью они ушли из-под стен Москвы так же стремительно, как и появились.

Озадаченный отсутствием русских войск у брода, Мазовша сильно опасался засады и внезапного появления русских войск у себя в тылу. Некоторые летописи говорят, что его спугнул шум в крепости: «царевич» подумал, будто в город прибыли свежие войска во главе с самим великим князем (33, 155). В. Н. Татищев сообщает другую версию: татары захватили двух митрополичьих холопов, и те не сговариваясь стали уверять татар, что великий князь вот-вот должен подойти к Москве с большими силами. Поверив пленным, «царевич» приказал спешно уходить на юг. К тому же его орда и так уже была перегружена русским «полоном». Теперь татарам важно было уйти с добычей подобру-поздорову.

Все эти рациональные объяснения, конечно, не устраивали придворного московского летописца. По его мнению, татары «побегоша гоними гневом Божиим, и молитвами Пречистыя Матери Его, и великих чудотворец молением и всех святых» (22, 124).

Княгиня Софья Витовтовна отправила скорого гонца вслед Василию Темному. Великий князь, призрак которого так испугал татар Мазовши, в это утро, спасаясь от другого призрака — татарской погони, спешно переправлялся через Волгу близ устья речки Дубны...

В четверг 8 июля Слепой возвратился в столицу. Будний день свидетельствует о том, что торжественной встречи и всеобщего ликования не предвиделось. Нашествие татар завершилось сверх ожиданий благополучно. Однако никакой заслуги самого Василия II в этом не было. Потому Василий хотел задобрить народ и бояр: погорельцам обещана была помощь, а для всей московской знати устроен пир. Вскоре митрополит Иона освятил свою домовую церковь во имя Ризоположения — праздника, который теперь напоминал не только о византийских святынях, но и о чудесном спасении Москвы от татар Мазовши (79, 369).

Заботы Василия Темного обычно носили сезонный характер. Летом он воевал с татарами, а зимой — с Дмитрием Шемякой. Так было и на сей раз. Едва успели забыть «скорые татары» Мазовши, как настало время собирать полки против Галичанина. Тому набило оскомину бесплодное сидение в Новгороде на неопределенном положении гостя-изгнанника. Время шло — и вместе с днями таяли и надежды на победу. Мятежнику необходимо было срочно что-то предпринять. Еще летом 1450 года он вновь отправился покорять Север, оставив в Новгороде жену и сына (27, 193). (Здесь в летописи вновь хронологическая головоломка: точная дата — 21 марта, «в неделю по Зборе», указывает на 1451 год. Однако весь ход событий свидетельствует о том, что это было летом 1450 года. Да и не таков был Дмитрий Шемяка, чтобы целый год сидеть без дела в Новгороде после поражения под Галичем.)

Существует мнение, согласно которому галицкие князья имели поддержку в вологодско-костромском Заволжье благодаря своим свободолюбивым убеждениям, созвучным настроениям жителей этого края (69, 202). Источники не позволяют судить о том, насколько мировоззрение северян отличалось от мировоззрения обитателей Окско-Волжского междуречья. Можно спорить и относительно того, какие социальные взгляды имел Дмитрий Шемяка и имел ли он их вообще. Однако очевидно другое: Север уже в силу своих природных условий и слабой заселенности был малодоступен контролю московской администрации. Здесь издавна ощущалось сильное влияние Новгорода, существовали разные формы совместного московско-новгородского управления, переплетавшиеся с прерогативами местных удельных князей из ростовского и ярославского домов.

Можно предположить, что преобладавшее на Севере промысловое хозяйство формировало у людей и особую систему ценностей, для которой были характерны такие черты, как самостоятельность, предприимчивость, независимость. Вместе с тем промысловое хозяйство требовало значительной кооперации и, как правило, носило артельный характер. Своеволие здесь никогда не относили к числу добродетелей. Организаторами смелых предприятий выступали как местные, так и новгородские боярские кланы, скованные железной дисциплиной родовой иерархии. Дмитрий Шемяка и по происхождению, и по воспитанию был весьма далек от этого жизненного уклада. В своей борьбе с Василием Темным он использовал Север как ис-

точник для пополнения своих войск и своей казны. Кроме того, это был удобный плацдарм для нападений на густонаселенные районы Окско-Волжского междуречья. Здесь в случае неудачи легко было затеряться и оторваться от преследователей. Наконец, в богатом пушниной крае можно было наживаться путем своего рода пиратства: грабежа купеческих складов и обозов.

Столицей промыслового Русского Севера был Великий Устюг. Город представлял собой огромное хранилище всякого добра, собранного в бассейне Сухоны, Вычегды и Северной Двины. В XIII веке Устюг находился под властью ростовских князей, а уже в середине XIV века перешел под контроль Москвы. У галицких князей были старые счеты с устюжанами, которые в 1435 году устроили заговор против Василия Косого. Но главное достоинство Устюга состояло в том, что он в силу своего положения мог стать удобной «точкой опоры» для борьбы за Галич. Конечно, еще более удобным плацдармом была бы Вологда. Однако в 1450 году этот город был Шемяке уже явно «не по зубам». Оставался Великий Устюг. Туда и направил свои таявшие силы галицкий мятежник.

Летом 1450 года в Москве узнали о том, что Дмитрий Шемяка захватывает волости к северу от Сухоны и готовится к нападению на Устюг. 29 июня 1450 года он без боя вошел в Устюг и учинил там расправу над сторонниками Василия II — «метал их в Сухону реку, вяжучи камень великое на шею им» (41, 89). Обосновавшись в Устюге, Галичанин оттуда совершил набег на Вологду и, не взяв города, разграбил окрестности. Среди прочих бесчинств он в ярости приказал арестовать попавшегося ему на пути пермского епископа Питирима — сторонника Василия Темного и крестного отца наследника московского престола княжича Ивана (69, 150).

Столь вызывающих действий Галичанина великий князь стерпеть не мог. Однако нашествие татар Мазовши отсрочило северный поход. Только в конце 1451 года Василий приступил к делу. Не слишком полагаясь на своих воевод, он и на сей раз сам встал во главе войск.

(Можно только догадываться о том, каких значительных расходов требовал от Василия Темного каждый новый поход против Дмитрия Шемяки. А между тем московская казна была опустошена Галичанином еще в 1446 году и с тех пор пополнялась весьма скудно. Для решения финансовой проблемы Слепой вынужден был идти на довольно

сомнительные меры. В частности, он запрещал крупным вотчинникам принимать крестьян, ушедших из великокняжеского домена. Но одновременно Василий предоставлял многим из них (особенно монастырям, в поддержке которых он сильно нуждался) всевозможные податные льготы. Другим способом экономии было снижение веса московской монеты, которая с начала 40-х годов и до кончины Слепого полегчала почти в два раза (115, 316.)

Рождество Христово Василий Темный встречал в Москве. Но уже 1 января 1452 года, на «Васильев день», отец и сын Иван выступили в дорогу. Праздник Крещения (6 января) они встречали в Троицком монастыре, где игумен Мартиниан усердно помолился о даровании великому князю победы над супостатом. Далее через Переяславль и Ростов московское войско направилось к Ярославлю. Здесь решено было разделить силы. Один отряд, в состав которого входили полки князя Василия Ярославича Серпуховского, а также московских бояр Семена Ивановича Оболенского и Федора Басенка, направился дальше на север. Его конечной целью был осажденный Шемякой Устюг. С этим отрядом пошел и княжич Иван.

(Летописи, а вслед за ними и историки сильно противоречат друг другу в описании действий Шемяки на Севере в 1450—1452 годах. Предпочтение следует отдать известиям Устюжского летописца, основанным на местных источниках.)

Сам Василий Темный с другой частью войска занял стратегически важную позицию в Костроме. Отсюда он имел возможность быстро подойти к Галичу, куда мог погнать своих коней стремительный в передвижениях Шемяка. Другой путь из Костромы шел по замерзшему руслу Обноры на север, в Вологду.

В Костроме к Василию Темному явился служилый татарский царевич Ягуп, сын Улу-Мухаммеда. Ему велено было идти на север, к Устюгу, и поступить под начало княжича Ивана.

Приближение московской рати спугнуло Шемяку. Сражаться с такими значительными силами его отряд не мог. В досаде князь приказал сжечь городской посад. Уходя от московских войск, он оставил на Устюге своего наместника Ивана Киселева (41, 89).

Не задерживаясь для штурма Устюга, московское войско устремилось вслед за Шемякой. Однако Галичанин вновь оказался неуловимым. Он легко ушел от московских

воевод. Им оставалось только разорять округу и жестоко карать тех, кого можно было заподозрить в содействии мятежнику. Предполагали, что Шемяка находил поддержку у лесных людей, обитавших к северу-западу от Устюга, в бассейне реки Кокшеньги. Этим несчастным решено было примерно наказать. Роль карателей как нельзя лучше могли сыграть привычные к этому делу татары из отряда «царевича» Ягупа. Руководство всей операцией поручено было княжичу Ивану, которому только что исполнилось 12 лет. Конечно, Слепой знал, что делал. Он думал о будущем. Наследник подрастал, и его нужно было научить жестокости — этому важнейшему инструменту власти.

«Князь великий Иван да царевич с ним шед на Кокшенгу и градки (городки. — *Н. Б.*) их поймаша, а землю ту всю плениша и в полон поведоша; а ходиша до Усть-Ваги и до Осинова поля и отголе възвратишася назад все здравы со многим пленом и корыстию» (24, 77).

Заметим, что сам по себе зимний рейд Ивана был весьма тяжелым делом. От Устюга до устья реки Ваги по прямой — около 300 километров. По замерзшим же извилинам рекам и волокам войску потребовалось пройти не менее 500 верст в одну сторону.

Вернувшись из устюжского похода весной 1452 года, князь Василий решил, что настало время женить сына. Как мы помним, невеста — княжна Марья Борисовна Тверская — была обручена с Иваном еще в начале 1447 года, когда Василий Темный искал союза с ее отцом, тверским князем Борисом Александровичем.

По обычаям того времени княжескую свадьбу праздновали дважды: первый раз у родителей невесты, а второй — у родителей жениха. В Твери праздновали 27 мая («канун Троицыну дни») (25, 495). Вероятно, торжества продолжались и на саму Троицу, которая в том году пришлась на 28 мая. Однако сам обряд венчания должен был, конечно, состояться в Успенском соборе московского Кремля. Из Твери гости отправились в Москву.

В Москве великокняжеская свадьба была назначена на воскресенье, 4 июня 1452 года (29, 208; 33, 155). В церковном календаре этот день — первое воскресенье после Троицы — именовался «Неделей всех святых». Предшествующая ему седмица была «сплошной», то есть праздничной. Царские врата в храмах были открыты, и ежедневно совер-

шались крестные ходы. По случаю всеобщего ликования отменялись посты в среду и пятницу. Словом, это было лучшее время для торжеств, связанных с бракосочетанием наследника московского престола. На следующий день после свадьбы, в понедельник, уже начинался Петров пост, продолжавшийся до дня памяти апостолов Петра и Павла (29 июня). В более поздние времена Церковь не разрешала венчать в «заговенье», то есть канун поста. Однако в XIV—XV веках это правило еще не имело обязательной силы.

По свидетельству Софийской Первой летописи, венчали державную чету архимандрит Спасского монастыря в московском Кремле Трифон (в недавнем прошлом — кирилловский игумен, освободивший Василия II от присяги Дмитрию Шемяке в конце 1446 года) и протопоп Успенского собора Кирьяк. Из этого следует, что ко дню свадьбы в Москву еще не вернулся митрополит Иона, отправившийся зимой 1450/51 года в Литву. Тамошние православные иерархи по распоряжению польского короля и великого князя Литовского Казимира поначалу признали Иону своим духовным главой. Лишь позже, в середине 1458 года, Литва обрела собственного митрополита — некоего Григория, ученика и протодьякона изгнанного из Москвы в 1441 году митрополита-униата Исидора. С этого времени церковное единство между Северо-Восточной и Юго-Западной Русью окончательно распадается.

Через два месяца после свадьбы Ивана в княжеской семье праздновали еще одно радостное событие. 1 августа (по другим данным — 8 августа) 1452 года появился на свет еще один сын Василия Темного и Марии Ярославны — княжич Андрей Меньшой (31, 262). Как и его тезка Андрей Большой, он был назван в честь святого Андрея Стратилата, память которого совершалась 19 августа.

Вскоре, однако, тревожная весть прилетела из Тверской земли. В воскресенье 10 сентября 1452 года Дмитрий Шемяка «пришел на Кашин город изгоном, города не взял, а посади пожегл» (25, 495). Это была месть Борису Тверскому за дружбу с Василием Темным. Однако мужественное сопротивление тверских наместников обратило нападавших в бегство (17, 330). В погоню за Шемякой тверской князь послал большое войско, от которого Галичанин скрылся где-то «в пустых и непроходимых местех» (17, 332). Зимой 1452/53 года он вернулся в Новгород и обосновался в княжеской резиденции на Городище (27, 193). Тщетно митрополит Иона писал грозные послания новгородскому

владыке Евфимию II (1429—1458) с требованием признать великим князем Василия Темного и «ни пити, ни ести» с отлученным от церкви Дмитрием Шемякой (47, 201). Новгородские «золотые пояса» считали полезным для себя оказывать покровительство мятежнику и тем затягивать московскую смуту как можно дольше.

Год 1453-й поначалу приносил великокняжескому семейству одни беды. 9 апреля полыхнул страшный пожар, вновь испепеливший московский Кремль. Впрочем, к пожарам в Москве уже почти привыкли. Ярче запомнилось другое, семейное несчастье. 5 июля скончалась, приняв схиму, старая княгиня Софья Витовтовна (31, 262; 33, 155; 35, 273).

Примерно за год до кончины Софья составила завещание, текст которого с некоторыми утратами сохранился до наших дней. Княгиня предстает в этом документе как рачительная хозяйка, владелица многих сел и деревень, часть которых она «прикупила» уже после кончины мужа. При распределении наследства между внуками Софья явно отдала предпочтение своему любимцу Юрию. Старшему же, Ивану, бабушка оставила «святую икону Пречистую Богородицу с пеленою» и несколько сел во Владимирской земле (10, 176).

Софью похоронили в кремлевском Вознесенском монастыре — традиционной усыпальнице женской половины Московского княжеского дома. Княгине было уже не менее восьмидесяти лет. Московские летописцы не нашли теплых слов, чтобы помянуть ее, и даже сильно путались в дате ее кончины. Но словно тонкий луч света, ненароком высветивший из мрака забвения живые черты старой княгини, — известие Софийской Первой летописи о том, что перед кончиной она приняла монашеский постриг, взяв при этом новое имя — Синклитикия (20, 271). Это странное и редкое имя (в переводе с греческого означающее «сенаторша») было избрано Софьей не случайно. Память святой мученицы Синклитикии в месяцесловах того времени приурочена к 24 октября (101, 329). Едва ли это был день ее пострига. 24 октября 1452 года — будний день, вторник. Да и сам контекст летописных известий заставляет думать, что постриг был совершен незадолго до кончины княгини. Вряд ли имя было выбрано и «по принципу первой буквы», повторявшей первую букву мирского имени. Вблизи 5 июля в месяцеслове есть и более благозвучные имена: Серафима, Соломония, Сусанна. Скорее всего, Софья ощущала какую-то особую, мистическую связь с мученицей

Синклитикией, считала ее своей небесной покровительницей. Основанием для такой связи послужили некоторые календарные совпадения, отмеченные летописями. В этот день, 24 октября 1392 года, муж Софьи, великий князь Василий Дмитриевич вернулся в Москву из Орды (35, 219). Путешествие это было весьма опасным уже потому, что за несколько лет перед тем Василий бежал из ордынского плена, обманув того самого «царя» Тохтамыша, к которому он теперь ехал с поклоном. У молодой жены Василия Софьи, которая вынашивала тогда своего первого ребенка, было немало шансов остаться вдовой. Однако все завершилось как нельзя лучше. Василий вернулся живым, здоровым и даже с ярлыком на Нижний Новгород. Летописцы говорят, что в этой поездке он «толику же честь прият от царя, яко же ни един от прежних великих князей» (35, 219). В этот незабываемый день, когда Софья смогла, наконец, обнять вернувшегося домой мужа, когда «бысть радость велика в Рустей земли», Церковь вспоминала святую мученицу Синклитикию (35, 220). Могла ли обрадованная княгиня оставить это обстоятельство без внимания?

В этот же день (но уже полвека спустя) Софье суждено было пережить еще одну незабываемую радость. Из летописей известно, что 25 октября 1445 года она встретила в Переяславле своего незадачливого сына Василия II, вернувшегося из ордынского плена (33, 152; 34, 183). Вероятно, княгиня и двор по обычаю выехали навстречу государю днем ранее. Таким образом, Софья обняла избежавшего смертельной опасности сына именно в день памяти святой Синклитикии, 24 октября. Воспоминания об этих двух счастливейших днях своей жизни старая княгиня и запечатлела в своем предсмертном монашеском имени. Значит, и этой надменной правительнице, умевшей держать в узде едва ли не всю Северо-Восточную Русь, ведомы были горячие слезы любви и нежности...

Глава 30

МЕСТЬ СЛЕПОГО

Летом 1453 года в Москве узнали о падении Константинополя (29 мая 1453 года) и гибели от рук турок последнего византийского императора Константина Палеолога. Эта новость взволновала в основном книжников, занятых выяснением таинственных путей Провидения, и дипломатов,

предвидевших перемены в системе международных отношений. В летописи внесена была обстоятельная повесть о падении Царьграда, написанная каким-то русским очевидцем трагедии. Однако простой народ к падению Византии остался равнодушен. Гораздо сильнее москвичей всколыхнула другая новость: 17 июля в Новгороде скончался князь Дмитрий Шемяка. Об этом событии много толковали по всему городу. Но более всего оно взволновало Кремль. Здесь не могли скрыть радости по случаю избавления от неистового Галичанина...

В понедельник 23 июля Василий Темный слушал вечерню в московской церкви Бориса и Глеба, «что на рву». На следующий день, 24 июля, Церковь вспоминала блаженных стратотерпцев князей Бориса и Глеба. Наемные убийцы были подсланы к ним их сводным братом Святополком. Эта известная всем история приобрела неожиданно актуальное звучание. Вот что сообщает летопись о той зловещей вечерне у Бориса и Глеба: «Того же лета, месяца июля в 23 день, о Шемякине кончине прииде весть к великому князю из Новагорода, на вечерни у великих мученик Бориса и Глеба на Москве на рве, что князь Дмитрей Шемяка умре напрасно (внезапно. — *Н. Б.*) в Новегороде и положен в Юрьеве монастыре; а пригонил с тою вестью подиачей Василей Беда, а оттоле бысть диак» (24, 109).

Так выглядит сообщение в редакции Никоновской летописи, составленной в 1520-е годы при дворе митрополита Даниила. Нескрываемый сарказм содержится в сообщении летописца о том, что вестник гибели Шемяки с «говорящим» прозвищем «Беда» получил служебное повышение от Василия Темного за принесенную им в общем-то печальную новость. Но куда более сильный, хотя и скрытый от непосвященных сарказм таится в указании на то, что великий князь получил эту весть, находясь на вечерне в церкви Бориса и Глеба, накануне праздника этих святых, когда в храме читались их житие и похвала. Понять всю трагическую глубину этого как бы мельком оброненного замечания позволяют те источники, которые проливают свет на обстоятельства кончины Дмитрия Шемяки.

Несмотря на то что официальные московские летописи времен Ивана III не могли прямо осуждать отца правящего государя, в них все же постоянно ощущается неприязнь к Василию Темному. Она особенно ощутима в тех памятниках летописания, которые можно назвать «независимыми». Одна традиция независимого летописания, восходящая к

своенравным старцам Кирилло-Белозерского монастыря, отразилась в Ермолинской летописи, связанной с семейством жившего во времена Ивана III московского купца и строителя В. Д. Ермолина. Полагают, что к работе над «кирилловским» летописцем был причастен и доживавший свой век в монастыре опальный московский воевода Федор Басенок. «Ермолинский» редактор насытил летопись известиями о строительной деятельности В. Д. Ермолина, а «кирилловский» — ненавистью к жестоким и неблагодарным московским князьям (86, 162). Есть в этой замечательной летописи и уникальные подробности смерти Дмитрия Шемяки:

«Того же лета в Новеграде Великом преставися князь Дмитрей Юрьевич Шемяка; людская молва говорят, что будето съ отравы умерл, а привозил с Москвы Стефан Бородатый дьяк к Исаку к посаднику к Богородицкому (Борецкому. — *Н. Б.*), а Исак деи подкупил княжа Дмитреева повара, именем Поганка, тьи же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вестью на Москву к великому князю Василеи Беда подьячеи; князь же велики пожаловал его дьячеством, и прорекоша ему людие мнози, яко не на долго будеть времени его, и по мале сбуться ему» (33, 155).

Несколько иначе, но с тем же осуждением московского коварства, рассказывает о гибели Шемяки Львовская летопись, отразившая еще один памятник независимого летописания. Этот памятник 80-х годов XV века некоторые исследователи считают плодом творчества кого-то из клириков московского Успенского собора и называют «Успенским летописцем» (79, 357; 80, 309). «Того же лета посла великий князь Стефана Бородатого в Новгород с смертным зелием уморити князя Дмитрея. Он же приеха в Новгород к боярину княжо Дмитрееву Ивану Нотову (в другом списке той же летописи — Ивану Котову. — *Н. Б.*), поведи ему речь великого князя; он же обещаеся, якоже глаголетъ Давид: ядый хлеб мой възвеличи на мя леть; призва повара на сей совет. Бысть же князю Дмитрею по обычью възхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря dospети. Они же оканнии смертным зелием dospеша его и принесоша его пред князь; и яде не ведый мысли их; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся, и лежа 12 дней преставися; и положен бысть в церкви святаго мученика Егория в Новегороде» (31, 262).

Итак, современники не сомневались в том, что Шемяка был отравлен по приказу своего московского кузена. Летописцы явно намекали и на то, что Василий Темный, совер-

шив это преступление, уподобился древнему Святополку Окаянному. Только так можно истолковать уникальное по своему характеру сообщение о том, где именно (в церкви Бориса и Глеба) Василий Темный получил долгожданную весть.

Возможно, это было не первое преступление такого рода на совести Слепого. Ходили слухи, что по его приказу в 1451 году был отравлен выехавший на Русь литовский князь Михаил Сигизмундович (69, 146).

Вызывает удивление поразительная осведомленность летописцев о подробностях расправы: они знают, кто привез яд, кому передал и как яд попал на стол князя Дмитрия. Такие вещи мог назвать либо человек, очень близко стоявший к трону Василия II и посвященный в дворцовые тайны, либо клеветник, желавший точными деталями придать вид достоверности своей клевете. Первое более вероятно. Таким человеком мог быть тот же Федор Басенок, позднее на собственном горьком опыте познавший коварство московского двора. (В 1463 году он будет по неизвестной причине взят под стражу, ослеплен и позднее отправлен в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь.) Возможно, этот опыт и побудил его к откровенным воспоминаниям в присутствии какого-то памятливого кирилловского книжника. (Впрочем, не исключается и другое объяснение этой загадки. За те двенадцать дней, которые Шемяка боролся со смертью, он успел произвести собственное расследование и установить истинную причину своей болезни. Все это, разумеется, стало широко известно.)

«Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется» (Притч. 24: 17). Василий Темный пренебрег этим мудрым советом. Возвышением подьячего Беды он показал всем свое ликование по случаю кончины брата. Позднее этот дьяк стал доверенным лицом князя, составителем его завещания.

Но были вещи и более впечатляющие, нежели стремительная карьера зловещего дьяка Беды. По указанию Василия Темного митрополит Иона запретил поминать Дмитрия Шемяку наряду с другими усопшими членами Московского княжеского дома. Слепой решил свести счеты не только с живым, но и с мертвым врагом, лишив его душу спасительной заупокойной молитвы. Такая изощренная жестокость вызвала всеобщее возмущение. Смелее других оказался игумен Пафнутий Боровский. Он отказался выполнять распоряжение митрополита. Вот что рассказывает

об этом анонимный автор ответа на послание Иосифа Волоцкого Ивану Ивановичу Третьякову. (Само послание датируется декабрем 1510-го — январем 1511 года (43, 268).)

«То, господине, было промежу великих государей негодование великому князю Василью Васильевичю с князем Дмитрием с Шемякой. И Дмитрея Шемяку Бог убил своим копием за его неправду. И митрополиту Иона положил на него и по смерти негодование, не велел его поминати. И Пафнотей, господине, старец о том сопрелся (вступил в спор. — *Н. Б.*) и не послушал Ионы митрополита, в монастыре у Пречистыя (боровском Рождественском монастыре. — *Н. Б.*) по Шемяке учял служить. А митрополит Иона о том брань положил на Пафнотья и по него послал, и на Москву его свел, и великую вражду на него положил, и в темницу послал. И Пафнотей, господине, того не устрасился, и митрополиту Ионе о том не повиновался, да о том с ним сопрелся... И о сем, господине, Иона митрополит смирился и сам пред Пафнотием повинился и мир дав ему и дарова его и отпусти его с миром о Христе Иусе. И Пафнотей до конца поминовал князя Дмитрея» (43, 365—366).

Эта странная история еще раз убеждает в том, сколь призрачны и схематичны наши знания о времени Василия II. Провинциальный игумен осмелился вступить в спор с самим митрополитом и стоявшим за ним великим князем — и вышел из этой тяжбы победителем! Все это можно объяснить лишь тем, что и на великокняжеском, и на митрополичьем дворе явно побаивались скованного незримыми узами корпоративной солидарности монашеского мира, не желали раздражать его гонениями. К тому же за спиной разгневанного старца-пустынника всегда стоял Тот, кто говорил: «Мне отмщение, Я воздам...» (Рим. 12: 19). Любое несчастье, случившееся после ссоры со старцем (общественное, семейное или личное), наводило на мысль о разгоревшемся Гневе Божиим. И провинившийся спешил принести покаяние.

Месть Слепого своему мятежному кузену была свирепой. Она заставляла вспомнить грозное предостережение апостола: «А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2: 11). Но у правителя всегда найдутся оправдания на упреки совести. Правда Власти и правда Нового Завета говорят на разных языках. Загнанный в новгородский капкан Шемяка вызывает сочувствие, ибо «таинственный инстинкт всегда заставляет нас принимать

сторону преследуемых» (99, 133). Однако этим убийством Василий разом прекратил многолетнюю смуту, которая, словно кровоточащая рана, истощала силы Московской Руси. К тому же мятежный Галичанин был далеко не рыцарь без страха и упрека. В 1433 году он собственноручно убил боярина Морозова, в 1445 году в нарушение всех клятв просил у хана великое княжение, а в 1446 году приказал ослепить Василия II и едва не утопил в Волге его сыновей. Однажды в Вологде Шемяка велел сбросить с моста смело обличавшего его игумена Григория Пельшемского. Список Шемякиных злодеяний мог бы быть очень длинным. Вопрос о средствах к достижению своих целей был для Галичанина столь же праздным, как и для Василия Темного. Популярность князя Дмитрия имела главным образом «отрицательный» характер: его поддерживали все те, кто ненавидел Слепого. А таких было немало. Но по своим моральным качествам эти два столь разных человека недалеко ушли друг от друга. И если верить в геенну огненную — то оба они имели шанс еще раз встретиться там...

Однако Василий II, при всех его недостатках, имел одно неоспоримое достоинство. Как правитель он олицетворял Порядок. За спиной же мятежного Галичанина вставал темный хаос...

Отстаивая свою «правду», Юрий Звенигородский и его сыновья втянули Северо-Восточную Русь в длительную усобицу, последствия которой оказались ужасными. Вот что говорит об этом историк А. Е. Пресняков: «Смертью Шемяки завершилась кровавая московская драма с ее ожесточенной усобицей, ослеплениями, отравлением, предательствами и насилиями. Это была не великая Смута начала XVII века, она не захватила народные массы, не разрушала сложившихся устоев общественной жизни. Но традиционный политический строй Великороссии, обычный уклад ее междукняжеских отношений вышел из нее разбитым и поруганным. Захваты чужих владений, вынужденные “пожалования”, торг волостями и крестоцеловальной верностью, кровавые и жестокие расправы, непрерывные интриги князей и бояр и даже гостей-суконников или старцев иноков, предававших во вражеские руки своего великого князя, татарские симпатии и союзы этого великого князя — все это произошло в жизни русского общества как крушение обычного уклада отношений и воззрений. Удельно-вотчинный строй оказался разрушенным, подорванным и морально оплеванным. Разбита московская княжеская семья.

Сошли со сцены и дяди Василия Васильевича, и его двоюродные братья. Из удельных вотчичей Московского княжества уцелели только Андреевичи Иван и Михаил, да Василий Ярославич, внук Владимира Андреевича. Борьба со смутой и стремление вырвать на будущее время ее возможные корни переходят для великокняжеской власти в стремление “добыть вотчин своих недругов”. Ее ликвидация непосредственно связана с органической работой этой власти над перестройкой великорусского великого княжества в Московское государство на началах вотчинного единодержавия» (94, 407).

Глава 31

ЕДИНОВЛАСТИЕ

Кончина Дмитрия Шемяки открывает новый период в княжении Василия Темного. Последние девять лет своей жизни он уже совсем не тот, что прежде. На эту перемену в поведении Слепого обратил внимание еще Н. М. Карамзин: «Как бы ободренный смертью опасного злодея, он начал действовать гораздо смелее и решительнее в пользу единовластия» (72, 138).

Князь Дмитрий как соперник был для Василия на порядок опаснее, чем все прочие недруги. В сущности, он всегда побаивался Галичанина, от которого веяло какой-то первобытной, звериной силой. Другого своего старого врага, князя Ивана Андреевича Можайского, Василий попросту презирал. Теперь, когда Галичанин навеки успокоился в своем каменном саркофаге в новгородском Юрьеве монастыре, настало время рассчитаться со всегдашним перебежчиком и хитрецом князем Иваном. Поводом для войны, по-видимому, послужила история с боярином Ивана Можайского Никитой Константиновичем Добрынским. Согласно тогдашним нормам великий князь не имел права арестовывать бояр, служивших в уделах. Однако, невзирая на это, Василий Темный распорядился схватить Добрынского за какую-то провинность. Надзор за пленником Слепой поручил своему дьяку Алексею Попову. Но тот не только выпустил Добрынского из заточения, но и бежал вместе с ним в Можайск (49, 528). Старинный родословец, сохранивший эту историю, не сообщает дату и опускает подробности дела. Однако их легко угадать. Взбешенный Василий II потребовал у Ивана выдать беглецов. Можай-

ский князь отказался. И тогда Слепой двинул на Можайск свою многотысячную рать. Из летописей известно, что это произошло в 1454 году. Не имея сил для сопротивления, князь Иван со всем семейством и двором бежал в Литву, «королю служить» (33,155). Вместе с ним ушел и Никита Добрынский с детьми. Лишь злополучный дьяк Алексей Попов не захотел отправляться в изгнание. Рискуя головой, он вернулся в Москву и бросился в ноги митрополиту Ионе с просьбой о заступничестве перед великим князем. «А воротился того для, что вотчина у него велика, а жена его была в то время в вотчине. А вотчину его и животы князь велики на себя взял, а жену его и сына Михаила поимал». История беглого дьяка имела счастливый конец. Василий Темный «дал того Алексеа и сына его Михаила, и с вотчиною, и со всем его животом в дом Пречистыа Богородици и великим чудотворцем Петру и Алексею, и Ионе, митрополиту всеа Руси» (49, 528). Однако служить где-либо, кроме митрополичьего двора, всему опальному семейству отныне воспрещалось.

Великий князь захватил Можайск и посадил здесь своих наместников. Таким образом, можайский удел был ликвидирован. Не имея нужды в жестокости, Василий милостиво обошелся с местными жителями, надеясь увидеть в них своих верных подданных.

Летописец никак не комментирует изгнание Ивана Можайского. Однако вслед за рассказом о можайском походе Василия Темного следует сообщение о грозном знамении в Москве: «Того же лета, августа 31, гром страшен бысть, и порази на Москве церковь камену Рожество Богородици, иже имать приделану к ней церковь Лазарь святыи» (22, 144). В этом соседстве двух столь различных на первый взгляд известий угадывается определенный умысел. Рождественская церковь в московском Кремле была построена в 1393 году вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией. Она служила своего рода памятником Дмитрию Донскому и Куликовской битве. Эта церковь принадлежала к числу любимейших храмов московской княжеской семьи. Очевидно, летописец придавал особый смысл тому, что в княжение Василия II кремлевские храмы навлекали на себя удары с небес. В августе 1450 года сначала молния ударила в кремлевский Архангельский собор, а через несколько дней буря сломала на нем крест (22, 123). Теперь огненная стрела ударила в Рождественскую церковь. Это случилось в один из Богородичных праздников — день Положения честного

пояса Пресвятой Богородицы в Халкопратии. Все это можно было понять только как проявление Божьего гнева, вызванного преступлениями князя Василия.

В Московской Руси дела государственные тесно переплетались с церковными. Следуя примеру преподобного Сергия Радонежского, лучшие люди Русской церкви смело вступали в спор с властью имущими. И чем больше зла совершали правители, тем чаще на их пути становились неподкупные хранители вечной правды Евангелия. Не избежал такого рода столкновений и Василий Темный. Летом 1454 года он ездил в Троицкий монастырь для объяснений со своим духовником, игуменом Мартинианом Белозерским. Этот яркий представитель «заволжских старцев» в 1446—1447 годах решительно поддержал Василия в борьбе с Дмитрием Шемякой. Однако после победы Слепого он не захотел быть его послушным слугой. Житие преподобного сообщает: однажды игумен дал гарантии неприкосновенности одному сбежавшему из Москвы в Тверь боярину, которого великий князь непременно хотел заполучить обратно. Поверив Мартиниану, боярин вернулся и тут же был брошен в темницу. Узнав об этом, игумен немедленно отправился в Москву. Явившись во дворец, он объявил, что отныне лишает Василия своего благословения. Великий князь велел освободить боярина и сам отправился в Троицу, чтобы испросить прощение у старца.

Житие Мартиниана Белозерского не называет точной даты этого происшествия. Да и финал его, кажется, в действительности был несколько иным. Наблюдения над жалованными грамотами Троицкому монастырю показывают, что после 3 июля 1453 года Василий Темный перестает называть в своих грамотах троицкого игумена по имени. В этом явно проявляется его недовольство Мартинианом. Примечательно, что охлаждение отношений между Василием II и его духовником наблюдается с тех самых пор, как в Москве узнали об отравлении Дмитрия Шемяки. По-видимому, Мартиниан осудил это злодеяние и назначил Василию строгую епитимью. Это и послужило главной причиной его удаления. История с беглым боярином, случившаяся весной или летом 1454 года, стала последней каплей, переполнившей чашу. (Согласно тексту Жития, преподобный был игуменом в Троице около восьми лет (1447—1455). На деле это могли быть и семь с половиной лет, превратившиеся в восемь в результате наложения различных календарных систем.) Ужесточая борьбу за едино-

властие и принимаясь в связи с этим за своих прежних друзей и союзников, Василий Темный хотел иметь троицкий игуменом и своим духовным отцом человека более сговорчивого и гибкого, нежели Мартиниан. К тому же старец и сам тяготился своей высокой должностью, мечтал о возвращении в молчаливые северные леса. В период между 3 марта и 22 сентября 1454 года он оставил Маковец и ушел обратно в Ферапонтов монастырь (100, 56). На его место был назначен троицкий старец Вассиан Рыло, позднее ставший ростовским владыкой. Понятно, что такой важный акт, как смена троицкого игумена, требовал присутствия на Маковце самого великого князя. С этой целью он и совершил поездку на Маковец летом 1454 года, прямого упоминания о которой источники не сохранили.

Лето 1454 года отмечено было для Василия не только церковными делами, но и опасным набегом татар из Волжской Орды, во главе которой стоял тогда хан Седи-Ахмат (Сейид-Ахмет). Предводительствовал отрядом «Салтан царевич сын Сиди Ахметьев» (31, 262). Грабители переправились через Оку ниже Коломны. Коломенский наместник Иван Васильевич Ощера замешкался (или оробел перед множеством врагов) и позволил татарам беспрепятственно разграбить всю округу.

Поначалу на войну с татарами отправились старшие сыновья великого князя — четырнадцатилетний Иван и тринадцатилетний Юрий. Вслед за ними из Москвы выступил и сам Василий II. «Двор» великого князя — лучшая боевая сила московской рати — был поручен известному воеводе Федору Басенку. Он-то и решил судьбу всего похода. Не дожидаясь подхода основных сил, воевода бросился преследовать отступавших татар, догнал и отбил у них весь «полон». В одной из схваток со степняками был убит князь Семен Бабич — сын князя Ивана Бабы Друцкого, захватившего в плен Василия Косого в битве под Ростовом в 1436 году.

На следующий год, летом, татары вновь напали на южные окраины московских земель. (Некоторые летописи путают эти два набега и соединяют их в один (35, 273).) На них было послано войско под началом князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Молодой воевода действовал успешно: «...и бысть им бой; поможе Бог воеводам великаго князя, побивша татар множество» (31, 263).

Зимой 1455/56 года Москва стала свидетельницей невиданного церковного торжества: проводов иконы Смоленской Божией Матери. Эта знаменитая чудотворная икона,

написанная, по преданию, самим евангелистом Лукой, была вывезена из Смоленска князем Юрием Святославичем еще в начале XV столетия. Во времена Василия Темного она хранилась в Благовещенском соборе московского Кремля. Прибывший в Москву смоленский епископ Михаил попросил великого князя и митрополита Иону вернуть смольнянам их древнюю святыню. Те не преминули воспользоваться удобным случаем для усиления своего влияния на православных иерархов Литвы. Смоленский владыка был полезен Москве и как посредник в переговорах с королем Казимиром. Незадолго перед тем митрополит Иона в особом послании просил его убедить польского короля не помогать беглому удельному князю Ивану Андреевичу Можайскому. Отказывать Михаилу в вопросе об иконах было бы неразумно. Напротив, возвращение икон давало смоленскому владыке основание для защиты интересов Москвы перед королем.

В воскресенье 18 января 1456 года великий князь, его семейство и московские иерархи в последний раз приложились к чудотворной иконе. После этого икону извлекли из ковчега и торжественной процессией понесли в Смоленск. Сам Василий Темный шел за иконой около двух верст, до церкви Благовещения в Дорогомилове. На прощание благодарный смоленский владыка вместе с митрополитом благословил великого князя другой иконой Божией Матери, которая была помещена в Благовещенском соборе Кремля.

Вся Москва высыпала на улицы поглядеть на процессию. Для людей той эпохи всякие процессии — а тем более те, в которых участвовали княжеская семья и весь цвет духовенства, — были «глубоко волнующим зрелищем» (117, 8). Они вызывали слезы умиления, прилив верноподданнических чувств. Правители хорошо понимали великую силу ритуала и регулярно являли себя народу в том или ином торжественном шествии.

Глава 32

ПОХОД НА НОВГОРОД

Торжества по случаю проводов чудотворной иконы Василий II использовал и для воодушевления воинов, собравшихся в Москве в эти дни. «Бе бо тогда и многое множество воинства на Москве», — отмечает летописец (24, 110). 18 января, в Неделю о мытаре и фарисее, истекал срок явки

для участников задуманного великим князем карательного похода на Новгород. В понедельник 19 января московское воинство тронулось в далекий путь. В Новгород была послана «взметная грамота» — официальное извещение о начале войны (27, 194).

Как обычно, войска выступали из Москвы не все вместе, а полками, с интервалом в несколько дней. Вероятно, они шли по возможности разными дорогами. Так легче было решать проблемы снабжения и передвижения большой массы войск в зимнее время. Сам великий князь покинул Москву с последним полком. Это произошло 2 февраля 1456 года, в праздник Сретения (45, 141).

Московский поход рассматривался как своего рода «возмездие». Новгородцам предстояло понести ответственность за многочисленные «неисправления», допущенные ими по отношению к Василию II (36, 215). Однако возмездие и устрашение являлись лишь одной стороной дела. Помимо этого, Слепой хотел укрепить свои позиции в Северо-Восточной Руси таким общезначимым и популярным предприятием, как поход на Новгород. Наконец, ему нужны были новгородские деньги для расчетов со своими сторонниками и особенно — со служилыми татарами, которые также приняли участие в этой войне (27, 194).

Местом сбора всех полков, идущих на Новгород, был назначен Волок Ламский. Отсюда войско двинулось далее на север и, пройдя через тверские земли, вошло во владения Великого Новгорода. Передовой отряд своих сил (около пяти тысяч воинов) Василий Темный отправил «изгоном» на Русу (современную Старую Руссу). Командовать этим рейдом было поручено лучшим московским воеводам — Ивану Васильевичу Стриге Оболенскому, Семену Карамышеву и Федору Басенку. Рано утром 10 февраля 1456 года москвичи захватили город почти без сопротивления, взяли в нем богатые трофеи. Новгородский летописец рисует мрачную картину бесчинств москвичей и татар в Русе: «...И животы пограбиша, и у святых церквей двери выломаша, и от икон круту отымаша и всякую утварь серебряную и златую и ларци разъбиша, и много зла учиниша» (27, 194).

Летописи по-разному изображают дальнейший ход войны. По наиболее распространенной версии, на обратном пути из Русы москвичи были атакованы пятитысячной новгородской ратью. Основная часть московской армии уже ушла, и новгородцам противостоял только ее арьергард — сотни две всадников во главе с самими «большими воево-

дами». Поначалу они хотели спастись бегством, но потом были остановлены следующим соображением: «...аще не пойдем противу их битися, то погибнем от своего государя великого князя» (35, 274). Очевидно, гнев Василия II был страшен даже для таких заслуженных и храбрых людей, как Стрига и Басенок...

В итоге московские воеводы не только сумели отбиться от преследователей, но и нанесли им сокрушительное поражение (22, 145—147). Предводитель новгородского войска князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский «сам третьей убежа в Великий Новгород» (45, 142).

Поражение у Старой Руссы заставило новгородцев искать примирения с великим князем. Еще в самом начале войны вдове Дмитрия Шемяки княгине Софье Дмитриевне предложено было срочно покинуть город (27, 196). 7 февраля она уехала в Литву, где уже почти два года находился ее сын Иван. Король Польский и великий князь Литовский Казимир дал ему во владение город Новгород-Северский с округой. Дочь Дмитрия Шемяки Мария умерла в Новгороде 13 февраля 1456 года в возрасте около восемнадцати лет и была похоронена в Юрьевом монастыре в гробнице своего отца (27, 196). Ее муж, литовский князь Александр Васильевич Чарторыйский, возглавлявший один из новгородских отрядов в войне с Василием II, вынужден был уехать во Псков. Оттуда несколько лет спустя он бежал в Литву.

Новгородцы не пожелали вновь испытывать судьбу в сражении. Архиепископ Евфимий и виднейшие бояре по решению вече отправились в стан Василия Темного, находившийся в селе Яжелбицы, в 150 верстах к юго-востоку от Новгорода. Там они заключили мир с победителями и в знак верности целовали крест «к великому князю Василью Васильевичю всея Руси и к великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» (5, 43). Точная дата заключения Яжелбицкого мира неизвестна. Из косвенных указаний источников можно заключить, что это произошло между 20 и 25 февраля 1456 года (125, 181).

Условия Яжелбицкого мира были весьма тяжелы для Новгорода. Москвичам выплачивалась контрибуция в размере 10 тысяч рублей серебром (31, 263). (По другим источникам — 8,5 тысячи (5, 44).) Однако еще тяжелее были политические условия договора. «Мир, заключенный в Яжелбицах, — отмечает историк Л. В. Черепнин, — стал поворотным моментом в развитии московско-новгородских отношений. В Яжелбицкую грамоту были включены

условия, ограничивавшие и изменявшие новгородскую “старину” в интересах великокняжеской власти в области как внутреннего управления, так и внешней политики. Новгородское правительство обещало не принимать великокняжеских “лиходеев” (то есть противников Василия II). Отмена вечевых грамот... по существу, означала лишение Новгородской боярской республики законодательных прав и права самостоятельного ведения внешней политики. Выражением политической зависимости Новгорода от Московского княжества явилась замена для новгородских документов новгородской печати печатью великокняжеской» (120, 821).

В знак победы Василий Темный вместе с сыном Юрием приехал в Новгород и прожил две недели в княжеской резиденции на Городище, где до своей кончины располагался Дмитрий Шемяка (27, 196). Шел Великий пост, и пышные пиры в эту пору были неуместны. Поэтому основным занятием Василия было посещение торжественных богослужений в Софийском соборе и монастырях, а также долгие и тягучие собеседования с новгородскими боярами. Занимал ли Слепой на Городище те самые покои, в которых тремя годами ранее мучительно расставался с жизнью Дмитрий Шемяка, — неизвестно...

Успех новгородского похода показал высокие боевые качества московского войска, закаленного в сражениях с татарами и отрядами Дмитрия Шемяки, и укрепил уверенность Василия II в своих силах. Важнейший результат похода состоял в том, что отныне все потенциальные мятежники лишались надежды получить поддержку и убежище в Новгороде. Поле для маневра резко сужалось. В случае поражения им оставалось одно: бежать в Литву и становиться слугами короля. Но этот путь был горек и тернист. Он требовал полного разрыва с родным и привычным среднерусским миром, унижительной зависимости от новых властей.

Василий Темный пробыл в Новгородской земле 25 дней («пол четверты недели») (45, 142), после чего вернулся в Москву (вероятно, в воскресенье, 7 марта 1456 года). Обстоятельства складывались для него как нельзя лучше: неожиданно без хозяина осталось некогда могущественное Рязанское княжество. Хорошо информированная в рязанских делах Никоновская летопись сообщает: «Тоя же весны преставися князь великий Иван Федорович Рязанькой в чернь-

цех и наречен бысть Иона; а за мало прежь его княгини его преставися; княжение же свое Рязанское и сына своего Василия приказал великому князю Василью Васильевичу на соблюдение. Князь же великий Василей сына его, и с сестрою его Феодосиею, взя их к себе на Москву, а на Рязань посла наместники своя на соблюдение, и на прочаа грады его и на власти; а сын его тогда был осми лет» (24, 111—112).

Рязанский князь Иван Федорович, внук памятного своими ссорами с Дмитрием Донским Олега Ивановича Рязанского, не относился к числу убежденных сторонников Василия Темного. В 1430 году он заключил договор с великим князем Литовским Витовтом, по которому обязывался быть его подручником. Однако Литва была далеко. К тому же там после кончины Витовта начались длительные внутренние распри. В этой ситуации для рязанского князя главным условием спокойствия стали добрососедские отношения с Москвой. В 1433 году князь Иван клялся захватившему Москву Юрию Звенигородскому не иметь никаких сношений с его беглым племянником. Но в 1447 году заключил мирный договор уже с вернувшимся в Москву Василием Темным. Союз с Москвой нужен был рязанскому князю и для более успешной обороны от татарских набегов, и для подавления своих вечных соперников — удельных князей Пронских, представлявших младшую линию Рязанского княжеского дома. Ивана Рязанского связывали с потомством Дмитрия Донского и родственные отношения. Отец его, рязанский князь Федор Олегович, был женат на дочери Дмитрия Донского Софье. Таким образом, московский великий князь Василий II доводился Ивану двоюродным братом. Сестра князя Ивана Василиса была замужем за князем Иваном Владимировичем Серпуховским, сыном героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского (123, 595).

Решение рязанского князя отдать сына на попечение Василия Темного свидетельствует о том, что он доверял кучену и не считал его злодеем, от которого можно ждать любого коварства. Действительно, княжич Василий прожил при московском дворе восемь лет, а потом был отпущен к себе на Рязань, где занял отцовский престол. В 1464 году он женился на дочери Василия Темного Анне. До самой своей кончины в 1483 году Василий был дружен с Москвой и пользовался ее поддержкой. Эти родственно-дружеские связи позволили потомкам Олега оттянуть окончательное падение независимости Рязани до 1521 года.

Летом 1456 года Василий Темный прибрал к рукам еще одну обширную территорию — серпуховско-боровский удел князя Василия Ярославича. На сей раз дело приняло совсем иной, довольно мрачный оборот. Князь Василий Ярославич, единственный наследник обширных владений некогда многолюдного «гнезда» Владимира Андреевича Храброго, с истинно рыцарской преданностью относился к Василию II. Этому способствовали и родственные связи: Василий Темный был женат на родной сестре князя Василия Серпуховского. Другая его сестра, Елена, была замужем за князем Михаилом Андреевичем Верейским. Серпуховской князь поддерживал шурина в самые трудные времена. В 1446 году, когда ослепленный Василий II томился в угличской тюрьме, Василий Ярославич даже готовил внезапный налет на город для его освобождения. За свою верность Слепому князь Василий был награжден различными городами и волостями. В 1452 году он ходил на Устюг в составе войска Василия Темного. После этого он исчезает со страниц летописей до лета 1456 года, когда «месяца июля в 10 день поймал князь велики князя Василия Ярославича на Москве и послал его в заточение на Углич, а сын его князь Иван первыа жены и княгини его другаа бежали из Боровска в Литву» (22, 147; 30, 217). О причинах столь суровой опалы источники не сообщают.

Существует мнение, что поводом для ареста серпуховского князя могла послужить его ссора с властями Троице-Сергиева монастыря, о которой вскользь упоминает в одном из своих посланий преподобный Иосиф Волоцкий (112, 94). Князь Василий Ярославич, в уделе которого находился Маковец, по словам Иосифа, «не почиташа игумена и старцев». Это и вызвало гнев Василия II, который «манастырь взял во свое государство» (43, 201).

Мнение это представляется убедительным. И дело не только в том, что Василий II был частым гостем Троицкого монастыря и, судя по всему, отличался истовой набожностью. Весь этот сюжет следует вписать в исторический контекст. В рассказе Иосифа Волоцкого события никак не датированы. Однако их можно увязать с данными летописей, согласно которым князь Василий Ярославич был взят под стражу в субботу 10 июля 1456 года. За пять дней до этого в Троицком монастыре был большой праздник — Обретение мощей преподобного Сергия Радонежского. Василий Темный имел обыкновение проводить этот день на Маковце. В июле 1449 года он отправился в Троицу, невзирая даже на

то, что его супруга была на сносях. По-видимому, там же, на Маковце, встретил Василий Темный и летний Сергиев день в 1456 году.

Поездка в Троицу была необходима великому князю не только для душеполезных бесед и молитвы у гроба преподобного Сергия. С уходом Мартиниана летом 1454 года игуменский посох перешел в руки Вассиана Рыло — будущего ростовского архиепископа, человека весьма гибкого и умелого в обращении с людьми. По-видимому, смена игуменов произошла при непосредственном участии Василия II, но без согласования с Василием Серпуховским, в уделе которого находился Радонеж. Между тем традиция наделяла удельных князей большими правами по отношению к расположенным на их землях монастырям. Известна была и особая близость князя Владимира Андреевича Серпуховского, деда Василия Ярославича, с преподобным Сергием Радонежским. В монастырском Троицком соборе находилась могила единственного князя Радонежского — Андрея Владимировича, дяди князя Василия Ярославича. Все это позволяло Василию Ярославичу высказывать свое мнение относительно того, кто должен быть игуменом у Троицы. Вероятно, именно это он и сделал, когда Василий II самочинно заменил строптивного Мартиниана на более покладистого Вассиана. Заметим, что князь Василий Ярославич вообще был весьма крут в обращении с монахами. Известно, например, что в 1444 году преподобный Пафнутий Боровский, игуменствовавший тогда в боровском Высоцком монастыре, по какой-то причине ушел из обители и основал новый монастырь в соседней волости Суходол, принадлежавшей Дмитрию Шемяке. Узнав об этом, князь Василий Ярославич послал одного из своих слуг с приказом поджечь новую обитель (112, 94).

Все это позволяет думать, что летом 1456 года князь Василий Ярославич совершил какой-то весьма дерзкий поступок по отношению к новому троицкому игумену Вассиану — ставленнику Василия II. Великий князь увидел в этом хороший повод для расправы с одним из последних удельных князей. Посетив Троицу в летний Сергиев день (5 июля), Василий Васильевич заручился свидетельствами возмущенных старцев. Через несколько дней он вернулся в Москву и вызвал к себе удельного князя. Тот, не подозревая о густившихся над его головой тучах, явился в Кремль. Василий II для начала объявил ему о том, что забирает Троицкий монастырь под свою власть. Удельный князь, веро-

ятно, не стерпел и ответил какой-нибудь дерзостью. Тогда Слепой крикнул слугам, и те схватили князя Василия. Вскоре он был отправлен под стражей в Углич. Из Углича несчастный был в 1462 году переведен в Вологду (104, 407). Вместе с серпуховским князем в заточение отправились и его младшие дети — Иван, Андрей и Василий (123, 315). По некоторым сведениям, под стражу была взята и жена Василия Серпуховского (41, 89). Умер опальный князь в 1483 году «в железех» (22, 214).

Почему в качестве места заточения князя Василия Ярославича был избран Углич? Возможно, это была лишь прихоть Слепого, лично убедившегося в надежности угличской темницы в 1446 году. Однако более вероятно другое. Углич был административно-хозяйственным центром обширных вотчин Троице-Сергиева монастыря, расположенных в этом районе. Здесь пленник находился под надзором не только своих стражей, но и добровольных соглядатаев из числа монастырских людей.

Князь Василий Ярославич скрылся навсегда во мраке своей темницы. А жизнь покатилась дальше, словно и не было под солнцем никакого серпуховского князя. Да и время ли было думать о прошлом, когда настоящее грозило новыми бедствиями? Осенью 1457 года Москва стала жертвой сильнейшего пожара. В ночь с 22 на 23 октября «загореся град Москва, и згоре треть града» (31, 263). И вновь пришлось москвичам рыдать на пепелище, хоронить погибших в огне и, спасаясь от ранних морозов, торопливо ставить новые избы и дворы. Каждый пожар был для города тяжелым ударом. Но, пережив десятки пожаров, Москва научилась возрождаться из пепла, как сказочная птица Феникс.

Прибирая к рукам вотчины удельных князей московского дома, Василий II расчищал дорогу к неограниченной власти своему сыну и наследнику Ивану. Тот, несмотря на свои 16 лет, уже был вполне взрослым, семейным человеком. Еще в 1454 году отец выделил ему собственный удел — Переяславль-Залесский с округой. Здесь под приглядом отцовских доверенных лиц Иван овладевал нелегким искусством управления людьми (100, 55).

Зимой 1457/58 года Василий Темный стал дедом. Московские летописцы с подробностями отметили это событие: «Февраля в 15 день, в среду на Феодорове неделе, егда начаша часы пети, родился великому князю Ивану сын и наречен бысть Иван» (24, 112). «Федоровой», по дню памяти великомученика Федора Тирона, называлась первая не-

деля Великого поста. Имя первенца-сына подсказал Ивану церковный календарь. Через девять дней, 24 февраля, церковь вспоминала Первое и Второе обретения главы Иоанна Предтечи. Вероятно, именно Иоанн Креститель и был избран небесным покровителем Ивана Молодого, как назовут современники старшего сына Ивана III.

Крестили младенца уже в присутствии митрополита Ионы, только что вернувшегося из поездки в Тверь. (Там 30 декабря 1457 года умер владыка Илья. В воскресенье 29 января 1458 года в тверском Спасском соборе митрополит Иона рукоположил нового епископа Твери — Моисея.) Обряд крещения Ивана Молодого, несомненно, совершил сам митрополит Иона. Известно, что осенью 1455 года он лично крестил сына Василия Темного Дмитрия.

Из прежних врагов Василия II осталась без наказания одна только Вятка, эта, по выражению одного историка, «родная дочь Великого Новгорода». В годы мятежа Юрьевичей вятчане не раз воевали на их стороне. Теперь настало время платить по счетам. В 1458 году Василий Темный послал на Вятку свою рать. Главкомандующим был поставлен князь Семен Иванович Ряполовский, по прозвищу Хрипун (35, 275). По другим источникам, войско повели князья Иван Иванович Ряполовский (старший брат Хрипуна) и Иван Васильевич Шуйский, по прозвищу Горбатый (31, 263). Однако поход был неудачен. «...И ни Вятки дошли, да не взяли... И то дал Бог, что сами по здорову пришли» (33, 156). Некоторые летописи объясняют нерасторопность воевод тем, что они «у вятчан посулы (подарки. — Н. Б.) поймали да им норовили» (31, 263). Так полагал и сам великий князь. Один из воевод, Григорий Михайлович Перхушков, был взят под стражу.

Примечательно, что среди руководителей неудавшегося вятского похода Перхушков был наименее знатным. Очевидно, Василий II не захотел трогать главных воевод. Братья Ряполовские спасали его сына, княжича Ивана, от Шемяки в 1446 году. Иван Ряполовский был «дядькой» княжича Ивана. Иван Горбатый приходился троюродным братом самому Василию Темному. Для показательной кары мздоимцам оставался один Перхушков. Его-то и отправили в Муром и там упрятали в темницу в оковах...

Дело воеводы Перхушкова весьма примечательно. Поход на далекую Вятку, куда прежде не ступала нога москов-

ских воевод, был трудным предприятием. Именно недостаточная подготовка похода — а вовсе не корыстолюбие Перхушкова и его соратников — могла быть причиной неудачи. Однако Василию Темному нужен был показательный процесс над «изменником». Свирепыми казнями и кандалами он стремился укрепить престиж верховной власти, сильно пошатнувшийся за годы смуты. Московские бояре и удельные князья, спасшие Слепого от медвежьих объятий Шемяки, чувствовали себя его благодетелями и ожидали вечной благодарности. Иные с солдатской прямоотой открыто выказывали свои чувства. Конечно, они были по-своему правы. Но при таких настроениях знати Василию Темному нечего было и думать об укреплении своей власти. Старые друзья становились для него опаснее старых врагов.

Из этого тупика был только один выход — двойная мораль. Над обычной, общечеловеческой моралью, в которой ключевыми были такие понятия, как дружба, честь, верность, благодарность, следовало поставить иную систему ценностей, где главным критерием становилось Благо Государства. Конечно, Василий Темный был далек от того, чтобы усвоить это понятие во всей его сложности и противоречивости. Однако тот кровавый хаос, в который отбросил Московское княжество галицкий мятеж, заставил людей, как никогда ранее, полюбить Порядок. Это слово оказалось всемогущим. Подобно рыцарскому девизу, оно было написано на знамени Василия Темного. И под этим знаменем он побеждал своих врагов.

Но Порядок был многолик. Старый русский Порядок, который существовал до нашествия татар, напоминал порядок в семье без отца. Великий князь Владимирский, как измученная заботами мать, вечно бранил своих своевольных детей, грозил отшлепать и поставить в угол. Но дети знали, что мать добра и по-женски слаба. И на ее угрозы они отвечали лишь торопливыми оправданиями. Настоящего страха не было и в помине. Каждый делал что хотел, поспевая лишь к общему столу. Такой Порядок имел свои достоинства и недостатки. Он не стеснял никого из Рюриковичей и даже бояр в их «вольной воле». Но он не мог собрать всю семью в единый кулак, когда на то возникала необходимость. Тяжкой расплатой за недостатки старого Порядка стало господство татар.

К началу XIV столетия, когда и знать, и простой народ в полной мере осознали весь ужас своего положения, даже в

самых твердых головах возникла мысль: старый, «женский» порядок пора менять на новый, «мужской». Главой семьи будет старший брат. Его власть станет сильной, беспрекословной и основанной на страхе сурового наказания. Но при этом он должен заботиться о своих младших братьях, не обижать их без причины. Его отношения с младшими родственниками измеряются нормами обычной морали. И главное: сплотившись вокруг старшего брата, семья сможет успешно противостоять внешним врагам.

Новая система отношений, восторжествовавшая к середине XIV столетия, имела, как и предшествующая, свои достоинства и недостатки. Ее достоинства красноречиво продемонстрировал Дмитрий Донской на Куликовом поле. Недостатки по большому счету можно было свести к одному: периодически возникали ссоры за место «старшего брата». Сложные расчеты, принимавшие во внимание как физическое старшинство, так и послужной список того или иного князя (и даже его предков), иногда давали весьма спорные результаты. Лучшей гарантией повиновения могло быть безусловное военно-политическое превосходство «старшего брата» над младшими сородичами. Однако именно этого и недоставало. Власть и собственность были рассредоточены между многими «членами семьи». «Старший брат» имел самый большой кусок. Но стоило двум-трем сородичам объединить свои «доли», как они получали ощутимый перевес.

Система «старшего брата» поначалу была одобрительно воспринята татарами, которые нашли в ней свои выгоды. Правители Орды Узбек и Джанибек поддерживали московских князей, сумевших в тяжелой борьбе с Тверью утвердить за собой заветный владимирский трон. Только сильный, авторитетный правитель мог обеспечить Орде полную и своевременную выплату дани.

Однако в первой половине XV века Орда окончательно распалась на несколько соперничавших между собой «осколков». Ослабевшим потомкам «потрясателя Вселенной» Чингисхана вновь стало выгодно содействовать политической раздробленности Северо-Восточной Руси. Только в этом случае они могли надеяться хоть на какой-нибудь успех. Да и в самой Руси многие страшились всё тяжелевшей десницы великого князя, ждали случая избавиться от нее. Нужен был лишь повод и удобный случай для мятежа. Они явились с кончиной Василия I. И тогда «ахиллесова пята» великорусской политической систе-

мы — возможность длительной борьбы нескольких претендентов на роль «старшего брата» — дала о себе знать с неожиданной силой.

Галицкий мятеж был заложен в природе самой системы, которую историки называют «феодальной раздробленностью». При определенном стечении обстоятельств он мог повториться с другими действующими лицами, но по тому же сценарию. Только новая система отношений в обществе, основанная на новой системе власти и собственности, могла ликвидировать саму возможность длительной династической смуты. (Споры за престол случались и в царской России. Но они решались методом дворцового переворота, который укладывался в несколько часов и не затрагивал обычного течения жизни. Исключением была Смута начала XVII столетия. Однако тогда страну взорвали не столько споры за престол, сколько социальные конфликты и интервенция.)

«Господь умудряет слепцов» (Пс. 145: 8). В том беспроблемном мраке, который окружил Василия II с момента его ослепления, он сумел «духовными очами» узреть много такого, что было сокрыто от зрячих. Он понял, что только новый Порядок может спасти его сыновей и внуков от истребления и самоистребления в огне грядущих смут. (Заметим, что для человека Средневековья, воспитанного в преклонении перед традицией и авторитетом «старины», сделать шаг к новому было намного сложнее, чем для людей нашего времени.) Он начал формировать из «детей боярских» свой знаменитый «двор» — прообраз будущей дворянской армии московских царей. Он открыл способ лишить Церковь независимости от великого князя через предоставление ей независимости от константинопольского патриарха. Он научился избавляться от врагов при помощи мышьяка...

Однако новый порядок оказался ненасытным. Он требовал всё новых и новых жертв. С врагами было покончено, настала очередь друзей. Прежним благодетелям, особенно тем, кто пытался предьявлять какие-то счета, следовало преподать самый жестокий урок. Первым получил свою долю неблагодарности честный, но простоватый князь Василий Ярославич Серпуховской. Это был наглядный урок для удельных и местных князей. Теперь следовало сбить спесь с бравых воевод. Здесь-то и пригодился брошенный кем-то из бояр донос на несчастного Перхушкова...

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Редким и знаменательным событием был примечателен 1459 год. «Благовещение было на Велик день», — отметили летописцы (35, 275). Такое совпадение «непереходящего» праздника Благовещения (25 марта) с «переходящей» Пасхой в последний раз случилось в 1380 году, отмеченном великой победой на Куликовом поле. Символизм средневекового мировоззрения заставлял с особым вниманием относиться к такого рода вещам. Совпадения дат и чисел несли в себе какой-то сокровенный смысл. Через них, как и через знамения в природе, приоткрывались таинственные пути Божьего Промысла. От года 1459-го следовало ожидать событий, соизмеримых по значению с Куликовской битвой.

И как бы в подтверждение этого предположения летописец рассказывает следующую историю: «Того же лета татарове Сиди Ахметевы, похваляся, на Русь пошли. И князь великий Василей отпусти противу их к берегу (Оки. — *Н. Б.*) сына своего великого князя Ивана со многими силами. Пришедшим же татаром к берегу, и не перепусти их князь великий, но отбися от них, они же побегоша. И тоя ради похвалы их Иона митрополит поставил церковь камену Похвалу Богородици и приделал к Пречистые олтарю взле южные двери» (36, 217).

Итак, в столь знаменательный год Василий Темный предоставил сыну возможность повторить подвиг Дмитрия Донского — отразить полчища татар, надвигавшиеся на Русскую землю. И молодой князь Иван достойно справился с этой нелегкой задачей.

На особое значение, которое придавали этому (быть может, и не слишком крупному по размаху) сражению, указывает вплетенная в текст летописного сообщения провиденциальная тема. Победа над татарами дарована князю Ивану самой Божией Матерью, исконной заступницей Русской земли. Так объясняли и победу на Куликовом поле, одержанную 8 сентября, в праздник Рождества Божией Матери. В память о первой серьезной победе над главным врагом Руси, одержанной девятнадцатилетним князем Иваном, митрополит ставит у алтаря Успенского собора московского Кремля небольшой придельный храм Похвалы Божией Матери.

Интересен выбор посвящения для храма-памятника битве на Оке. Праздник Похвалы Божией Матери (в субботу

пятой седмицы Великого поста) был установлен в Константинополе в память о чудесах от иконы Божией Матери Одигитрии. Эта знаменитая икона считалась палладиумом столицы Византии, защитницей города от нашествия варваров. На Руси икона Одигитрии была более известна под названием «Смоленская». Первая, древнейшая Божия Мать Смоленская, византийская копия со знаменитой константинопольской иконы, привезенная в Смоленск в XII веке, была вывезена в Москву в начале XV века и вновь возвращена в Смоленск в 1456 году. Вместе с древней Одигитрией по приказанию Василия Темного в Смоленск «отпустили» и все остальные смоленские иконы, вывезенные некогда князем Юрием Святославичем в Москву. Митрополит Иона сумел удержать лишь одну из этих икон — «образ Пречистыя Владычица с младенцем» (22, 145). Ею он вместе со смоленским владыкой Михаилом благословил все московское великокняжеское семейство. По окончании проводов Смоленской Одигитрии икона, оставленная «на благословение великому князю», была помещена на опустевшее место в нижнем, местном ряду иконостаса Благовещенского собора московского Кремля.

Великий князь проявил глубокое уважение к новой святыне. Он приказал почтить ее особым обрядом: ежедневно в урочное время священники должны были перед ней «молебен пети акафистой с икосы» (22, 145). Вероятно, это был тот самый Великий Акафист, который пели в субботу пятой седмицы Великого поста («субботу Акафиста») — праздник Похвалы Пресвятой Богородицы.

Постройку митрополитом Ионой придела Похвалы Божией Матери при Успенском соборе московского Кремля летописец, пользуясь игрой слов «похвала» и «похваляться», связывает с отражением московским войском под началом молодого великого князя Ивана Васильевича татарского набега в 1459 году. В основе этой связки лежало отнюдь не календарное совпадение дня сражения и дня праздника. В 1459 году день Похвалы Богородицы (так называемая «суббота Акафиста») приходился на 10 марта. (Интересно отметить: это был день рождения Василия Темного! Несомненно, придворные книжники обратили внимание на такое знаменательное совпадение.) Точная дата победы князя Ивана над татарами неизвестна, но ясно, что татарский набег, как всегда, состоялся летом. Более вероятно другое: молодой князь Иван взял с собой в свой первый самостоятельный поход на татар ту самую икону Божией Матери

(в иконографии Одигитрии), которой в 1456 году благословили московское княжеское семейство митрополит Иона и смоленский владыка Михаил.

В том же 1459 году Василий Темный сумел довершить начавшееся годом ранее покорение Вятки. Против вятчан было послано большое войско во главе с князьями Иваном Юрьевичем Патрикеевым, Иваном Ивановичем Патрикеевым и Дмитрием Ряполовским. Среди прочих боевых сил отправился и великокняжеский «двор». На сей раз удача сопутствовала москвичам: два больших вятских городка, Орлов и Котельнич, были взяты с ходу; третий, Хлынов, пал после длительной осады. В итоге вятчане присягнули на верность Москве, поклявшись исполнять всё, «чего хотел государь князь велики» (33, 156).

Зимой 1459/60 года Василий Темный вновь обратился к новгородским делам. Минуло уже четыре года со времени заключения Яжелбицкого мира. Новгородцы успели позабыть тот страх, который нагнали на них лихие московские воеводы в битве под Старой Руссой. Они нарушали многие условия договора 1456 года и проявляли симпатии к литовскому митрополиту Григорию — злейшему врагу и сопернику московского митрополита Ионы (86, 137). И тогда великий князь решил, что настало время укрепить свои позиции на Волхове.

Еще в феврале 1459 года, когда в Москву к митрополиту Ионе приезжал на поставление новгородский владыка, тоже Иона, а с ним новгородские послы, московские правители начали «наводить мосты» к прочному миру с новгородцами. Кажется, о том же радел и новгородский владыка Иона. Вернувшись из Москвы, он в 1459 году выстроил в Новгороде первый храм во имя московского святого — преподобного Сергия Радонежского (33, 199). Это был добрый знак, на который следовало ответить знаком почтения по отношению к новгородским святым. И вот в начале января 1460 года великий князь с двумя сыновьями (Юрием и Андреем Большим) и многочисленной свитой отправился с необычным визитом на Волхов...

Летописи не сообщают точной даты отъезда Василия II из Москвы. Однако, зная, что в Новгород он прибыл в воскресенье 20 января (45, 145) и что обратный путь (всегда более скорый) занял у него восемь дней, можно с уверенностью предположить, что новгородский поход начался в воскресенье 6 января, на праздник Богоявления, или в понедельник 7 января, на Собор Иоанна Предтечи. (Сам ве-

ликий князь, возможно, выступил с последними отрядами своего войска несколькими днями позже.)

Все московское духовенство молилось в эти дни о счастливом завершении новгородского похода великого князя, а сам он по обычаю давал благочестивые обеты. Религиозное возбуждение, сопровождавшее новгородский поход 1460 года, вполне понятно: официальной целью путешествия было желание князя Василия поклониться новгородским святыням.

В воскресенье 20 января 1460 года состоялся торжественный въезд великого князя Василия Васильевича в Новгород. Толпы народа теснились вдоль дороги, желая поглядеть на небывалое зрелище. Гремели знаменитые софийские колокола. Сверкали доспехи прославленных московских воевод: князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского, боярина Федора Васильевича Басенка, тех самых, что еще недавно безжалостно секли новгородцев своими острыми саблями в битве под Русой.

Московская делегация вновь расположилась на Городище — там, где всегда жили приезжавшие в Новгород князья. Отсюда до центра города было около трех верст. Здесь Василий II провел все пять недель своего пребывания в Новгороде.

Богомольный характер визита определял весь его распорядок. Торжественные молебны следовали один за другим. Великий князь проявил особое почтение к памяти новгородского святого Варлаама Хутынского (умер 6 ноября 1192 года). В среду 30 января он приехал в основанный Варлаамом Спасо-Преображенский монастырь, чтобы помолиться у гробницы святого. Рассказывали, что поводом для этого визита послужило чудесное воскрешение из мертвых некоего благочестивого отрока по имени Григорий Тумгень из свиты Василия II, совершенное преподобным Варлаамом (31, 264—266).

Но приход Василия Темного в Новгород напоминал визит гробовщика в дом тяжелобольного. Нервы у всех были напряжены до предела. Новгородцам внушало сильное беспокойство расположившееся в окрестности города московское войско, во главе которого стоял девятнадцатилетний сын Василия Темного Юрий. Великий князь объяснял, что войско предназначено для оказания помощи псковичам в их борьбе с немецкими рыцарями. Однако новгородцы боялись обмана и подозревали, что это войско может по приказу Василия Темного внезапно напасть на город.

Слухи и страхи горожан едва не привели к настоящей войне. Поводом стало опасное ночное приключение московского воеводы Федора Васильевича Басенка. Засидевшись на пиру у новгородского посадника, он уже глубокой ночью отправился к себе на Городище. Воеводу сопровождали несколько слуг. На темной улице на москвичей набросилась целая шайка каких-то «шилльников» — возможно, обычных грабителей, которыми полон был любой средневековый город. В схватке был убит слуга Басенка Илейка Рязанец, а сам воевода едва отбилсЯ от нападавших и ускакал на Городище. Между тем разбуженные шумом ночного сражения горожане выскочили из своих домов. Никто не знал, что случилось. Прошел слух, что это было сражение с отрядом напавшего на город княжича Юрия.

Всеобщее смятение разрешилось тем, что вооруженная толпа горожан собралась идти на Городище, чтобы отомстить москвичам за мнимое «нападение» на Новгород. За внешней стихийностью событий угадывалась чья-то настойчивая воля. По звону колокола у стен Софийского собора началось вече. Тон задавали сторонники решительных действий: «...свечашася все великого князя убить и съ его детьми» (31, 264).

С большим трудом архиепископу Ионе и боярам удалось урезонить народ и предотвратить неизбежное кровопролитие. Одна из летописей (Львовская) так передает речь владыки к взбудораженной черни: «О безумнии людие! Аще вы великого князя убьете, что вы приобретаете? Но убо большую язву Новугороду доспеете: сын бо его большей князь Иван се послышит ваше злоторение, а се часа того рать испросивши у царя, и пойдет на вы, и вывоюет землю вашу всю» (31, 264). Рассудительность владыки остудила горячие головы. В способности княжича Ивана отомстить за отца, похоже, никто не сомневался. Свою роль сыграл и застарелый страх новгородцев перед татарами, которым не преминул воспользоваться Иона.

Ночное недоразумение весьма похоже на провокацию, целью которой могла быть не только месть москвичам за поражение под Старой Руссой, но и захват в плен или убийство Василия Темного. Оно наглядно показало, сколь напряженными были московско-новгородские отношения. Горожане несколько успокоились лишь после того, как князь Василий отослал сына Юрия с войском во Псков. Об этом просили псковские послы, явившиеся к Василию II в

Новгород с жалобами на бесчинства немцев. Послы привезли в дар великому князю 50 рублей серебром.

Княжич Юрий Васильевич прибыл во Псков 24 февраля («в неделю Сыропусную... на память Обретения честныя главы Иоана Крестителя») и был принят с большим почетом (45, 146). Московская рать отправилась «немецкие места воевати» (24, 113). Устрашенные немцы поспешили заключить мир со Псковом «на всей воли псковьской» (24, 113). За свои труды княжич Юрий получил в дар от псковичей 100 рублей (45, 147). Исполнив свою задачу, он отбыл из города 18 марта 1460 года.

На деле убедившись в пользе сотрудничества с Москвой, псковичи выпросили у Василия Темного наместника — знаменитого воеводу Ивана Васильевича Стригу Оболенского. В воскресенье 23 марта 1460 года он был торжественно посажен на псковском столе (45, 147).

Василий Темный покинул Новгород в субботу 1 марта и вернулся в Москву в воскресенье 9 марта 1460 года (24, 113). Новгородский поход еще раз показал: Слепого можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в трусости. Поехав в Новгород, он отправился в самое логово своих врагов. Здесь он подвергал себя вполне реальной опасности стать жертвой мятежа, кинжала или яда. Погруженный во мрак, он выставлял на тайное посмеяние недругов свое уродство и свою беспомощность. И какими бы ни были истинные мотивы новгородского путешествия Слепого, нельзя не признать, что этот шаг требовал от него немалого личного мужества.

Судя по выбору дня недели — воскресенье, — возвращение великого князя в свою столицу было торжественным. Новгородский поход 1460 года — о целях и результатах которого источники дают весьма смутное представление — современники, по-видимому, представляли как явный успех московской политики. Примечательно уже то, что на следующий год Новгород покорно дал Василию II так называемый «черный бор» — дань, предназначенную для уплаты Орде (27, 202—204). Препирательства относительно сроков выплаты и размеров этой дани между московскими князьями и новгородцами восходили еще ко временам Ивана Калиты.

Прежде Василий II не придавал особого значения дням своего приезда в столицу. Кажется, он даже избегал торжественных встреч и утомительных церемоний. Однако с годами он стал мудрее и оценил великую силу ритуала, спо-

собного направить эмоции толпы в нужном направлении. Воскресный день, когда церковными правилами запрещалось работать, был лучшим временем для всякого рода торжеств, сопровождавшихся большим стечением народа. А как известно, редкая возможность созерцать правителя в окружении вельмож неизменно вызывает у подданных чувство преданности и умиления...

Месяц спустя (в пятницу 4 апреля) в Москву вернулся и сын Василия Темного Юрий, ходивший с ратью на помощь псковичам (24, 113). Судя по буднему дню недели, его въезд в столицу был гораздо скромнее, чем возвращение самого великого князя.

Из прочих примечательных событий 1460 года летописи дружно отметили целую череду стихийных бедствий и необычных явлений природы, воспринимавшихся как грозные знамения. 13 июля на Москву с запада надвинулась жуткая черная туча, принесшая с собой сильный смерч. На следующий день к вечеру с юга пришла другая туча «со страшную бурей и сильным вихром; молния же толь велика: земля бо и храми вси яко пламень видяхуся, и грому страшну и зело превелику бывшу. Сильная же она буря многими церквами поколеба и камеными, храмы же многи во граде Москве ободра и верхи смета, а градные забрала (дощатые навесы над крепостными стенами. — *Н. Б.*) размете и разнесе, а по селом и по властем многие церкви, из основания взимаа, изверже далече и отнесе, такоже и храмины (дома. — *Н. Б.*) и дубы великие из корения исторже, а у иных верхи слома, других же до половины, инех же до трети и по самый корень...» (24, 113). К счастью, никто не пострадал ни в самой Москве, ни в окрестных селах.

Едва люди пришли в себя от пережитых страхов, как нагрянули новые. В пятницу 18 июля произошло солнечное затмение. В том же тревожном июле случилось и лунное затмение (24, 113). А через два месяца, 12 сентября, среди бела дня «свет помрачися аки тма» (27, 271).

С тех пор как Рязанское княжество перешло под опеку Москвы, московские летописцы начинают с особым вниманием относиться к тамошним событиям. В начале августа 1460 года на Рязань (Переяславль-Рязанский) напал «со всею силою» хан Большой (Волжской) Орды Ахмат. Осада города ни к чему не привела. Понеся большие потери, татары через шесть дней ушли обратно в степи «с великим

срамом». Их отход ускорила весть о близости московского войска во главе с наследником престола великим князем Иваном. «А князь великий Иван тогда стоял у брега (Оки. — Н. Б.) со многими людьми» (20, 272).

Оборона Рязани происходила «в пост Успения пресвятыя Богородицы», продолжавшийся с 1 по 14 августа (24, 113). Сообщая эту деталь, летописец как бы дает понять: и здесь не обошлось без небесного заступничества Божией Матери за Русскую землю. На это указывало еще одно знаменательное обстоятельство, отмеченное некоторыми летописями: ни один из защитников Рязани не пострадал от татарских стрел (33, 156).

Можно полагать, что обилие всякого рода чудесных событий, происходивших на фоне оживленного церковного строительства и торжественных церемоний с участием высшего духовенства, — не результат «профессиональных» пристрастий работавшего при митрополичьем дворе летописца, а подлинная черта московской жизни в последние годы правления Василия Темного. Слепой правитель предпринимает невероятные усилия с целью укрепить расшатавшийся трон, подчинить себе новые территории и восстановить контроль над теми землями, которые вышли из-под влияния Москвы в годы династической смуты. В этой своей нелегкой политике Василий порой напоминал странного человека, которого он велел изобразить на своей личной печати: возницу, правящего четверкой лошадей, несущихся в разные стороны...

В московском «домостроительстве» всегда важную роль играла Церковь. Благодаря усилиям иерархов, и в первую очередь митрополита Ионы, получает дальнейшее развитие традиционная, восходящая ко временам Ивана Калиты и Дмитрия Донского идея об особом покровительстве Москве со стороны Божией Матери. Каждое значительное событие в Москве становится поводом для всплеска религиозного воодушевления. Психологической подоплекой этого энтузиазма был и тайный страх скорого Страшного суда, который прорывается порой в речах летописцев. Год 1460-й от Рождества Христова был 6968-м от Сотворения мира. Приближался конец седьмой тысячи лет — мистический рубеж, за которым многим виделся предсказанный в Библии всеобщий конец света. Ну а пока ангелы еще не вострубили в свои золотые трубы, жизнь шла в соответствии с вечным принципом — «довлеет дневи злоба его»...

Дурные вести принес с собой 1461 год. В самом начале Великого поста, 18 февраля, скончался великий князь Тверской Борис Александрович — тесть московского великого князя Ивана Васильевича (33, 156). Точный возраст Бориса неизвестен, но, судя по косвенным данным, ему уже шел шестой десяток. Он занимал тверской стол с 1426 года и за 35 лет своего правления прославился как осторожный и дальновидный политик. Придворные книжники называли его «самодержавным государем» (17, 280). Кажется, он был и относительно неплохим человеком. Впрочем, это не помешало Борису в 1426 году безвинно упрятать в темницу своего двоюродного деда князя Василия Михайловича — последнего самостоятельного правителя кашинского удела. Тем самым было навсегда ликвидировано крупнейшее удельное княжество Тверской земли.

Князь Борис оставил тверской престол своему малолетнему сыну Михаилу. В момент кончины отца ему было всего четыре года. Реальная власть в Твери оказалась в руках княгини-вдовы Анастасии и владыки Моисея. Но Анастасия была слишком молода для роли регентши и к тому же не пользовалась должным авторитетом у тверского боярства. Оставался владыка Моисей. Он был возведен на кафедру в воскресенье 29 января 1458 года, в тверском Спасском соборе. Для его хиротонии митрополит Иона, невзирая на преклонный возраст, лично прибыл в Тверь. Очевидно, святитель опасался, что тверской кандидат может обратиться за поставлением к литовскому митрополиту Григорию.

Епископ Моисей вел себя весьма независимо по отношению к Москве. В 1459 году он проявил упорное нежелание явиться в Москву на собор для присяги на верность митрополиту Ионе и клятвенного отречения от митрополита Григория. Понятно, что в Москве только и ждали случая, чтобы избавиться от строптивного иерарха, тянувшего Тверь к Литве. Но пока был жив князь Борис Тверской, Моисей пользовался его покровительством. Сразу после кончины Бориса москвичи предприняли молниеносную акцию — некоторые историки называют ее «дворцовым переворотом» (86, 137). Подробности ее неизвестны, однако суть достаточно ясна. Епископ Моисей был насильственно сведен с кафедры и отправлен на жительство в тверской Отрочь монастырь. «А поставили Генадья Кожу на владычество; а ставили его на Москве, а с ним был боярин Семен Захариинич, а ставил его митрополит Иона месяца марта 22» (25, 496).

Геннадий Кожа — родной брат известного подвижника Макария Калязинского — был до возведения на кафедру архимандритом тверского Отроча монастыря. Сопровождавший его в Москву тверской боярин Семен Захаринич сдружился с москвичами еще в 1447 году, когда водил тверской полк на помощь Василию Темному. Несомненно, новый владыка был вполне лоялен по отношению к московским великим князьям и митрополиту. В этом же духе он воспитывал и юного тверского князя Михаила. Благодаря такой позиции Геннадий занимал кафедру до самой своей кончины в апреле 1477 года.

Через месяц с небольшим после Бориса Тверского ушел в мир иной еще один знаменитый деятель своего времени — первый автокефальный митрополит Иона. Он умер 31 марта (во вторник на Страстной неделе), не дожив всего четырех дней до ликующих пасхальных колоколов. Последнее благословение святитель посылал великому князю Василию: «А благодать Господа нашего Иисуса Христа и милость да есть всегда с великим его господством и со всем православным его христианством великия его дръжавы» (49, 654).

Святителя Иону похоронили рядом с могилами других митрополитов в Успенском соборе московского Кремля.

Василий Темный узнал о кончине Ионы во Владимире, где он «весновал» (то есть проводил весну) с полками по случаю начавшейся войны с казанскими татарами. Там, во Владимире, были и старшие его сыновья — Иван и Юрий (49, 654). Вероятно, Василий искренне скорбел об усопшем. Как глава Церкви Иона много сделал для успокоения страны и укрепления трона в последние годы смуты и после ее окончания.

Основатель и первый глава независимой от Константинополя Русской православной церкви, митрополит Иона уже по одному этому должен был быть причислен к лику святых. Местное почитание святителя началось в Москве сразу по его кончине. Отмечали, что лицо лежавшего в гробу митрополита было не как у мертвых, «но яко спящу показуюся, за преславное и великое его житие» (20, 273). Почитание Ионы усилилось с 1472 года, когда при постройке нового Успенского собора были обретены его нетленные мощи. В 1547 году святитель Иона был прославлен как общерусский святой.

Предпринятый Василием Темным в начале 1461 года поход на казанских татар завершился вполне благополучно.

Хан выслал навстречу русскому войску своих послов с мирными предложениями, которые устраивали великого князя. Во Владимире был заключен мир. Впрочем, этот первый мир с Казанью лучше было бы назвать перемирием: у Московской Руси впереди было еще немало войн с беспокойным восточным соседом.

Вернувшись в Москву, Василий Темный вместе с иерархами приступил к избранию нового митрополита. Вопрос этот обсуждался еще при жизни престарелого Ионы, который назвал и благословил своего преемника. Выбор святителя пал на ростовского архиепископа Феодосия Бывальцева. Этого иерарха хорошо знали в Москве. В течение десяти лет он был архимандритом Чудова монастыря в московском Кремле — любимого детища святителя Алексея. С этого поста в июне 1454 года митрополит Иона взял его на освободившуюся с кончиной архиепископа Ефрема (29 марта 1454 года) ростовскую кафедру. Хиротония (рукоположение) Феодосия состоялась, судя по всему, в Неделю всех святых — 16 июня 1454 года. В следующее воскресенье, 23 июня 1454 года, новопоставленный владыка торжественно въехал в Ростов (34, 184).

Едва успев утвердиться на ростовской кафедре, Феодосий чуть было не потерял ее. Митрополит Иона «всхоте сан снять с него» (31, 263). Причиной (или поводом) для опалы стало самоуправство нового владыки в весьма щепетильном вопросе о соотношении постов и праздников. Согласно церковным уставам, строгость поста ослабевала в воскресные дни и праздники. Однако степень послабления в те или иные дни определялась по-разному. Эта тема издавна вызывала споры в среде духовенства. В 1455 году Крещенский сочельник, день строгого поста, приходился на воскресенье 5 января. Новый владыка «повеле мясоясти в навечерии Богоявления» (31, 263). Такое толкование устава о посте предлагал еще митрополит Фотий в одном из своих посланий (63, 500). Однако решение Феодосия вызвало ропот духовенства. Дело дошло до митрополита Ионы, который счел, что архиепископ превысил свои полномочия. Известно, что Иона был крут в обращении со своими недругами. Вот и теперь он решил примерно наказать самоуправца и снять с него епископский сан. Дело разбиралось на особом церковном соборе, в присутствии Василия Темного и бояр. Феодосия спасло только заступничество великой княгини Марии Ярославны, которая «отпечаловала его у митрополита» (31, 263). Независимый

летописец замечает, что помощь княгини была куплена ценной щедрой взятки: «...а взя у него село Петровское от печалования» (31, 263).

В этой истории ярко отразились не только нравы московского двора, но и характер будущего митрополита Феодосия. Это был истинный ревнитель благочестия. Он не боялся нарушать традицию, если считал, что она расходится с истиной. Вместе с тем он был близок к великокняжеской семье и особенно — к великой княгине Марии, имевшей обширные владения в Ростовской земле.

Благодаря вмешательству великокняжеской семьи Иона вынужден был простить Феодосию его самонадеянность. Со временем он и вовсе изменил отношение к ростовскому владыке и даже счел возможным назвать его своим преемником на митрополичьей кафедре.

Наличие общепризнанного кандидата значительно ускорило процедуру избрания собором великорусских епископов нового главы Церкви. Согласно большинству летописей это произошло в воскресенье 3 мая 1461 года — даже до окончания 40-дневного траура по Ионе (20, 273; 33, 156)!

(Типографская летопись называет другую дату — суббота 9 мая, на 40-й день по кончине митрополита Ионы (34, 185). Но и в том и в другом случае такая поспешность вызывает недоумение. Впрочем, первая дата кажется более достоверной еще и потому, что поставление иерархов обычно совершалось в воскресенье.)

Выбор именно этого воскресного дня — 3 мая — объяснялся просто: то был день памяти преподобного Феодосия Печерского. Очевидно, Феодосий Бывальцев принял постриг и получил свое монашеское имя как раз в этот день. Теперь он хотел взойти на кафедру в памятный для него день — 3 мая. Судя по тому рвению, с которым новый митрополит принялся за исправление нравов приходского духовенства, он был истинным последователем сурового аскета преподобного Феодосия Печерского.

В эти годы в Москве оживает каменное строительство. Летом 1460 года была возведена каменная церковь Богоявления на подворье Троице-Сергиева монастыря в московском Кремле. Вероятно, строительство носило мемориальный характер и было каким-то образом связано с поездкой Василия II в Новгород. На следующее лето в Кремле развернулось новое строительство. На сей раз заказчиком был сам

Василий Темный. Он решил отстроить в камне старинную кремлевскую церковь Иоанна Предтечи. (Годом ранее эту работу начал второй сын Василия, княжич Юрий.) Летопись сопровождает это известие любопытным комментарием: «Того же лета князь великий Василей Васильевич поставил на Москве церковь камену Рождество Иоанна Предтечи у врат Боровицких, а преже бе деревяная. Глаголют же, яко то прьваа церковь на Москве: на том де месте бор был, и та церковь в том лесу срублена, то же де тогда и соборнаа церковь была, при Петре митрополите, и двор митрополич туто же был, где ныне двор княже Иванов Юрьевича (Патрикеева. — *Н. Б.*)» (24, 114).

Это была первая каменная церковь, построенная в Москве Василием Темным. Великий князь не случайно занялся именно ею. Московское предание, о котором упоминает летописец, называло Ивановскую церковь первой церковью города; в ней служил еще святой митрополит Петр. Возобновление этого храма символизировало непрерывность московской духовной традиции, идущей от ее первых князей.

Престольный праздник Ивановской церкви приходился на 24 июня (Рождество Иоанна Предтечи). Однако в данном случае дело было не в календарном совпадении этого праздника с каким-то важным событием московской жизни. Вопрос стоял несколько шире. Культ Иоанна Крестителя приобрел особое, патрональное значение для Василия Темного в 1460 году, когда он начал свой «мирный» новгородский поход, по-видимому, именно 7 января, в праздник Собора Иоанна Предтечи. Вероятно, великий князь перед отъездом молился в этой церкви и дал обет в случае успеха выстроить каменный храм во имя Предтечи. Строительство началось уже летом 1460 года, а завершилось только на следующий год.

В Ивановской церкви был устроен придел во имя святого Варлаама Хутынского. «Варлаама же отголе поча празновати на Моськве, въспоминая чудо, еже сътвори над Тумгенем, иже из мертвых въскресил, егда был князь великий в Новгороде» (31, 271). Впрочем, дело было не столько в чуде, сколько в том, что великий князь «поручи... сынов своих, благовернаго князя Георгия и благовернаго князя Андрея в обет великому и преподобному чудотворцу Варлааму, яко доброму пастырю и хранителю» (31, 268).

Зима 1461/62 года оставила в памяти москвичей лишь одно примечательное событие: в воскресенье 24 января в кремлевском Чудовом монастыре у гробницы митрополита

Алексия получил чудесное исцеление чернец этой обители по имени Наум, по прозвищу Деревяга (42, 147). Он был увечным от рождения («от младенства имый усохшу ногу и на деревянции хождаше») и трудился в обители на самых тяжелых работах на кухне и в пекарне («служа в том же монастыри в поварни и в пеколници»). Измученный такой жизнью, Наум явился ночью в церковь и, обращаясь к гробнице святытеля, стал упрекать его за равнодушие к своим страданиям. Святой смилостивился над несчастным: «И в той час простресе нога его, и скинув деревянницу, на ней же хожаше, и отыде здрав в келию свою» (24, 114).

* * *

Мирное течение московской жизни, оживляемое лишь церковными новостями, внезапно было прервано тревожной вестью: раскрыт заговор приближенных опального князя Василия Ярославича Серпуховского, уже более пяти лет томившегося в темнице в Угличе.

Наиболее непосредственный и эмоциональный рассказ об этом сохранился в Ермолинской летописи:

«Тое же весны, в великое говеино (Великий пост. — *Н. Б.*), на Федоровой недели, прииде весть князю великому, что князья Васильевы Ярославича дети болярские и иные дворяне хитростью коею хотеша государя князя выняти с Углича ис поимания, и обличися мысль их, и повеле князь велики имать их, Володку Давидова, Парфена Брина, Луку Посивьева и иных многих, казнити, бити и мучити, и конми волочити по всему граду и по всем торгом, а последи повеле им главы отсеци. Множество же народа, видяше сия, от бояр и от купец великих, и от священников и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении, и жалостно зрение, яко всех убо очеса бяху слез исполнени, яко николиже (никогда. — *Н. Б.*) таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо, понеже бо и недостойно бяше православному великому осподарю, по всеи подсолнечной сущю, и такими казнями казнити, и кровь проливати во святыи великии пост» (33, 157).

Другие летописи сообщают некоторые новые подробности дела. Заговорщики «целоваша крест межь себе, как бы им пришед изгоном к Угличу и выняти князя своего и бежати с ним» (24, 114). Уточняются и казни, которым подверглись сторонники опального князя: «...и повеле всех имати и казнити, и бити кнутьем, и сечи руки и ноги, и

носы резати, а иным главы отсекати» (22, 150); «...повеле казнити их немилостиво: на лубие волочити по леду, привязав конем к хвосту» (31, 276).

Новгородский летописец полон сочувствия к «друголюбивым» сторонникам князя Василия Ярославича. Расправу над ними он представляет как результат «дьявольскаго наущения», а главным виновником называет Василия Темного, который был столь жесток, «что и отцем духовным не велел приступити к ним (казненным. — *Н. Б.*)» (27, 208). Из текста можно понять, что Слепой и его сыновья лично присутствовали при казнях...

В некоторых летописных рассказах о серпуховском заговоре всплывает зловещее слово «измена» (20, 273). При Иване III «изменой» станут называть любое неповиновение московскому великому князю.

Жестокая расправа с серпуховскими заговорщиками стала едва ли не самым темным пятном в биографии умершего через месяц после этого Василия Темного. Слов нет, экзекуция была на редкость кровавой и изощренной. Василий и раньше не отличался милосердием по отношению к тем, кого считал своими врагами. Он начал ослеплять своих недругов задолго до того, как сам стал жертвой этой византийской казни. И всё же здесь необходимы некоторые комментарии.

Московские казни в феврале 1462 года явно носили назидательный характер. Василий Темный хотел такими мерами запугать своих потенциальных противников — сторонников удельных князей. Призрак нового удельного мятежа был для Москвы страшнее всех татарских набегов и стихийных бедствий вместе взятых. Легко представить развитие событий в случае успеха серпуховского заговора. Князь Василий Ярославич, горящий ненавистью к своему московскому шурину, уходит в Литву и становится объединителем всех враждебных Москве сил. Стремясь вернуть свой удел, он начинает войну с Василием Темным, которая грозит перерасти в новую многолетнюю смуту. Под угрозой краха оказываются все достижения последних восьми лет правления Слепого...

Но бедные «изменники» — серпуховские дворяне! Их благородная правда верного служения своему сеньору столкнулась с безжалостной правдой московского домостроительства. Они были раздавлены ею, словно утлая лодочка, раздавленная тяжелыми холодными льдинами на весенней Волге.

Вслед за рассказом о серпуховском заговоре (и не без намек на справедливое возмездие великому князю за его жестокость) летописи помещают известие о предсмертной болезни Василия Темного: «А в то же время, в пяток на Федоровой недели, князь велики, чая себе сухотную болезнь, повеле жещи ся, якоже есть обычай болящих сухотною, и повеле ставити зажигая труд (трут. — *Н. Б.*) той на многих местех по многу, идеже и не бе ему некоеа болезни, тогда бо и не чюаше того; егда же разгнишася раны оны, и бысть ему болезнь тяжка, в чернци хотяше пострищися, и не даша ему воли, и в той болезни преставися месяца марта в 27 день, в субботу, в 3 час ноши; в утрии же в неделю и погребен бысть в церкви Архаггела Михаила на Москве...» (22, 150).

В этом сообщении, как и во многих других летописных известиях, относящихся к Василию Темному, есть много загадочного. Кто и почему мог «не дать воли» великому князю, пожелавшему, согласно древней традиции, принять перед кончиной монашеский постриг? (Это могла сделать семья, убежденная в том, что Василий поправится и, стало быть, нет смысла раньше времени отречься от власти. Но мог отказать и митрополит Феодосий — строгий законник, ревнитель церковных уставов, прекрасно знавший, что практика предсмертного пострижения по существу противоречит самой идее монашества.) В сообщении угадывается и тайная неприязнь летописца к великому князю. Из текста можно понять, что Василий Темный не только умер без обычного предсмертного пострижения, но и стал жертвой собственной мнительности и упрямства. Придя к заключению, что он болен сухотной болезнью, Слепой сам назначил себе лечение. В итоге мучительных и, как намекает летописец, бесполезных прижиганий тлеющим трутом князь, по-видимому, получил заражение крови, от которого и скончался.

Несколько иначе, но с тем же намеком на слепое упрямство князя Василия, излагает историю его болезни хорошо осведомленный составитель Ермолинской летописи: «Тое же весны, не по мнозе времени (после казни заговорщиков. — *Н. Б.*), в той же во святый пост князь велики повеле у себя на хребте труд жещи сухотныя ради болести, великая же княгини его и боляре его вси возбраняху ему, он же не послушав их, и с тех мест (с тех мест. — *Н. Б.*) разболеся» (33, 157).

Эти подробности проливают некоторый свет на характер Василия Темного. Еще в молодости он отличался какой-то непонятной и тяжелой для окружающих перемен-

чивостью. Приливы яркой, зачастую безрассудной отваги сменялись паническим страхом и отчаянием. С годами Василий стал мудрее и спокойнее. Однако трагические события 1445—1446 годов не прошли бесследно. Слепота сделала его беспомощным, а беспомощность вызывала вспышки ярости. Плохо приходилось тому, кто имел неосторожность навлечь на себя его гнев.

Окруженный врагами, Василий Темный стал скрытен, упрям и недоверчив. Вероятно, к этому прибавился и постоянный страх быть отравленным кем-то из тайных приверженцев галицкого семейства. В итоге общение с ним постепенно становилось для окружающих настоящей пыткой.

Жалкий калека, капризный домашний деспот, стремящийся заставить окружающих страдать вместе с ним, — таким предстает перед нами Василий Темный в последние годы своей жизни. Но это была лишь одна, исподняя сторона его жизни. Наряду с ней имелась и другая, обращенная к миру и к истории. В этом искалеченном теле и больной душе было нечто, поднимавшее жизнь Слепого до высот шекспировской трагедии. Утратив способность видеть, он не сдался, не утонул в вечном мраке своей углической темницы. Князь Василий с поразительным мужеством держал в своих руках кормило власти еще много лет. Автор Львовской летописи отмечает, что Василий II умер, «княжив лет безо очию 16» (31, 276). Он водил полки в походы к самым дальним пределам Русской земли, умирал то кнутом, то пряником вечно мятежный Новгород, железной рукой душил уделы, строил храмы и учил уму-разуму подраставших сыновей. И один только Всевышний знал, каких неимоверных усилий, каких «невидимых миру слез» ему это стоило...

* * *

В истории России Василий Темный всегда оставался лишь предтечей своего знаменитого сына — «государя всея Руси» Ивана III. Да и крупных успехов у Василия, конечно, было значительно меньше, чем у Ивана. И все же Василий сумел добиться многого. Признанием его заслуг может служить одна лаконичная, но многозначительная похвала, оброненная летописцем: «Бысть бо сей князь великий Василей единовластец в Руси» (34, 185). Но у этой похвалы была и оборотная сторона: проклятия тех, кого перебрала погоняемая слепым возницей колесница Московского го-

сударства. Голос одного из них случайно донесся до нас сквозь века. В рукописной богослужебной книге (Постной Триоди) из собрания подмосковного Воскресенского монастыря содержится современная событию запись о кончине Василия Темного: «В лето [1462] месяце марта 28 день... в 3 час ночи об ночь святаго воскресения (то есть в ночь с субботы 27 марта на воскресенье 28 марта. — *Н. Б.*) представися раб Божий князь великий Василий Васильевич». Пониже этой записи, другим почерком XV века, сделана приписка: «Июда душегубец, рок твой пришед...» (83, 276).

Василий Темный смог подготовить страну к единовластию, а своего старшего сына Ивана — к роли самодержца. Хвалить его за это или хулить — вопрос особый. Но то, что этот поворот «родного корабля» потребовал от кормчего огромного напряжения всех сил, не вызывает сомнений.

На заслуги Василия Темного указывал тонкий знаток той эпохи историк А. Е. Пресняков: «Подлинным организатором Великорусского государства признают Ивана III Васильевича. Но он строил свое большое политическое здание на крепко заложенном фундаменте. И сам он, в общем политическом типе и во всех основных стремлениях своих, питомец последнего десятилетия правления отца, когда юный княжич, еще ребенком... приобщен к политической жизни, шедшей под знаком упорной борьбы за власть. С восьмилетнего возраста он представитель великокняжеской власти в походах и во дворце; с начала 50-х годов видим его великим князем, официальным соправителем отца, и за эти годы сложился его личный облик, сложилась кругом него та правящая среда, с которой он начал в 1462 году самостоятельное свое правление. Вся политика Ивана Васильевича по отношению к младшим князьям — братьям родным и дальним, к народоправствам Великого Новгорода и Пскова, к Твери и Рязани — прямое продолжение мероприятий, какими в пятидесятых годах XV века ликвидированы результаты московской смуты. Мероприятия эти сразу получили более широкое значение — ликвидации основ удельно-вотчинного строя, перестройка на новых основаниях политического властвования над Великороссией. Иван III закончил это дело после нового, не столь бурного, но тревожного кризиса московских междукняжеских отношений, который разыгрался в семидесятих годах XV века. А пятидесятые его годы — эпоха, когда складывается в основных чертах политический облик “грозного царя”, осуществленный двумя Иванами Васильевичами

и тем Василием (Василием III. — *Н. Б.*), про которого Герберштейн говорил, что он властью превосходит едва ли не всех монархов целого мира.

Первым проявлением этого нового исторического типа, которое произвело сильное впечатление на московское общество, была, по-видимому, попытка великого князя Василия найти против внешних и внутренних врагов опору в служилой татарской силе. В процессе борьбы на такую черту легли иные, как приемы беспощадной расправы с виновниками и орудиями брожения, враждебного великокняжеской власти, как быстро нараставшие притязания на широкую свободу властвования, на полную свободу от подчинения традиционному, обычноправовому укладу княжой деятельности, семейно-владельческих и общественных отношений.

Единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собирания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением. Василий Темный в последнее свое десятилетие положил прочную основу Великорусскому государству построением его ядра — Московского государства...» (94, 408—409).

Василий Темный сошел в могилу в возрасте 47 лет. Удивительно, но факт: великий князь, управлявший Северо-Восточной Русью 37 лет, поднявший ее из руин «феодальной войны», не удостоился даже приличного некролога в летописях. Сохранилось лишь описание его похорон, в котором искры живого чувства глубоко скрыты под холодным пеплом ритуальной скорби: «Бысть же тогда в граде Москве и рыдание велико зело, плакахуся князи и вельможи, старии и унии, богатии и убозии, паче же реку и младенци, и все множество толика народа яко и друг друга угнетаху; и в колокол звонению бывшу тогда многу зело...» (20, 273).

Согласно давней традиции, на случай внезапного ухода в иной мир, московские князья загодя писали завещания — так называемые «духовные грамоты». Иногда их писали (или переписывали) и перед самой кончиной. Духовная Василия Темного сохранилась в оригинале до наших дней. Она не имеет точной даты и только по упоминанию в ней митрополита Феодосия датируется временем между его поставлением на митрополичью кафедру (3 мая 1461 года) и кончиной самого князя Василия (27 марта 1462 года). Это пространный перечень городов, сел, деревень, различных доходных статей и ценных вещей, которые получал в наследство каждый из сыновей, а также княгиня-вдова.

Несколько мест в завещании Василия Темного заслуживают особого внимания. Интересно, например, сравнить начальные строки завещания Василия I и Василия II. Отец начинал так: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, по благословенью отца нашего Фотья, *митрополита Киевского и всия Руси*, се аз, *грешный* худый раб Божии Василии, при своем здоровье, пишу грамоту душевную» (10, 60). Сын писал примерно так же, но с некоторыми отличиями: «Во имя святых и живоначальные Троици, Отца и Сына и Святаго Духа, и по благословенью отца нашего Феодосиа, *митрополита всиа Руси*, се аз, *многогрешны* худы раб Божии Василии, при своем животе, в своем смысле, пишу сию грамоту душевную» (10, 193).

Два отличия бросаются нам в глаза: одно носит церковно-государственный, а другое — личный характер. Важнее, конечно, первое. Митрополит Феодосий утратил половину того титула, которым пользовался митрополит Фотий и вместо «Киевского и всея Руси» стал просто «всея Руси». За этим сокращением — трагический раскол Русской православной церкви на две половины: великорусскую и западнорусскую. В Польше и Литве с неохотой признавали общерусских митрополитов, присланных из Византии (Феогноста, Киприана, Фотия). Но митрополит, поставленный в Москве, по воле московского князя, был там и вовсе неприемлем. Таков был один из горьких плодов московской автокефалии 1448 года.

Но вот второе отличие. Василий I именуется себя «грешным» рабом Божиим. Так должен был сказать о себе любой смиренный христианин. Василий II называет себя «многогрешным». Так же скажет о себе в завещании и Иван III. Думается, за этим усилением «грешности» стоит реальное осознание всей тяжести содеянного зла. Здесь слышится голос кающегося грешника. Но это — покаяние одинокого человека, испуганно стоящего у врат Вечности, а не могущественного правителя, для которого зло есть неизбежный атрибут его профессии...

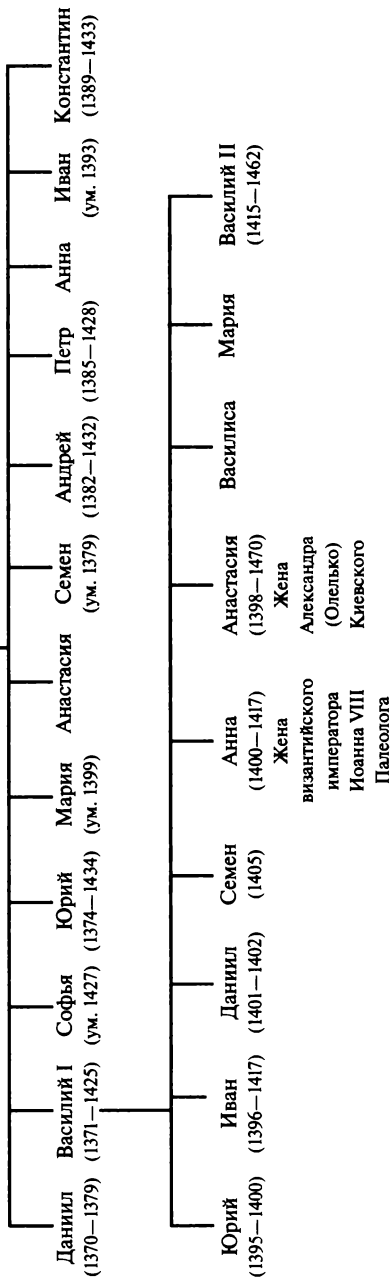
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО

- 1391, 9 января — женитьба великого князя Василия I на Софье Витовтовне.
- 1415, 10 марта — родился Василий, будущий Василий Темный.
- 1425, 27 февраля — смерть великого князя Василия I.
- 1431, 2 июля — смерть митрополита Фотия.
- 1431—1432 — поездка Василия II в Орду на суд с Юрием Звенигородским.
- 1433, 8 февраля — свадьба Василия II и княгини Марии Ярославны.
- 25 апреля — разгром Юрием Звенигородским войск Василия II на Клязьме.
- Между 25 апреля и 28 сентября — договор между Василием и Юрием Звенигородским о возвращении Василия на великое княжение.
- 1434, 20 марта — поражение Василия в битве у Николы-на-горе.
- 5 июня — Юрий Звенигородский умирает в Москве.
- 1435, 6 января — победа Василия Темного над Василием Косым в битве на реке Которосль.
- 1436, 14 мая — битва близ Ростова, завершившаяся победой Василия Темного; спустя неделю плененный Василий Косой ослеплен в московской тюрьме.
- 1439, 5 июля — Флорентийская уния.
- 1440, 22 января — рождение у Василия II сына, Ивана, будущего Ивана III.
- 1445, 7 июля — Василий II пленен татарами в битве под Суздалем.
- 1446, 13 февраля — Василий II схвачен в Троицком монастыре.
- В ночь с 16 на 17 февраля — ослепление Василия Темного в Москве.
- 1447, 17 февраля — вступление Василия Темного в Москву.
- 1451, 2 июля — набег татар «царевича» Мазовши на Москву.
- 1453, 17 июля — смерть Дмитрия Шемяки в Новгороде.
- 1462, 27 марта — смерть великого князя Василия Темного.

Приложение. Родословные таблицы русских князей

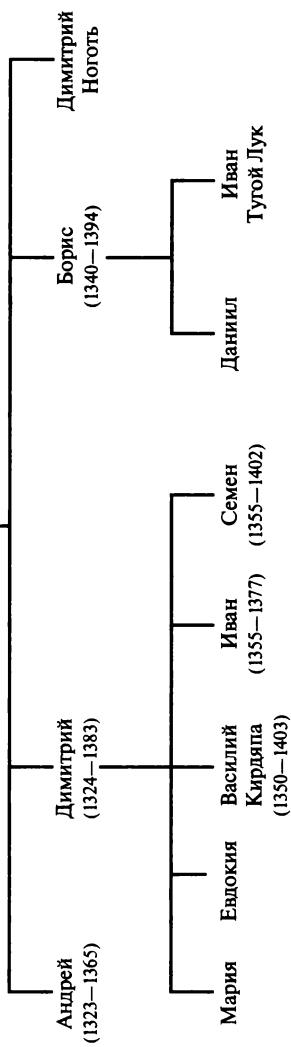
МОСКОВСКИЕ КНЯЗЬЯ, ПОТОМКИ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Дмитрий Донской
(1350—1389)

СУЗДАЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Константин Суздальский
(ум. в 1355 г.)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.
2. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
3. Волоколамский патерик (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927). Сергиев Посад, 1915.
4. *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. М., 1988.
5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
6. *Григора Никифор*. История ромеев. Т. 1. СПб., 2017.
7. *Григора Никифор*. История ромеев. Т. 2. СПб., 2014.
8. *Григора Никифор*. История ромеев. Т. 3. СПб., 2016.
9. *Длугош Ян*. Грюнвальдская битва. СПб., 2007.
10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
11. *Евсевий*. Церковная история. М., 1993.
12. *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
14. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. СПб., 1882 // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
15. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884 // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
16. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
17. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.
18. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
19. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915. Вып. 2. Л., 1925.
20. Полное собрание русских летописей. Т. V. Софийская первая летопись. СПб., 1851.
21. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853.
22. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
23. Полное собрание русских летописей. Т. XI. Никоновская летопись. СПб., 1897.
24. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Никоновская летопись. СПб., 1901.

25. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
26. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. М., 1965.
27. Полное собрание русских летописей. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.
28. Полное собрание русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи. СПб., 1907.
29. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
30. Полное собрание русских летописей. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.
31. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910.
32. Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Степенная книга. СПб., 1909.
33. Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
34. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921.
35. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
36. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
37. Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. Никаноровская летопись. М.; Л., 1962.
38. Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись. М.; Л., 1963.
39. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. М., 1965.
40. Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
41. Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982.
42. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIX. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
43. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
44. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
45. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
46. Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1908.
47. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. 1. М., 1986.
48. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. 2. М., 1987.
49. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. 3. М., 1987.

50. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. V. История Российской. Ч. 3. М., 1996.

51. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. VI. История Российской. Ч. 4. М., 1996.

52. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.

53. *Фотий, митр.* Сочинения. Книга глаголемая Фотиос. М., 2005.

Литература

54. *Арьес Филипп.* Время истории. М., 2011.

55. *Белякова Е. В.* К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982.

56. *Борисов Н. С.* К изучению датированных летописных известий XIV—XV вв. // История СССР. 1983. № 4.

57. *Борисов Н. С.* Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976.

58. *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000 (серия «ЖЗЛ»).

59. *Борисов Н. С.* Возвышение Москвы. М., 2011.

60. *Борисов Н. С.* Дмитрий Донской. М., 2014 (серия «ЖЗЛ»).

61. *Борисов Н. С.* Михаил Тверской. М., 2017 (серия «ЖЗЛ»).

62. *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV в. М., 1988.

63. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997.

64. *Горский А. А.* Завещания Василия I Дмитриевича: проблемы последовательности и датировки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 20—34.

65. *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.

66. *Гусева Э. К.* Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV—начала XV в. // Древнерусское искусство. XIV—XV вв. М., 1984.

67. *Данилевский И. Н.* Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Михайловича Каштанова. Ч. 1—2. М., 1997.

68. *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1990.

69. *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.

70. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон / Сост. С. Снеессорева. Ярославль, 1999.

71. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

72. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. V—VIII. Калуга, 1995.

73. *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993.
74. *Карлейль Т.* Исторические и критические опыты. М., 1878.
75. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1991.
76. *Каштанов С. М.* Русский «удел» XIV—XVI вв. как социально-политическое явление (Правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвященные памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва. 25—27 октября 1983 г. М., 1983.
77. *Каштанов С. М.* Церковная юрисдикция в конце XIV — начале XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
78. *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Крепостные сооружения Новгорода Ведикого. СПб., 1997.
79. *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // Московская Русь (1359—1584): культура и историческое самосознание. М., 1997.
80. *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. XIV—XV вв. М., 1984.
81. *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 2. М., 1988.
82. *Комнин Филипп де.* Мемуары. М., 2004.
83. *Костюхина Л. М.* Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.
84. *Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. М., 2018.
85. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
86. *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994.
87. *Любавский М. К.* Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.
88. *Макиавелли Никколо.* Государь. М.; Харьков, 1998.
89. *Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
90. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
91. *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
92. *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. Кн. 1. М., 1991.
93. *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.
94. *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. Пг., 1918.
95. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

96. *Пушкин А. С.* Пушкин — критик. М., 1978.
97. Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986.
98. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. СПб., 1906.
99. *Ренан Э.* Антихрист. СПб., 1907.
100. *Семенченко Г. В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985.
101. *Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.
102. *Синицына Н. В.* Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского патриархата (1448—1589 гг.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
103. *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991.
104. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3—4. М., 1988.
105. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. III. Т. 5—6. М., 1989.
106. *Соловьев С. М.* Древнерусские князья. СПб., 2010.
107. *Талейран.* Мемуары. М.; Л., 1934.
108. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957.
109. *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973.
110. *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975.
111. *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
112. *Ткаченко В. А.* История России XIII—XVI вв. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998.
113. *Тэн И.* Происхождение современной Франции. Т. 1. Старый порядок. СПб., 1907.
114. *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского. 1389—1395 гг. М., 2003.
115. *Флоря Б. Н.* Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974.
116. *Флоренский Павел.* Имена. М., 1993.
117. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1988.
118. *Хорошкевич А. Л.* Католики в представлениях русских летописцев XIV—XV вв. // Католицизм в России и Православие в Польше (XI—XX вв.). М., 1997.
119. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. М.; Л., 1951.
120. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.
121. *Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
122. *Шпенглер О.* Годы решений. М., 2006.

123. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

124. *Янин В. Л.* Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988.

125. *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

126. *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998.

127. *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТЕЦ

Предисловие	5
<i>Глава 1. Дела семейные</i>	10
<i>Глава 2. Суздальские споры</i>	22
<i>Глава 3. Две гробницы</i>	40
<i>Глава 4. Новгородская политика</i>	50
<i>Глава 5. Темир-Аксак-хан</i>	64
<i>Глава 6. Смоленск</i>	80
<i>Глава 7. Присмирившие враги</i>	87
<i>Глава 8. Жестокость</i>	92
<i>Глава 9. Эхо Грюнвальда</i>	101
<i>Глава 10. На кургане</i>	108
<i>Глава 11. Меч и колокол</i>	112
<i>Глава 12. Последние времена</i>	138

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЫН

<i>Глава 13. Горькое детство</i>	150
<i>Глава 14. Мятаж</i>	152
<i>Глава 15. Суд Орды</i>	159
<i>Глава 16. Скандал на свадьбе</i>	164
<i>Глава 17. Колесо Фортуны</i>	179
<i>Глава 18. Метель</i>	193
<i>Глава 19. Дела церковные</i>	201
<i>Глава 20. Капкан для Шемяки</i>	204
<i>Глава 21. На степном пограничье</i>	208
<i>Глава 22. Плен</i>	210
<i>Глава 23. Прерванное богомолье</i>	221
<i>Глава 24. Ссылка</i>	229
<i>Глава 25. Побег</i>	238
<i>Глава 26. Возвращение</i>	241
<i>Глава 27. Автокефалия</i>	248
<i>Глава 28. Взятие Галича</i>	252
<i>Глава 29. Царевич Мазовша</i>	255
<i>Глава 30. Мечь Слепого</i>	265
<i>Глава 31. Единовластие</i>	271
<i>Глава 32. Поход на Новгород</i>	275
<i>Глава 33. Время собирать камни</i>	287
Основные даты жизни и деятельности Василия Темного ...	307
<i>Приложение. Родословные таблицы русских князей</i>	308
Источники и литература	310

Борисов Н. С.
Б 82 Василий Темный / Николай Борисов. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 316[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1816).

ISBN 978-5-235-04348-0

Судьба оказалась жестокой к московскому князю Василию II Васильевичу (1425—1462). В русскую историю он вошел с прозвищем Темный, что означает — Слепой: подвергнутый жестокой казни своими двоюродными братьями еще в 1446 году, он в течение шестнадцати лет правил страной будучи слепцом, калекой — и тем не менее сумел удержать в своих руках власть и даже лично водил войско в походы. Но ведь и сам Василий проявил ничуть не меньше жестокости и вероломства в ходе кровавой междоусобицы, поразившей Русь во второй четверти XV века, так что не случайно один из современников назвал его «иудой» и «душегубцем». Автор книги, доктор исторических наук, профессор Николай Сергеевич Борисов, на основе всех имеющихся в нашем распоряжении источников рисует перед читателем сложную и многообразную картину жизни Московского государства того времени и воссоздает полный противоречивый портрет этого неоднозначного правителя, отца будущего «государя всея Руси» Ивана III.

УДК 94(47)(092)“14”
ББК 63.3(2)43-8

знак информационной
продукции

16+

Борисов Николай Сергеевич
ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **А. С. Козаченко**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 22.10.2019. Подписано в печать 26.11.2019. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
16,8+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1916490.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN
Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04348-0

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Сергеева-Клятис
«ЗАЛОЖНИКИ ЛЮБВИ»

В. Цицанкин
«ВАЛЕРИЙ ХАЛИЛОВ»

А. Куланов
«ЗОРГЕ»

А. Житнухин
«ФЕДОР ЛОГИНОВ»

Н. Петрова
«НАХИМОВ»

А. Карпов
«ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Н. Беглова
«ИЗАБЕЛЛА ЭБЕРГАРТ»

А. Бондаренко
«ВОЕННЫЕ КОНТРАЗВЕДЧИКИ»

А. Панцов
«ЧАН КАЙШИ»

Н. Бодрихин
«НИКОЛАЙ ДОЛЛЕЖАЛЬ»

К. Ковалев-Случевский
«НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»

А. Горбунов
«ОЛЕГ БОРИСОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

Николай Борисов

Борисов Николай Сергеевич, историк и писатель, доктор исторических наук. Основная сфера его интересов — отечественная история. Автор многих книг по истории средневековой Руси, в том числе биографий Ивана Калиты, Сергия Радонежского, Ивана III, Дмитрия Донского, Михаила Тверского, изданных в серии «ЖЗЛ».

ISBN 978-5-235-04348-0

Признанием заслуг Василия Темного может служить одна лаконичная, но многозначительная похвала, оброненная летописцем: «Бысть бо сей князь великий Василей единовластец в Руси».

Жалкий калека, капризный домашний деспот, стремящийся заставить окружающих страдать вместе с ним, — таким предстает он в последние годы своей жизни. Но это была лишь одна, исподняя ее сторона. Наряду с ней имелась и другая, обращенная к миру и к истории. В этом искалеченном теле и больной душе было нечто, поднимавшее жизнь Слепого до высот шекспировской трагедии. Утратив способность видеть, он не сдался, не утонул в вечном мраке своей угличской темницы. Князь Василий с поразительным мужеством держал в своих руках кормило власти еще много лет. И сумел подготовить страну к единовластии, а своего старшего сына Ивана — к роли самодержца.

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я